

FESTSCHRIFT
FÜR
VIKTOR JUL'EVICĚ ROZENCVEJG

zum 80. Geburtstag

herausgegeben von Tilmann Reuther

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 33
WIEN 1992

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 33
LINGUISTISCHE REIHE, HERAUSGEGEBEN VON
TILMANN REUTHER

Für die Mithilfe bei der Zusammenstellung des Bandes danken wir
Ju.D. Apresjan (Moskau).

EIGENTÜMER UND VERLEGER

Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien (Wien)

DRUCK

Pannonhalmi főapátság
H-9090 Pannonhalma, Vár 1
Ungarn

© Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien
Alle Rechte vorbehalten

ISSN 0258-6835

FS 152 121475

Geburtstagsfeier im Freundeskreis, Moskau, 29. 11. 1991
(Ju.D. Apresjan, Ju.S. Martem'janov, O.S. Kulagina,
V.Ju. Rozencvejg, V.N. Toporov)

Ю.Д.Апресян

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОБРАТНЫЕ СВЯЗИ

1. Вместо посвящения.

В сфере профессиональных интересов Виктора Юльевича Розенцвейга входят самые различные области современной филологии: общая теория перевода и его практика, сопоставительная лингвистика и теория языковых контактов, общие проблемы семантики и французская лексикография (словарь глагольного управления), французские инкрустации в русской литературе XIX века и румынская литература, практическое преподавание языка и машинный перевод. Если добавить к этому, что на протяжении почти двух десятилетий Виктор Юльевич возглавлял лингвистическую секцию Берговского Совета по кибернетике, заведовал Лабораторией машинного перевода Института иностранных языков, был научным редактором и издателем Бюллетеня по машинному переводу, организатором и ответственным редактором серии препринтов Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике, и если вспомнить, что именно на годы его руководства пришелся расцвет деятельности этих научных коллективов и наивысший взлет обоих изданий, можно будет составить приблизительное представление о размахе и продуктивности его работы и его неувядающей юношеской энергии.

На первый взгляд кажется непостижимым, как один человек может профессионально заниматься столь разнородными вещами. Но если вникнуть в существо дела, станет ясно, что в основе разнообразных интересов Виктора Юльевича лежит глубокое общее начало – идея контакта, взаимодействия, обратной связи, будь то макровзаимодействие языков или литератур или микровзаимодействие семантических и синтаксических свойств слова в случае управления. Эта идея, несомненно, отражает главные особенности личности Виктора Юльевича – его открытость, человечность, мудрость и действенную доброту.

Мне бы хотелось надеяться, что предлагаемая статья, посвященная контактам, взаимодействию и обратным связям между теоретической, прикладной и экспериментальной лингвистикой, окажется близкой человеческим и научным интересам юбиляра.

2. Об экспериментальном методе в лингвистике.

Известно, что до XX столетия задача описания живых языков рассматривалась как дело "школьной", или практической грамматики, которая не имела статуса научной дисциплины. Вполне научным считалось лишь сравнительно-историческое изучение языков. Его основным методом было наблюдение фактов письменно засвидетельствованных языков, главным образом, мертвых, в сочетании с реконструкцией их предшествующего состояния и с установкой на обнаружение их генетического родства.

Лишь на рубеже XIX-XX веков усилиями И.А. Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра и других ученых синхроническая лингвистика приобрела статус научной дисциплины. Поначалу, однако, она унаследовала от сравнительно-исторического языкознания метод сбора и первичной обработки материала. Стартовой точкой любого лингвистического исследования служила картотека изучаемого явления, составленная на основании представительного корпуса письменных текстов. Она же считалась конечным мерилем объективности лингвистической теории. В результате, по меткому замечанию Л.В. Щербы, живые языки стали изучаться как мертвые. Гипотезы, не имевшие прямой опоры в данных картотеки, давали основание для обвинений в субъективизме. Достаточно вспомнить в этой связи дискуссию о синтаксической структуре безличных предложений. Создавалась почва для того, чтобы узаконить метод наблюдения в качестве главного, если не единственного метода лингвистики.

Между тем из всех гуманитарных наук лингвистика всегда воспринималась как наиболее близкая к естественным наукам, в которых к XX веку окончательно утвердились экспериментальные методы. Действительно, язык является продуктом творчества гигантских человеческих сообществ на протяжении тысяч лет. Он, следовательно, независим от воли отдельного лица и в этом отношении похож на продукт природы.

По мере того, как укоренялось такое понимание языка, все большее число сторонников завоевывала мысль, что теории лингвистов могут приобрести силу объективных истин, если в лингвистику будет введен экспериментальный метод. В работах Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, О. Есперсена, Л. Блумфильда, Ш. Балли, Л. Теньера и других классиков лингвистики постепенно стала складываться методика лингвистического эксперимента.

Будем называть собственно лингвистическим экспериментом (в отличие от психолингвистических, нейролингвистических и т.п.) такой эксперимент, в котором а) сам экспериментатор проводит направленные

преобразования какого-либо языкового или текстового объекта; б) результат преобразования оценивается испытуемыми – носителями данного языка; при этом в роли испытуемого может выступать и сам лингвист; в) оценка производится исключительно на основе непосредственной интроспекции испытуемых (а, например, не на основе измерения силы физиологических реакций на электрошок). Именно такие эксперименты и будут предметом специального рассмотрения в нашей работе.

Будем различать два типа собственно лингвистических экспериментов – локальные и глобальные. В первых объектом испытания является одна языковая единица, экспериментальным полигоном – пространство одной или нескольких фраз, а результатом – формулировка какого-нибудь свойства этой языковой единицы или правила ее использования. В глобальных экспериментах объектом испытания является целостное описание всего языка, экспериментальным полигоном – представительный корпус текстов, а результатом – оценка степени истинности лингвистического описания.

3. Локальные и глобальные лингвистические эксперименты.

Сущность локального лингвистического эксперимента в том виде, как он практиковался классиками лингвистики и их последователями, состоит в следующем. Изучаемая языковая единица рассматривается в коротком контексте, в котором можно опускать или добавлять какие-то единицы, заменять одни единицы другими, варьировать порядок их следования и т.п. Разнообразные эффекты таких преобразований сводятся к следующим типам: 1) продукт преобразования либо обладает свойством языковой правильности, либо нет; 2) если получился правильный объект, он может находиться либо в отношении подобия (в частном случае – синонимии), либо в отношении различия (в частном случае – омонимии) к исходному объекту. Эти эффекты служат основанием для выводов о синтаксических, семантических и иных свойствах языковых объектов, их классах и правилах их использования.

Л.В.Щерба (1957) предлагал отличать настоящие наречия типа *сразу* от наречных сочетаний предлога с именем типа *за границей* на основе следующего экспериментального критерия: если введение прилагательного между гипотетическим предлогом и именем не нарушает правильности фразы, перед нами предлог и имя; ср. *за границей – за нашей границей*. Если в результате такого преобразования правильность фразы нарушается, перед нами настоящее наречие; ср. *сразу – *с первого разу*.

Р.И.Аванесов (1936) предлагал различать дополнения и обстоятельства проверкой на сочинение с бесспорным (наречным) обстоятельством. Если

сочинение возможно, спорный элемент трактуется как обстоятельство, ср. *говорить в нос – говорить в нос и нараспев*. Если сочинение невозможно, спорный элемент трактуется как дополнение, ср. *ударить кого-л. в нос – *ударить кого-л. в нос и быстро*.

Полемизируя с М.Н.Петерсоном, утверждавшим, что различие между сочинением и подчинением "не опирается на внешние данные языков", А.М.Пешковский (1930) разграничивал эти два вида связи на основе следующих несложных тестов. Во-первых, сочинение допускает перестановку простых предложений относительно союза, а подчинение – нет. Ср. трансформируемость *Язык мой немеет, и взор мой угас – Взор мой угас, и язык мой немеет* при нетрансформируемости *Он говорит, точно горохом сыплет – *Горохом сыплет, точно он говорит*. С другой стороны, подчинение допускает вложение второго предложения между элементами первого, а сочинение – нет. Ср. *Он, точно горохом сыплет, говорит, но не *Язык, и взор мой угас, мой немеет*. На этом основании А.М.Пешковский характеризовал сочинение как обратимый и симметричный вид связи, а подчинение – как необратимый и несимметричный.

Во всех этих и других подобных случаях интерес представляет, конечно, не качество эксперимента, с современной точки зрения, по-видимому, не всегда удовлетворительное, а сам экспериментальный принцип получения лингвистических знаний. Он явился существенным дополнением к господствовавшему в ту эпоху чисто эмпирическому методу изучения языка путем прямых наблюдений над поведением языковых единиц в текстах.

Современная лингвистика немыслима без локальных экспериментов. Они стали обязательным инструментом семантических и прагматических исследований, где дали немало нетривиальных результатов. Даже в таких традиционных областях, как синтаксис и лексикография, где, казалось бы, фактические открытия уже невозможны, локальные эксперименты позволяют обнаружить неизвестные или не учтенные свойства языковых единиц. Продемонстрируем это на одном несложном лексикографическом примере.

Возьмем группу глаголов а) *бахвалиться, хвалиться, хвастаться*, б) *гордиться, кичиться*, в) *рисоваться, форсить, шеголять* в близких значениях 'сообщать кому-л. о своих достоинствах, сильно их преувеличивая', 'стараться произвести впечатление на кого-л. своими достоинствами', 'выставлять напоказ свои достоинства'. У всех этих глаголов, по данным современных толковых словарей русского языка, имеется свойство управлять творительным падежом существительного, обозначающего превозносимое или демонстрируемое достоинство: *бахвалиться <хвалиться, хвастаться, гордиться, кичиться, форсить, рисоваться, шеголять>*

своей силой. Кроме того, БАС отмечает для *гордиться* и *кичиться* способность управлять формой *перед кем-л.*, а МАС усматривает такую способность (во всяком случае, на уровне примеров) у глаголов *хвалиться*, *хвастаться* и *кичиться*. Возникает вопрос, является ли отсутствие аналогичных указаний в словарных статьях *бахвалиться*, *рисоваться*, *форсить* и *шеголять* принципиальным фактом или это – случайное обстоятельство, возникшее вследствие отсутствия в картотеках соответствующих примеров и общей инерционности лексикографического мышления.

Из толкований глаголов следует, что все они обозначают разновидности либо сообщения о своих достоинствах (*бахвалиться*, *хвалиться*, *хвастаться*), либо попытки произвести впечатление на кого-л. своими достоинствами (*гордиться*, *кичиться*), либо демонстрации своих достоинств (*рисоваться*, *форсить*, *шеголять*). Но сообщение, попытка произвести впечатление и демонстрация с необходимостью предполагают аудиторию (зрителя, слушателя), для которой они предназначены. Очевидно, что форма *перед кем-л.*, отмеченная словарями для глаголов *гордиться*, *кичиться*, *хвалиться* и *хвастаться*, как раз и является способом реализации этой роли. Попытаемся сочетать ее с остающимися четырьмя глаголами. Как будто, нет оснований сомневаться в том, что предложения типа *Сергей бахвалился перед ними своими победами над женщинами*, *Он рисовался <форсил> перед девчонками своей смелостью*, *Профессор любил шеголять перед студентами своей эрудицией* абсолютно правильны со всех точек зрения. Следовательно, управление формой *перед кем-л.* характерно для глаголов *бахвалиться*, *рисоваться*, *форсить* и *шеголять* не в меньшей мере, чем для первых четырех глаголов, и должно быть отмечено в словаре.

Кроме того, глаголы *бахвалиться*, *хвалиться* и *хвастаться*, будучи глаголами речи, относительно свободно сочетаются с дательным адресата¹, ср. *Он бахвалился <хвалился, хвастался> мне, что может одним ударом свалить быка*. Этим они отличаются от прочих рассматриваемых глаголов. Ни в одном толковом словаре русского языка это важное синтаксическое свойство не отмечено ни для одного из них, по-видимому, все по той же причине отсутствия соответствующих примеров в картотеке.

Наконец, первые пять глаголов, обозначающие акты речи или пропозиционные установки, в отличие от чисто поведенческих глаголов *рисоваться*, *форсить* и *шеголять*, могут непосредственно (без эксплетивного *то*) управлять придаточным предложением, вводимым союзом *что* или бессоюзно. Ср., в дополнение к только что приведенным примерам, *Он гордился, что принял участие в демонстрации*; *Напрасно он кичится, что завоевал первое место*. В МАС'е это свойство указано только для гла-

голов хвалиться, хвастаться и гордиться, но не бахвалиться и кичиться, а в БАС'е – только для глаголов бахвалиться, хвалиться и хвастаться, но не гордиться и кичиться, видимо, опять-таки из-за неполноты картотеки.

Рассмотренный пример показывает, что экспериментирование с материалом – единственный способ добиться полноты его лексикографической характеристики. Такая полнота принципиально недостижима при ориентации исключительно на картотеку, какой бы обширной она ни была.

Локальные эксперименты, однако, еще не делают лингвистику экспериментальной наукой. При всей своей полезности они имеют тот коренной недостаток, что выявляют свойства одной языковой единицы в условиях максимально упрощенного и препарированного контекста. Результаты, полученные на таком ограниченном материале, не учитывают возмущающего воздействия разнообразных факторов реального текста на данную единицу. Поэтому, с одной стороны, они не дают представления о более сложных типах ее поведения, а с другой, в силу естественных психологических причин, легко гипертрофируются и становятся помехой для понимания картины языка в целом.

Чтобы сделать лингвистику подлинно экспериментальной наукой, необходимо было перейти от локальных экспериментов к глобальным. Объектом последних, как было сказано выше, является целостное описание всего языка, полигоном – множество реальных текстов на нем, а результатом – оценка истинности описания. Чтобы осуществить этот переход, необходимо было найти соответствующий материал и методологию. Такой материал и методологию дали лингвистике информационное дело и вычислительная техника.

С возникновением информационного дела, основанного на вычислительной технике, появилась новая область прикладной лингвистики – лингвистическое обеспечение информационных систем. В современных информационных системах высокого уровня лингвистическое обеспечение, действительно, имеет вид целостной и достаточно полной модели языка, типа модели "Смысл - Текст" (Мельчук 1974). Особый интерес в этом отношении представляют современные системы автоматического перевода (АП), в которых используются наиболее полные формальные модели языков². Степень совпадения автоматических переводов текстов с их эталонными человеческими переводами позволяет в определенной мере судить о том, насколько точной копией человеческого владения языком является формальная лингвистическая модель, реализованная в системе АП. Тем самым в лингвистику вводится естественно-научная методология поиска истины.

Раньше идеи двигались из фундаментальной науки в прикладную. Качество прикладных систем, в частности, систем АП, было тем выше, чем принципиальнее и богаче была реализованная в них теоретическая модель. На наших глазах начинается обратное движение идей, концепций, принципов, стратегий, понятий и конкретных наблюдений из прикладной лингвистики в теоретическую через посредство лингвистики экспериментальной.

4. Пути обогащения теоретической лингвистики за счет прикладной.

Интересные для теоретической лингвистики результаты функционирования моделей языка в составе систем АП можно сгруппировать вокруг пяти тем: 1) конкретные описания языков (4.1), 2) теоретические принципы (4.2), 3) металингвистика (4.3), 4) сопоставительная лингвистика (4.4), 5) проблемы понимания текстов (4.5).

4.1. Конкретные описания языков.

Здесь будут коротко рассмотрены два вопроса – фактические поправки к лингвистическим описаниям и изменение самого типа лингвистического описания.

4.1.1. Фактические поправки к описаниям языков.

Конкретные поправки к лексикографическим и грамматическим описаниям языков чаще всего являются прямым следствием изучения ошибок, допущенных машиной в процессе перевода. Машина ошибается так, как никогда не ошибается человек. Тем самым она создает уникальный "отрицательный языковой материал" (термин Л.В.Щербы), который привлекает внимание к неявным и трудно уловимым свойствам языковых объектов и позволяет получать новое лингвистическое знание. Значение такого отрицательного материала для понимания механизмов языка сравнимо со значением афазии для понимания механизмов мышления.

Из множества возможных примеров на эту тему мы рассмотрим только три – по одному из русского, французского и английского языков. Все они были получены в ходе экспериментов по автоматическому синтаксическому анализу научно-технических текстов.

На русском языке среди других анализировалось предложение

(1) Алгоритм не находит в данном случае более простой последовательности.

Машина построила для него синтаксическую структуру, в которой слово *более* подчиняло слово *последовательность*, а само подчинялось в качестве дополнения глаголу *находить*:

(1') ...не находит... *более* *простой* *последовательности*.

Иными словами, она усмотрела в анализируемом предложении словосочетание типа

(2а) *найти* много <мало> книг,

(2б) *находить* больше <меньше> оснований для чего-л.,

в которых количественное наречие действительно управляет родительным падежом существительного. Ясно, однако, что правильной для (1) является структура, в которой имеется другая цепочка подчинения:

(3) ...не находит... *более* *простой* *последовательности*.

Почему же машина ошиблась? Дело в том, что в первоначальной версии русского синтаксиса слова *более* и *менее*, в соответствии с давней лексикографической и грамматической традицией, были описаны по образцу форм *больше* и *меньше*. В МАС'е, например, прямо говорится: *более* = 'то же, что больше', *менее* = 'то же, что меньше'. Если верить этому описанию, *более* и *менее* в такой же мере могут управлять обычной именной группой в родительном падеже, как *больше* и *меньше*, и в такой же мере могут служить дополнением переходного глагола. Поскольку на роль дополнения машина из двух возможных кандидатов всегда выбирает ближайшего, она и предпочла слово *более* слову *последовательность*.

Допущенная машиной ошибка заставляет внимательнее отнестись к описанию синтаксических свойств слов *более* и *менее*, и, в частности, отказаться от традиционного приравнивания их формам *больше* и *меньше*. *Более* и *менее* в современном русском языке, в отличие от языка XIX века (ср. *Ваш шпиг – прелестный шпиг, не более наперстка* (Грибоедов)), могут управлять только количественной именной группой в родительном падеже, т.е. такой группой, в составе которой есть количественное существительное или числительное:

- (4а) *находит не более одной простой последовательности,*
 (4б) *Пришло не более <не менее> десяти человек,*
 (4в) *Продано более тысячи книг.*

После того, как необходимая коррекция была внесена в словарные статьи *более* и *менее*, а синтагмы (правила синтаксического анализа) были соответствующим образом уточнены, машина получила для (1) вполне правильную синтаксическую структуру.

Подчеркнем, что поправки, внесенные в модель языка по материалам эксперимента, отнюдь не являются случайными. Это – принципиально новое знание о существенных характеристиках языковых единиц.

Второй заслуживающий упоминания результат был получен на материале французского языка. При автоматическом анализе французского предложения

(5) *Les explorateurs bombardent la surface par des ions rapides*

‘Исследователи бомбардируют поверхность быстрыми ионами’

предложно-именная группа *par des ions rapides* была связана не с глаголом *bombarder*, а с существительным *surface* в качестве атрибута последнего. Хотя в данном случае ошибка не портила перевода (в результирующем тексте она просто не видна), оставить ее в описании значило бы рисковать правильностью будущих переводов.

Одна неточность в формальной модели французского языка, породившая ошибку анализа, сразу бросается в глаза. Глагол *bombarder* предполагает актант (валентность) со значением средства бомбардировки. Поэтому в его модели управления на третьем месте должна быть предусмотрена форма вида *par + S*. Этого уточнения вполне достаточно, чтобы для данного предложения машина получила правильную синтаксическую структуру. Когда можно выбирать между актантной и атрибутивной связью, машина всегда предпочитает актантную связь как более сильную.

Однако указанное решение оставляет ощущение эстетической неудовлетворительности. Дело не только в том, чтобы глагол *bombarder* связывался с предложно-именной группой *par + S*, но и в том, чтобы существительное *surface* с ней не связывалось. Иначе остается необъясненной протiwоестественность словосочетаний типа **surface par des ions rapides* ‘поверхность быстрыми ионами’. Таких словосочетаний во французском языке нет, и, следовательно, гипотеза о самой возможности такой связи вообще не должна возникать.

С этой целью во французском языке были выделены предлоги *par, à l'aide de* и некоторые другие со следующим отличительным свойством: они могут быть вершиной атрибутивной группы лишь при предикатных существительных со значением действия или процесса. Это их свойство было отмечено специальным синтаксическим признаком ADPRED, а в правило, устанавливающее связь между существительным и его потенциальным предложно-именным атрибутом, было внесено еще одно условие: если предлог обладает признаком ADPRED, то его атрибутивный хозяин должен обладать семантическим признаком 'действие' или 'процесс'.

Оказалось, что это уточнение верно и для русского языка, в котором предлоги типа *посредством, при помощи, с помощью* и т.п. обладают точно такой же синтаксической особенностью. Им стал приписываться синтаксический признак ПРИПРЕД. Соответствующим образом была уточнена и русская атрибутивная синтагма.

Похожая трудность возникла при анализе фразы

(6) *Les étalons pour la mesure de l'énergie et de la puissance laser peuvent être maintenant définitivement établis*

'Эталоны для измерения энергии и мощности лазера могут быть теперь окончательно установлены'.

В синтаксической структуре (6) наречие *définitivement* 'окончательно' было связано не с причастной формой *établis* 'установлены', а с инфинитивом *être* 'быть'. И эта ошибка не привела ни к каким неправильностям перевода, но оставила то же чувство эстетической неудовлетворенности. Ведь словосочетание **être définitivement* 'быть окончательно' столь же противоестественно, как и словосочетание **surface par des ions*, и должно исключаться из числа правильных моделью синтаксиса.

Для преодоления указанной трудности достаточно было обобщить уже введенный для некоторых предлогов синтаксический признак ADPRED на наречия типа *définitivement* 'окончательно', *constamment* 'постоянно' и т.п. и включить еще одно условие в обстоятельственную синтагму: наречия с признаком ADPRED могут быть обстоятельствами лишь при таких глаголах, которые обладают семантическим признаком 'действие' или 'процесс'. Аналогичные уточнения были внесены в словарные статьи русских наречий типа *постепенно, постоянно, окончательно, предварительно* и т.п. и в обстоятельственную синтагму русского языка.

Нет необходимости говорить, что в известных нам описаниях французского и русского языков найденные в экспериментах классы предлогов и наречий ADPRED и ПРИПРЕД не выделяются и, естественно, в

правилах распознавания (или формирования) атрибутивных и обстоятельственных конструкций никак не учитываются.

Третий конкретный результат, обогащающий традиционные представления о сущностных характеристиках некоторых языковых единиц, был получен в экспериментах по синтаксическому анализу английских научно-технических текстов. Типичной для них является конструкция вида

(7) $S + V, ing + S$,

например,

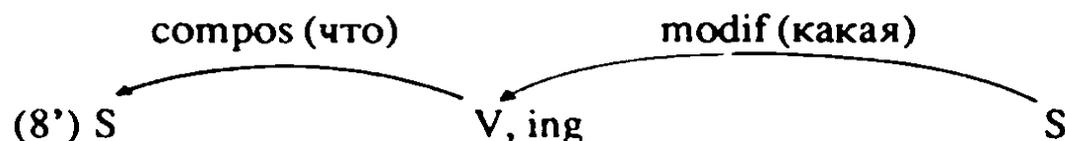
(8a) *signal generating circuit* 'схема порождения сигналов',

(8б) *temperature measuring circuitry* 'схема для измерения температуры',

(9a) *power system having equalizer* 'энергетическая система с выравнителем',

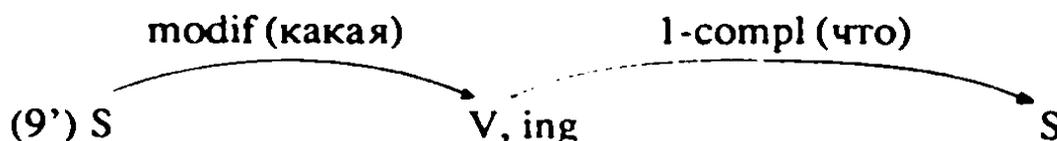
(9б) *system featuring <using> control* 'система с управлением'.

Для всех таких конструкций в результате автоматического анализа и правил коррекции синтаксических структур получалась структура вида

Она правильна относительно конструкций (8a) и (8б), где *ing*-овая форма выступает в качестве препозитивного определения к последнему существительному, являющемуся вершиной дерева. На основе (8') для (8a) и (8б) получались в дальнейшем правильные переводы.

Что же касается (9a) и (9б), то относительно этих конструкций структура (8') неправильна и провоцирует ошибочные переводы **выравнитель, имеющий энергетическую систему* и **управление, использующее систему*. На самом деле в (9a) и (9б) *ing*-овая форма выступает в качестве постпозитивного определения к первому существительному, являющемуся в данном случае вершиной дерева, т.е. нужна структура вида

На основании каких правил алгоритм мог бы выработать (9') для (9a) и (9б)? Ответ, который в литературе найти не удалось, оказался удивительно прост: причастия настоящего времени, образованные от глаголов со значением обладания, мнения, каузации свойства, использования и ряд других, в английском языке не могут выступать в синтаксической функции препозитивных определений. Это касается таких глаголов, как *have* 'иметь', *posses* 'обладать', *feature* 'иметь', *show* <*exhibit*> 'обнаруживать', *manifest* 'проявлять', *assume* 'допускать', *expect* 'ожидать', *judge* 'считать', *appoint* 'назначать', *characterize* 'характеризовать', *proclaim* 'провозглашать', *use* 'использовать', *employ* 'применять' и ряда других.

После того, как по материалам эксперимента удалось выработать это новое лингвистическое знание, модель английского синтаксиса была уточнена. Для глаголов обладания и использования был введен синтаксический признак *MODING, означающий неспособность быть препозитивным определением в *ing*-овой форме, а в определительную синтагму было введено соответствующее ограничение. В результате машина стала вырабатывать правильные структуры для всех конструкций вида (7) и, следовательно, получила возможность правильно их переводить.

Из сказанного в разделе 4.1.1 ни в коем случае не следует, что экспериментирование с формальными моделями провозглашается единственным надежным путем к получению лингвистического знания. Перечисленные результаты, вне всяких сомнений, могли бы быть получены и на кончике пера. Более того, нет даже уверенности, что в нашей работе они были получены исключительно благодаря эксперименту, без какого бы то ни было вмешательства в этот процесс предшествующего лингвистического опыта экспериментаторов. Тезис, который здесь защищается, состоит лишь в том, что экспериментальная лингвистика в определенном выше смысле во многих случаях сокращает путь к получению теоретического знания и поэтому должна занять в лингвистических исследованиях подобающее ей место. В связи с этим уместно процитировать следующее замечательное высказывание акад. А.Н.Колмогорова, сделанное задолго до того, как лингвисты получили в свои руки вычислительную технику как орудие лингвистического эксперимента и создали формальные модели, допускающие экспериментальную проверку на машине и достойные такой проверки: "Но уже сейчас несомненно, что работа над машинным переводом очень многое дает и конструкторам вычислительных машин и, что особенно интересно, лингвистам, которые в процессе этой работы принуждены уточнять формулируемые ими законы языка. Они здесь приобретают критерий практики, столь важный для развития теории: если данная ими формулировка, скажем, правил расположения слов в каком-либо языке достаточна для получения при

помощи машины хорошего литературного перевода, то получается действительная уверенность в том, что правила формулированы исчерпывающим образом. Здесь уже нельзя отделаться общими фразами и выдавать их за "законы", к чему в гуманитарных науках иногда имеют склонность" (Колмогоров 1957, с.80).

4.1.2. Изменение типа лингвистического описания.

Опыт построения и эксплуатации лингвистических моделей на ЭВМ более, чем что-либо другое, способствует формированию нового – интегрального, или единого – типа описания языка.

Под интегральным мы понимаем такое описание языка, в котором грамматика и словарь способны к функциональному взаимодействию, т.е. согласованы друг с другом 1) по типам помещаемой в них информации, 2) по способам, или формальным языкам ее записи. Изменение в любой части такого описания вызывает цепную реакцию изменений во всех других его частях. Поэтому, создавая интегральное описание, лингвист вынужден работать на всем пространстве языка. Оно является, таким образом, рабочим воплощением знаменитого тезиса Ф. де Соссюра о том, что язык представляет собой систему, в которой все взаимосвязано.

Идея интегрального описания языка обязана своим возникновением прежде всего прикладной лингвистике. Никакая прикладная система, имеющая дело с переработкой текстов на естественном языке, не может функционировать в условиях несогласованности словарной и грамматической информации. Она просто будет не в состоянии анализировать и синтезировать тексты. Обычные же грамматики и словари, которые пишутся, как правило, для лингвистов, не связаны этим требованием.

Концепции интегрального описания посвящено несколько уже опубликованных работ автора (см., например, Апресян 1986) и поэтому здесь нет необходимости ее излагать. Достаточно будет напомнить и коротко проиллюстрировать два рабочих принципа интегрального описания: 1) строя словарную статью определенной лексемы, лингвист должен работать на всем пространстве грамматических правил и явным образом приписать лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику); 2) строя определенное правило, лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не учтенные в словаре (настройка грамматики на словарь).

Одно из наиболее заметных внешних проявлений интегральности описания состоит в резком возрастании объема лексикографической информации для толкового словаря.

Во-первых, возрастает объем сведений о свойствах, которые лексикографировались и раньше, но недостаточно полно. В особенности это касается сочетаемостных (комбинаторных) свойств лексем. Наглядное лексикографическое представление об этой стороне дела дает Толково-комбинаторный словарь русского языка (Мельчук – Жолковский 1984).

Во-вторых, появляются совершенно новые типы лексикографической информации, никогда раньше не включавшиеся в словари. Здесь прежде всего необходимо упомянуть коммуникативную информацию (тема, рема, данное, новое и т.п.) и информацию о фразовой просодии – акцентных выделениях и интонационных контурах (конструкциях).

Казалось бы, ни та, ни другая не имеют отношения к отдельным лексемам. И фразовая просодия, и коммуникативная организация характеризуют целые высказывания. Так, действительно, обстоит дело в большинстве случаев, но не всегда. Есть ситуации, когда фразовая просодия и коммуникативная структура лексикализуются, т.е. оказываются связанными непосредственно с определенной лексемой или замкнутым классом лексем. В таких случаях просодические и коммуникативные сведения должны отражаться в словарных статьях соответствующих лексем.

Сравним с указанной точки зрения фактивные и путативные глаголы. Фактивные глаголы *понимать, знать, видеть* (= 'понимать') в нейтральных утвердительных предложениях могут нести главное фразовое ударение независимо от своего места в предложении:

(10а) Он 'понимал <'знал>, что ему ничто не угрожает,

(10б) 'Вижу, куда ты клонишь.

В общевопросительных предложениях главное фразовое ударение на фактиве превращается почти в необходимость:

(11) Вы 'понимаете <'знаете, 'видите>, что вам ничто не угрожает?

Тем самым фактивы входят в рематическую часть высказывания. Это и понятно: естественно привлечь внимание собеседника к достоверному знанию.

В указанном отношении фактивы противопоставлены путативным глаголам типа *считать, полагать, находить*. В сравнимых условиях пута-

тивы не несут главного фразового ударения и принадлежат, следовательно, к тематической части высказывания:

(12а) *Он считал <полагал>, что ему ничто не 'угрожает,*

(12б) *Я нахожу, что ваши тревоги 'напрасны,*

(12в) *Вы считаете <полагаете, находите>, что вам ничто не 'угрожает?*

Единственно возможный тип акцентного выделения для путативных глаголов в указанных условиях – контрастное (противопоставительное, логическое), а не главное фразовое ударение:

(13) *Вы "считаете <"полагаете>, что вам ничто не угрожает (или вы это знаете)?*

Прагматическое объяснение неспособности путативов нести главное фразовое ударение состоит в том, что неестественно (некооперативно) подавать личное мнение как информацию первостепенной важности.

Наконец, в-третьих, появляется совершенно необычный жанр лексикографической информации – информация о синтаксических, семантических, прагматических и иных правилах, если они специфичны для данного слова или небольшой группы слов.

Перечислим, например, семантические правила, которые необходимо ввести в словарную статью глагола *быть* в посессивном значении 'иметься у кого-л.'. Посессивное значение может быть представлено такими фразами, как

(14а) *У тебя будет <есть> время встретиться со мной?,*

(14б) *У Капицы в Англии была прекрасная лаборатория,*

(14в) *У тебя же есть паспорт на девичью фамилию (М.Булгаков),*

(14г) *У нее большие, тупо изумленные глаза рахитика и чудесная кожа нежно золотистого цвета (М.Горький).*

Все словарные правила для этого значения касаются только одной формы *быть* – формы наст.

1. В сочетании с названиями нормальных частей тела [не прыщей, опухолей, родинок и т.п.] в контексте прилагательного-определения обычна нулевая форма: *У нее каштановые волосы, но не *У нее есть каштановые волосы; ср., однако, У нее есть веснушки <родинка на руке>.*

2. Между нулевой формой и формой *есть* в сочетании с названиями инструментов и средств возможно (хотя и не обязательно) противопоставление: первая чаще выражает значение актуального обладания, а вторая

– значение обладания вообще: *У него пластиковые лыжи (и поэтому он так быстро бежит) – У него есть пластиковые лыжи.*

3. Если объект обладания – элемент внутреннего мира субъекта (мысль, эмоция, желание и т.п.), предпочитается форма *есть*, причем само значение смещается в сторону экзистенциального: *У него есть желание <мысль, намерение> выступить с докладом на семинаре.*

4. Для посессивного значения характерна препозиция *у*-группы относительно глагола; при постпозиции *у*-группы значение может меняться на локативное; *У меня есть деньги = 'Я имею деньги' – Деньги у меня = 'Деньги находятся у меня'.* При этом меняется и денотативный статус группы подлежащего – с родового на конкретно-референтный.

С учетом перечисленных выше и других новых типов информации словарная статья толкового словаря должна будет приобрести нетрадиционный и во многом непривычный вид. С этим, однако, необходимо будет смириться, так как в противном случае словарь не сможет эффективно взаимодействовать с грамматикой.

4.2. Новые теоретические принципы.

4.2.1. Принцип каноничности.

Понятие канонической ипостаси языковой единицы первоначально сложилось в фонологии и морфонологии. В частности, в морфонологии используется понятие канонического, или представляющего морфа, из которого правилами чередований получают для различных позиций разные его варианты. Опыт построения действующих моделей языка показывает, что понятие канонической ипостаси языковой единицы допускает дальнейшее обобщение – на единицы синтаксического и семантического уровней языка.

Примером канонической ипостаси синтаксической единицы является управляемый винительный падеж в словосочетаниях *читать газету, стоить рубль, весить пуд, длиться час, проехать милю* и т.п. Одним из возмущающих контекстов, преобразующих канонический винительный падеж в родительный, является, как известно, контекст отрицания: *не читал сегодняшней газеты, не стоит рубля, не весит пуда* и т.д. Два других возмущающих фактора – аппроксимативно-количественная и распределительная конструкции; *читать от пяти до шести книг в год, читать до <около> шестисот страниц в день, читать более <свыше, не меньше> шестисот страниц в день, читать по десять книг в год.*

Примером канонической ипостаси семантической единицы является словарное значение [толкование] слова; так называемые семантические

модификации порождают для различных контекстуальных условий его неканонические ипостаси. Словарное толкование глагола *решить* и фраземы *Котелок (у кого-л.) варит* должно включать компонент 'соответствие норме'. *Решить задачу* значит, по умолчанию, 'правильно решить', а *Котелок у него варит* – 'Он хорошо соображает'. Таков канонический случай. Однако в контексте обстоятельства, значение которого противоречит значению нормы, это каноническое толкование преобразуется. Слабый компонент 'соответствие норме' заменяется явно выраженным и поэтому более сильным компонентом 'несоответствие норме', ср. *неправильно решить задачу, Котелок у него плохо варит*.

Между каноническими и неканоническими ипостасями языковых единиц имеется то существенное различие, что канонические ипостаси всегда, когда это возможно, фиксируются в словаре, а неканонические ипостаси получают по правилам. В частности, чередование управляемого винительного, фиксируемого в словаре в зоне моделей управления, с предлогом *по* в распределительной конструкции и различными вариантами аппроксимативно-количественной конструкции получается по следующему весьма общему правилу русского синтаксиса: любой беспредложный именительный, винительный и даже родительный, независимо от того, реализует ли он семантическую валентность или нет (ср. *работать час, идти мило*), может заменяться предложно-именной или адвербиально-именной группой с аппроксимативным или распределительным значением.

Принцип каноничности позволяет, таким образом, получить оптимальное распределение лингвистической информации между грамматикой и словарем.

Однако сказанным важность данного разграничения не исчерпывается. В свете принципа каноничности должны быть пересмотрены многие положения лингвистической метатеории и прежде всего стратегия определения лингвистических понятий (см. об этом ниже, 4.3).

4.2.2. Принцип регулярности.

В языке есть средства выражения любых значений, начиная с таких, как 'какаду', 'аксон', 'барион', 'фторгидрат', 'ларингал', и кончая такими, как 'одновременность', 'причина', 'способ', 'количество', 'цель', 'результат', 'место' и т.п. Однако статус этих полярных групп значений очень различен. Значения второй группы являются гораздо более "языковыми", чем значения первой: они выражаются в языке с гораздо большей регулярностью. На каждое из значений первой группы приходится ровно по одному, притом лексическому средству выражения; ср. слова

какаду, аксон и т.д. Число синонимичных (или квазисинонимичных) средств выражения каждого из значений второй группы по крайней мере на порядок больше, а их природа разнообразнее: сюда входят, помимо лексических, еще и морфологические, деривационные и синтаксические средства. Знание собственно языковых значений является необходимой предпосылкой для описания семантики любых нелексических единиц языка. В частности, использование принципа регулярности при описании значений ряда словообразовательных суффиксов, некоторых типов многозначности, определительных, атрибутивных, обстоятельственных и композитных конструкций, а также типовых семантических ролей, выражаемых актантными зависимыми предикатных слов, приводит к интересному выводу, что все эти средства выражают почти одинаковый круг значений.

4.3. Металингвистика.

Здесь будет рассмотрен только один вопрос – о структуре лингвистических определений на примере определения управления, причем мы воспользуемся материалом, уже изложенным в разделе 4.2.1.

Изменение идеологии лингвистического описания привело к осознанию того факта, что необходимой предпосылкой всякой метатеории, включая и систему определения лингвистических понятий, является достаточно полное интегральное описание языка (конечно, при установке на получение адекватной естественному языку системы определений). В частности, для того, чтобы определить управление, надо описать в словаре канонические управляемые формы и сформулировать в грамматике регулярные правила преобразования канонических управляемых форм в возмущающих контекстах.

Раньше определение управления ориентировалось на каноническую ипостась управляемой формы. Управлением назывался такой тип оформления подчинительной связи между главным словом *X* и зависимым словом *Y*, при котором (предложно-)падежная форма *Y*-а диктуется лексико-семантическими свойствами *X*-а. Для глагола *решить* управляемой в соответствии с этим определением будет только форма винительного падежа: *решить задачу*. Определение нельзя распространить на форму родительного падежа, наречия *свыше*, *более*, *менее*, предлоги *до*, *около*, *от...до*, *по* и т.п. в конструкциях *не решил этой задачи*, *решил свыше <более> десяти задач*, *решил около пяти задач*, *решил от пяти до семи задач*, *решили по одной задаче*: они ни в каком разумном смысле не предсказываются лексико-семантическими свойствами основы глагола *решить*. Между тем фактически они являются управляемыми, потому

что чередуются с формой винительного падежа в одной и той же позиции приглагольного дополнения.

Чтобы распространить и на них понятие управления, необходимо коренным образом переформулировать его. Определение должно быть двухчастным. Первая часть – базис – должна быть ориентирована на каноническую управляемую форму (и тем самым фиксировать основную лингвистическую интуицию насчет управления). Вторая часть – шаг – должна быть ориентирована на неканонические варианты управляемых форм, порождаемые из канонической формы регулярными правилами позиционных чередований.

Аналогичным образом должно быть переопределено большинство других лингвистических понятий.

4.4. Сопоставительная лингвистика.

Разрабатывая формальные правила перевода для систем АП, лингвист волей-неволей вынужден систематически и последовательно сравнивать способы выражения одного и того же смысла в двух разных языках. Это дает интереснейший материал для сопоставительной лингвистики. Рассмотрим в этой связи валентность субъекта действия и способы ее выражения в русском языке по сравнению с английским и французским – двумя языками, с которыми мы имели дело при построении систем АП. На различия между французским и русскими языками в этой области уже обращалось внимание, в частности, в работах В.Г.Гака и В.Ю.Розенцвейга. Однако систематическое пошаговое сопоставление двух языков, к которому вынуждают исследователя задачи разработки автоматических правил перевода с одного языка на другой, позволяет и обнаружить новые несоответствия, и сделать новые выводы.

Естественное семантическое упорядочение валентностей предикатного слова – субъект (агенс), объект, содержание, адресат, аудитория, получатель, инструмент, средство, место и т.п. Синтаксически оно тоже вполне осмысленно: степень синтаксической обязательности валентностей, если они выразимы в виде зависимых ключевого слова, падает от начала к концу этого списка. Данное упорядочение имеет и типологический смысл: пик типологического своеобразия языков падает на самое начало списка, т.е. на возможности и средства выражения субъекта действия.

В исследуемых языках имеются три синтаксические конструкции, устроенные более или менее одинаково по возможностям и средствам выражения субъекта действия, – предикативная, пассивная и агентивная с существительными, производными от прямопереходных глаголов.

Примеры: *Он пришел* – *He has come* – *Il est venu* (предикативная); *написанный Полем* – *written by Paul* – *écrit par Paul* (пассивная); *строительство дома рабочими* – *the construction of the house by the workers* – *la construction de la maison par des travailleurs* (агентивная). Другие конструкции, чувствительные к этой роли, ведут себя по-разному.

Не имеют точного соответствия в английском и французском языках русские безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции с нулевым субъектом типа *Снарядом сбило трубу*, *Там песен не поют*, *Идешь по улице – а кругом деревья*.

В русском языке субъект действия, обозначаемого инфинитивом, почти никогда не выразим в виде синтаксического зависимого при инфинитиве. Исключение составляет небольшой класс периферийных лексикализованных конструкций типа *Мне негде <некогда, незачем, не с кем> работать*, *Мне было где <зачем, с кем> работать* и т.п., где дательный обозначает субъекта действия, названного инфинитивом. У них нет аналогов ни в английском, ни во французском, ни даже в близко родственных славянских языках. В свою очередь, в английском и французском есть большие классы инфинитивно-субъектных конструкций (имя субъекта зависит от инфинитива), для которых не находится русских параллелей; ср. *He is very anxious for me to visit you* 'Он очень хочет, чтобы я навестил вас', букв. 'Он очень хочет мной навестить вас'; *Il se laissait battre par ses camarades parce qu'il était plus fort* 'Он давал своим товарищам лупить себя, потому что был сильнее', букв. 'Он давал себя бить своими товарищами...'

Невыразим в современном русском литературном языке в виде синтаксического зависимого и субъект действия, обозначаемого деепричастием или активным причастием. В английском и французском языках такие деепричастно- и причастно-субъектные конструкции есть; ср. абсолютные конструкции типа *We were walking to the forest, the dog running in front of us* 'Мы шли к лесу, а собака бежала перед нами'; *There being nothing else to talk about everybody fell silent* 'Поскольку говорить больше было нечего, все замолчали'; *La pluie ne cessant pas, j'ai décidé de rester à la maison* 'Поскольку дождь не прекращался, я решил остаться дома'.

В русском и английском языках различны способы выражения субъекта при существительных типа *статья*, *картина* и т.п., называющих продукты интеллектуальной деятельности человека. В русском языке имя автора может быть присоединено к названию произведения определительным или так называемым квазиагентивным отношением: *моя статья*, *статья Иванова*. В английском языке здесь возможна и чисто агентивная конструкция типа *a story by Kipling* букв. 'рассказ Киплинггом'.

В русском языке обстоятельственная конструкция с субъектными наречиями типа *весело, молча, с целью* (ср. несубъектные наречия типа *быстро, постепенно, хорошо*) требует (подобно деепричастной конструкции) кореферентности субъекта наречия с субъектом-подлежащим того глагола, от которого зависит наречие. Ср. аномальность конструкций **Ящики молча переносились рабочими, *Встреча делегаций состоялась в Москве с целью начать переговоры*, где это требование нарушено. В английском и французском языках такие обстоятельственные конструкции допустимы; ср. *The boxes were carried by the workers silently, Les boîtes étaient transportées par les travailleurs en silence.*

Таким образом, существенной типологической характеристикой русского языка является известная несамостоятельность, а иногда даже и полная невыразимость субъекта в тех случаях, когда он не выполняет функции подлежащего. Для русского языка характерно устранение представления о субъекте действия. В английском и французском языках субъект действия более самостоятелен и выразим в более широком круге конструкций.

4.5. Проблемы понимания текстов.

Эксперименты неопровержимо свидетельствуют, что в общем случае детерминистские (не вероятностные) правила формальной модели недостаточны для однозначного анализа неомонимичных предложений. Правда, при переходе с одного уровня на другой, более глубокий, омонимия предшествующего уровня (например, морфологического) разрешается средствами следующего уровня (синтаксического), но на каждом более глубоком уровне возникает своя омонимия. Надежды на то, что использование семантической, прагматической, ситуационной, энциклопедической или какой-либо другой сложной информации упростит и облегчит поиск правильной интерпретации предложения в множестве формально безупречных альтернативных интерпретаций, иллюзорны. В действующей модели правильная интерпретация отыскивается с помощью (вероятностных) правил предпочтения и других чисто инженерных средств, не имеющих никакого принципиального смысла и в общем случае неверных. Между тем, человек находит ее очень легко и скорее всего без всякой опоры на вероятностные соображения.

Если бы требовались лишние доказательства того, что машина понимает текст иначе, чем человек, их бы дали именно такие лингвистические эксперименты. По-видимому, понимание даже самой тривиальной информации человеком представляет собой процесс, в котором чисто логические выкладки постоянно перемежаются творческими актами. Сам

язык наводит на эту мысль, потому что для многих творческих актов понимания он имеет специальные названия, с несомненностью свидетельствующие об их неалгоритмической и, следовательно, неформализуемой природе; ср. *озарять, осенять, догадка, интуиция, наитие, озарение, откровение, прозрение*. Между тем машина понимает текст чисто алгоритмически и не может понимать его иначе.

Интересно, что для машины понимание текста (например, построение синтаксической структуры по исходному предложению) гораздо труднее, чем его производство (например, построение предложения по его синтаксической структуре). Поэтому машинная грамматика анализа должна располагать гораздо более мощными средствами, чем машинная грамматика синтеза. Для человека дело обстоит как раз наоборот: производство текста оказывается намного труднее, чем его понимание. Всякий знает по собственному опыту, насколько больше усилий нужно потратить, чтобы научиться говорить на иностранном языке, чем для того, чтобы понимать его. Поэтому человеческая грамматика анализа по объему сведений намного уступает человеческой грамматике синтеза.

Есть серьезные основания думать, что построить формальную систему, в точности воспроизводящую мыслительную деятельность человека, в принципе невозможно. Это и понятно. Ведь исследуя свою мыслительную деятельность, человек сталкивается с уникальной в науке ситуацией, когда объект познания совпадает с его субъектом. Представляется, что к этой ситуации может быть применена теория Геделя о неполноте, ибо система, являющаяся средством описания, ничуть не сильнее системы, являющейся его предметом.

П р и м е ч а н и я

- ¹ Полезно обратить внимание на отличие роли аудитории (слушателя, зрителя) от роли адресата, обычно оформляемой дательным падежом. Адресат – это тот равноправный с говорящим участник общения, на сознание которого говорящий непосредственно пытается воздействовать своим сообщением. Значение адресата хорошо согласуется с семантическим инвариантом дательного вообще – значением физической, интеллектуальной или эмоциональной вовлеченности одухотворенного участника ситуации в инициированное агенсом действие или событие (ср. Wierzbicka 1979). Аудитория – это свидетель или, может быть, судья происходящего, скорее чем непосредственный участник событий. Ср. семантическое различие между формами *кому* и *перед кем* при таких глаголах, как *виниться, исповедоваться, каяться, открываться, признаваться* (*кому* – *перед кем*). Остается открытым

интереснейший вопрос о том, соответствует ли ролям аудитории и адресата две разные синтаксические валентности или одна и та же.

- 2 Конкретно мы будем опираться на системы, разработанные лингвоматематической группой "Информэлектро" и ИППИ АН СССР; см. о них препринт (Апресян и др. 1985), а также монографию (Апресян и др. 1989).

Л и т е р а т у р а.

Аванесов Р.И. 1936. "Второстепенные члены предложения как грамматическая категория", *Русский язык в школе*, 1936, № 1.

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Гецелевич Е.В., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П., Лазурский А.В., Перцов Н.В., Санников В.З. 1985. "Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. 1. Общая характеристика системы", *Теория и модели знаний. Труды по искусственному интеллекту*. Тарту.

Апресян Ю.Д. 1986. "Интегральное описание языка и толковый словарь", *ВЯ*, 1986, № 2.

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Лазурский А.В., Перцов Н.В., Санников В.З., Цинман Л.Л. 1989. *Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2*. М.

Колмогоров А.Н. 1957. *Сессия АН СССР по научным проблемам автоматизации производства*. Изд-во АН СССР.

Мельчук И.А. 1974. *Опыт теории лингвистических моделей "Смысл=>Текст"*. М.

Мельчук И.А., Жолковский А.К. 1984. *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*. Вена. (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14)

Пешковский А.М. 1930. "Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?", *Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики*. М.-Л.

Щерба Л.В. 1957. "О частях речи в русском языке", *Избранные работы по русскому языку*. М.

Wierzbicka Anna. 1979. "Ethno-syntax and the Philosophy of grammar", *Studies in Language* 3.3.

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

1. The following information is provided for the purpose of the audit:

(a) The company's financial statements are prepared in accordance with the provisions of the Companies Act, 1956.

(b) The company's financial statements are prepared on a going concern basis.

(c) The company's financial statements are prepared on a historical cost basis.

(d) The company's financial statements are prepared on a accrual basis.

(e) The company's financial statements are prepared on a double entry system.

(f) The company's financial statements are prepared on a cash basis.

(g) The company's financial statements are prepared on a mark to market basis.

(h) The company's financial statements are prepared on a fair value basis.

(i) The company's financial statements are prepared on a cost of sales basis.

(j) The company's financial statements are prepared on a full cost basis.

(k) The company's financial statements are prepared on a standard cost basis.

(l) The company's financial statements are prepared on a marginal cost basis.

(m) The company's financial statements are prepared on a full cost plus basis.

(n) The company's financial statements are prepared on a standard cost plus basis.

(o) The company's financial statements are prepared on a marginal cost plus basis.

(p) The company's financial statements are prepared on a full cost plus mark up basis.

(q) The company's financial statements are prepared on a standard cost plus mark up basis.

(r) The company's financial statements are prepared on a marginal cost plus mark up basis.

(s) The company's financial statements are prepared on a full cost plus mark up plus basis.

(t) The company's financial statements are prepared on a standard cost plus mark up plus basis.

(u) The company's financial statements are prepared on a marginal cost plus mark up plus basis.

Л.Н. Иорданская

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И РИТОРИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

Как показывает заглавие этой статьи, мы будем сравнивать перформативные глаголы и союзы. Это сопоставление может показаться странным: что может быть общего между названиями действий и названиями отношений между предложениями? А между тем, как мы увидим, среди союзов немало таких, которые по некоторым важным свойствам напоминают перформативные глаголы.

Свойства перформативных глаголов

Начнем с нескольких отмеченных в литературе (в частности, в Апресян 1986а) существенных особенностей синтаксического поведения перформативных глаголов, взятых в их перформативном (а не дескриптивном) употреблении.

1. Перформативный глагол невозможно отрицать. При отрицании он утрачивает свою перформативность и становится обычным дескриптивным глаголом. Ср. (1):

- (1) а. Я не приглашаю вас, доклад будет скучным.
 б. Я не извиняюсь, так как не сделал ничего дурного.
 в. Я тебя не поздравляю, потому что не считаю эту награду заслуженной.

Кроме того, имеются такие перформативные глаголы, что их сочетание с отрицанием "лексикализуется, превращаясь, по существу, в новый перформативный глагол" (Апресян 1986а: 215). Ср. (2):

- (2) а. Я не разрешаю < = запрещаю > тебе читать мои письма.
 б. Я не возражаю < = согласен с > против твоего решения.
 в. Не советую < = советую не > иметь с ней дело.

Дело здесь в следующем. В "нормальном" случае (глаголы типа *приглашать, извиняться, поздравлять*) отрицание относится к главному предикату толкования, а именно к 'сообщать' (*Я не приглашаю вас... = 'Я не сообщаю вам, что...'*). При глаголах же *разрешать, возражать, советовать* отрицание относится не к главному, а к подчиненному предикату. Соче-

тание *Я не разрешаю*, как и *Я разрешаю*, обозначает действие сообщения, а отрицание меняет содержание сообщения (Иорданская 1985).

2. Перформативный глагол невозможно поставить под вопрос. Так, фразы (3) абсурдны:

- (3) а. *Приглашаю вас на обед?
 б. *Поздравляю с днем рождения?
 в. *Обещаю прочесть вашу статью на этой неделе?
 г. *Разрешаю вам сослаться на меня?

При дескриптивном же употреблении перформативного глагола вопрос возможен. Ср. фразы (4), которые звучат совершенно естественно, например, после такого заявления: *В последнее время я стал все забывать.*

- (4) а. Я пригласил вас на обед?
 б. Я поздравил тебя с днем рождения?
 в. Я обещал прочесть вашу статью?
 г. Я разрешил вам сослаться на меня?

3. К перформативному глаголу невозможно свободным образом присоединять модификаторы. Ср. неправильные фразы (5) – с настоящими перформативами – и правильные фразы (6), где те же глаголы выступают в дескриптивном употреблении:

- (5) а. *Настойчиво приглашаю вас на доклад.
 б. *Кратко поздравляю вас с наградой.
 в. *Осторожно прошу вас сообщить это отцу.
 г. *Только предлагаю сделать ему предупреждение.
 (6) а. Я настойчиво приглашал его на доклад, но он отказался.
 б. Я кратко поздравил его с наградой.
 в. Я осторожно попросил его сообщить это отцу.
 г. Я только предлагал сделать ему предупреждение.

Что же касается сочетаний типа *торжественно клянусь, заклинаю всеми святыми, официально предупреждаю, убедительно/очень прошу, категорически требую*, где глаголы употреблены перформативно, то, как отметил Апресян (1986а: 213), эти сочетания не являются свободными: это устойчивые конвенциализованные формулы (где модификаторы выражают лексическую функцию Magn).

Указанные свойства высказываний с перформативами вытекают из следующего факта: эти высказывания, будучи действиями говорящего, а не просто описанием действительности, не обладают свойствами истинности - ложности; иными словами, они не являются утверждениями. Поэтому они не допускают ни отрицание, ни вопрос: отрицать или ставить под вопрос можно только утверждения. Что же касается невозможности свободного присоединения модификаторов, то, как отмечено в Апресян 1986а: 213, дело здесь в том, что модификаторы обычно добавляют что-то к описанию действительности, а перформативы не являются таким описанием.

Дескриптивные и "перформативные" союзы

Теперь рассмотрим подчинительные союзы, причем только значащие (исключив тем самым чисто синтаксические союзы *что* и *чтобы* в дополнительном придаточном). Оказывается, что названные выше свойства, различающие перформативы и неперформативы, применимы и к союзам. С точки зрения этих свойств союзы делятся на две группы: союзы, которые ведут себя как дескриптивные глаголы, и союзы, которые ведут себя, как перформативные глаголы. Будем называть союзы первой группы дескриптивными союзами, а союзы второй группы – "перформативными". К дескриптивным союзам относятся, например, *потому что*, *когда*, *целее чтобы*, *условное если*, а к "перформативным" – *раз*, *хотя*, *так что*, *так как*, *поскольку*, *ибо*, *сопоставительное если*, *сравнительное как*. Покажем, что союзы этих двух групп различаются по тем же свойствам, что и перформативы/неперформативы.

1. Невозможность отрицания.

9 Дескриптивный союз можно отрицать (хотя это может повлечь за собой необходимость добавления какого-то соотносительного элемента или выражения), а "перформативный" - нельзя (не существует никаких соответствующих соотносительных элементов).

Дескриптивные союзы

- (7) а. Он работает, чтобы его сын мог учиться.
 б. Он работает не для того, чтобы его сын мог учиться.
- (8) а. Он чувствует себя несчастным, потому что живет в деревне.
 б. Он чувствует себя несчастным не потому, что живет в деревне.
 (Пример заимствован из Богуславский 1985:60.)

- (9) а. Он встает, когда жена уходит на работу.
 б. Он встает не тогда, когда жена уходит на работу.
- (10) а. Он переедет в Москву, если [условное *если*] ему предложат там работу.
 б. Он переедет в Москву не в том случае, если ему предложат там работу [, а в случае, если ему дадут квартиру].

"Перформативные" союзы

- (11) а. Он чувствует себя несчастным, поскольку живет в деревне.
 б. *Он чувствует себя несчастным, не поскольку живет в деревне.
- (12) а. Он сделает это, раз его попросила Таня.
 б. *Он сделает это, не раз его попросила Таня.
- (13) а. Он сделал это, хотя его никто не просил.
 б. *Он сделал это, не хотя его никто не просил.
- (14) а. Таня его предупредила, так что он вовремя ушел.
 б. *Таня его предупредила, не так что он вовремя ушел.
- (15) а. ...если [сопоставительное *если*] и прежде он поражал ... своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он еще более казался горд и самодовлеющ [Л.Толстой, "Анна Каренина"].
 б. *...не если и прежде он поражал ... своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он еще более казался горд и самодовлеющ.

2. Невозможность вопроса.

Дескриптивный союз (точнее, связь между главным и придаточным предложениями) можно поставить под вопрос (в таком случае главное предложение предшествует придаточному и носителем вопросительной интонации является придаточное), а "перформативный" – нельзя.

Дескриптивные союзы

- (16) Он работает, чтобы его сын мог учиться?
 (17) Он чувствует себя несчастным, потому что живет в деревне?
 (18) Он встает, когда жена уходит на работу?
 (19) Он переедет в Москву, если ему предложат там работу?

"Перформативные" союзы

- (20) ??Он чувствует себя несчастным, поскольку живет в деревне?
 (21) *Он сделает это, раз его попросила Таня?
 (22) *Он сделал это, хотя его никто не просил?
 (23) *Таня его предупредила, так что он вовремя ушел?

Поскольку при сопоставительном *если* главное предложение не может предшествовать придаточному, мы не можем построить нужный нам пример. При нормальном порядке предложений вопрос может относиться только к главному предложению:

(24) ?Если и прежде он поражал своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он кажется еще более гордым?

3. Невозможность модификаторов.

К дескриптивному союзу можно присоединить модификаторы *только, просто, как раз, главным образом, вероятно* и пр., а к "перформативному" – нельзя.

Дескриптивные союзы

- (25) Он работает, только <вероятно, главным образом> чтобы его сын мог учиться.
- (26) Он чувствует себя несчастным, только <как раз, вероятно, главным образом, просто> потому что живет в деревне.
- (27) Он встает, только <как раз, вероятно> когда жена уходит на работу.
- (28) Он переедет в Москву, только если ему предложат там работу.

"Перформативные" союзы

- (29) *Он чувствует себя несчастным, только <как раз, вероятно, главным образом> поскольку живет в деревне.
- (30) *Он сделает это, только <вероятно, главным образом> раз его попросила Таня.
- (31) *Он сделал это, только <вероятно, главным образом> хотя его никто не просил.
- (32) *Таня его попросила, только <вероятно, главным образом> так что он сделает это.
- (33) *Только <вероятно, главным образом> если и прежде он поражал своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он кажется еще более гордым.

Итак, мы показали, что союзы типа *раз, хотя, так что* ведут себя синтаксически, как перформативные глаголы: не допускают отрицание, вопрос и присоединение модификаторов. Естественно предположить, что указанные общие синтаксические свойства этих союзов и перформа-

тивов являются проявлением какого-то семантического сходства. Сходство это состоит в том, что союзы типа *раз* не служат для описания действительности (в отличие от союзов *чтобы, потому что, когда, условного если*, обозначающих цель, причину, время, условие какого-то действия или факта). Как и перформативы, союзы типа *раз* имеют другую, недескриптивную функцию, связанную с действиями говорящего, а именно соответствуют особому речевому акту, отличному от простого сообщения информации. Тот факт, что союзы могут быть "маркерами речевого акта", был отмечен в замечательной статье группы французских лингвистов и логиков (Le groupe λ-1 1975). Авторы, опираясь на разные синтаксические свойства союзов, вскрыли принципиальное различие между, с одной стороны, союзом *parce que* 'потому что' и, с другой стороны, союзами *car* 'ибо' и *puisque* 'раз, поскольку'; эти последние сигнализируют особые речевые акты (*car* - обоснование, *puisque* - особая разновидность обоснования).

"Перформативные" союзы – сигналы риторических действий говорящего.

Серль 1986: 175 указывает, что "некоторые перформативные выражения служат для соотнесения высказывания с остальной частью дискурса (а также с непосредственным контекстом)": *(Я) вывожу, (Я) заключаю; ту же функцию выполняют выражения типа тем не менее, более того, таким образом*. Другими словами, с помощью этих выражений говорящий выражает определенные отношения между частями конструируемого им текста. Все, что относится к организации связного текста, естественно назвать риторическим аспектом текста. Среди исследований по связному тексту один из самых перспективных подходов представлен, на наш взгляд, в работе Манна и Томпсон (Mann – Thompson 1987), предложивших представлять структуру связного текста с помощью указания риторических отношений между его кусками. Авторы делят предлагаемые отношения на *subject matter* (типа "атрибутивное", "временное") и *presentational relations* (типа "обоснование" или "доказательный пример"); последние, как указывают авторы, связаны с речевыми актами, или с намерениями говорящих (на наш взгляд, только эти отношения могут с полным правом быть названы риторическими). Выражаются эти отношения с помощью коннекторов (*тем не менее, более того, таким образом, значит, например, наоборот, итак, а именно* и т.д.) и союзов. В этом подходе интересными для нас являются две идеи: во-первых, союзы рассматриваются как маркеры определенных риторических отношений; во-вторых, союзы сближаются с коннекторами, которые в рабо-

тах, посвященных актам речи, уже характеризовались как маркеры определенных актов речи.

Акты речи, о которых здесь идет речь, состоят в некотором "риторическом действии" говорящего: говорящий обосновывает, выводит, сопоставляет, противопоставляет, уточняет, сравнивает какие-то факты или высказывания, приводит пример, подводит итоги, указывает на противоречие и т.д. "Перформативные" союзы служат маркерами риторических действий говорящего: они предупреждают слушателя/читателя о том, какую риторическую функцию выполняет предложение, вводимое союзом.

Обратим внимание на то, что связи между высказываниями в тексте могут быть выражены по-разному: они могут быть описаны, а могут быть маркированы специальными словами. Ср. (34) - (36), где во фразе (а) представлен описательный способ выражения риторической связи, а во фразе (б) та же связь маркируется специальным коннектором или союзом.

(34) а. ... Теперь я приведу несколько примеров...

б. Например, ...

(35) а. Из того, что X, следует Y.

б. X. Значит, Y.

(36) а. На улице было очень холодно. Обычно он не выходит в такую погоду, а сегодня вышел пройтись.

б. Хотя на улице было очень холодно, он вышел пройтись.

Таким образом, описание смысла, т.е. толкование, "перформативного" союза должно состоять в указании соответствующего риторического действия.

Теперь, установив, что "перформативные" союзы выполняют риторические функции, мы предлагаем называть их **РИТОРИЧЕСКИМИ** союзами. Дело в том, что термин "перформативные" можно употреблять по отношению к союзам только условно. В отличие от перформативного глагола в перформативном употреблении, произнесение риторического союза, разумеется, не равносильно осуществлению обозначаемого этим союзом действия: произнесение *Обещаю* есть осуществление действия обещания, а произнесение *Раз* не есть осуществление действия обоснования; это всего лишь сигнал того, что непосредственно следующее придаточное будет обосновывать другое высказывание. Другими словами, перформативный глагол *Р* является названием речевого акта *Р*, а риторический союз *Р* является сигналом непосредственно следующего

речевого акта Q (это верно и для коннекторов *значит, например, итак, наоборот* и т.д.).

Указанное различие отражается в толкованиях перформативных глаголов и риторических союзов:

1) У перформативного глагола главным предикатом толкования является предикат 'сообщать', а у риторического союза – предикат риторического действия ('сопоставлять', 'противопоставлять', 'указывать на противоречие', 'представлять как', и т.д.);

2) У перформативного глагола первый актант главного предиката толкования может не совпадать с говорящим (перформативные глаголы имеют и дескриптивные употребления), а у риторического союза – всегда совпадает.

Толкования нескольких риторических союзов

Ниже, в качестве иллюстрации нашего подхода, предлагаются толкования союзов *хотя, так что, раз* и сопоставительного *если*.

ХОТЯ

Союз *хотя* во всех своих употреблениях имеет одну и ту же риторическую функцию, а именно, он указывает на противоречие – между двумя фактами или между фактом и высказыванием. Подчеркнем, что мы не имеем в виду противоречие в строгом, логическом смысле слова. Речь идет о несоответствии каких-то фактов с точки зрения обыденных представлений говорящего о действительности, т.е. речь идет о противоречии с точки зрения "наивной логики" (ср. Жолковский 1964 и Апресян 1986б, где высказана мысль о том, что семантика отражает наивную картину мира). Следующий пример хорошо демонстрирует психологический характер противоречия, выраженного в *хотя* :

(37) Пьера поразила скромность маленького, *хотя* и чистенького домика [Л.Толстой, "Война и мир"].

Маленький размер домика является, вообще говоря, недостатком, а чистота – безусловным достоинством. Союз *хотя* указывает на противоположную психологическую окраску этих свойств, которые, конечно, не исключают друг друга.

Ниже выделяются два значения союза *хотя*, различающиеся, во-первых, тем, идет ли речь о конфликтном отношении между фактами или между фактом и высказыванием, и, во-вторых, коммуникативной

организацией толкования (в *хотя 1* 'X противоречит Y-у', в *хотя 2* 'Y противоречит высказыванию "X"'). Различение этих двух значений кажется нам оправданным: 1) некоторые сложные предложения с *хотя* можно интерпретировать двояко, в соответствии с различием *хотя 1* vs. *хотя 2* (см., например, (51)); 2) только в первом случае *хотя* может быть заменено на *несмотря на то, что*; 3) только во втором случае предложение, вводимое союзом *хотя*, может быть отделено от главного точкой (в устной речи – фразовой паузой).

1. X, *хотя* Y = Говорящий указывает на то, что имеющий место факт X противоречит имеющему место факту Y .

- (38) ...и *хотя* <несмотря на то, что> бабушка запрещала трогать этот портфель, тем не менее мальчик выгреб из него еще одну коробку конфет, маринованные пикули, паюсную икру и бычки в томате [М.Зощенко, "Парусиновый портфель"].
- (39) Тут одному с нашего дома партнер, прицеливаясь, глаз кием подбил. И *хотя* тот не ослеп, но все-таки слегка окривел [М.Зощенко, "Веселая игра"].
- (40) Пушкин, вспомним, тоскует оттого, что декабристы, *хоть* и заучивают его стихи, но не посвящают его в свои планы [Ю.Олеша].
- (41) Никто не спал, *хотя* час был поздний.
- (42) Соломин послал за доктором, *хотя*, конечно, надежды не было.

2. X, *хотя* Y = Говорящий указывает на то, что факт Y противоречит высказыванию "X" или напрашивающемуся из него выводу.

В некоторых случаях предложение с *хотя 2* следует после продолжительной паузы и носит характер поправки или уточнения (см. (48), (50)).

- (43) Он тоже был зачинщиком этого движения, *хотя* <*несмотря на то, что> в последнюю минуту отказался участвовать в восстании.
- (44) Это плохой фильм, *хотя* он получил первую премию.
- (45) Но успокойтесь, господа, я не получал пощечин, *хотя* мне совершенно все равно, как бы вы об этом ни думали [Достоевский, "Записки из подполья"].

Здесь факт Y противоречит высказыванию "X": если герою все равно, что читатель думает о пощечинах, то он не должен был бы делать высказывание, отрицающее факт получения пощечин.

- (46) Когда вы трете, дорогой, мне легче дышать... И вообще при вас все же лучше. Хотя я хорошо знаю, что зрелище умирания... [Б.Зайцев, "Путники"].

Понимание того, что другим тяжело присутствовать при умирании, должно было бы удержать умирающего от высказывания "X", которым он как бы обязывает присутствующих остаться при нем.

- (47) Он впервые столкнулся с этой стороной характера Андрея, хотя, если подумать, некоторые проявления этого уже были и раньше.
- (48) Уж лучше бы ты женился на простой, необразованной девушке. Хотя простая девушка – это не то, о чем я мечтал для тебя.
- (49) Начинаю понемножку оправляться от безденежья, хотя все-таки денег нет [Чехов, "Письма"].
- (50) И когда мы обсуждали его [Гумилева] с Анной Андреевной, я – исключительно чтобы ее не огорчать, – не высказывал своего подлинного мнения... Хотя я и не скрывал, что, с моей точки зрения, стихи Гумилева – это не Бог весть что такое [И.Бродский; из С.Волков, "Вспоминая Анну Ахматову. Разговоры с Иосифом Бродским"].
- (51) Программа концерта осталась та же, хотя мы изменили порядок номеров.

В (51) *хотя* может быть понято двояко: 1) факт изменения порядка номеров противоречит утверждению, что программа осталась та же (*хотя 2*); 2) изменение порядка номеров должно было бы изменить и их состав, но не изменило (*хотя 1*).

ТАК ЧТО

X, так что Y = Говорящий представляет факт Y или высказывание "Y" как следствие факта X.

- (52) Потом он у нас в жакте резко беседовал с председателем, так что тот удивился, какие бывают взгляды на современность [М.Зошенко, "Огни большого города"].
- (53) А бабушка, будучи не в курсе дела и полагая, что продукты принесены для дома, поставила пикули, икру и бычки за окно. Причем, пробуя икру, больше чем следует налегала на нее, так что

за окно попало, собственно говоря, весьма незначительное количество [М.Зощенко, "Парусиновый портфель"].

- (54) Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до каждого из них, столяр должен был по нескольку раз заходить в трактир и подкрепляться [Чехов, "Каштанка"].
- (55) Близким по жизненной связанности Бенуа мне никогда не был, но фигура его явилась в ранние мои годы и, то приближаясь, то удаляясь, сопутствовала более полувека. Так что, говоря о нем, невольно говоришь нечто и о своей жизни [Сергей Маковский, "На Парнасе Серебряного века"].
- (56) Хлеба тоже нет, так что зайди в булочную.
(Пример заимствован из Падучева 1985: 46.)

Здесь как следствие факта "хлеба нет" представлено произнесение высказывания *зайди в булочную* (а не какой-либо другой факт, ибо в этом высказывании не сообщается ни о каком факте). Остается открытым вопрос о том, надо ли, как мы это сделали для *хотя* и *раз*, разделять два значения союза *так что*, соответствующие тому, идет ли речь об отношении между двумя фактами или об отношении между фактом и высказыванием.

РАЗ

В Иорданская 1988 дается подробный анализ этого союза. Однако данные ниже толкования не повторяют буквально толкований, представленных в указанной статье: теперь мы считаем, что в толкованиях союзов типа *раз* должно быть указание на риторическое действие говорящего.

1. *X, раз Y* = Говорящий представляет высказывание "X" как совершенно естественное в ситуации Y, известной в момент речи адресату.

- (57) Раз у нее грустные глаза, значит, у нее в организме чего-нибудь не в порядке... [М.Зощенко, "Грустные глаза"].
- (58) Раз все уехали, что же он там делает?
- (59) Откажись, раз тебе не хочется к ним идти.

2. X , раз Y = Говорящий представляет имеющий место факт X как совершенно естественный в ситуации Y , известной в момент речи адресату.

(60) Петя сходит в булочную, раз хлеба нет.

(61) Ей сказали, что нужно заплатить пошлину. Она заплатила, раз сказали.

Сопоставительное ЕСЛИ

Если Y , то X = Говорящий сопоставляет имеющие место факты Y и X с целью сделать высказывание " X " более веским.

(62) Если Белинский был родоначальником наших просветителей, то Чернышевский явился самым крупным их представителем [Г.Плеханов].

(63) Если совершенства нет в природе, то еще меньше можно его найти в искусстве и делах человека [Н.Чернышевский].

(64) И если вы, товарищ Ленин, не согласились нарушать порядок, то я имею законное право уступить вам свою очередь, с тем чтобы занять последнюю, вашу [М.Зошенко, "Рассказы о Ленине"].

В заключение сделаем два замечания.

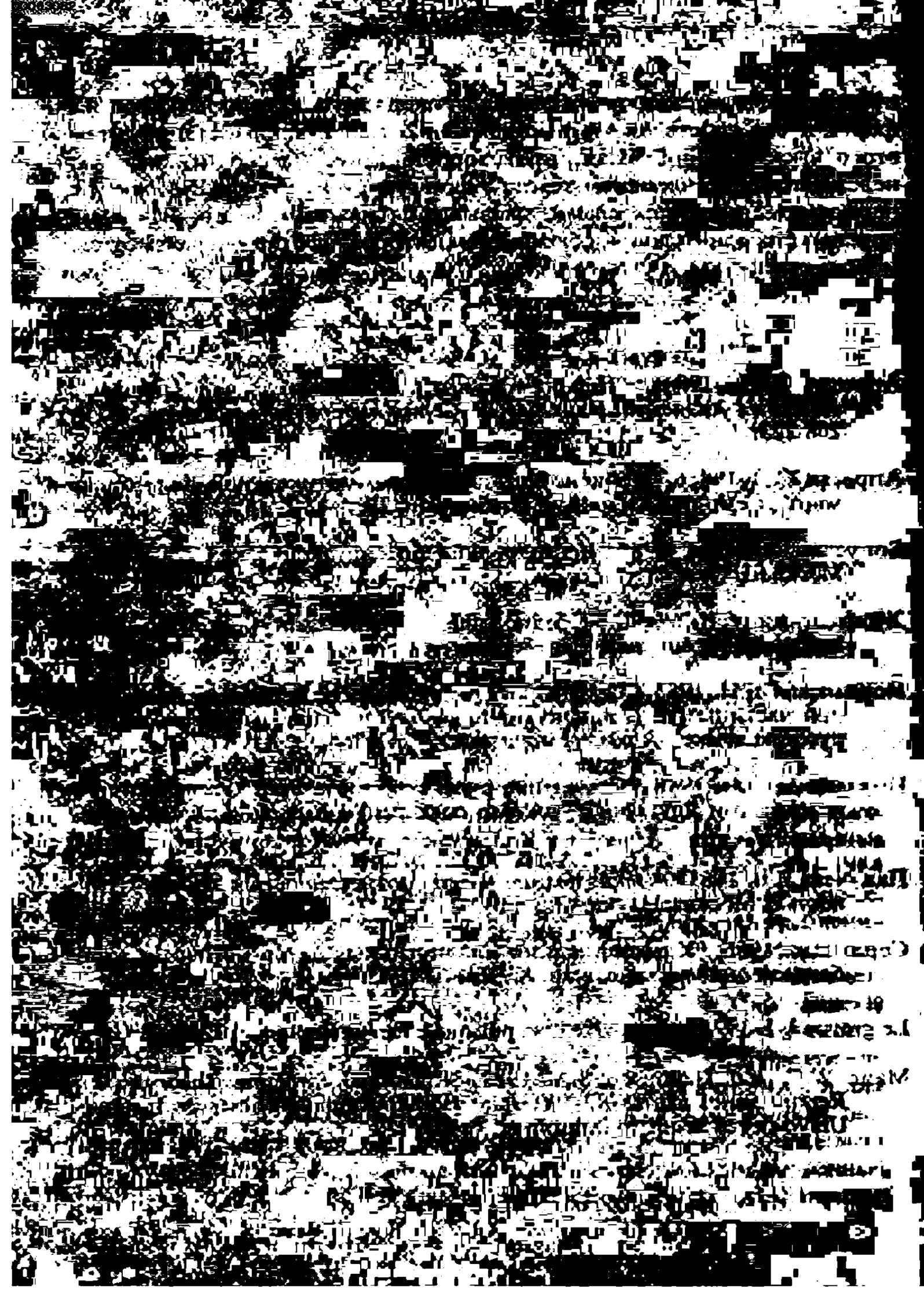
1) Не только многие подчинительные, но и сочинительные союзы являются маркерами определенных риторических действий говорящего. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в словарные статьи союзов *а*, *и*, *но*. Например, в "Словаре русского языка" 1981-1984 употребления союза *а* разделены на противительное, сопоставительное, присоединительное и присоединительно-усилительное, а употребления союза *и* разделены на соединительное, перечислительное, присоединительное и выделительное. Эти этикетки прямо отсылают к соответствующим риторическим действиям говорящего, которые, по нашему мнению, должны быть главным компонентом толкований этих союзов.

2) Можно показать, что рассмотренные выше свойства перформативов, характерные, как оказалось, и для многих союзов, типичны также и для частиц: большинство частиц (вернее, словосочетания, к которым они относятся) тоже нельзя отрицать, ставить под вопрос и к ним нельзя присоединять модификатор. Такие частицы, так же как рассмотренные союзы, не являются описательными элементами текста; как хорошо

известно, они выражают отношение говорящего к сообщаемому им факту, к его собственному высказыванию или к каким-то элементам этого высказывания. Итак, противопоставление "дескриптивные vs. недескриптивные элементы текста", формулируемое обычно в связи с перформативными глаголами, оказывается важным и для изучения других категорий слов – союзов, коннекторов, частиц и, разумеется, междометий.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д. 1986а. "Перформативы в грамматике и в словаре", *Известия Академии Наук СССР, Серия литературы и языка*, LXIV, 208-223.
- Апресян Ю.Д. 1986б. "Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира", *Семиотика и информатика*, вып. 28.
- Богуславский И.М. 1985. *Исследования по синтаксической семантике*, Москва: Наука.
- Жолковский А.К. 1964. "Предисловие", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 8, 3-16.
- Иорданская Л.Н. 1985. "Семантико-синтаксические особенности сочетаний частицы НЕ с иллокутивно-коммуникативными глаголами в русском языке", *Russian Linguistics*, 9, 241-255.
- Иорданская Л.Н. 1988. "Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами)", *Russian Linguistics*, 12, 239-267.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*, Москва: Наука.
- Серль Дж. 1986. "Классификация иллокутивных актов", *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, 170-194.
- Le groupe λ -1. 1975. "Car, parce que, puisque", *Revue Romane*, 10, 248-280.
- Mann W.C. and Thompson S.A. 1987. "Rhetorical Structure Theory", *ISI Reprint Series ISI/RS-87-190, June 1987*. Information Sciences Institute, University of Southern California.

О.С.Кулагина

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ.

1. Введение.

Данная работа посвящена автоматическому синтаксическому анализу (САН) в системе анализа русских текстов (системе АРТ), разрабатываемой в Институте прикладной математики им. М.В.Келдыша АН СССР. Описание морфологического анализа в системе АРТ содержится в работах Кулагина 1985, 1986, описание САН – в работах Кулагина 1987, 1990.

Для описываемого САН разработан метод анализа, который является расширением метода фильтров. Синтаксическое представление анализируемого предложения состоит из двух компонент: 1) синтаксической структуры предложения в виде дерева зависимостей, которое строится из синтаксических связей (ССв), выбранных как предпочтительные из набора гипотетических; 2) структуры фрагментов. Выбор ССв по предпочтению опирается на оценки, которые присваиваются ССв при их проведении, а затем пересчитываются в зависимости от сочетаний ССв в анализируемом предложении и от разбиения этого предложения на фрагменты и группы.

Подавляющее большинство алгоритмов синтаксического анализа текстов на естественных языках базируются в той или иной форме на идее синтаксической правильности анализируемых предложений. Однако специфика естественных языков такова, что как нормы правильности, так и описания их в грамматиках не являются четкими и полными. Естественным языкам свойственны большая гибкость и избыточность, благодаря которым сохраняется возможность понимания текстов даже при несоблюдении или нечеткости норм синтаксической правильности. Наряду с предложениями, о которых можно с уверенностью сказать, что они являются вполне правильными или явно неправильными, встречаются такие, которые не удается подвести под грамматические правила и относительно которых мнения носителей языка расходятся. Кроме того, та часть языка, которую можно назвать "правильной", не является однородной. В каждом естественном языке имеется некоторая основная, достаточно регулярная часть, содержащая основные синтаксические конструкции, которая обычно описывается во всех грамматиках. Наряду с ней есть масса конструкций с частными особенностями (вплоть до специфического поведения конкретных лексем), каждая из которых

очень редка, но суммарная частота которых в тексте не мала. Все эти частные случаи не всегда отражаются в грамматиках, а если даже грамматика очень подробна и охватывает ситуации разной степени общности, то все они описываются "на равных правах", а сведений о различии в степени общности, употребимости, регулярности не приводится.

Если в системе правил для автоматического синтаксического анализа подобные частные конструкции считать допустимыми наряду с общими так же, как в грамматиках для людей, то анализ неоправданно часто становится многовариантным, если их запрещать, то учащается потеря правильного варианта анализа. Компромисс состоит в том, чтобы при достаточно широких рамках правильности выбирать каждый раз тот вариант анализа, который представляется наиболее регулярным и естественным. Ведь даже при формальной правильности нескольких вариантов анализа одной и той же конструкции эти варианты обычно ощущаются носителем языка как неравноправные за исключением случаев, когда специально конструируются фразы, допускающие много разных одинаково допустимых анализов.

Поясним сказанное примерами. Часто приводимое в этом контексте сочетание *Мать любит дочь* формально имеет два правильных анализа, однако тот из них, где первое существительное является субъектом, а второе – объектом, воспринимается как гораздо более естественный, чем второй. Другой пример: *Поздним вечером, как мы договорились, кажется, в пятницу, Петя принес мне книгу, поскольку знал, что она мне понадобится.* Здесь обстоятельство *поздним вечером* формально может управляться несколькими глаголами, и сформулировать правила так, чтобы был выбран глагол *принес*, трудно. Особенно трудно сделать правила так, чтобы гарантировать, что в других сочетаниях, сходных с приведенным, не возникнет ошибок. Задача легче решается на пути формулировки правил, по которым связи к этому обстоятельству от всех глаголов будут разрешены, но будет установлено, что слову *принес* надо отдать предпочтение.

При синтаксическом анализе по методу фильтров условия синтаксической правильности отражены в основном в правилах-фильтрах в виде запретов, которые ограничивают сочетаемость ССв в правильной синтаксической структуре.

Напомним, что в самых общих чертах САн по методу фильтров состоит в том, что для анализируемого предложения строится набор гипотетических ССв, вообще говоря избыточный, который затем фильтруется. При этом отбрасываются те ССв, которые в силу правил-

фильтров несовместимы с уникальными ССв, т.е. такими, которые для своих подчиненных элементов являются единственными.

Метод фильтров имеет много положительных свойств (они подробно разобраны в работе Кулагина 1979, где рассмотрен опыт использования этого метода для анализа французских текстов), но, как и все другие, допускает улучшение и развитие.

Представляется, что специфику естественных языков можно учесть полнее, если набор правил будет включать не только правила-разрешения (разрешающие проведение определенных ССв) или правила-запрещения (запрещающие некоторые комбинации ССв), но и правила выбора среди разрешенных ССв тех, которым следует отдать предпочтение среди альтернативных.

Именно в этом направлении и делается главный шаг расширения возможностей фильтрового метода в описываемом САН. Основой для выбора ССв по предпочтению является система оценок, которые приписываются ССв и которые учитывают различия между сильными и слабыми валентностями, степень обязательности заполнения мест у слов с предикатными свойствами, отделенность связываемых слов элементами разных синтаксических классов и т.д.

Другое направление расширения состоит в том, что правилами, независимыми от правил установления ССв, проводится разбиение предложения на фрагменты и группы, устанавливаются их типы и типы их границ. Это деление учитывается при пересчете оценок ССв.

Целью описываемого САН, как сказано выше, является построение синтаксического представления предложения в виде двух структур. Одна из них – это синтаксическая структура анализируемого предложения в виде размеченного дерева зависимостей, узлы которого словоформы, идиоматические словосочетания, выступающие в анализе как единое целое (обороты), и знаки препинания, а дуги – синтаксические связи разных типов. Разные виды узлов будем называть общим термином "текстовая единица" (ТЕ). Каждая ССв связывает две ТЕ (управляющую и подчиненную, или зависимую) и считается направленной от управляющей к зависимой. Другая структура – это структура из фрагментов. Исходные фрагменты объединяются в более крупные, а между обобщенными фрагментами устанавливаются определенные отношения.

Описываемый САН имеет следующие фазы: 1) разбиение предложения на фрагменты и построение иерархической структуры фрагментов; 2) разбиение предложения на группы словоформ; 3) построение набора гипотетических ССв; 4) пересчет оценок ССв и выбор ССв с максимальными оценками; 5) построение дерева зависимостей и устано-

вление отношений между фрагментами. Каждая из этих фаз делится на ряд этапов.

По аналогии с Preference Semantics Уилкса (Wilks 1973), данный метод можно назвать Preference Syntax. Идея выбора по предпочтению при анализе и синтезе текстов использовалась и раньше (подробнее об этом см. Кулагина 1979, 1987), однако насколько автору известно, она впервые воплощается в автоматическом синтаксическом анализе русских текстов последовательно и полно.

Основная гипотеза, на которую опирается этот подход, состоит в том, что при нормальном конструировании любого текста говорящий или пишущий стремится быть понятым однозначно, а, соответственно, строит текст так, чтобы обеспечить основания для правильного выбора при возникающих альтернативах. Как уже было замечено, случай, когда специально строятся многовариантные предложения, не является ординарным.

2. Фрагменты и группы.

Деление анализируемого предложения на фрагменты и группы обусловлено следующими соображениями. Как известно, русский язык является языком со свободным порядком слов, с очень широкими и гибкими возможностями, поэтому утверждать, что всегда самая короткая из альтернативных ССв является предпочтительной, нельзя. Такое решение для произвольных сочетаний ССв будет слишком грубым, хотя оно нередко будет оправдываться. Вместе с тем, не учитывать при анализе такого важного фактора как соседство или близость расположения связываемых словоформ (т.е. длины ССв) тоже невозможно. Понимание этого и привело к поиску сочетания подходов: с одной стороны, установление гипотетических ССв с очень большой свободой движения по фразе, с другой стороны, учет соседства в комплексах слов, образующих блоки, из которых складывается вся фраза в целом.

2.1. Фрагменты.

Построение структуры фрагментов начинается с того, что анализируемое предложение разбивается на фрагменты (Ф) первого уровня. Это делается путем выявления тех элементов предложения, которые могут быть границами (Г) фрагментов. Устанавливаются типы (Т) границ и фрагментов.

Границами фрагментов считаются знаки препинания (ЗП), сочинительные союзы (СС), подчинительные союзы (ПС) и приравненные к ним союзные слова.

Границам присваиваются типы по следующим правилам.

$\Gamma(T=1)$ – точка; вопросительный и восклицательный знаки; двоеточие; запятая перед ПС, кроме ПС, перечисленных при $T=5$; неомонимичные ПС, перед которыми нет ЗП; скобки.

$\Gamma(T=2)$ – запятая перед *то*; запятая перед СС, за которым непосредственно следует ЗП, СС или ПС; запятая перед глаголом или кратким прилагательным/причастием с *ли*; СС перед ПС при отсутствии ЗП перед СС.

$\Gamma(T=3)$ – запятая перед СС; СС перед другим СС, если перед первым нет запятой.

$\Gamma(T=4)$ – запятая в случаях, где T не равно 1,2,3,5.

$\Gamma(T=5)$ – запятая перед союзами: *даже, как, разве, так, также, тоже, точно, словно, чем*.

$\Gamma(T=6)$ – тире.

$\Gamma(T=7)$ – СС *и*, если он не стоит после ЗП, СС, ПС и не подходит под условия $T=3$ или $T=8$; СС *или*, не стоящий после ЗП.

$\Gamma(T=8)$ – СС *и* перед глаголом в личной или повелительной форме, глаголом в инфинитиве, кратким прилагательным или причастием.

Кроме типов, границам приписываются пометки "открытость" (ОТК) или "закрытость" (ЗАК). Для простоты формулировки правил считается, что предложение начинается с начальной точки. Признак ОТК получают начальная точка, двоеточие, точка с запятой, левая скобка, неомонимичные ПС из специального списка. Признак ЗАК получают конечная точка, двоеточие, точка с запятой и правая скобка.

Фрагментом первого уровня считается часть предложения, оказавшаяся между двумя границами. Тип фрагмента устанавливается в зависимости от его вершины. Вершиной фрагмента считается находящееся в нем вершинное слово с максимальным весом. Ниже перечисляются вершинные слова в порядке убывания весов и указывается тип, присваиваемый фрагменту, если данное вершинное слово является его вершиной: 1) глагол в личной или повелительной форме – $\Phi(T=П)$; 2) прилагательное или причастие в краткой форме (неомонимичное) – $\Phi(T=А)$; 3) глагол в инфинитиве – $\Phi(T=И)$; 4) деепричастие – $\Phi(T=Д)$; 5) причастие – $\Phi(T=ПР)$; 6) прилагательное или причастие в краткой форме (омонимичное) – $\Phi(T=ПН)$; 7) вводное слово – $\Phi(T=ВВ)$; 8) союз – $\Phi(T=C1)$, если фрагмент состоит из неомонимичных союзов (или одного союза), и $\Phi(T=C2)$, если фрагмент состоит из союзов, среди которых есть омонимичные. Кроме того, вводятся типы: $\Phi(T=К)$ для

фрагмента, который не содержит вершинных слов, и $\Phi(T=0)$ для пустого фрагмента, который может возникнуть при соседстве границ.

Установление границ и фрагментов первого уровня дает исходную фрагментарную структуру предложения, которую мы будем называть его исходной ГФ-структурой. Ввиду сказанного выше о границах, ГФ-структура всегда начинается с $\Gamma(T=1, \text{ОТК})$ и кончается $\Gamma(T=1, \text{ЗАК})$.

Для фрагментов разработаны правила их объединения. Эти правила делятся на два уровня, к первому отнесены более простые, очевидные правила, ко второму более сложные.

Приведем примеры правил объединения фрагментов. В записи правил косая черта / обозначает дизъюнкцию, знак == отделяет условие правила от его результирующей части.

Правило 1.

$$\Phi(T=\text{Д/ПР/К})\Gamma(T=7)\Phi(T=\text{К})\Gamma(T=1, \text{ЗАК})== \\ \Phi(T=\text{Д/ПР/К})\Gamma(T=1, \text{ЗАК})$$

Это правило первого уровня. Оно присоединяет фрагмент без вершины, которому предшествует союз и, к предыдущему фрагменту в ситуации, не имеющей альтернатив, ввиду закрытости последней границы.

Правило 2.

$$\Gamma(T=1)\{\Phi(T=\text{Д/ПР/К/ВВ})\Gamma(T=4/5/7)\}\Gamma(T=3)\Phi(T=\text{П/А})== \\ \Gamma(T=1)\Phi(T=\text{П/А}).$$

В этом правиле часть, указанная в скобках, может повториться несколько раз, оно второго уровня. Это правило позволяет объединить фрагменты вспомогательного характера (вводный, причастный или деепричастный оборот, фрагмент без вершины) с фрагментом, содержащим сказуемое.

Применение правил первого уровня к исходной ГФ-структуре порождает ГФ-структуру второго уровня, а применение к ней правил второго уровня дает ГФ-структуру третьего уровня. Границы, поглощенные при применении правил объединения фрагментов, получают соответствующие пометки.

2.2. Группы.

Построение групп делается поэтапно. Сначала строятся некоторые исходные группы, потом проводится расширение и объединение групп, дающее расширенные группы.

Построение исходных групп состоит в установлении вершины группы, типа группы, ее левых и правых границ и их типов.

Каждая исходная группа строится вокруг некоторого главного слова, синтаксический класс которого определяет правила построения группы.

Обычно это главное слово и становится вершиной группы (исключение указано ниже).

С каждой стороны от главного слова допускается наличие не одной, а двух или, иногда, трех границ. Они нумеруются по мере удаления от главного слова. Одна из границ может быть признана окончательной. Если окончательной признается первая граница, то это значит, что вопрос о границе с данной стороны решен однозначно, поиск других границ в эту сторону уже не проводится. Но если окончательной становится не первая граница, то это означает только то, что группа заведомо не может простираться дальше нее в данную сторону, но это еще не значит, что именно эта граница является правильной. Окончателюность границ учитывается при расширении групп.

Границам присваиваются типы – числовые оценки. Вообще говоря, увеличение типа границы соответствует уменьшению определенности границы, причем при наличии нескольких границ обычно тип увеличивается по мере удаления от главного слова. Вместе с тем, тип границы может отражать не только ее жесткость, но и способ получения и некоторые другие свойства границы или самой группы, что оказывается удобным при расширении групп.

Приведем правила построения исходных групп. Поясним, что говоря "граница группы проходит по такому-то слову", мы считаем это слово входящим в группу. Правила приводятся в сокращенной форме, подробное описание см. в работе Кулагина 1990.

Группа местоимения состоит либо из одного слова – самого местоимения, либо из местоимения и непосредственно предшествующего ему предлога. В последнем случае вершиной считается предлог. Это и есть тот единственный случай, когда вершина – не главное слово.

Группа числительного объединяет несколько соседних числительных, вершиной считается первое слева числительное.

Группа прилагательного полного (тип 20) или краткого (тип 25) может включать кроме самого прилагательного предшествующие ему приадективные наречия и частицы. Например, *даже не очень большой, весьма актуален*.

Группа причастия (тип 21) подобна группе прилагательного, только в нее могут входить любые наречия, а кроме того, она может включать и наречия, стоящие справа от причастия. Например, *не вполне завершённый вчера; вывернутый наизнанку*.

Группа глагола (тип 10) охватывает, кроме самого глагола, предшествующие ему и следующие за ним наречия и частицы, причем допускаются однородные наречия, соединенные соединительными союзами

или знаками препинания. Например, *не слишком легко и изящно решил вчера; быстро, просто и точно сформулировал.*

Группа деепричастия строится по тем же правилам, что и группа глагола, только тип группы равен 12.

Группа существительного (тип 1) имеет наиболее сложное строение. Кроме вершины, в нее могут входить предшествующие вершине определения (прилагательные и причастия, которые могут иметь свои подчиненные элементы), числительные и частицы, а также следующие за существительным приименные наречия, числительные и определения, также с их подчиненными. Например, *эти три первых индекса справа; не только граница сорок восемь; не слишком интересный случай.*

Для примера приведем правила установления границ группы существительного полностью. Введем необходимые для этого обозначения. Существительное-вершину будем обозначать через S , предлог – Pr ($Pr\#$ – неомонимичный предлог, PrH – омонимичный с наречием). Непосредственное соседство будем показывать знаком $+$. Через X обозначим совокупность синтаксических классов: прилагательные, причастия, числительные и частицы, отличные от *бы, ли, же*. Через Y обозначим совокупность синтаксических классов: существительные, местоимения, глаголы, деепричастия, союзы, знаки препинания, краткие прилагательные или краткие причастия. Наконец через Z обозначим совокупность синтаксических классов, отличных от Pr и не вошедших в X и Y . В записи последовательности представителей определенных синтаксических классов символ класса показывает, что в данном месте допускается элемент этого класса либо один, либо со своей группой; символ класса со $*$, т.е. $X*$ (или $Y*$, или $Z*$) – любое (включая нулевое) число элементов указанного класса, возможно с их группами. Соответственно запись $X/X*$ показывает произвольное, но ненулевое число элементов класса X , возможно с их группами (аналогично для Y , Z). Первую левую границу обозначим $ЛГ1$, вторую – $ЛГ2$, третью – $ЛГ3$, а через $ПГ1$, $ПГ2$, $ПГ3$ – соответствующие правые. Запись дополнительного индекса 0 показывает, что граница окончательная (например, $ЛГ1, 0$). В скобках указывается тип границы.

Правила установления левой границы таковы. При наличии сочетания $Y + S$ по S проводится $ЛГ1, 0(T=1)$. Для сочетания $Pr\# + S$ $ЛГ1, 0(T=1)$ проводится по Pr , а для сочетания $PrH + S$ по S проводится $ЛГ1(T=1)$, а по PrH – $ЛГ2(T=2)$. Различие в оценках и проведение второй границы связаны с тем, что PrH может как входить, так и не входить в группу S . Примеры для сравнения: *После книги Иванова другие неинтересны и После книги Иванова я уже не нашел.*

Если С предшествует определению (прилагательное или причастие), то ЛГ1 группы прилагательного становится ЛГ1(Т=3) группы С; аналогично с числительным, только Т=4. Если перед С стоит частица (не бы, ли, же), то по частице проводится ЛГ1(Т=5). В этих трех случаях поиск левой границы продолжается. Если первой границе, установленной как сказано выше, предшествует предлог, то происходит замена границы: ПР# становится ЛГ1, 0(Т=1), а ПрН становится ЛГ2(Т=2). Если ЛГ1(Т=3/4/5) предшествует элемент класса Y, то она становится окончательной типа 1. В сочетании Z+C по С проводится ЛГ1(Т=1), поиск границ продолжается. Если имеем Пр + Z/Z* + X* + С, по Пр проводится ЛГ2(Т=1) для ПР# и ЛГ2(Т=2) для ПрН. В цепочке Y + Z* + X* + С элемент, следующий за Y, становится ЛГ2(Т=7).

Правила установления правой границы группы С таковы. По С всегда проводится ПГ1(Т=1). Если имеем С + Y, то эта граница становится окончательной. Если имеем сочетание С + X, то проводится еще вторая граница в зависимости от X. Если X – числительное, то правая граница группы числительного становится ПГ2(Т=4) группы С. Если X – одно из слов *сам, весь, только*, то оно становится ПГ2(Т=2). Если X – прилагательное или причастие, не согласованное с С, то само С становится ПГ2(Т=5); если же X – это определение (прилагательное или причастие), согласованное с С, то ПГ группы определения становится ПГ2(Т=2) для группы С. При этом может быть установлена еще ПГ3(Т=7) перед первым появлением справа от С элемента Y. Если после С идет приименное наречие, то оно становится ПГ2(Т=3).

Как видно из приведенных выше правил, группа существительного уже в процессе построения может поглотить некоторые из ранее построенных групп (группу числительного, группу прилагательного или причастия). Группы прилагательных и причастий могут остаться самостоятельными, если они обособлены или субстантивированы.

Некоторые другие наиболее типичные ситуации, когда несколько соседних групп связаны отношениями подчинения и образуют единое целое с точки зрения выделения членов предложения, учтены правилами расширения групп. К ним отнесены, например, построение сложного сказуемого, включающего как личный глагол, так и глаголы в инфинитиве (*решил начать писать*), объединение атрибута с его управляющим и др. При объединении одна из групп становится расширенной, ей записываются третьи границы, охватывающие объединяемые группы.

3. Построение набора гипотетических синтаксических ССв.

При построении набора гипотетических ССв для представителей всех синтаксических классов, кроме союзов, используются два типа сведений о синтаксических валентностях слов, т.е. об их способности участвовать в ССв определенных типов.

Первый тип – это известные "модели управления" (МУ), они характеризуют способность слова присоединять к себе подчиненных определенных типов (валентности на ССв "сверху вниз"). Этим способом в АРТ задаются все актантные ССв и часть сирконстантных.

Другой тип сведений – таблица задания синтаксических связей, называемая "таблица-анализатор" (ТАн). В ней указывается возможность ТЕ с определенными свойствами выступать в роли подчиненной в определенных ССв (валентности "снизу вверх"). С помощью ТАн задаются следующие виды ССв: обстоятельственные (частично), атрибутивные, аппозитивные, определительные, местоименные, элективные, сравнительные, сопоставительные, сочинительные, количественные, отпредложные, отсоюзные, вспомогательные.

С помощью МУ описываются в основном те валентности, где больше проявляются индивидуальные свойства слов, а с помощью ТАн – более стандартные случаи, где одинаковые ССв проводятся между любыми представителями определенных классов ТЕ.

Следует заметить, что в той же форме, как и валентности на актанты, задаются разрывные фраземы (как, например, *дает себя знать; взять за правило* и т.п.). Такие фраземы обычно состоят из главного слова-предиката, в котором определенные места заняты конкретными лексемами, неотделимыми друг от друга.

3.1. Модели управления.

Модели управления имеются у слов с предикатными свойствами: глаголов, прилагательных, существительных, выражающих действия или процессы. У глаголов и прилагательных МУ состоит из двух частей: МУ1 описывает актантные валентности слова, а МУ2 сирконстантные валентности. У существительных есть только МУ1. Описание МУ1 включает в себя следующие компоненты: 1) число мест, 2) тип связи для каждого места, 3) число вариантов заполнения каждого места, 4) характеристики разных вариантов заполнения мест (указывающие, представители каких синтаксических классов и с какими признаками могут заполнить то или иное место), 5) оценки степени обязательности заполнения мест, 6) оценки ССв в зависимости от направления, 7) оценки

употребимости разных вариантов заполнения одного места, 8) сведения о сочетаемости разных вариантов заполнения мест.

Поясним те из них, которые включают в себя оценки. Оценка степени обязательности заполнения мест – это априорная оценка (принимая значения от 0 до 3), характеризующая степень обязательности наличия определенного подчиненного в полной изолированной фразе. Например, глаголы *давать* и *делать* оба могут иметь адресата, но степень обязательности его наличия у них разная. Фраза *Коля дал книгу* без указания, кому он ее дал, воспринимается как незаконченная, а фраза *Коля делал стенд* без указания того, для кого он его делал, воспринимается как законченная. Соответственно оценки необходимости заполнения места адресата у этих глаголов разные.

Имеется две оценки ССв в зависимости от направления: первая из них определяет оценку ССв, направленной справа налево, а вторая – той же ССв, направленной слева направо. Они принимают значения от 0 до 7. Например, для переходных глаголов обычно субъектная ССв имеет оценки 6 и 4, а объектная 4 и 6.

Оценка употребимости варианта принимает значения от 0 до 3, она тем выше, чем чаще используется данный вариант заполнения этого места. Например, объект глагола *давать* может быть существительным в винительном падеже (часто) или глаголом в инфинитиве (редко), им присвоены соответственно оценки 3 и 1.

Оценка, определяемая направлением, присваивается гипотетической ССв в качестве исходной, а другие указанные выше оценки применяются при пересчете оценок.

При пересчете оценок используются также сведения о сочетаемости мест. Они бывают трех видов.

Первый вид – это сведения о совместимости определенных вариантов заполнения разных мест одного и того же предикатного слова. Например, от слова *решение* субъектная ССв может идти к существительному в родительном (*решение Иванова*) или в творительном (*решение Ивановым*) падеже; объектная ССв может идти к существительному в родительном падеже (*решение задачи*) или к глаголу в инфинитиве (*решение уехать*). Сочетания *решение Ивановым задачи* и *решение Иванова уехать* вполне допустимы, *решение Ивановым уехать* недопустимо, *решение Иванова задачи* допустимо с большим трудом.

Второй вид – это сведения о необходимости заполнения хотя бы одного из группы указанных мест. Например, для глагола *писать* требуется, чтобы присутствовал хотя бы один из трех актантов: *что, о чем, кому*.

Третий вид – это сведения о неотделимости определенных вариантов заполнения разных мест. Этот вид используется в основном для разрывных фразем. Например, для задания фраземы *даст себя знать* при глаголе *давать* будет указано, что подчиненные *себя* и *знать* неотделимы.

МУ2 прилагательных записывается в такой же форме и содержит сведения о характерных для данного прилагательного обстоятельствах. МУ2 глаголов имеет несколько иной вид, поскольку ССв с обстоятельствами устанавливаются для всех глаголов по ТАН, а сведения из МУ2 глаголов используются только для уточнения оценок и, иногда, типов сирконстантных ССв (см. Кулагина 1990).

3.2. Таблица-анализатор.

Каждая строка таблицы-анализатора служит для задания ССв определенного типа, связывающей две ТЕ, обладающие определенными значениями признаков и определенным образом расположенные во фразе. Задание ССв включает в себя следующие компоненты: 1) тип ССв, 2) условия на признаки подчиненного элемента ССв, 3) условия на признаки управляющего элемента ССв, 4) условия на согласование признаков связываемых ТЕ, 5) условие на взаимное расположение связываемых ТЕ во фразе, 6) условия пропуска, 7) указание о записи, 8) оценка ССв.

Поясним три последние, остальные в пояснениях не нуждаются. Условия пропуска – это запись "всё" (пропускаются любые ТЕ), либо запись "ничего" (никакие ТЕ не пропускаются), либо дизъюнкция синтаксических классов (можно пропускать представителей указанных классов), либо запись "всё кроме + дизъюнкция синтаксических классов" (можно пропускать представителей всех синтаксических классов, кроме указанных). Одна и та же ССв может фигурировать в ТАН в нескольких вариантах с разными условиями пропуска, по мере ослабления условия уменьшается исходная оценка этой ССв.

Указание о записи служит для записи новых значений признакам связываемых ТЕ. Возможна запись определенного значения признака либо подчиненной, либо управляющей ТЕ, либо перенос некоторого признака от подчиненной ТЕ к управляющей. Некоторые из этих признаков записываются для сокращения числа гипотетических ССв. Например, это бывает, когда для некоторой ТЕ найдено такое подчиненное, что дальнейший поиск аналогичных подчиненных уже не нужен. Так от существительного может быть проведена только одна определительно-указательная ССв (ССв к словам *тот* или *этот*). Поэтому если одна такая ССв проведена, то существительному записывается специаль-

ный признак, показывающий, что к другим указательным словам, отстоящим дальше от него, можно гипотетические ССв данного типа от этого существительного уже не проводить. Для обычной определительной ССв это не так, поскольку возможно наличие нескольких определений: например: *новый интересный случай*.

3.3. Правила установления связей для союзов.

ССв для союзов проводятся по приводимым ниже правилам. Эти ССв обладают специфическими свойствами, в частности, они могут нарушать проективность. Так, например, если в предложении есть однородные группы с повторяющимися союзами, то ССв таких союзов между собой и однородные связи между вершинами групп могут пересекаться, и это не приводит к уничтожению каких-либо из них. Специальные связи для союзов помогают оценивать ССв к другим словам.

Обработка союзов имеет две разновидности.

Первая служит для установления связей между повторяющимися и парными союзами. К повторяющимся союзам относятся: *и, или, либо, ни, не то, то*. Связи проводятся слева направо от одного союза к другому такому же. Например, в сочетании *либо первый, либо второй, либо третий случай* связи будут проведены от первого *либо* ко второму, от второго – к третьему.

Под парными союзами имеются в виду следующие сочетания: *не только, но и; как, так и; если, то; раз, то; когда, тогда; чем, тем; столько, сколько; насколько, настолько* (причем в трех последних парах порядок произвольный). Связи проводятся от левой компоненты парного союза к правой.

Другая разновидность обработки союзов – это установление связей к союзам от так называемых соотносительных слов, в роли которых выступают уже не союзы, а прилагательные, местоимения и др. Так, в этой роли часто встречаются такие слова, как *тот, такой* и т.п. Например, для *который* соотносительными словами могут быть и формы *тот*, и формы *такой*, а для союза *чтобы* слово *тот* соотносительным словом не является.

Соотносительные слова разделены на 35 классов в зависимости от того, с какими словами они могут давать сочетания (среди этих классов много одноэлементных). Номер соотносительного класса входит в словарную информацию слов. Связь к союзу проводится от ближайшего слева соотносительного слова, ее тип определяется союзом.

4. Правила пересчета оценок.

Правила выбора ССв для построения дерева зависимостей основаны на пересчете их оценок в зависимости от сочетаний ССв, контекста, границ групп и фрагментов. После пересчета оценок для каждого слова выбираются ССв с максимальными (для данного слова) оценками.

Перед началом пересчета оценок обе совокупности гипотетических ССв (полученных по моделям управления слов с предикатными свойствами и по таблице синтагм – анализатору) объединяются в единую таблицу, упорядоченную по номерам подчиненных элементов. Объединенный набор дополняется еще некоторыми ССв, а именно так называемыми ССв самоуправления, когда слово считается управляющим самим собой. Введение таких ССв упрощает построение единичного набора, так как без самоуправляющих ССв могло получиться, что для некоторых слов вообще не будет ССв. Так например, ни по моделям управления, ни по анализатору не проводятся ССв к личным глаголам. Кроме того, может оказаться, что для некоторого слова, которое, вообще говоря, может подчиняться другим словам, в данной фразе не нашлось ни одного претендента на роль управляющего. Соответственно различаются два случая: обязательное и окказиональное самоуправление. Самоуправляющие ССв обязательно вырабатываются для глаголов в личной форме, кратких прилагательных и причастий, а также для знаков препинания. Для остальных синтаксических классов самоуправление окказионально, соответствующие ССв вырабатываются только при отсутствии других ССв к данному слову.

При пересчете оценки могут как увеличиваться, так и уменьшаться на величину, указанную в правиле. Если из оценки некоторой ССв надо вычесть величину, не меньшую, чем ее оценка, то этой ССв записывается нулевая оценка (что равносильно ее вычеркиванию из таблицы ССв, поскольку ССв с нулевой оценкой в дальнейшем при работе правил во внимание не принимаются). При записи некоторой ССв ненулевой оценки проверяется, сколько ССв с ненулевой оценкой имеется для данного слова. Если в некоторый момент осталась только одна такая ССв, то она получает соответствующую пометку о единственности, чтобы в дальнейшем она не подлежала вычеркиванию и сохранилась.

Правила пересчета оценок делятся на общие, применимые независимо от типа ССв, групповые, применимые к ССв некоторой группы типов, и частные, применимые только к ССв определенного типа.

К общим правилам относятся правила, учитывающие уникальность ССв, требования проективности, а также деление фразы на фрагменты и группы.

Уникальность ССв, т.е. тот факт, что для некоторого слова имеется только одна ССв, в которой оно выступает в качестве подчиненного, учтена тем, что их оценки увеличиваются на 5.

На требованиях проективности основано несколько правил. Часть из них учитывает запрещение пересечения ССв. Так пересечение с уникальной ССв для всех ССв, кроме сравнительных и ССв к союзам, приводит к записи нулевой оценки. Пересечение ССв, у которой оценка меньше 7, с другой, у которой оценка больше 7, приводит к уменьшению оценки первой из них на 4. Другое требование проективности учтено правилом, по которому уменьшается на 4 оценка ССв, элементы которой оказались по разные стороны от вершины фрагмента, имеющего тип П или А.

Деление фразы на фрагменты также учтено несколькими правилами. Так, например, по одному из них увеличивается на 1 оценка всех ССв, связывающих два элемента одного фрагмента. По другому оценки ССв, идущих к словам предикатного фрагмента типа П или А от слов вне его, уменьшаются на 3.

Деление фразы на группы учтено следующим образом. Повышаются оценки для всех ССв, идущих от вершины группы к ее элементам, причем для элементов, стоящих между вершиной и первой границей оценка увеличивается на 3, для элементов, стоящих между вершиной и второй границей – на 2, для элементов между вершиной и третьей границей – на 1. На такую же величину уменьшаются оценки ССв, идущие к элементам группы извне группы, за исключением ССв к вершине группы или к предлогу в группе существительного.

К групповым правилам относятся, например, следующие. Для всех ССв, установленных по моделям управления и идущих к существительному или глаголу в инфинитиве, оценка увеличивается на 2, если управляющее и управляемое стоят рядом. Другое групповое правило охватывает сравнительные и однородные ССв. Такие ССв требуют подтверждения в виде знака препинания. Если между элементами такой ССв вообще нет знаков препинания, то она получает нулевую оценку, а если они есть, то оценка пересчитывается в зависимости от их числа и вида.

Каждое частное правило, как сказано выше, относится к ССв определенного вида.

В качестве примера приведем одно из правил для субъектных ССв. Если есть глагол единственного числа и ближайший к нему претендент на роль его субъекта стоит слева от него в том же фрагменте первого уровня и является неомонимичным существительным или личным местоимением в именительном падеже, то оценка этой субъектной ССв

увеличивается на 3, оценки других субъектных ССв к словам левее первого претендента уменьшаются на 3, а оценки субъектных ССв, направленных вправо от глагола, приравниваются нулю. Если же глагол стоит во множественном числе, то работает аналогичное правило, только не уменьшаются оценки других субъектных ССв, идущих влево.

В результате работы правил пересчета получается новая таблица ССв с пересчитанными оценками.

5. Выбор ССв с максимальными оценками.

После пересчета оценок начинается выбор ССв с максимальными оценками. Для каждого слова устанавливается, каков максимум оценок среди ССв, в которых данное слово является подчиненным. Связи с такими оценками собираются в очередную таблицу ССв. Одновременно для омонимичных словоформ фиксируется, участвует ли во всех этих ССв один какой-либо омоним или несколько.

Как показали эксперименты, проведенные на разнообразных фразах, для большинства слов оказывается по одной ССв с максимальной оценкой и лишь для незначительной части слов (трех-четырех при длине фразы в 20-25 слов) остается несколько таких ССв.

К числу слов, для которых нередко оказывается несколько ССв с максимальной оценкой, относятся, например, деепричастия. Это легко понять, поскольку деепричастный оборот может относиться как к предшествующему, так и последующему глаголу, отстоять от него произвольно далеко, причем никаких априорных предпочтений на подчинение деепричастного оборота у глаголов указать нельзя.

Трудности с выбором одной ССв возникают нередко у такого частно встречающегося слова как *что* (омонимия союза и местоимения), поскольку бывает трудно установить, выступает ли оно в функции объекта или союза. С ним сравнительно легко конструируются фразы, двусмысленные даже для человека. Например, в предложении *Он знает, что Петя сказал так* для *что* возможны оба понимания. Первое соответствует перифразе 'Он знает о факте: Петя сказал нечто таким-то способом', где *что* – союз. Второе соответствует перифразе: 'Он знает, какое именно из высказываний Пети было сделано так', где *что* – местоимение. В этом примере оснований для выбора вообще нет, в других случаях они имеются, но трудно уловимы.

Несколько ССв с максимальными оценками остаются также довольно часто для предлога, особенно если нет предиката, связь от которого к предлогу установлена по модели управления.

Окончательный выбор по одной ССв для каждого слова делается на следующем заключительном этапе синтаксического анализа.

6. Правила построения единичного набора связей.

Единичный набор ССв – это набор, в котором для каждой ТЕ имеется ровно одна ССв, в которой эта ТЕ является подчиненной. Такой набор уже близок к дереву зависимостей, но отличается от дерева тем, что может быть несвязным: например, в нем все личные глаголы являются самоуправляющимися.

Если для некоторого узла к началу описываемого этапа осталось несколько альтернативных ССв, то это значит, что с точки зрения оценок они равноправны.

На данном этапе для каждого слова, для которого осталось несколько ССв, выбирается та ССв, которая является наиболее "естественной" для представителей данного синтаксического класса. Этот выбор в основном опирается на расположение подчиненного и претендентов на роль его хозяина, а именно, на их взаимный порядок и расстояние. В некоторых случаях принимаются во внимание типы ССв.

Так, для частиц и числительных наиболее естественной считается кратчайшая ССв, направленная справа налево. Для прилагательных – это кратчайшая из определительных ССв, направленных справа налево; если и таких нет, то кратчайшая ССв, идущая слева направо.

Для существительных и местоимений в именительном падеже берется кратчайшая субъектная ССв, идущая справа налево, а если таких нет, то идущая слева направо. Для существительных и местоимений не в именительном падеже берется в первую очередь кратчайшая ССв, идущая слева направо, а при их отсутствии – кратчайшая справа налево.

Для предлога наиболее естественной считается кратчайшая из ССв, установленных по моделям управления, идущая слева направо; если таких нет, то кратчайшая из ССв, установленных по моделям управления, идущая справа налево; а если и таких нет, то кратчайшая из имеющихся.

Во всех случаях, когда нет специальных оснований для выбора, берется кратчайшая из имеющихся ССв.

Построенный набор ССв может быть, как уже отмечалось, несвязным за счет ССв самоуправления. Для элементов фразы, которые не являются вершинами фрагментов, вместо самоуправления записываются связи от вершин их фрагментов.

Так полученный набор ССв проверяется на согласованность в двух планах.

Во-первых, проверяется согласованность набора с точки зрения омонимов, участвующих с ССв: для каждого омонимичного слова во все ССв, где оно входит в качестве подчиненного или управляющего, должен входить один и тот же омоним этого слова.

Во-вторых, проверяется согласованность по взаимоотношению фрагментов. Нормальной является ситуация, когда каждому фрагменту соответствует поддерево, т.е. все слова, кроме одного, подчинены словам того же фрагмента, а одно слово (вершина фрагмента) может быть подчинено слову из другого фрагмента или быть самоуправляющим.

Если слово из одного фрагмента подчинено слову другого фрагмента, то такую ситуацию естественно интерпретировать как подчинение первого фрагмента второму. Если один фрагмент окажется подчинен двум разным, то это означает, что отобранные ССв не дадут дерева зависимостей.

Если согласованного в указанном выше смысле набора ССв получить не удастся, то в настоящее время САН выдает отказ. В дальнейшем систему правил предполагается расширить для исправления положения в этом случае.

Если по соподчинению фрагментов противоречий нет, то набор ССв дополняется до связного. Если некоторый фрагмент, не подчиненный никакому другому (т.е. с самоуправляющей вершиной) оказался между двумя фрагментами, связанными отношениями подчинения, то он тоже считается подчиненным главному из них. Это выражается в том, что к его вершине проводится ССв от вершины управляющего фрагмента. Остальные фрагменты, ничему не подчиненные ранее, подчиняются последовательно слева направо, путем записи соответствующих ССв между их вершинами. Самоуправляющая вершина главного фрагмента становится корнем всего дерева зависимостей анализируемого предложения.

Проведение ССв между вершинами фрагментов завершает построение как дерева зависимостей, так и фрагментной структуры предложения.

Для дерева зависимостей, построенного описанным выше способом, вычисляется оценка, равная сумме оценок всех ССв, входящих в данное дерево.

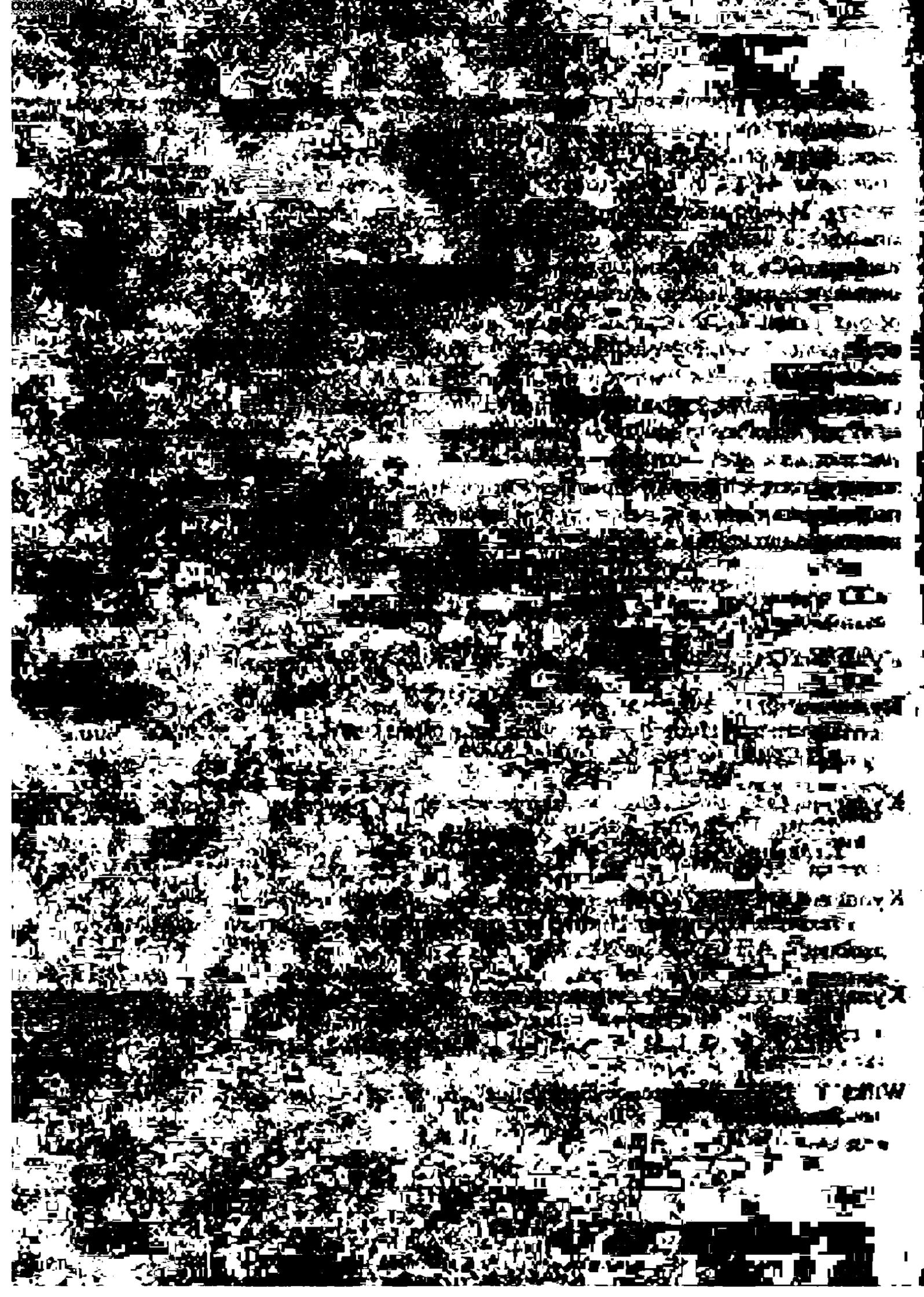
Таким образом, САН, в том виде как он здесь описан, порождает в результате одно дерево зависимостей, а не множество допустимых деревьев, как это получалось при фильтровом подходе.

Описанный метод САН проиллюстрируем несложным примером. Анализировалась фраза: *Он докладывал, как если бы его вопрос был для нас самым главным из всех.*

Поскольку программа обработки оборотов объединила в один подчинительный союз сочетание *как если бы*, к началу синтаксического анализа фраза состояла из 13 ТЕ, включая запятую. Исходный набор ССв содержал 44 ССв, из которых 16 были построены по таблице-анализатору, 24 – по моделям управления и 4 самоуправления. При пересчете оценок 12 из них были отброшены, а из оставшихся 32 программа выбора ССв с максимальными оценками выбрала 16, из которых в окончательный набор вошло 13. Во фразе выделено два фрагмента (тип обоих равен 1): в первый вошли два первых слова фразы, во второй остальные. В окончательный набор вошли следующие ССв. От *докладывал к он* и от *был к вопрос* – предикативные ССв, от *вопрос к его* – посессивная, от *был к главным* – присвязочная, от *главным к для* – адресатная², от *него же к самым* – усилительная, а *к из* – элективная, от *для к нас* и от *из к всех* – отпредложные. *Был* управляет подчинительным союзом и запятой. Первый фрагмент подчиняет второй, соответственно *был* подчиняется *докладывал*, которое является самоуправляющей вершиной всего предложения в целом.

Л и т е р а т у р а

- Кулагина О.С. 1979. *Исследования по машинному переводу*. М.: Наука.
- Кулагина О.С. 1985. *Морфологический анализ русских глаголов*. Препринт Института прикладной математики им. М.В.Келдыша АН СССР № 195, М.
- Кулагина О.С. 1986. *Морфологический анализ русских именных словоформ*. Препринт Института прикладной математики им. М.В.Келдыша АН СССР № 10, М.
- Кулагина О.С. 1987. *Об автоматическом синтаксическом анализе русских текстов*. Препринт Института прикладной математики им. М.В.Келдыша АН СССР № 205, М.
- Кулагина О.С. 1990. *О синтаксическом анализе на основе предпочтений*. Препринт Института прикладной математики им. М.В.Келдыша АН СССР № 3, М.
- Wilks Y. 1973. "Preference Semantics", *Stanford AI Lab., Memo AIM-206, Stanford*.

Е. В. Падучева

ФАКТ И ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Виктору Юльевичу Розенцвейгу
к восьмидесятилетию.

У Зено Вендлера в его известной статье о причинных отношениях (Вендлер 1967) главный тезис состоит в том, что причиной события является факт: "причины – это, скорее, не события, а факты", с. 705. Например, во фразе

(1) Причиной пожара было повреждение изоляции,

утверждает Вендлер, именная группа *повреждение изоляции* не обозначает событие (или состояние), а соотносится с фактом.

Аргументы Вендлера известны: причины, в отличие от событий, не происходят, не начинаются (в определенное время) и не кончаются, не длятся; их нельзя наблюдать, они не бывают быстрыми и медленными, внезапными и продолжительными и т.д. В то же время, причины, как и факты, могут быть известны и неизвестны; правдоподобны и маловероятны; причину, как и факт, можно утаить и опубликовать (в книге Мих. Ромма, *Устные рассказы*, Москва: Киноцентр, 1989, есть эпизод, когда Хрущев на встрече с деятелями искусства убеждает их в том, что антисемитизма у нас в стране нет и быть не может: "Вот я вам приведу в доказательство пример: знаете ли вы, кто взял в плен Паулюса? Еврей, полковник-еврей. Факт неопубликованный, но факт".)

Понятие факта широко используется в современной лингвистической семантике (см. Аругюнова 1988), но до сих пор противопоставление факта и события (процесса) возникало только в связи с анализом номинализованных конструкций – когда пропозиция оказывается актантом некоторого предиката или оператора, т.е. играет в предложении роль дополнения –

(2) Он отрицает, что участвовал в этом сборище –

или подлежащего:

(3) То, что он участвовал в этом сборище, меня удивило.

В самом деле, из глаголов с пропозициональным актантом у одних этот пропозициональный актант обозначает процесс, событие, состояние или какой-то иной тип ситуации, а у других он выражает факт. У ментальных глаголов (*знать, доказать, установить, прийти к заключению* и под.) их пропозициональное дополнение выражает факт. Так, *знать* – в смысле ‘*знать, что*’ – человек может только факты, а не события или процессы. Между тем глаголы восприятия устроены иначе: *видеть*, например, можно только процесс, а не факт:

(4) Я вижу, как она переходит улицу = ‘Я воспринимаю процесс’.

Если сказать

(5) Я вижу, Джона здесь нет (пример из Wierzbicka 1969),

глагол *видеть* приобретает значение ментального предиката: *я вижу* = ‘из того, что я вижу, я заключаю, что’. Только факт может о чем-то свидетельствовать, чем-то объясняться, обосновываться, что-то означать, на что-то указывать, чему-то противоречить и т.д.

Отчетливое противопоставление актантов-фактов и актантов-ситуаций допускает, например, глагол *помнить* (Зализняк 1990): можно помнить, с одной стороны, как происходил какой-то процесс –

(6) Я помню, как мы купались в Москва-реке –

и, с другой стороны, помнить о том, что имел место некоторый факт:

(7) Я точно помню, что мы тогда купались.

Роль союзов *что* и *как* в выражении противопоставления фактов и процессов отмечена Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1988).

Главное содержание противопоставления фактов процессам и событиям – там, где оно возможно, т.е. там, где существуют минимальные пары, – состоит в том, что факт означает акцент на ‘имел/не имел место’: *помню, что купались* = ‘помню, что купание имело место’. Если же придаточное обозначает ситуацию, то говорящий может обращаться к самым разным аспектам этой ситуации; поэтому *помню, как купались* = ‘помню различные обстоятельства, связанные с процессом купания’, поскольку помню с а м у с и т у а ц и ю .

Разумеется, сказанное не означает, что факт всегда имеет такую структуру: оператор ‘имеет место’ позволяет построить пропозицию, выража-

ющую факт, из пропозиции, которая способна называть событие или процесс; см. Падучева 1986а. В то же время, есть такие пропозиции, которые только и могут, что выражать факты, т.е. способны употребляться только в контексте фактивных предикатов-контейнеров (по терминологии З.Вендлера). Таковы, например, пропозиции со значением идентификации (см. Арутюнова 1988). Так, о том, что убийцей Авраама Линкольна был Джон Бут, можно знать или не знать, помнить или забыть, но этот факт нельзя, например, охарактеризовать с точки зрения его времени или места: пропозицию 'Убийца Линкольна – Джон Бут' нельзя употребить в контексте пространственных или временных локализаторов, хотя соответствующее этому факту событие бесспорно имело время и место.

Обратимся теперь к общефактическому значению несовершенного вида (НСВ) в русском языке. Общефактическими называют употребления НСВ, представленные, скажем, примером (9); речь будет идти только о так наз. общефактическом результативном, когда несов. вид употребляется, так сказать, в значении совершенного (знак \ выражает фразовое ударение, быть может, контрастное):

- (9) а. Он показывал \ мне это письмо (≈ 'показал');
 б. Я вас предупреждал \ (≈ 'предупредил');
 в. Мой дядя восходил на Эверест \ (≈ 'взошел').

Термин "общефактическое значение" обычно трактуется как чистый ярлык. Оказывается, однако, что это не так; что толкование общефактического значения НСВ требует обращения к понятию факта в том самом значении, которое имеет в виду Вендлер, т.е. факта в противоположность событиям и процессам. (Предложение свести семантику противопоставления фактов событиям и процессам к наличию/отсутствию в пропозиции оператора 'имеет место' содержится в работе Падучева 1986а).

Употребления НСВ, которые аспектологи относят к общефактическим результативным, неоднородны. Попытка истолкования общефактического результативного показывает, что от собственно общефактического значения, как в примере (9), следует отличать акциональное, иллюстрируемое примером (10):

- (10) а. Где апельсины \ покупали?
 б. Зимний дворец строил Расстрелли \.
 в. В этой портерной я обдумывал диссертацию и написал первое любовное письмо к Варе. Писал карандашом \.
 (Чехов. "Скучная история", пример из Forsyth 1970).

Нельзя сказать, что в литературе не было попыток разграничить употребления типа (9) и (10). Так, в Forsyth 1970 обращается внимание на безударность глагола в примерах типа (10); в Рассудова 1968 они рассматриваются в особом разделе (озаглавленном: "Употребление видов глагола в случае, когда внимание говорящего направлено на то, где, когда, зачем, кто совершал действие", а не в том, который называется "Общезначимое значение несовершенного вида..."). Однако с семантической точки зрения это различие не описано.

Самое очевидное различие между собственно общефактическим и акциональным значением – это различие в актуальном членении. При собственно общефактическом значении актуальное членение обычно такое, которое можно назвать **экзистенциальным**: все предложение, т.е. вся содержащаяся в нем пропозиция, составляет тему высказывания, а рематический акцент падает только на компонент 'имело место <по крайней мере один раз>'; так,

(11) Я купался \ в Москва-реке = 'Мое купание в Москва-реке имело место <по крайней мере однажды>'.
 место <по крайней мере однажды>'

Тем самым, в предложении нет никакого отдельного слова, которое составляло бы его рему; рематической является только утвердительная модальность. (Насколько нам известно, для такого членения нет общепринятого названия; Д.Болинджер относит явления такого рода к актуальному членению "во второй инстанции").

В предложении (9в) пропозиция, составляющая сферу действия оператора 'имеет место', не исключается из состава ремы. Таким образом, общим для всех общефактических употреблений НСВ является именно компонент 'имело место <по крайней мере однажды>'. Акцентируется этот компонент часто, но не обязательно.

При акциональном значении НСВ актуальное членение иное: здесь **тему** высказывания составляет процесс осуществления действия; а ремой служит вопросительное местоимение, как в (10а), или же контрастно выделенный актанта или сирконстанта, как в (10б), (10в). Про примеры типа (10) обычно говорится (см. Рассудова 1968, Forsyth 1970), что здесь НСВ выражает коммуникативное намерение говорящего "переключить внимание на процесс осуществления действия". В самом деле, в (10а), например, говорящего интересует процесс осуществления действия, поскольку именно процесс происходил в определенном месте. То же самое еще более ясно для (10в).

В противоположность несовершенному виду, СВ сосредотачивает внимание на результате, т.е. ставит в фокус внимания достижение результата, вытесняя ведущий к нему процесс в презумпцию.

Указанный коммуникативный компонент в семантике акционального значения позволяет объяснить недопустимость НСВ в предложениях типа **Кто убивал Авраама Линкольна?* : ситуация убийства рассматривается обычно с точки зрения убитого, и внимание, естественно, направлено на результат. Если, однако, представить себя находящимся среди убийц, то переключение внимания на процесс оказывается прагматически уместным, ср.: *Кто убивал вот этого?* <У него были документы?>.

Итак, в толкование высказываний с НСВ общефактическим входит оператор 'имеет место', который мы ранее выявили в тех номинализованных конструкциях, которые выражают факт. Теперь мы покажем, что это сходство НСВ общефактического с фактами не является для него случайным, а позволяет прояснить какие-то другие компоненты толкования общефактического значения и специфику его текстовых связей.

При попытке толкования общефактического значения НСВ (о толкованиях грамматических значений см. Апресян 1980; о толковании видовых значений см. Wierzbicka 1967, Гловинская 1982) вызывает разногласия семантический компонент "Разобшенность действия с моментом речи" (термин А.В.Исаченко). Во многих контекстах отчетливое семантическое противопоставление, связанное с употреблением совершенного и несовершенного вида для обозначения ситуации, достигшей предела, состоит в том, что СВ имеет перфектное значение – "итоговое состояние ситуации длится в момент речи" (формулировка из работы Падучева 1986б); а НСВ употребляется тогда, когда результат (т.е. итоговое состояние того перехода, который необходимо связан с семантикой СВ) не сохранился или перестал быть актуальным к моменту речи. Пример:

- (11) а. Мне предложили написать на нее рецензию;
 б. Мне предлагали написать на нее рецензию.

Высказывание (11а) естественно в ситуации, когда предложение <написать рецензию> остается актуальным, – например, когда я еще обдумываю, согласиться мне или отказаться, – а (11б) скорее будет сказано тогда, когда я уже отказался. Еще более нагляден контекст двунаправленных (реверсивных) глаголов:

- (12) Я открывал \ окно

означает, что в данный момент окно закрыто, т.е. что итоговое состояние ситуации 'я открыл окно' в момент речи не сохраняется. Аналогичные примеры см. в Рассудова 1968.

В то же время, имеются примеры употребления НСВ общефактического, казалось бы, противоречащие признаку "Разобщенность":

(13) - Вы обедали? А то у меня борщ вкусный!

(14) - Хотите борща? - Спасибо, я обедал.

(15) Должна \быть у вас моя карточка. Я записывался.

(пример из Leinonen 1982).

В самом деле, человек, который задает вопрос (13), интересуется, казалось бы, именно сохранением результата – спрашивающему важно не столько 'обедал или не обедал?', сколько 'хочет или не хочет есть'; т.е. его интересуют состояние, которое обычно наступает в результате действия (обеда), и если бы при этом форма НСВ предполагала, что итоговое состояние прекратилось, вопрос был бы бессмыслен. Аналогично в (15): кажется, что действие *записывался* упоминается ровно потому, что его результат должен сохраниться в момент речи.

Признак "Разобщенность" иногда формулируется в ослабленной форме – 'неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи', см. Гловинская 1982, с.118 (в сущности, при такой формулировке компонент "Разобщенность" является в семантике НСВ общефактического чисто отрицательным – он может быть представлен как следствие отсутствия признака "Перфектность", свойственного противоположному виду). Однако на самом деле примеры типа (13) – (15) не являются возражением против принятия более сильной формулировки, поскольку они должны анализироваться совершенно иначе: в (15) уверенность в наличии карточки возникает у говорящего как следствие из **факта** осуществления им некоторого действия – как следствие того, что действие имело место; в (13) нынешнее состояние гостя – хочет / не хочет есть – рассматривается спрашивающим как следствие **факта** совершения действия (обеда); в (14) отказ мотивируется ссылкой не на то, что еще длится итоговое состояние действия, а только на то, что имел место **факт** его совершения. В принципе, человек может отказаться от борща даже и не выясняя своего нынешнего состояния, на основе чисто ментальных манипуляций с информацией о том, что его сегодняшний обед уже имел место.

Таким образом, во всех этих случаях именно **факт** осуществления действия дает основание говорящему считать, что некоторая другая интересующая его ситуация тоже имеет место или некоторое другое

Здесь союз *а*, как обычно, выражает противоречие. Но чего чему? Употребление видов показывает, что говорящий хочет подчеркнуть несообразность факта осуществления "ими" некоторых положительных действий (власти благодарили - или поблагодарили, - прокурор жал - или пожал - руку, причем несущественно, один раз или много; несуществен момент, когда это происходило; акцент только на том, что этот факт имел место) с событием "посадили под усиленный надзор". Если заменить НСВ на СВ, то между первой группой событий и последним возникнет временная связь, т.е. события окажутся в отношении временной преемственности, чего в исходном тексте нет: главным для рассказчика является здесь логическое противоречие.

Особая роль НСВ общефактического в тексте (вытекающая именно из фактичности в том смысле, о котором шла речь) отмечена в Бондарко 1971, с.85. Как пишет А.В.Бондарко, одним из назначений НСВ общефактического является "констатация факта в прошлом (в частности, служащая подтверждением какого-то высказывания или связанная с окружающим контекстом противительными отношениями)". В самом деле, противоречат друг другу, конечно, факты, а не события, ср. Аругюнова 1988, с.185: "События не могут вступать в противоречие друг с другом. Контрадикторность... – удел пропозиций."

Следует подчеркнуть, что этот логический тип текстовых связей характерен для НСВ общефактического, но не акционального: при акциональном значении НСВ развитие текста идет по линии побочных обстоятельств процесса; ср.:

(21) Я с ней беседовал. До чего хороша собой!

(22) Кто открывал окно? Здесь лежали мои бумаги
(пример из Рассудова 1968).

Вовсе не случайно, что фактивный компонент значения НСВ результативного проявляется самым наглядным образом в текстовых связях. Дело в том, что для единичного высказывания безразлично, трактовать ли его как сообщение о том, что произошло событие, или о том, что имеет место факт. Текстовые связи усиливают противопоставление фактов и событий: контекст каузальности акцентирует в семантике НСВ фактивный компонент; обстоятельственные связи выявляют у НСВ акциональное значение; а в контексте временных соотношений вообще предпочтителен совершенный вид.

То же самое известно о противопоставлении фактов и событий в номинализированных конструкциях:

- (23) <Директор пришел в институт. > а. Это нас насторожило.
б. Это было во вторник.

В примере (а) контекст заставляет понять местоимение *это* как 'этот факт', в (б) – как 'это событие'; а предложение-антецедент этого противопоставления вообще не выражает.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что область разумного применения понятия "факт" в его противопоставлении событиям и процессам может быть расширена: понятие факта позволяет эксплицировать некоторые важные аспекты семантики общефактического результативного в противоположность НСВ акциональному и СВ – в частности, более ясно представить функции НСВ общефактического в выражении каузальных связей в тексте.

Л и т е р а т у р а.

- Апресян Ю.Д. 1980. *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели Смысл – Текст*. Вена. (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1).
- Арутюнова Н.Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт*. Москва: Наука.
- Бондарко А.В. 1971. *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение.
- Вендлер З. 1986. "Причинные отношения", *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 18, Москва: Прогресс.
- Гловинская М.Я. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука.
- Зализняк Анна А. 1990. "О понятии "факт" в лингвистической семантике", *Логический анализ языка*. Под ред. Н.Д.Арутюновой. Москва: Наука.
- Падучева Е.В. 1986а. "О референции языковых выражений с непредметным значением", *Научно-техническая информация*, сер.2, № 1.
- Падучева Е.В. 1986б. "Семантика вида и точка отсчета", *Известия АН СССР, серия языка и литературы*, № 5.

- Рассудова О.П. 1968. *Употребление видов глагола в русском языке*. Москва: Изд-во МГУ.
- Leinonen M. 1982. *Russian aspect, "temporal'naja lokalizacija" and definiteness/indefiniteness*. Helsinki: Nuevostoliittoinstituutin vuosikirja, № 27.
- Vendler Z. 1967. "Causal relations", *The journal of philosophy*, v.21, p.704-718.
- Wierzbicka A. 1967. "On the semantics of verbal aspect in Polish", *To honor Roman Jakobson*. The Hague - Paris: Mouton.
- Wierzbicka A. 1969. *Dociekania semantyczne*. Wrocław etc.: Ossolineum.

Я. Паневова

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ОБОБЩЕННЫХ АКТАНТОВ

1. Прежде всего, поясним наше понятие "обобщенности" по отношению к актантам. При этом мы имеем в виду зависимостный подход к синтаксическому и семантическому описанию структуры предложения, согласно которому вершиной и тем самым центром предложения считается предикат. Некоторые типы обобщенно-личных и/или неопределенно-личных предложений (Barnetová et al. 1979) описываются с точки зрения их семантического представления как предложения с обобщенным агенсом (как т. наз. "деагентизация", см. также Bauer–Grep1 1972, с. 59сл., Grep1–Karlík 1986, с. 168сл., Panevová 1973). Более подробное рассмотрение этой проблематики показывает, что "обобщению" подвергается не только агенс, но и другие актанты. Так, относительно пациенса в чешском языке это положение четко сформулировал Данеш (Daneš 1971); речь идет, собственно говоря, о непереходном употреблении переходных глаголов. С несколько иной точки зрения эта проблема рассматривается в работах В.Ю. Розенцвейга (особенно 1986).

2. Проиллюстрируем идею обобщенных актантов с помощью более подробной классификации случаев обобщения пациенса (при переходных и, как нам кажется, также при некоторых других глаголах). Одновременно мы поставим вопрос о возможности обобщения других актантов – кроме агенса и пациенса (ср. напр. анализ управления глаголов, проведенный под руководством В.Ю.Розенцвейга (Иоанесян и др. 1981), и В.Ю.Розенцвейг 1969).

При рассмотрении эллипсиса валентного члена на уровне поверхностного синтаксиса Данеш (Daneš 1971) правомерно различает эллипсис (а) "системный" и (б) "актуальный". В случае (а) можно опустить "потенциальный" валентный член без потери грамматической правильности предложения, даже вне контекста. Случай (б) возможен и понятен только в рамках связного текста. В связи с этим Данеш ввел (цит. выше, с.135сл.) понятие "обобщенного" пациенса как понятия, относящегося к уровню семантической структуры предложения (с примерами *Tenhle pes pekouše*, дословно – *Эта собака не кусает*). Аналогичную картину можно наблюдать у глаголов *читать, писать, рисовать, говорить* и т.д.

2.1. Исходя из этой идеи мы попытались разделить случаи непереходного употребления переходных глаголов на более дробные категории "обобщенности" пациенса (по Rozentsvejg 1986, объекта "efficié" и "officié"). Один из наших подклассов, по нашему мнению, совпадает с типом,

который анализируется Розенцвейгом как отношение каузатив – декаузатив у французского глагола *cuire* (ср. ниже 2.1.4.).

2.1.1. Первый тип обобщенности пациенса представлен примерами (1) и (2):

(1) *Náš syn už čte* (Наш сын уже читает)

(2) *Děti v této třídě dobře počítají* (Дети в этом классе хорошо считают).

Этот тип связан с имплицитной модальностью способности, вследствие чего соответствующие глаголы обычно обозначают действия неактуальные и, тем самым, не имеют совершенного вида. Но если возникает потребность заполнить "потенциальное" место обобщенного актагга, то это будут выражения типа *что-либо, что угодно* и т.п.

2.1.2. Второй тип обобщенности представлен примером (3):

(3) *Neuš otce, on čte* (Не беспокой отца, он читает).

Этот тип связан с актуальным протеканием несовершенного действия. При желании заполнить "обобщенное" место запрашиваются выражения типа *что-то, что-нибудь*, т.е. конкретный объект в данный момент существует, но его спецификация не существенна. Кажется, что именно здесь употребление понятия обобщенности имеет свое действительное обоснование.

2.1.3. Третий тип представлен примерами (4) и (5); он довольно свободно употребляется в чешском языке, но его русские аналоги кажутся сомнительными:

(4) *Matka ustlala, zametla, uvařila a tím se zbavila povinností* (Мать застелила, подмела, приготовила и тем освободилась от обязанностей).

(5) *Hospodyně nasypala drůbeži* (Хозяйка насыпала птицам).

Для этого типа характерно, что непереходное употребление глагола допускается у обоих членов видовой пары. "Обобщенный" пациенс эквивалентен узуальному объекту данных действий (т.е. *кровать* – то, что обычно застилают; *пол* – то, что обычно подметают; *зерно* – то, чем обычно кормят птицу). Само действие может быть как актуальным, так и неактуальным.

2.1.4. Последний тип, примеры (6) и (7), близок тому, что у В.Ю.Розенцвейга рассматривается как декаузатив:

(6) Tato trouba (dobře) peče (Эта духовка хорошо печет).

(7) Tato puška (dobře) střílí (Эта винтовка хорошо стреляет).

Мы согласны с Розенцвейгом, что конструкции этого типа являются производными, т.е. они сложнее, чем исходная структура. Автор демонстрирует эту идею на паре:

(a) La ménagère cuit la soupe.

(б) La soupe cuit.

Мы, однако, видим большую сложность структуры (б) в плане понятийном, т.е. в формальном структурировании мысленного содержания посредством языковой формы.

Далее, нужно обратить внимание на факт, что "конверсивы" такого типа встречаются довольно часто в английском (Hajičová, Panevová 1984, с.150сл.):

(в) The janitor opens the door.

(в') The key will open the door.

(г) John broke the window.

(г') The window broke.

Однако, в чешском и русском этот тип конверсии сопровождается формальными изменениями, напр. (8) и (9):

(8) Jan otvírá okno (Ян открывает окно).

(8') Okno se otvírá (Окно открывается).

(9) Jan rozbil okno (Ян разбил окно).

(9') Okno se rozbilo (Окно разбилось).

Конструкции (6) и (7), кажется, разделяют некоторые свойства примеров (а) - (г), т.е. можно было бы сделать вывод, что в славянских языках существует аналогичный тип конверсивов с производной непереходной структурой. Однако проведение этой операции, а именно, декаузативация без формальных изменений самого глагола, здесь имеет дистрибутивные ограничения:

(i) конструкция должна быть обязательно распространена обстоятельством образа действия – *хорошо, плохо* и др. (см. Dokulil 1941), причем т.наз. "quale" действия выступает на первый план и устраняет "пассивную перспективу" таких конструкций;

(ii) имеется вариантность конструкций (конкуренция):

(6) Tato trouba (dobře) peče (Эта духовка хорошо печет).

(6') V této troubě se dobře peče (В этой духовке хорошо печется).

(6'') Touto troubou se dobře peče (дословно – Этой духовкой хорошо печется).

Пару (6) и (6') мы не считаем перифразами, т.к. в (6) выражается высокая оценка результата печения, в то время как в (6') о результате ничего не сказано – речь идет просто о пользовании духовкой (как понятийным, т.е. онтологическим инструментом).

3. В представлении предложений, анализируемых в 2.1.1 - 2.1.4, на глубинном уровне мы предлагаем заполнить обязательное место пациенса в глагольной рамке специальным символом "обобщенного пациенса". Это решение демонстрирует, в частности, тесную связь и взаимовлияние лексики и грамматики. В словарной статье глаголов, допускающих обобщенный пациенс, этот факт должен быть отмечен. При появлении данного глагола в процессе порождения текста встречаемость "обобщенного" пациенса ограничена комбинаторными свойствами, перечисленными выше (вид, модальность, актуальность и т.д.). Для типа, описываемого в 2.1.4, кажется целесообразным ввести специальный тип модального значения – "диспозиция", с помощью которого можно различить значение предложений (10) и (11):

(10) Matematiku mohu studovat lehce (дословно – Математику я могу изучать легко).

(11) Matematika se mi studuje lehce (дословно – Математика мне изучается легко, т.е. Математика поддается моему изучению легко).

4. Возникает вопрос, можно ли (или даже необходимо) распространить понятие обобщенности и на другие актанты (кроме агенса и пациенса). Такой вопрос возникает в связи с адресатом у подкласса глаголов говорения (*verba dicendi*), где, согласно нашему прежнему описанию (Papevová 1980), адресат рассматривается как факультативный член

глагольной рамки у глагола *řkat* (говорить), *vurgávět* (рассказывать), *popisovat* (описывать) и т.д. Тест, употребляемый для установления границ обязательности (см. Паневова 1974), является здесь не совсем однозначным для разных носителей языка:

(12) Дедушка рассказывает интересные сказки.

(12a) Кому?

(12b) ?Я не знаю.

Приемлемость (12b) сомнительна и в случае, когда (12) значит, что дедушка способен <умеет, ...> рассказывать. Некоторое представление об аудитории тут существует (при неактуальном высказывании – это именно представление обобщенной аудитории, при актуальном употреблении – это кто-то, в предельном случае – производитель действия является сам себе адресатом). Однако такое толкование говорит в пользу приемлемости ответа "Я не знаю", т.е. против гипотезы об обязательности адресата у глаголов говорения, но при этом не снимает вопроса о возможности заполнения факультативного места обобщенным адресатом (см. неактуальное толкование примера (12)).

Аналогичные ситуации возникают в ситуационно-обусловленных, но системных случаях:

(13a) Zaplatili a odešli (Они заплатили и ушли).

(13b) Tady se platí předem (Здесь платят предварительно).

(14) Odpovězte písemně (Ответьте в письменном виде).

Здесь не заполнено обязательное место пациенса иного типа, чем это было у переходных глаголов (п. 2). Пациенс со значением "за что" в (13), "на что" в (14) нельзя считать "актуальным эллипсисом", его значение выводимо из ситуации, а "беспредметное" употребление глагола здесь сравнимо с типом, описанным в 2.1.3, где обобщенность наиболее слабая по сравнению с остальными типами, рассмотренными в 2. Мы предлагаем описывать последние приведенные случаи аналогично тому, что было предложено в 3, т.е. и здесь возникает необходимость введения символа "обобщенного" пациенса.

Л и т е р а т у р а

- Иоанесян Е.Р., Кузьмина Е.С., Лазурский А.В., Розенцвейг В.Ю. 1981. "Материалы к словарю управления французских глаголов", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 19, Москва: МГПИИЯ, 159-224.
- Паневова Я. 1974. "Критерии для установления обязательных партиципантов глагола", *Проблемы теории грамматического залога*, Ленинград: Наука, 61-64.
- Розенцвейг В.Ю. 1969. "Заметки о значении некоторых французских слов", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 12, Москва: МГПИИЯ, 115-123.
- Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z. 1979. *Russkaja grammatika 1*, Praha: Academia.
- Bauer J., Grepl M. 1972. *Skladna spisovné češtiny*, Praha: SPN.
- Daneš Fr. 1971. "Větné členy obligatorní, potenciální a fakultativní", *Miscellanea Linguistica*, Ostrava, 131-138.
- Hajičová E., Panevová J. 1984. "Valency (case frames) of verbs", *Contributions to Functional Syntax, Semantics, and Language Comprehension* (ed. P.Sgall), Praha: Academia, 147-188.
- Panevová J. 1973. "Věty s všeobecným konatelem", *Slavica Pragensia*, Praha: Univerzita Karlova, 133-144.
- Panevová J. 1980. *Formy a funkce ve stavbě české věty*, Praha: Academia.
- Rosentsvejg V.Ju. 1986. "La valence: Sémantique et Syntaxe", *Language and Discourse: Test and Protest - A Festschrift for Petr Sgall* (ed. J.I.Mey, Amsterdam/Philadelphia, 95-99).

В.Н.Топоров

У ИСТОКОВ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
"Езда в остров любви" Тредиаковского
и "Le voyage de l'isle d'Amour" Талемана

I. На пути к переводу¹.

Одной из диагностически очень важных особенностей каждой культуры является тип и характер контакта с другими (как соседними, так и несоседними) культурами. Знание пространственно-временных условий подобных контактов (прежде всего их начала, пиков и конца) весьма существенно при исследовании истории данной культурной традиции. О следах контактов можно судить непосредственно и косвенно по фактам материальной и духовной культуры, в частности, по языковым данным во всем их разнообразии. В иерархии ценностей особое место занимают такие контакты, следы которых отражаются на уровне текстов. Но и в пределах этого уровня существует своя иерархия. На одном полюсе оказываются тексты-сообщения, которыми обмениваются две культуры, подобно тому как обмениваются письмами, посланиями и т.п. Если этот обмен имеет "правильную" диалогическую форму (вопрос-ответ и т.п. или ступенчатая структура, где каждая последующая "партия" повышает уровень информации и приближает к цели) и подчинен решению вопроса, в котором заинтересованы обе стороны, он играет положительную роль. Но в других ситуациях за внешней диалогичностью может скрываться сугубая монологичность каждой из контактирующих сторон: и та и другая сторона могут оставаться сами собой в том смысле, что ни одна из них не учитывает сказанного другой стороной, и в этом случае даже контакт на уровне текстов начинает напоминать разговор двух глухих, без всяких надежд на установление связи в "смысле" и, следовательно, на взаимопонимание (или хотя бы на одностороннее понимание). На другом полюсе оказываются переводы, которые, как правило, сложнее, глубже и надежнее "диалогических" текстов (хотя и сами переводы, особенно если формируются их серии и они носят двусторонний характер, могут в определенных случаях диалогизироваться), поскольку даже "плохой" перевод осуществляет принцип "смысловой" связи, являясь мостиком от одной культуры к другой, от одного языка к другому. Даже сугубо прагматические переводы "деловых" текстов в самом примитивном ("пословном") их варианте более или менее достаточно контролируются смысловыми заданиями и тем самым поддерживают определен-

ный уровень тождества, ответственности. Именно это и позволяет не просто перевести текст данного языка на другой, но и формировать принципы и конкретные приемы, механизмы языкового перевода. В переводах не только создается иноязычная версия переводимого текста (явный аспект), но и завязываются далеко не всегда явные глубинные связи двух культурных традиций.

Отмеченность перевода в контексте контактов двух культур, двух языков становится еще более очевидной, когда речь идет о наиболее сложных и специализированных текстах данной традиции, ею самой рожденных и по идее именно ее отражающих или характеризующих и, по крайней мере по началу, в силу глубинной ("единственной") имманентной связи только ей принадлежащих. Если такие тексты, на самом деле, и не являются абсолютной принадлежностью данной традиции, то во всяком случае их сильная позиция именно здесь, потому что такой текст возникает только на пересечении данной культуры и того естественного языка, на котором эта культура выражает себя, и выступает как результат некоего акта "первотворения": любая попытка воспроизведения этого акта в другой культуре и на другом языке принципиально вторична, приблизительна, ослаблена и совершается в более слабой позиции, реализуя нисходящую схему образец ("чужое") → подражание ("свое"), т.е. получение "посильного" варианта исходного образца (разумеется, здесь не рассматривается вопрос о случаях, когда перевод-"копия" в силу тех или иных причин превосходит подлинник-образец, но и это превосходство никогда не отменяет права подлинника на первородство).

Поэтические тексты относятся как раз к числу наиболее сложных, специализированных и информативно наиболее богатых "культурных" текстов. Поэтому появление внутри данной культурной традиции первых переводов поэтических текстов – всегда прорыв на более высокий уровень своей собственной культуры или, точнее, формирование, открытие в ней нового глубинного слоя, в котором отныне должны решаться совершенно новые задачи в отношении и своей культуры и своего языка. В этом смысле и качество перевода и даже то, что переводится, в известной степени второстепенны по сравнению с возникновением самой потребности в переводе и реализации ее в виде "своего" текста, хотя, конечно, и исходный образец, выбранный для перевода, и характер этого перевода (в простейшей форме – степень его соответствия подлиннику) определяют многое.

Тредиаковскому было суждено стать тем, кто совершил этот прорыв, знаменовавший выход русской культуры на новый уровень ее художественного сознания, с выдвижением новых ценностей и культурных

ориентаций, с новыми темами и новыми формами. Если не считать отдельных очень редких исключений, практически не меняющих сути дела, подлинный профессиональный "европеизм" в русской литературе и поэзии в особенности начинается именно с Тредиаковского, с его книги "Езда в остров любви", (далее - Е.), появившейся в 1730 г. в Санкт-Петербурге и представляющей собою перевод романа Талемана (P. Talemant) "Le Voyage de l'isle d'Amour" (далее - V.), вышедшего первым изданием в 1663 г.² Именно 1730 год в этом отношении выступает как отмеченная дата: попытки стихотворных переводов до этого года были редкими, разрозненными, случайными, более того, иногда не доходившими до читателя и даже просто остававшимися в рукописи³; эти ранние опыты не дали начала традиции стихотворных переводов, и только в последнее время начинают без особых на то оснований подверстываться к той традиции, которой начало было положено в 1730 г. Тредиаковским, скорее всего даже не знавшим о лучшей части того, что было сделано до него в области стихотворного перевода (естественно, сказанное не относится к поэтическим переводам библейских текстов типа "Псалтыри рифмотворной" Симеона Полоцкого или "переводческой" деятельности "новоиерусалимских" поэтов⁴).

Как факт светской художественной литературы русский перевод романа Талемана, равно противостоящий и духовной поэзии и стихотворным образцам "низовой" литературы, резко, можно сказать, вызывающе выделялся среди всего, что было тогда в русской литературе, и то обстоятельство, что именно перевод стал тем пространством, в котором возникло нечто очень яркое и совершенно новое, открывшее иную перспективу, говорит само за себя, отсылая к ситуации, когда "чужое", усваиваемое "своим", оказывается самым подходящим поводом для трансплантации образов, идей, стилей на новую почву и самым надежным залогом пробуждения и интенсификации внутренних потенций "своей литературы". И не то же ли случилось семь десятилетий спустя после опыта Тредиаковского, когда перевод Жуковским "греевой элегии" стал, по словам Вл. Соловьева, "началом истинно человеческой поэзии в России" (ср. также его стихотворение "Родина русской поэзии")?

При всей относительности понятия "начало" и не настаивая на его абсолютности в данном конкретном случае, можно с уверенностью говорить (и это по меньшей мере) о действительном начале совершенно нового направления в тогдашней русской литературе – направления, которого ждал читатель и в соответствии с которым он был готов перестраивать свое поведение, а позже, к концу века, и жизнь (ср. русское "вертеррианство" в литературе и в жизни). Конечно, и то и другое несло на себе отпечаток относительности: ожидание было, пожалуй, слишком пассив-

ным и неопределенным, а выработка нового типа поведения весьма приблизительной и в основном поверхностной. Но сам этот культурно-психологический комплекс возник и стал реальностью новой жизни (см. Лотман 1985, 222-230). И хотя телега была поставлена впереди коня, "чужая" литература впереди "своей" жизни, конь так ждал телеги, а жизнь – литературы, что, мнилось, порядок следования не так важен, как само присутствие обоих членов пары, а огрехи с лихвой перекрываются прибытком нового. "Переимчивость", готовность "на слово" принять новое и отдаться ему чуть ли не до конца, вера в то, что оно, это слово, спасет, вывезет, решит все проблемы, могут быть оценены по-разному – и положительно и отрицательно. Но за сопутствующую всему этому радость узнавания и усвоения себе "чужих" ценностей можно простить многое. Такое в русской жизни, культуре, литературе встречалось не раз, и рассматриваемый здесь "эпизод" 1730 года – лишь один из примеров такой открытости: "своего" – "чужому", читателя – тексту, жизни – слову и оптимистического умонастроения, сопутствующего этому "откровению" одного другому.

Перевод французского прециозного романа на любовную тему с более чем 80 стихотворными вставками, многие из которых достаточно пространны, на русский язык может быть правильно оценен лишь при учете целого ряда контекстов – лично-биографического, историко-культурного, специально литературного, языкового и др.

О ближайших обстоятельствах, объясняющих обращение к роману Талемана и решение перевести его на русский язык, Третьяковский рассказывает в предуведомлении к Е., носящем название "К читателю":

"Хотя ныне много искусных щитают предисловия при книгах за весьма непотребной придаток: Однако мне, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЮ, ни по какой мере обойтись было невозможно, чтоб дая Российскому свету сию книжку, не донести вам о том, что до оныя касается, и что вам ведать всячески надлежит.

Оная выдана на французском языке в Париже в 1713 году, и учинила великую своему творцу славу, которая всем охотникам и в мою бытность была памятная по тому что он весьма разумно ея выдумал, и могу после всех доброразсудных сказать смело, что она еще Первая в своем роде таковаянашлась.

Будучи в Париже я оную прочол с великим удовольствием моего сердца, усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое время горячее возъимел желание перевести оную на наш язык. И хотя силы я тогда, без самохвалства вам доношу, столко и

мог иметь дабы мне потрудиться в переводе сем, но в продолжении тамо философии время мое к тому меня недопустило. Однако, как говорится, **ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕМИНОВАТЬ**: ибо способной случаи сам себя мне подал к переводу оныя таковым образом:

Когда я был в Гамбурге⁵ послушаю чрез несколько время, где не имея никакова дела со скуки я пропадал. Между тем **ЕГО СИЯТЕЛСТВО КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ КУРАКИН**, которой отеческую и щедрую свою милость и по ныне мне кажет, повелел мне чрез одно свое письмо из Москвы перевести какую нибудь книжку французскую на наш язык, и то для того, дабы все мое время не тратилось. Желая дабы чрез скорое мое послушание так великому и светлому моему благодетелю показать, что сколь свято я имею его повеление, также с другой стороны дабы и скука моя не так была мне чувствительна, думал я долго что какую бы то книжку французскую начать переводить. Тогда впала мне на разум сия, которую я там не без трудности сыскал у одной девицы очюнь охотницы до книг, и стал оную переводить с тем великим прилежанием, что в месяц еще и меньше я со всем ее окончил; а каково, то в ваше доброе разсуждение, и совестное отдаю безпристрастие. Вот, **ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЬИЙ ЧИТАТЕЛЮ**, причина, которая меня побудила сию книжку французскую учинить Рускою".

Конечно, "гамбургское" безделье и скука⁶, предусмотрительно-заботливое "письмо" князя Александра Борисовича и сознание своего долга перед ним, раздумья над тем, что выбрать для перевода, и выбор, "девица очюнь охотница до книг", работа "с великим прилежанием" над переводом образуют цепь, конец которой известен: "Сия книжка французская", действительно, была "учинена Рускою". Но начало этой цепи лежит раньше – и даже не в Париже, где будущий переводчик прочел ее "с великим удовольствием сердца, усладившись весьма..."⁷, а еще раньше, в далеком по времени и расстоянию астраханском детстве, в московской жизни, отданной учению, и сейчас сильно оттесненной новыми впечатлениями – голландскими, немецкими и особенно, конечно, французскими, парижскими.

Человек, который совершил подвиг первого перевода французского поэтически-прозаического романа на русский язык, завязав первый узел традиции русско-французских литературных связей и открыв тем самым новый и самый эффективный тип культурных взаимоотношений, родился за три тысячи верст от Парижа, на юго-восточной окраине России, в Астрахани, в семье потомственного священника, и жизнь, которая окружала Третьяковского ребенком, была очень непохожа на парижскую. Каким был Париж в начале XVIII в., в последние годы "Le grand règne" и во время Регенства, известно очень хорошо. Только что ушел век Декарта,

Паскаля и Гассенди, Мольера, Корнеля, Расина, Лафонтена, Ларошфуко, Лабрюйера и мадам де Севинье, Пуссена, Лоррена и Люлли. Заканчивали свою жизнь Буало, Боссюэ, Фенелон. На литературной сцене блистали Кребийон-старший, Ж.Б.Руссо, Реньяр, Лесаж и несколько позже – Вольтер (Тредиаковский в Париже был свидетелем триумфа "Генриады", 1728) и Монтескье, Мариво и Прево. Уровень музыкальной культуры определялся Купереном и с начала 20-х годов Рамо ("Traité de l'harmonie reduite à ses principes naturels", 1722). В живописи царил Ватто: он и его последователи полнее других отражали дух времени, и для того, чтобы представить себе, чем жил Париж, нужно не просто вспомнить о Сорбонне, Опере, Комеди Франсез, дворцах и салонах, но и обратиться к картинам Ватто – и далеко не только "парижским": "L'enseigne de Ger-saint", "Les comédiens français", "Les Champs-Élysées", как и "Le Mezetin" и "Gilles", "Les plaisir du bal " и "Plaisirs d'amour", "Les plaisirs champêtres" и "Le plaisir pastoral", "L'assemblée dans un parc" и "Divertissements cham-pêtres", "Le savoyard" и "L'embarquement pour l'île de Cythère"⁸ говорят о духе времени больше и ярче, чем "голые факты": первые – скоропись духа о целом и главном, последние – отчеты о разъятых членах этого целого и при этом отнюдь не всегда об основных.

Астрахань, конечно, была совсем не похожа на Париж и представляла собою как бы совсем иную цивилизацию. Среди пустынного пространства, занятого ильменями, болотами, речушками, солончаками, зарослями камыша и рогоза с редкими ивами, на одном из бугров Бэра, вдоль Кутума и Волги вырос город, который на рубеже XVII и XVIII вв. насчитывал около 20 тысяч жителей. Он состоял из Кремля, Белого города и Земляного города. Улиц было немного, и они были узкие и немошеные. Жилища были деревянные и глинобитные, многие предпочитали жить в землянках. Но город не был бедным. Лавки, торговые ряды и подворья, питейные дома и харчевни, амбары и склады, огороды и сады были в изобилии. В центре Кремля находился Государев двор и хозяйственные постройки. Многочисленные церкви определяли градостроительные акценты⁹. Но не в этом состояла специфика Астрахани, которая создала исключительно благоприятные условия для духовного развития Тредиаковского в детстве. Эта специфика определялась прежде всего положением города в центре огромного евразийского пространства.

Грань лучших двух частей Вселенной здесь проходит,
И, в Астрахань, явясь, всяк в обе разом входит,
Он может руку здесь Европе протянуть
И, повернувшись, вновь на Азию взглянуть, –

писал еще в 1638 г. посетивший город немецкий поэт Пауль Флеминг. Астрахань связывала центр России, Москву и русский Север с Югом и Востоком – с Кавказом, Персией, Средней Азией, Индией. И каждое из этих пространств было представлено в Астрахани своим товаром, своим этническим элементом, своим языком и своей верой. В городе жили русские, татары, калмыки, осетины, греки, поляки, немцы, французы, итальянцы. По данным, относящимся к несколько более позднему времени (середина XVIII в.), в Астрахани было 25 православных церквей, два монастыря, 19 мечетей, две армянские церкви, лютеранская кирха, католический костел, индуистский храм. Православные и старообрядцы, протестанты и католики, сунниты и шииты, индуисты и буддисты и даже язычники-идолопоклонники определяли конфессиональную мозаику города. В городе находились индийская, армянская, грузинская, бухарская, гиланская и татарская колонии¹⁰. Католические миссионеры, направлявшиеся на юг и восток – вплоть до Китая – встречались в Астрахани с посольствами и купцами из Бухары или Хивы, следовавшими на север и запад. *Какая смесь одежд и лиц, / Племен, наречий, состояний* – сказано как будто именно об Астрахани.

Географическое положение города определяло и другие его особенности – "культурное" в самом широком смысле слова многообразие, из которого вытекает потребность в контактах между разными этноязыковыми и культурными элементами, на основании чего возникает проблема "культурного" многоязычия и перевода с языка одной культуры на язык другой. Никакая монокультура не представила бы таких благоприятных условий для развития, какие окружали Тредиаковского в Астрахани с самого детства: установка на контакт, на обмен "своих" и "чужих" ценностей, на согласие разных и при том многих этноязыковых и культурных элементов определяла специфическую атмосферу астраханской жизни¹¹. Поэтому нет ничего удивительного, что отец Тредиаковского, обучив сына чтению, письму и, возможно, пению, отдает его в учение католическим миссионерам-итальянцам, в латинскую школу, где Тредиаковский проучился до 1722 или 1723 г. "Кроме латыни, на которой велось преподавание, обязательной для учеников и помимо школы, Тредиаковский мог изучать итальянский, может быть, и немецкий языки, риторику, партесное пение [...] В круг занятий школы входили также история, география и назидательная философия" (Шишкин 1984, 129). Так же не приходится удивляться, что ориентация на достижения западноевропейской культуры, проводимая в школе капуцинов, не препятствовала интересу Тредиаковского к "своему" – изучение славянской грамматики, внимание к народной словесной традиции, увлечение духовными песнопениями Иоанна Дамаскина, участие в хоре в доме

астраханского епископа Иоакима. Во всяком случае знание библейских текстов и церковных песнопений уходит своими корнями в астраханское детство¹². Жажда знаний, желание трудиться, интерес к "латинскому" и "славянскому" и, видимо, неплохая подготовленность в этих областях были тем ресурсом, который вынес ТрEDIAKОВСКИЙ из астраханского периода своей жизни¹³. Помощь капуцинов предположительно прослеживается и позже, уже после того, как ТрEDIAKОВСКИЙ неожиданно "бежал из Астрахани" (кстати, и сам побег, кажется, был совершен с их помощью). Похоже, что решение продолжать образование в Москве в "Славяно-греко-латинской академии" учитывало и опыт пребывания в астраханской латинской школе, и те уроки и впечатления, которые были вынесены из общения с Ильинским и Кантемирами¹⁴.

Чем обязан ТрEDIAKОВСКИЙ московскому периоду жизни, известно гораздо лучше. Основное содержание этого периода – учение в Славяно-греко-латинской академии, "новосияющих славено-латинских Афинах"¹⁵. Именно здесь ТрEDIAKОВСКИЙ был последовательно введен в тот "славено-латинский" комплекс, который в это время был определяющим для Академии. "Афинское" же состояло прежде всего в аристотелизме в его христианском толковании, который определял главное направление в деятельности Академии (впрочем, отмечают и присутствие неоплатонической струи)¹⁶. В основе программы обучения лежало то целое, которое обозначалось как "семь свободных наук". Особого внимания заслуживает, пожалуй, то, что было сильной стороной академических занятий и быта и что, несомненно, было усвоено ТрEDIAKОВСКИМ и получило развитие в дальнейшем. Речь идет о своеобразном культе церковнославянского языка как своего рода наследника еврейского, греческого и латинского¹⁷ и о литературной ориентации в деятельности Академии, которая была подлинным литературным центром в первую четверть XVIII в. Лекциям по риторике придавалось особое значение. С основания Академии их читал один из братьев Лихудов – Софроний, доктор Падунского университета, и эта линия, восходящая к аристотелевской "Риторике", сохранялась и в 20-ые годы. Весьма разработанной была и программа лекций по "поэтике" (понятие поэтики, ее предмет и цель, жанры поэзии, типы стихосложения, тропы и фигуры, звуковая ориентация стиха), в значительной степени ориентированной на принципы барокко¹⁸. В Академии всячески поощрялась переводческая и художественно-литературная деятельность, иногда в формах близких к импровизации. Переводились научные труды и учебные пособия, составлялись тексты для триумфов и торжеств, важное место занимали "экзерциции" и "окупации" (когда учащиеся упражнялись в сочинении стихотворений на заданный размер, в поэтическом парафразировании псалмов), излю-

бленной формой диспутов были "риторические разговоры" (colloquentia), ставились пьесы на академической сцене, в свободное время учащиеся упражнялись в игре на "музыкальных инструментах", поощрялась, видимо, индивидуальная литературная инициатива. Но и за пределами Академии, поблизости, Тредиаковский находил возможности удовлетворения своих интеллектуальных потребностей – Синодальная типография, общество типографских справщиков, работавших в библейской комиссии, богатая библиотека при типографии, "Спасского моста стихотворцы", распространявшие "низовую" или даже крамольную, антипетровскую рукописную литературу, рядом книжная лавка Киприанова, где можно было купить Пуфендорфа, Варения или Гюйгенса, и т.п. (недавно эта картина Москвы Тредиаковского за пределами Заиконоспасского монастыря была убедительно воссоздана, см. Шишкин 1984, 142-143).

Московские приобретения Тредиаковского в науке, изучении языков, художественно-литературном развитии не будут описаны с достаточной полнотой, если не упомянуть его собственные опыты в литературном творчестве. Несмотря на насыщенную программу академических занятий, Тредиаковскому удалось сделать довольно много: им были написаны две пьесы – "Язон" и "Тит, Веспасианов сын", и по одобрению профессоров они были поставлены на сцене (указывают, что это был единственный случай, когда ученику Академии оказали такую честь; как правило же, ставились лишь те пьесы, которые были написаны профессорами пиитики и риторики)¹⁹; – сделан перевод с латинского огромного по размерам романа Баркляя "Аргениды", также считающийся утраченным²⁰ (история этого "первого" перевода отчасти рассказана позже в "Предупреждении от трудившагося в переводе"²¹) и привлекающий к себе внимание в связи с темой этой статьи тем, что в романе Баркляя, как и у Талемана, в прозу включены стихотворные вставки, написанные 11- и 13-сложником;²² – сочинены первые оригинальные стихотворения – "Элегия о смерти Петра Великого", напечатанная впервые в "Сочинениях и переводах" 1752 г. под названием "Плач о кончине... Петра Великого, отца отечества", но написанная, судя по всему в 1725 г.²³, "Песенка, которую я сочинил еще будучи в Московских школах, на мой выезд в чужие края" (*Весна катит, / Зиму валит..*, весна 1726 г.), в наибольшей степени свидетельствующая об оригинальности и даже своего рода "авангардизме" Тредиаковского уже в московский период его жизни; нельзя исключать, что существовали и другие оригинальные стихотворения или хотя бы заготовки к ним, причем, некоторые из них, видимо, получили обработку позже.

Объем и характер того, что было усвоено Тредиаковским в "Славяно-греко-латинской Академии", в общем ясен. Похоже, что некая, для него очень существенная внутренняя программа была им выполнена. Но трудно понять, какие новые планы складывались в его голове. Что они были, сомнений нет. Иначе не бежал бы он, так же тайно, как из Астрахани в Москву, вторично – теперь уже из Москвы за границу, сначала в Голландию, а затем уже в Париж, куда он из Гааги добирался пешком. Что взманило уроженца Астрахани и московского студента увидеть Париж – наука, прелести парижской жизни, какая-то тайная (или полутайная) миссия²⁴, – сказать трудно. Скорее всего – и то, и другое, и третье. Действительно, он учился в Сорбонне и даже утверждал, что слушал там лекции столь почитаемого им "Роллена"²⁵. О прелестях тамошней жизни он писал тогда же в восторженных стихах²⁶. Но было и нечто иное, и едва ли ошибается исследователь, говоря, что Тредиаковский – "политический агент Куракина по делам, требующим специальных исторических и церковных знаний" (Пумпянский 1941, 217). Как бы то ни было, но во всех сферах парижской жизни Тредиаковского "русское" так или иначе сталкивалось с "французским"; сам же он был и верным наследником первого и благодарным восприемником второго. Более того, и одно и другое жили не только порознь, но и вместе: в сознании Тредиаковского они сопоставлялись, примерялись друг к другу, готовились к творческой удаче. Этот контекст нельзя упускать из вида при рассмотрении замысла русского перевода романа Талемана. Более того, нужна – и она возможна – конкретизация этого контекста.

Две основные особенности этого контекста бросаются в глаза сразу, и обе они точно приурочены к 1730 г., году выхода в свет русского перевода Талемана²⁷. Эти особенности не только отсылают к "русско-французской" теме, но и составляют главное ее содержание, объясняя то жизненное мироощущение, настроение, направление чувств и ту литературно-эстетическую позицию 26-27-летнего Тредиаковского, которые привели его к выбору талемановского "Le voyage" для перевода на русский язык. Это сочинение Талемана было выбрано не случайно, но после долгого размышления ("думал я долго что какую бы то книжку французскую начать переводить"), и этот выбор делает Тредиаковскому большую честь: трудно было бы найти во французской литературе среди того, что имело хождение в первой четверти XVIII в., в читательском кругу, книгу (кстати, выходившую многими изданиями), которая, будучи переведена, могла бы рассчитывать на столь большой, скорее всего сенсационный успех, как любовно-аллегорический, стихотворно-прозаический роман Талемана²⁸.

Первая особенность состояла в том, что в конце 20-х годов Тредиаковский находился под несомненным обаянием французского языка, французской литературы, особенно поэзии, определенного французского стиля, так или иначе отражающего кризис классицистической теории и практики, о котором свидетельствует известная "Querelle des Anciens et des Modernes". В "Стихи на разные случаи" входят 18 стихотворений Тредиаковского, написанных на французском языке. Все, кто писал о них (к сожалению, почти всегда походя), оценивают их положительно ("написаны хорошо, во всяком случае не хуже среднего уровня французской поэзии стиля Регенства", см. Пумпянский 1941, 217), несравненно выше, чем русские стихи поэта на ту же тему. Своеобразная прелесть стиля этих французских стихов ощущается и сейчас, особенно если видеть в них некую стилизацию, в интенцию поэта, конечно, не входившую, но очень тонко введенную в замечательные переводы этих стихотворений на русский язык, сделанные Кузминым. Разница в степени выработанности "литературного" и специально поэтического языка, в длительности, объеме и дифференцированности литературной традиции в разных ее аспектах (жанр, композиция, формы, стих и т.п.), в опыте разработки "любовной" тематики в различных стилях и направлениях, в общекультурном аспекте и т.п. была явно в пользу французской традиции. Это преимущество объясняет, почему русское оригинальное стихотворение "Ода о непостоянстве мира" уступает французскому тексту стихотворения, озаглавленного "Та ж самая ода по-французски" и написанного тогда же, в 1730 г., в степени отделанности, в органичности поэтической формы и самом развертывании идеи, лежащей в основе стихотворения²⁹. Ср. несколько фрагментов:

Где бодрость! где надея!
Откуда дики мысли?
Что случилось всех злея?
Мир сей из сердца вышли,
Все зло отстанет.

Point de courage! Point d'espoir!
mille objets obsedent mon ame!
Mais, d'où me vient ce penser noir?
Ah! l'amour du monde m'enflamme
depuis le matin jusqu'au soir!

Та малая премена,
В сердце взявши начало,
В теле всем размножена,
Хоть мучит и немало,
Будь терпеливый.

Quoique ce petit changement
n'ayant que dans mon coeur sa source
abat le corps cruellement
et me fasse être sans ressource,
que je le souffre constamment!

.....
Весну сжигает лето,
Осень то пременяет;
Плодом дерево одето
Зима нам отнимает,
А ветер гневливый

Le printemps se cache à l'été,
l'été se derobe à l'automne;
mais d'abord l'hyver enteté
avec les rudes froids se donne,
et tout raisin est arrêté.

Уносит у нас тихость,
 Боится свет ненастья,

 В счастья много несчастья,
 Скорый припадок!

Сего должно едина
 Повиноваться воли:
 Первая [он] причина
 Дарующая доли.
 Примем сердечно

Что б от него ни было;
 Который не даст злаго.
 О великая сило!
 В тебе мне есть все благо,
 Сердце вещает.

Les vents, quand ils sont en fureur,
 otent l'agreable bonace;
 la noir malice avec ardeur
 poursuit la bonté, la menace,
 après l'heur on a le malheur.

On doit obeir à lui seul:
 car il est la première cause,
 il fait la poie, il fait le deuil,
 et comme il lui plait il dispose,
 ainsi recevons sans orgueil.

Tout ce qu'il nous voudroit donner,
 il n'est jamais que favorable.
 O dieu! veuille donc m'ordonner,
 ce qu'il te convient, adorable!
 mon cœur autrement façonner.

Перевод с французского, каковым является Е., вполне отвечал интересам и вкусам Тредиаковского этого периода, и, по сути дела, они были более действенным стимулом нежели "повеление" Куракина перевести какую-нибудь французскую книжку. Подавляющее большинство позднейших переводов Тредиаковского (а их было очень много, и характер и тематика переводимых текстов были очень разнообразны) делалось именно с французского (см. Библиограф. указ. XVIII в. 1968, 381-382)³⁰. Среди них помимо прочего – "Наука о стихотворении и поэзии с Французских Стихов Боало-Депреовых стихамиж" (в "Сочинениях и переводах" 1752 г.) и даже Фенелонова Тилемахида в стихотворном переводе "с французския нестихословныя речи" (1766). Писание оригинальных французских стихов, которые более совершенны, чем русские стихи того же поэта, и переложение русскими стихами, среди которых на этот раз немало весьма удачных, а иногда и великолепных, длиннейшего прозаического романа – вот два полюса "французского" в поэзии Тредиаковского.

Вторая особенность того контекста, в котором предлагается рассматривать перевод Тредиаковским романа Талемана, – любовная тема в его стихах 1730 г. В этой области его первенство в русской поэзии 20-30-х годов неоспоримо. Любовные стихи Тредиаковского настолько резко отличаются и от более ранней "виршевой" лирики, и от народных песенок любовно-лирического типа, что именно Тредиаковский стоит как зачинатель у истоков любовной лирики в истории русской литера-

туры³¹. Пребывание на Западе, знакомство с образцами французской любовной лирики эпохи распада монументальных форм высокого классицизма XVII в. (галантный стиль литературного рококо, *poésie légère*, поэма, роман и т.п. жанры предполагали не только грациозность и любовную тематику, но и эротичность, вплоть до фривольности и даже иногда скабрёзности, ср. факетии и т.п.), усвоение уроков анализа любовного чувства в разных его стадиях и формах в сочетании с несомненным собственным "эротическим" темпераментом способствовали сложению того комплекса, который объясняет, почему именно любовная лирика стала преимущественной формой самовыражения Тредиаковского как поэта. Как некий отдаленный фон иногда присутствует и образ народной песни любовного содержания. Концентрированность любовной темы в "лирике 1730 года" может быть осознана, если напомнить, что почти все, что вышло в 1730 г., исключая несколько стихотворений, было посвящено этой теме. Среди них оригинальные тексты – "Прощение любве" (*Покинь, Купидо, стрелы..*, см. Lachmann 1968, 449-474), "Песенка любовна" (*Красот умильна! / Паче всех сильна! ...*), "Стихи о силе любви" (*Можно сказать всякому смело, / Что любовь есть велико дело: / Быть над всеми и везде сильну, / А казаться всегда умильну – / Кому бы случилось? / В любви совершилось. / [...] // Словом, чинит по своей воле / Что захочет где се ли то ли; / И девиц склоняет / А нас запалает. // Не убежишь той в монастырях, / Любовь во всех председит пирах. / Для любви все танцевать любят, / И музыку, чтоб играть, нудят. / Все ей угождают, / Все любви желают*), "Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне" (*Ах! невозможно сердцу пробыть без печали...*)³² и др., включая и такие, как "Стихи эпиталамические"; французские стихотворения этого года тоже практически все о любви, и сами их заглавия достаточно красноречивы³³. К сожалению, остается неизвестным, в каком отношении находятся все эти стихотворения к поэтическим частям романа Талемана – следы ли это своеобразной "разминки", подготовки к переводу или, напротив, некий остаток, отклик, результат не исчерпавшей себя инерции. Но в любом случае все они вместе памятник тому лирическому "двуязычному" любовному "взрыву", которым отмечен 1730 год (отчасти и время, непосредственно ему предшествующее) в творчестве Тредиаковского.

Роль Тредиаковского в становлении и развитии русской любовной лирики определяется прежде всего уже тем, что он первым рискнул публиковать свои любовные песни, придав им тем самым статус литературного жанра, претендующего на общественное значение (см. Успенский 1985, 141; Серман 1962, 101 и др.); в них поэт говорил не просто о своем индивидуальном любовном опыте, но о всех влюбленных. Тем

самым он узаконил их парадигматичность, выведя их из состава "низовой" поэзии, как бы не предназначенной для печати. С этим связана и популярность любовных песен Тредиаковского, их прочное, на два-три десятилетия по меньшей мере, вхождение в новый русский быт. Следующим завоеванием поэта была универсализация "мирской песни" именно как любовной песни. Еще в 1734 г. Тредиаковский писал в "Рассуждении об Оде вообще" то, что было повторено и в издании 1752 г. (II, 31): "Всякая мирская песня, буде она от правильного сочинена Песнотворца, подобна есть Оде тем [...] Но Материею, и словами весьма от Оды отлична: ибо содержание песен часто, и почитай всегда, есть **любовь** [выделено нами – В.Т.], либо иное что подобное, лехкомысленное, и только что сердце человеческое улещивающее; речь же самая бывает в них иногда сладкая³⁴, но всегда льстящая [...]". Освоив песню как основной и преимущественный жанр любовной лирики, Тредиаковский и сам стал восприниматься в начале 30-х годов как автор любовных песен по преимуществу³⁵ и как безусловно ведущая фигура в этой области, творческая деятельность которого задала тогдашним русским читателям моду на этот жанр, вовлекая в читательский круг (или, точнее, в круг тех, кто знал, слушал, исполнял и любил эти песенки) тех, кто раньше находился вне сферы литературных интересов. Тредиаковскому принадлежит еще одна важная инициатива в области русской любовной лирики: он создал "литературный" тип любовной песни в специфическом варианте, который, отходя от "народной" любовной песни, хотя и сохраняя следы определенных связей³⁶, усвоил как наследие античности (главным образом, в виде аллегорически используемых мифологических персонажей – Купидо, Иовиш, Марс, Венера, Юнона, Аполлон, Гимен и т.п.), так и опыт европейской лирики конца XVII – начала XVIII вв., синтезировав некий принципиально новый тип текста, соответствующий новому типу культуры, в частности, новому эталону любовного чувства и любовного поведения. Этот синтезированный тип, более или менее легко представляемый в общих его чертах, в русском варианте 1730 г. окрашен в некоторые специфические тона, иногда не замечаемые вообще или чаще всего недооцениваемые из-за смещения историко-литературной перспективы. В стихах Тредиаковского и любовь и субъект любви – влюбленный являют новый для русской поэзии тип; любовь антиномична, прогиворечива и парадоксальна: она не определяется только результатом (удача – неудача), всегда внешним по своей природе, но самой ее внутренней природой, выражающейся в оксюморном понятии "мучительной сладости", "сладких мук" (*Все любви покорены. / [...] / Кто любовью не дышит? / Любовь всем нам не скучит, / Хоть нас тая и мучит. / Ах сей огонь сладко пышет*; ср. в "Элегии II": *Кто и может облег-*

чить, ах! *сердечну муку* / [...] / *Непрестанною любви мучит, ах! бедою*); но подстать любви и ее субъект, возлюбленный – он-то и вкушает эту мучительную сладость, носит в себе "печаль любви" (*Ах! невозможно сердцу пробыть без печали*; ср. начало "Элегии I": *Не возможно сердцу, ах! не иметь печали*) и, более того, кажется, знает, что все эти муки, горечь, печаль не просто помехи или издержки любви, но что они от нее неотделимы и сладостны, как и сама любовь, хотя бы по смежности с нею. Любовь подобна целому миру, и каждая вещь в нем входит в пространство любви, и когда милой нет (*Расстался я с сердечным другом не на мало. / Увы! с ним разделили страны мя далеки, / Моря, леса дремучи, горы, быстры реки*³⁷), всякая вещь напоминает о ней, обвиняет влюбленного за разлуку, вызывает мучительное чувство – *Ах, всякая вещь из глаз мне его* [милого друга – В.Т.] *уносит, / И кажется, что всяка за него поносит / Меня, сим разлученьем страшно обвиняя, / И надежду, чтоб видеть, сладку отнимая*. Только сон (*И то в темноту саму половину ночи!*) не соглашается с разлукой ([...] *мнить ли, что то ему роки / Представлять мила друга велели пред очи*), и в нем происходит встреча с возлюбленной – *Свет любимое лице! чья и стена приятна! / И речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!* Такие стихи, как "Плач одного любовника", реализуя определенный член-ситуацию "любви" парадигмы, покоряли, видимо, еще не искушенного русского читателя своей "инвентивностью" (как и "остроумие", один из важных признаков поэтики барокко)³⁸, иллюзией реальности, индивидуальной конкретности описываемой любовной ситуации. Подобные стихи должны были восприниматься как вторжение в запретную интимную сферу, почти нарушение "священного", попрание табу, опасный прорыв поэзии в жизнь. Этому впечатлению способствовала и та экспрессия чувства, напор страсти, соединенный с резко обозначенным – вплоть до сознательного эпатирования – "натурализмом" некоторых любовных сцен. Чтобы дать представление об этом, достаточно, забегаая вперед, привести один из шедевров Е., которому в его "натурализме" нет никаких соответствий в французском тексте³⁹:

Там сей любовник, мог л ей который угодить,
 Счастью небо чиня все зависно,
 В жаре любовном целовал ю присно;
 А неверна ему все попускала чинить!

Вся кипящая похоть в лице его зрилась;
 Как уголь горящий все оно краснело.
 Руки ей давил, щупал и все тело.
 А неверна о всем том весьма веселилась!

Я хотел там убиться, известно вам буди:
 Вся она была тогда в его воли,
 Чинил как хотел он с ней се ли, то ли;
 А неверна, как и мне, открыла все груди!⁴⁰

Понятно, что такого рода стихи не могли не вызвать, особенно в Москве, где к ТрEDIAKовскому имели основание относиться с большим недоверием и подозрением и по другим причинам, крайнего недовольствия, доходившего до ярости и, видимо, попыток "призвать к порядку". Об этом писал вскоре после выхода книги и сам ТрEDIAKовский. Если в письме И.-Д.Шумахеру из Москвы, относящемся к началу января 1731 г., сообщается только об успехе книги (Е.) ("Je n'osais me promettre le succès, dont mon livre est honoré de son altesse. Tout le monde de bon goût veut l'avoir avec une rapidité. J'espère que j'aurai l'honneur d'être présenté à sa majesté imp<eria>le. Vous aurez la bonté de m'envoyer encore incessamment 150 exemplaires", см. Письма 1980, 44), то в следующем письме тому же адресату от 18 января дается более подробная и дифференцированная картина того, как была принята книга, с особым вниманием к реакции со стороны хулителей:

" [...] je prends la liberté de vous informer de ce que le gros de la nation dit de mon livre. Les jugements en sont différents suivant la différence de personnes, de leur professions et de leur goûts. Ceux qui sont à la cour en sont tout à fait contents. Parmi ceux qui sont du clergé il y en a qui m'en veulent du bien; d'autres, qui s'en prennent à moi, comme jadis on s'en prit à Ovide pour son beau livre dans lequel il traite l'art d'aimer, disant que je suis **le premier corrupteur de la jeunesse russe** d'autant plus qu'elle ignorait absolument avant moi les charmes et la douce tyrannie que fait l'amour.

Que pensez-vous, monsieur, de cette querelle que me font ces bigots-là? Ne savent-ils pas que la Nature même, cette belle et infatigable maîtresse prend soin d'apprendre à toute la jeunesse ce que soit l'amour? Car enfin nos garçons sont faits de même que les autres, et ils ne sont pas comme des statues de marbre et déstituées de toute la sensibilité; au contraire ils ont tous les ressorts qui leur excitent cette passion-là. Ils la lisent dans un beau livre que composent les belles Russiennes telles qui sont fort rares ailleurs.

Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse: ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops.

Quant à ceux qui sont du monde, plusieurs, monsieur, m'en applaudissent en me faisant des louanges en vers, d'autres sont bien aise de m'avoir vu en personne et m'accablent de leurs gâtes. Cependant il s'en trouve qui m'en blâment.

Ces mrs-là sont partagés en deux classes: les uns me donnent le nom de vain, parce que j'ai fait par là sonner trompette de moi, et que cela est, disent-ils d'un homme prévenu en sa faveur qui expose sa vanité au public. Voilà qui est bien.

Май voyez monsieur, l'impudence des derniers, elle vous surprendra sans doute, car ils me taxent d'impiété, d'irreligion, de deïsme, d'athéisme, enfin de toutes sortes d'hérésies.

[-...] N'en déplaise à ces ignorants-là, car je m'en fiche, d'autant plus qu'ils sont d'une très petite conséquence, et qu'à chaque trou je trouverai des chevilles. Voilà, monsieur, toute mon histoire, dont vous m'avez chargé de vous informer" (Письма 1980, 45-46⁴¹; ср. также Малейн 1928, 431-432).

Но, конечно, у книжки Тредиаковского была и иная аудитория, реакция которой была положительно-заинтересованной, а в ряде случаев, видимо, и восторженной. Очень показательно, что эта аудитория по тому времени была и широка и разнообразна. Сам Тредиаковский говорит конкретно о Его Сиятельстве (son altesse), придворных, части духовенства как поклонниках его перевода и стихов 1730 г. Чаше (см. выше) он говорит вообще об успехе книги, о моде на нее (ср.: "Je puis dire véritablement que mon livre devint ici à la mode, et par malheur ou bien par bonheur moi aussi avec lui. Ma foi, monsieur, je ne sais que faire; on vient me chercher de tous côtés, on me demande partout mon livre; mais lorsque je dis que je ne l'ai point, on se fâche de telle sorte que je m'aperçois très facilement de leur déplaisir", из письма к Шумахеру от 27 января 1731 г., см. Письма 1980, 47), и эти неконкретизируемые указания должны, видимо, пониматься как отсылка к читательскому кругу в целом. Но есть все основания и для более дифференцированного и конкретного определения тех читателей (или "пользователей") любовной лирики Тредиаковского, среди которых она пользовалась успехом.

С одной стороны, в этот круг входили профессионалы-литераторы, переводчики, люди наиболее компетентные в вопросах "эстетического". Недавно внимание было привлечено (Успенский 1985, 143-146) к интереснейшему свидетельству – предисловиям Ивана Сечихина к его переводу латинского трактата по физиогномике "Анфроскопия", датированным 20 декабря 1732 г. (ГБЛ, ф.200, № 82, л.6-7 и др.). В них дается не только очень высокая оценка Е.; важнее, пожалуй, что оценивающий эту книгу хорошо понимает ту литературно-эстетическую и языковую проблематику, которая лежит в основе начинания Тредиаковского, и поэтому в данном случае он выступает не просто как читатель, но и как единомышленник. В предисловии к "К Зоилу" (ср. "Эпиграмму к охуждателю Зоилу", которой заключаются "Стихи на разные случаи" в Е.) Сечихин пишет"

"Знаю бо, что сия моя новопереведенная книжица не уйдет твоего тщания, понеже и "Езда в остров любви" за приятность и за чистоту своего перевода, такожде и за матерю, в ней трактуемую, всякия похвалы достойная, имела честь от тебя быть прочтенна, о которой ты зело

благоразумно, как слепой о красках, рассуждая, едва головы своей не попортил, и святую свою простоту и неведение, яко день светлый, очесам нашим предпоставил... Правду сказать и по совести, оная книга за самую материю честному свету никак не может быть неблагоугодна, понеже толкует о любви, которую в начале сам Бог в раю узаконил и потому и в самой натуре основание свое имеет, и которая на самом феатре света, во Франции, просто скажу, во всем политичном свете за вещь незазорную содержится [...] Еще же не помнишь ты, Зоилу бедный и сострадания достойный, сколь остроумный автор оный (Талеман. – *В.Т.*) вся качества и свойства любви той изыскал и представил, яко преводивший оную на российский язык господин Тредьяковский во избрании сея небезосновательное показал свое рассуждение. Чистота же и приятность его перевода еще и деду твоему, бедный Зоилу, во сне не греживалася [...]". Из предисловия "К Меценату" следует признание и высокая оценка языка перевода Тредиаковского, хотя в собственном переводе он вынужден употреблять, по своей неспособности, не "российский общий язык", но "славенороссийский".

С другой стороны, любовные стихи Тредиаковского были близко и, видимо, горячо восприняты теми, для кого предназначались песенники, сборники кантов. Прежде всего это был городской круг – как дворянский, так и мещанский, со временем все расширявшийся. Среди этого круга, конечно, было и "российское юношество", которого "первым развратителем" называли Тредиаковского. За последние 30-40 лет стала ясна роль поэта в развитии русской любовной песни – и собственных его стихов ("почти все они [стихи из Е. – *В.Т.*] стали русскими кантами и вошли в рукописные сборники, будучи записаны вместе с музыкой", см. Ливанова 1952, 1, 48-49), составивших, по крайней мере на четверть века, основу репертуара русских песенников, и тех песенных образцов, которые весьма близко следовали традиции, заложенной "любвыми песенками" Тредиаковского (см. Позднеев 1958, 74-76; 1964, 87-100; 1970; Мартынов 1976, 84, 88 и др.; ср. также Серман 1973, 101-102).

Нужно думать, что "хулящие" хулили Тредиаковского, а "хвалящие" хвалили его, по сути дела, за одно и то же. Что одних эпатировало и возмущало, то других как раз привлекало и, видимо, восхищало, и эта ситуация не вызывает сомнения. Более тонкими критериями в противоположной оценке Е. оказались язык и то, что условно можно было назвать стилем. Тредиаковский предвидел, что проблема языка его перевода не останется незамеченной, и в обращении "К читателю" постарался объяснить с ним, помня выдвинутый им тут же девиз – "Но полно бранитца, пора помиритца". Объяснение в данном случае и есть своего рода попытка примирения:

"На меня, прошу вас покорно, неизволте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную неславенским языком перевел, но почти самым простым Русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: Язык славенской, у нас есть язык церковной, а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая неразумеют; А сия книга есть СЛАДКИЯ ЛЮБВИ, тогорати всем должна бытъ вразумительна. Третья: [...] что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится [...] Ежели вам, ДОБРО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЮ, покажется что я еще здесь в своество нашего природнаго языка не уметил, что хотя могу толко похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а колиже не учинил, то безсилие меня к тому недопустило, и сего, видится мне, доволно есть к моему оправданию".

"Примирение-объяснение", предлагаемое Третьяковским читателю, вместе с тем и вызов, поскольку речь идет о некоем камуфляже ("славенщизна" все-таки в достаточной мере присутствует в "простом русском" языке перевода), связанном с чрезвычайно смелым (по тому времени) лингвистическим (и стилистическим) экспериментом. Отсылая к литературе последнего времени о языковой программе "раннего" Третьяковского, о круге его ориентиров ("западноевропейских", в частности), о конкретных особенностях языка перевода романа Талемана и присовокупленных к нему стихов (ср. Успенский 1985; Дерюгин 1985; Сорокин 1976; 1982 и др.), здесь уместно отметить "авангардистские" установки этого эксперимента: несбалансированность отдельных языковых "выборов", несомненно, ощущаемая и осознаваемая Третьяковским, известная неорганичность языка, который, оторвавшись от "славенщизны", как бы "проскочил" и "простой русский" язык, намекнув, однако, на то, каким мог бы быть язык текстов этого "мирского" типа, наконец, его "грубость" в фактурном смысле – все это, сделанное сознательно, нарочито или просто по неумению, "бессилию", как признается переводчик, было из необходимости превращено им в добродетель.

Сама же эта добродетель вытекает из тех принципов перевода, которые Третьяковский признает для себя ведущими. Отметив и даже указав конкретно, в чем он имел "великую трудность" при переводе, Третьяковский, отказываясь в отличие от купцов хвалить свой товар ("ибо всяк меня самохвалом может за то назвать"), не удерживается и выкладывает главный свой козырь: "А по чему бы? веть я опыя не творец? правда, да я лих оную переводил; и переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам больше, ежели творец замысловат⁴² был, то переводчику замысловатее надлежит бытъ... (я не говорю о себе, но о

добрых переводчиках). А буде кто тому неверит, тому я способно могу доказать еще Математическим Методом, что я правду сказал. А у! я недумая по философски уж и ссорюсь низачто!" – Итак, переводчик – тот же творец; если автор "замысловат" (и, следовательно, пословный и дословный перевод малоэффективны), то переводчик может пойти еще дальше (т.е. получает некую автономию); что это именно так, может быть доказано математически ("математическое" подтверждение возможности и целесообразности эксперимента).

В свете таких языковых и специально "переводческих" установок не приходится удивляться особенностям русского текста Е. и его "стиля": он тоже несбалансирован, иногда нарочито дисгармоничен, резок, экспрессивен; он отказывается скрывать швы, или "приемы" (в терминологии русских формалистов); он веществен, "фактурен", зрителен; более того, во многих случаях для раннего Третьяковского основной прием и метод – узревание плоти, тела в расцвете его жизненных сил и во всей его внешней выявленности, открытости. Это не "умозрительство душевное" Петра Буслаева и не "богозрительство" позднего Третьяковского, но именно "умозрительство телесное" или "плотезрительство". Но это "зрительство" вдвойне внешнее – "внешний глаз" созерцает "внешнее тело", его силу и страсть. Умудренный годами автор "Феоптии" (см. о ней Серман 1961; Hüttl-Worth 1966; Breitschuh 1979 и др.) отдает себе отчет в том, что многие

И быть не возмogli рассудком толь исправны,
Ни столько ж о вещах понятия иметь,
Чтоб вещи без труда им суще разуметь.

Но и для них есть *гладчайшая стезя*, которая от сути вещей приведет их к Творцу:

Но равно приведет к Создателю и к Богу
Как и идущих всех в ту первую дорогу.
Но весь чин естества вперяя **внешний глаз**,
Представляю ону **внутри я божества показ**.

Ибо –

Такая мудрость всем всегда есть не закрыгта,
Да разве от страстей в жар может быть забыгта.
Едва кто всех вещей воззрил на всяк конец,
Не может не узреть, что их премудр Творец.

"Жар страстей" периода Е. и любовных песенок ограничивал зрение миром плотского; теперь автору, свободному от помех, доступно и

богозрение, но зрительность развертывающегося присутствует по-прежнему. Этой "зрительности" Тредиаковский учился, в частности, у Талемана, по его роману, где возлюбленные как бы "экспериментально" проводятся через все перипетии чувства и все типы любви, и читатель по внешним изменениям должен научиться определять находящиеся за ними **внутренние** причины ("предпсихология" чувства, опознаваемая через зрение и через то, что зрение фиксирует). И эти картины Тредиаковский в русском переводе передавал иногда более "весомо, грубо, зримо", чем Талеман, уступая ему, конечно, в тонкостях нюансировки и гармоничности языка и стиля. Но эта "грубость", наложенная на "нежность" темы, неожиданно дала новый и сильный эффект, который для читателя "постфутуристической" эпохи доставляет не предусмотренные Тредиаковским дополнительные положительные эстетические эмоции⁴³. "Футуристичность" не как историко-литературная, но как типологически-стилистическая категория, вероятно, имеет отношение к раннему Тредиаковскому. Отчасти это прояснится во второй части настоящей статьи, где будут рассмотрены текстуальные и чисто переводческие проблемы объявленной здесь темы.

П р и м е ч а н и я

- 1 Вторая, готовящаяся к печати часть этой работы посвящена собственно переводу.
- 2 По собственному признанию Тредиаковского перевод был сделан с парижского издания 1713 г. Автор этих строк имел возможность пользоваться двумя изданиями: первая часть – *Le Voyage de l'isle d'Amour, a Licidas. A Leyde, Chez Abraham Gogat. MDCLXXI* (Annex, aux Elzevier. Bruxelles Foppens 1675. 12° 30х. Б-ка Румянцевского Музея); вторая часть – *Le second voyage de L'ISLE D'AMOUR*, по изданию: *Le Voyage de l'isle d'Amour, ou la clef des cœurs. A Paris. MDCCXIII* (экземпляр - Санкт-Петербург. Гос. Публ. Б-ка, шифр 6.15.6.56).
- 3 К этой категории самых ранних стихотворных переводов конца XVII и самого начала XVIII вв. относятся довольно различные по своему характеру примеры – стихи Мардария Хоникова (1679 г.), являющиеся переводом латинских подписей к гравюрам Библии Пискатора, второе издание которой (1674) было весьма популярно на Руси (у Хоникова были и тогда же написанные оригинальные стихи на библейские темы; по одному из них опознается авторство всех этих стихов,

включая и переводы: стихотворение "К читателю" представляет собой акrostих "Монах Мардарий Хоников Трудился", возможно, с элементами анаграммирования); см. Соколов 1895, 307 сл.; Панченко 1973, 121; Силлабическая поэзия 1970, 179-183, 378; – замечательная поэма довольно значительного объема "Пентагеум" (90-е годы XVII в.) Яна Белобоцкого (в православии Андрея), разные части которой имеют своим источником латинские стихотворения немецких поэтов конца XVI-XVII вв. М.Радера, И.Нисса, Я.Бальде, переведенные на польский в основном Э.Брудецким; см. Горфункель 1962, 188-213; 1965, 39-64; Силлабическая поэзия 1970, 216-249, 382-385; Панченко 1983, 204-207 и др.; – авторские стихотворные переводы-переложения (ср. "Epinicium, sive carmen triumphale de victoria nobilissima", 1709 и "Епиникион" Феофана Прокоповича); – стихотворные переводные повести, подобные "Истории о Париже и Вене", восходящей к итальянской поэме – роману Альбани; – стихотворные вставки в переводных пьесах из раннего репертуара русского театра.

- 4 О "новоиерусалимской" стихотворной школе см. Позднеев 1958, 5-12; 1961, 419-428 и другие работы этого автора, а также Панченко 1973, 103-115 и др. О "переводческой" деятельности "новоиерусалимских" стихотворцев пока можно говорить лишь условно, имея в виду формирование двух составных элементов поэтического перевода, – стихотворные переложения прозаических текстов Писания в пределах одной языковой традиции и учет "чужого", иноязычной языковой традиции в гимнографии (знакомство с польскими духовными песнопениями, включение их в песенники в форме, свидетельствующей об известной руссификации текста, несомненные следы польского влияния на уровне фразеологии, синтаксиса, стиля).
- 5 О пребывании Третьяковского в Гамбурге см. Neithus 1978, 304-318. Уточняя фактические сведения (писатель был в Гамбурге уже с лета 1729 г.; согласно другим данным, Третьяковский жил в Гамбурге с первых чисел ноября 1729 г. по середину августа 1730 г., см. Успенский-Шишкин 1990, 109) и говоря о круге интересов и занятий Третьяковского (о возможных знакомствах с Гаманом, Телеманом, Брокесом, о "музыкальной" теме и т.п.), автор отмечает главное "гамбургское" дело Третьяковского – "Zu seinen unbestreitbaren Verdiensten gehört, durch die in Hamburg geschriebene Übersetzung der "Voyage...", das erste Werk der nachpetrinischen Periode mit westlichem Charakter seinen Landsleuten zugänglich gemacht zu haben. Die Hansestadt wurde damit zu einem Ausgangspunkt der neueren russischen Literatur..." (315). – С "гамбургской" темы начинаются и "Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны" (апрель 1730): *Во один день прошлого в город Гамбург лета / При самом ясном небе от солнечна света / Влетел вестник Меркурий...*

- 6 "Вечному труженику" была знакома и скука, о чем свидетельствуют и некоторые факты его биографии, в частности, и личные свидетельства. Похоже, что объем семантики слова *скука* и, главное, акценты были несколько иными чем сейчас – пассивное переживание некоего томительно-мучительного чувства, ср. *скучить* 'томить' или *Плюнь на суку / Морску скуку / [...]* / *Так не будет волн и слышно*, – в песенке, написанной еще в "московских школах на выезд в чужие края" (весна 1726 г.), где *скука* – 'болезнь', ср. *в грудях скучно*, и т.п.
- 7 "Услаждение" романом Талемана дает повод высказать предположение о "терминологизирующемся" характере слова *сладкий*, которое у Тредиаковского становится своего рода эстетической "пред-категорией", связывающей "сладкую" книгу с "услаждающимся" ею читателем. К *усладившимся* ср. в том же обращении "К читателю": ... *усладившимся* весьма... стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными...; ... извольте узнать, какову сия книга подает утеху, сладость, и ползу нравоучительную...; ...ибо надлежало непотерять весьма разума Французскаго сладости и силы... и т.п.; ср. еще: А сия книга есть **СЛАДКИЯ ЛЮБВИ**. Но и в других сочинениях, в частности, теоретического характера – Стих героический не красен и весьма прозаичен будет, ежели сладкого, приятного и легкого падения не возымеет; – Стих героический часто одно письма и один слог неприятным и не сладким звоном повторяет; – [...] но сладчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп [...] падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пентаметр оных выше объявленных двусложных тонических стоп; – тогда-то бы прямую мы узнали стихов сладость ("Новый и краткий способ..."); – Слог панегирических эпистол долженствует быть гладок, сладок, способно текущий и искусный [...] ("Рондо"); – *О родителъ сладких слов, сердце веселящих*; – *Эпиграммы тот писал [...]* / *Славны оперы другой сладкой для музыки* ("Эпистола от Российския поэзии к Аполлону"); – а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою [...] должен токмо составлять элегиаческий род стихотворения; – так что иямбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся ("Для известия"); – ежели б Смотрицкий [...] ввел бы тоническое складов количество [...], то б способнее наши стихотворцы [...] взялись за сей способ сложения, как совершенно легкий и нам природный, а к тому ж плавный, приятный и сладкий [...] ("О древнем, среднем и новом стихотворении Российском"; ср. тут же: [...] соглашать смешанною рифмою, для того что не без подлинного *услаждения* слуху происходит от сочетания двусложного и односложного [...]) и т.п. – К связи "квази-теоретического" и общеязыкового употребления ср. пример из прозаического добавления к "Оде" (*Что то за злость? и что за ярость?*): Наш народ толь склонен к

рифмам, что и в простых пословицах, не стихами сочиненных [...], слух любит ими услаждаться. Примером тому сия пословица: "я человек простой, ем пряники не писанные: хоть бы гладки, только бы сладки", и прочие премногие.

⁸ "L'embarquement pour l'île de Cythère" (как и "L'embarquement pour Cythère"), конечно, не могла не связываться с "l'isle d'Amour" романа Талемана в сознании самого художника и его просвещенных современников (кстати, первоначальное название картины – во всяком случае именно оно было официально зарегистрировано – "Le Pélerinage á l'Isle de Cythère" существенно ближе к "Voyage" заглавия талемановского романа). Сказанное не отменяет начавшиеся с начала века попытки определить источник, непосредственно повлиявший на выбор художником этой темы (интермедия "Trois Cousines" Данкура /см. Fourcaud L. de. – "Revue de l'Art ancien et moderne", 1904/, "La Vénitienne", комедия-балет де Ламотта и Ла Барра /Macchia G. – "Corriere della sera" 26. X.1967/ и др.).

⁹ См. Гибшман 1976, 23-26; Голикова 1982 и др.

¹⁰ *So vieler Völker Schar, so mancher Waren Wahl / Und so viel anders mehr in ungezählter Zahl*, – писал Флеминг в стихотворении "An Herrn Hartmann Grabmann, Fürstl. Holstein. Gesandten Leibarzt geschrieben in Astrachan 1738, in welchem der Verlauf der Reise nacher Moskaw und Persien meistens angeführet wird".

И там же:

So hat uns auch das Haus der Herren Augustiner,
Der Karmeliten Trost, die Gunst der Kapuziner,
Der Englischen Gespräch und der Franzosen Scherz
(Batavien war feind) befriedet oft das Herz.

¹¹ Из этой установки на "культурный" плюрализм, конечно, нельзя делать выводов о бесконфликтности ситуации. Известно, что "латинское" вызывало недовольство и попытки его вытеснения. В 1705 г. во время последнего и самого крупного городского бунта стрельцы (участники стрелецкого бунта 1682 г., высланные из Москвы) "говорили про царское величество, что он подменной, а не прямой царь, старую веру переменял и ввел все латинское". Позже были предприняты попытки прекратить деятельность капуцинов в Астрахани, но губернатор города А.П.Волынский, с которым судьба сведет Тредиаковского и много лет спустя в Петербурге, поддержал капуцинов, подчеркнув, что в их деятельности больше пользы, чем опасности, "понеже из здешняго сурового народа обучаются от них молодые дети латинского и прочих языков". Есть сведения, что сам Волынский был причастен к устройству Тредиаковского в школу капуцинов.

- 12 Наряду со "своими" и западными связями, возможно, существовали и другие. Во всяком случае очень показателен факт знакомства Тредиаковского с индийским купцом Сунгарой, которому он подарил с дарственной надписью рукописную "славенскую" грамматику.
- 13 Последний год пребывания в Астрахани был связан для Тредиаковского с новыми встречами, впечатлениями и хранившимися до поры в тайне решениями. Есть основания думать, что Петр I во время своего пребывания в Астрахани вместе с князем Дмитрием Кантемиром и его секретарем И.Ильинским посетили школу капуцинов, и Петр I будто бы отметил "вечного труженика". В течение полугода в латинской школе в Астрахани учился сын Дмитрия Кантемир Антиох, будущий поэт. Допускают, что с ним тогда же познакомился Тредиаковский. Тем более вероятно, что у него установились отношения с Ильинским, который был и воспитателем сыновей Д.Кантемира. Будучи также поэтом, он был учителем Антиоха в стихотворстве и, возможно, именно он помог уяснить Тредиаковскому его дальнейший путь. Ср. его более позднее свидетельство об Ильинском: "правдодушный честный и добронравный муж, да и друг другам неллицемерный, искусный довольно в латинском языке, несколько в молдавском, а совершенно в славенском", которое, вероятно, бросает свет и на роль "молдавского" культурного элемента (Дмитрий и Антиох Кантемиры и др.) в ориентации на "латинское" и "славенское".
- 14 Об астраханском периоде жизни Тредиаковского см. Майков 1897; Самаренко 1962, 358-363; Флоровский 1962, 328-334; Травушкин 1976, 16-22; Нахимов 1976, 27-35; Марков, Попов 1976, 36-39; Шишкин 1984, 127-133 и др. Специально о связях с капуцинами см. Zacharia 1942 (ср. Zacharia 1942a; 1955); Успенский-Шишкин 1990, 105-106, 131-132, 203-204; о совместном с А. Кантемиром учении у капуцинов см. Graßhoff 1966, 26-27.
- 15 О Славяно-греко-латинской Академии см. Смирнов 1855; Воскресенский 1891; Зубов 1954, 31-49 и др. и специально в связи с Тредиаковским – Шишкин 1984, 133-145.
- 16 Для Тредиаковского "афинское" в Академии состояло и в том, что, кажется, именно здесь он освоил греческий язык, – как предполагают, в греческой школе Афанасия Скиады (см. Шишкин 1984, 137), известного своим описанием греческих рукописей бывшей Патриаршей библиотеки. Правдоподобно высказываемое мнение о том, что идеи, изложенные в предисловии к труду Скиады, "не могли пройти мимо Тредиаковского". Во всяком случае тот пласт "греческих" знаний, который обнаруживает себя в его более поздних научных и художественных сочинениях, сформировался в годы учения в Академии.

- 17 Этому культу, имеющему и идеологические и чисто эстетические корни, Тредиаковский отдал дань сполна в годы учения. В предисловии к Е., написанном в то время, когда, по признанию автора, "язык славенской ныне жесток моим ушам слышится", читателю сообщается: "[...] прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми: но зато у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым РЕЧЕТОЧЦЕМ хотел себя показывать". Культ церковнославянского языка и высокого "славенского" стиля поддерживался в Академии и как некий противовес петровской установке на упрощение и руссификацию языка. Учащиеся уделяли много времени упражнениям в переводе со "славенского" на русский и наоборот. Тредиаковский был знаком с высоко им ценимыми за познания в церковнославянском И.Ильинским, Л.Магницким и автором "Лексикона триязычного" Ф.Поликарповым.
- 18 Уроки барокко для Тредиаковского были весьма важны. В Академии в лекциях по поэтике излагалось понимание поэзии, восходящее как к первоисточнику к Аристотелю, но непосредственно к его позднейшим истолкованиям у Сарбевского и Тезауро. Тайный нерв поэзии, ее суть – такая остроумная выдумка (*acutum concertum*), которая может "согласить", привести в соответствие даже то, что представляется несогласным. Лишь острая мысль, *acumen* восстанавливает согласие. "Острая мысль (*acutum*), – пишет современный исследователь, – это речь, в которой происходит соприкосновение чего-то несогласного и согласного, т.е. это выраженное словами соответствующее несоответствие или несоответствующее соответствие" (Левин 1977, 192-193). Тредиаковский, несомненно, усвоил этот основной принцип барокко, с его точки зрения рассматривал явления западной литературы и сам старался ему следовать. Кстати, кажется, не обращалось внимание на то, что *острая мысль* (*острота мысли*) для Тредиаковского всегда терминологична. Ср. о сонете: "Состоит он всегда из четырнадцати стихов, [...] имея всегда в последнем стихе некоторую **мысль** либо **острую**, либо **важную**, либо **благородную**, что у латин называется *acumen*"; – Мадригал так же есть короткая поэма, как и эпиграмма, так же на конце **острую** имеет **оний мысль**, как и эпиграмма; однако материя его всегда бывает благородная, важная и высокая: следовательно и конечная его **острая мысль** долженствует быть также благородная, важная и высокая. [...] эпиграмма [...] также на конце **острую** имеет **мысль**, как и мадригал, но материя ее всегда бывает либо народная, либо легкая, либо низкая, либо насмешливая, либо, наконец, сатирическая: следовательно, и конечная **острая ее мысль** должна быть или народная же [...]" – "[...] все добрые стихотворцы коль ни разно в особливости **остроту** своих **мыслей** и силу различают"; – "[...] автор [...] показал ученому российскому свету великую **остроту** **вымысла** [...]" ; ср. также: "Петр Буслаев **острый** и словесный человек"

- (кстати, в этом значении употребляет слово *острый* и сам Буслаев в его "Умозрительстве душевном" – Топоров 1983, 84-85; к слову *мысль* ср. у Буслаева – *вымыслы, измышление, измышленно писал* и т.п.); – *остр Юнкер*; – *Разумом разумных всех та весьма острейша* ("Эпистола ... к Аполлону") и др. Ср. в обращении-посвящении к князю Куракину в Е.: "Ваша, Сиятельный Князь, острога природная; Ваше умение в совершенность многих языков; [...] Ваше глубокое искусство [...], которое Вы имеете, в уме самом, в речах, в разсуждении [...]", откуда – острога ума, остроумие. – Не раз писалось о постоянном определении поэзии как "*острой*" – с вольной или невольной отсылкой к внутренней форме слова *ἀκμή*.
- 19 Обе эти пьесы пропали во время пребывания Третьяковского в Европе. Ср.: "Не упоминаю и о моих двух драмах (да позволится сказать о себе не тщеславно) "Язоне" и "Тите Веспасианове сыне", сочиненных мною еще в студенчестве моем и прежде отбытия в чужие края представленных в Заиконоспасском монастыре, но в путешествиях моих пропавших безвозвратно" ("О древнем, среднем и новом стихотворении Российском").
- 20 Большим событием стало недавнее открытие рукописи этого "первого" перевода "Аргениды" в Центральной научной библиотеке Украинской Академии наук в Киеве (из собрания Киево-Печерской лавры, № 335 п/226: "Иоанна Барклаия Аргенида"). См. Николаев 1986, 21-22; 1987, 93-99. Полная публикация этой рукописи заполнила бы существенную лауну и в наших сведениях о становлении Третьяковского как писателя, и в истории русского художественного, в частности, и поэтического, перевода.
- 21 Ср.: "Знают искусныи, что кому Аргениду случилось переводить; тому довольно в свете досталось трудиться: но совершенный ей зделать перевод, есть участь превосходнаго токмо искусства, а не моих недостатков дело. О себе я могу донести без лицемерия, что предприятие мое, перевести толь глубокаго и мудраго Автора, моглоб справедливо названо бытъ продерзостию, ежелиб оно не извинялось ревностию моею к исполнению повеления даннаго мне от Академии Наук Президента, Сиятельнейшаго Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго. [...] Но что может оправдать оную мою продерзость, с которою я сам собою поднялся, будучи еще в Московских училищах, почитай токмо вступивши в риторический класс, перевести сюж самую повесть? Впрочем, начал я тогда, и совершил: прошу не спрашивать, каково; окончен токмо был перевод. И хотя некоторыи, кои пользовались чтением студентскаго онаго моего перевода, не так были им не довольны, чтоб его всеконечно и совершенно ни к чему годным почли: однакож я несказанным образом радуюсь, что всей России один токмо, и в одних руках экземпляр того перевода находился

пояныне, который точно самый тот ныне паки мною отыскан, и так сохранен, что уже и я сам увидеть его никогда не возмогу. [...] Бужеж бы мне захотеть и похвалиться; то удостоверяю справедливо и не обинуюсь, что сей последний мой перевод несравненно исправнейший перваго". См. Аргенида. Повесть Героическая, сочиненная Иоанном Барклаем а с латинскаго на славено-российский переведенная ... от Василья Тредиаковскаго. Том первый. В Санкт Петербурге, 1751, LVII-LIX.

- 22 Учитывая перевод этих стихотворных вставок, можно говорить о том, что это и был практически первый опыт русского стихотворного перевода "чужого" (западноевропейского) текста Нового времени. Во всяком случае этот опыт, относимый к 1724-1725 гг. ("почитай токмо вступивши в риторический класс"), предшествует тому, что известно с достаточной определенностью о таких же опытах Ангиоха Кантемира. Драматический отрывок (*Издавна иже ко мне любовь показуешь...*), представляющий собой перевод первой (очень короткой) сцены какой-то французской комедии, датируется маем-июнем 1728 г. (он записан в календаре Кантемира на 1728 г. на обороте майского листка). Работа над стихотворными переводами из Буало была начата не ранее 1727-1729 гг. Отрывок из Вольтера "О двух любвях" ("Les deux amours") вообще относится к концу жизни Кантемира (он находится в его письме к М.Л.Воронцову от 6/17 октября 1743 г.; правда, указывают, что стихи в письме писаны не рукою Кантемира, что, впрочем, не опровергает мнения о принадлежности этого перевода, именно Кантемиру, см. Заборов 1967, 113). Что касается переводов не с французского, а именно Анакреонга (фактически не его самого, но его последователей и подражателей), переводившегося с издания греческого текста Дасье (M-me Dacier), то и эта работа началась позже, – видимо, с 1736 г., о чем свидетельствует указание в рукописи ГПБ (Собр. Погодина, No 2023), когда Кантемир был уже в Лондоне; окончание этих переводов относят к 1742 г. Естественно, что и первые стихотворные переводы Ломоносова относятся к более позднему времени.
- 23 "Конец увенчан Плачем, нашимиж Стихами, о кончине блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества, сочиненным, уже тому двадцать седьмь лет, но исправленным и последним старанием вычищенным" (Сочинения и переводы. Т.1, XXIII). – В связи с "Элегией" писалось, что "Написанная грубыми стихами, она наполнена мифологическими намеками и вообще представляет собою не более как набор самых бессвязных общих мест в детски-нескладной форме" (Майков 1897, 13), что Тредиаковский "академического" периода находился под влиянием "московских латынщиков" и т.п. Позже это мнение было оспорено, и И.З.Серман, напротив,

подчеркивал систематичность взглядов Тредиаковского на деятельность Петра I, что поэт "вовсе не был учеником и последователем московских латынщиков" и что "сравнение "Элегии" со "Словами" Феофана Прокоповича о смерти Петра показывает полную общность мыслей и чувств" этих авторов (Серман 1962, 207-208; указываются и конкретные параллели, правда, очень общего характера и уж во всяком случае не эксклюзивного типа). Разумеется, сам жанр существенным образом предопределял сходства – тем более, что в обоих случаях он был выбран применительно к одному и тому же событию, одному и тому же лицу. В ракурсе темы этой статьи важнее отметить, что уже в "Элегии" предчувствуются некоторые особенности, которые через пять лет отразятся и в переводе романа Талемана, его стихотворных частей в первую очередь. Это относится не только к тем стихам, которые переведены силлабическим 13-сложником, каковым написана "Элегия" (ср. *Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время или Нас близко теперь держит при себе Африка* и т.п. – Е.), и не только к аллегорической сфере (персонифицированные аллегии), имеющей, впрочем, в "Элегии" и в Е. несколько различные корни, но и к ряду общих "риторических" ходов (ср. риторические вопросы, открывающие стихотворение и начинающиеся с *Что*, ср. *Что за печаль повсюду слышится ужасно? / "Элегия" / – Что это? все ли вздыхать с мучением вечным / Е./*; анафорическое *Ах!*; риторические призывания-приглашения, ср.: *Плачьте со мною ныне, науки драгие / "Элегия" / – Плачьте днесь, мои очи, вашу участь злую / Е./* и т.п.) и, что, может быть, еще важнее, к стихам "Элегии", которые по своему тону и стилю как бы предвещают сходный тип, неоднократно воспроизведенный позже в Е. (ср. в "Элегии": *Се она то мещется, потом недвижима, / Вопиет, слезит, стонет, в печали всем зрима* или *О когда хоть бы и в сем была ты неверна!*, или *Паче грома и молни се Мир устрашило*, или *Все на себе терзает, руки себе ломит* и т.п.).

- ²⁴ При всей скудости и неясности сведений о жизни Тредиаковского в Гааге и в Париже все-таки вырисовывается некая линия, имевшая свое начало, видимо, еще в астраханской школе капуцинов. Тот факт, что беглый студент нашел себе кров у князя Головкина, русского посланника в Голландии и срочно учится французскому языку, а в Париже живет в доме русского посланника князя Куракина на его полном содержании в качестве чего-то среднего между секретарем и "порученцем", говорит о многом. В это время, после пребывания Петра I в Париже в 1717 г., стал актуальным вопрос о контактах православной церкви с католической, и известно, что по поручению Куракина Тредиаковский вел переговоры с сорбонскими теологами чуть ли не о соединении церквей (Пумпянский 1941, 217 и др.). Во всяком случае католическая тема, видимо, была в некоторых ее аспектах близка Тредиаковскому (в отличие от протестанской), и нельзя исключать, что именно посредничество капуцинов, которым он был столь обязан, предопределило оба его "бегства" и этапы этого

пути. Лучшее место назначения, чем Париж и Сорбонна, трудно было бы придумать, если предполагать названные выше цели. Не исключено, что позже, по возвращении в Россию, Тредиаковскому пришлось сурово платиться именно за эту сторону своей парижской деятельности. В настоящее время становятся все более очевидными контакты Тредиаковского с янсенистами в связи с проектом воссоединения Восточной и Западной Церквей, занимавшим еще Петра I. Эмиссарские функции, возлагавшиеся, очевидно, на Тредиаковского во время его пребывания на Западе, каким-то образом должны быть связаны с миссией аббата Жюбе де ла Кур, которому Сорбонна поручила вести переговоры о воссоединении Церквей (в Москву он прибыл 30 декабря 1728 г. /по новому стилю/ под именем Лакура и оставался в России до 1732 г., когда вынужден был ее покинуть; среди тех, с кем он общался в России, были А.Д. Кантемир, А.А. Вешняков, ряд представителей высшего круга). См. Пирлинг 1896-1912; Тамборра 1986; Успенский-Шишкин 1990, особенно 112-125. 134-149 и др.

25 Несомненно, что французский опыт сыграл существенную роль в формировании эстетических взглядов Тредиаковского (писалось о возможном влиянии аббата Жирара и др.), см. Bergov 1958, 7 и сл.; Мартынов 1976, 84-86; Кибальник 1981, 219-228 и др., а также более ранние разыскания в этой области С.Н.Пигиной.

26 Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и сладка покоя
.....
Чрез тебя лимфы текут все прохладны,
Нимфы гуляя поют песни складны.
Любо играет и Аполлон с музы
.....
Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо все держишь в себе благородно,
Богам, богиням ты место природно.
.....
Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? разве был дух зверски!
А я не могу никогда забыть,
Пока имею здесь на земле бытьи.

(*"Стихи похвальные Парижу"*, 1728)

Но Тредиаковский не забывает и о России: *"Стихи похвальные России"*, написанные тогда же (1728) в Париже, свидетельствуют об этом. В связи с темой возможной миссии любопытны строки, где к России обращается "чадо твой верный":

В тебе вся вера благочестивым,
 К тебе примесу нет нечестивым;
 В тебе не будет веры двойная,
 К тебе не смеют приступить злые.
 Твои все люди суть православны

 Везде готовы за тебя стати.

- 27 Речь идет сейчас о "Стихах на разные случаи", напечатанных в 1730 г. как своего рода приложение к Е. Возможно, что часть этих стихов была написана (хотя бы в черновом виде или в какой-либо иной предварительной форме) еще до 1730 г., но во всяком случае никак не раньше парижского периода жизни Тредиаковского.
- 28 Поэтому более или менее явное удивление ряда исследователей выбором для перевода романа Талемана, принятие несколько смущенно-извиняющейся за этот выбор Тредиаковского позиции нужно признать не имеющим достаточных оснований и игнорирующим культурно-исторические реалии, столь хорошо понятые и оцененные переводчиком. Перевод Мольера или Расина, или Паскаля, не говоря уж о поэтах типа Шолье или писателях "новой волны" начала XVIII в. не мог не быть обреченным на неудачу: переводы этих авторов русским читателем 30-х годов едва ли были бы востребованы, а десятилетия спустя Мольер "в исполнении" Тредиаковского 1730 г. оказался бы безнадежно устаревшим.
- 29 Остается не вполне ясным, какой вариант был написан первым и послужил источником-ориентиром для другого. Порядок следования стихотворений в изданиях 1730 и 1752 гг. и соотношение заглавий, как и некоторые другие детали, дает основание думать, что русский текст был первичным. Впрочем, другие факты склоняют к возможности противоположного выбора. В первом случае перевод (французский вариант) оказывается значительно превосходящим подлинник (русский текст); во втором случае русский вариант (перевод) – слабая тень французского подлинника.
- 30 Римских поэтов и итальянские комедии Тредиаковский переводил позже, уже по возвращении из Парижа (см. Дерюгин 1983, 113-122; 1985; Петрунина 1976, 64-69 и др.). Кстати, вообще при хорошей осведомленности во французской литературе Тредиаковский сильно отставал в знании других западноевропейских литератур, ср. его "немецкий", если не круг чтения, то круг "знания", а также хорошо локализуемые во времени источники его сведений по немецкой литературе, см. Пумпянский 1937, 157 и сл., особенно 173-181 (здесь же о вероятной роли Юнкера).

- 31 В молодости любовные песни писал и Кантемир, позже жалевший о трате времени на это занятие (*Уж мне горько каяться, что дни золотые / Так непрочно стратил я, пища песни тые*). К стихам из "Сатиры IV" *Любовны песни писать, я чаю, тех дело, / Коих столько ум неспел, сколько слабо тело / Красны губки свежие...* Кантемир сделал примечание: "Пусть тот пишет стихи любовные, кто умом неспел и телом хвил; я инако намерен употреблять то время, которое любви посвящаю; охотнее оное употребляю, забавляясь с полюбовницею; и то самое она от меня ожидает, а не стихи". Впрочем, "полюбовницам" нужны были и стихи (*Довольно моих поют песней и девицы / Чистые, и отроки...*, с разъяснением: "Сатирик сочинил многие песни, которые в России и теперь поются"). Но любовные стихи Кантемира остались неопубликованными. Ср., однако, "О спящей своей полюбовнице" (*Приятны благодати...*), с указанием – "Песня переводчикова в подражание Анакреонту" (считается, что эта песня написана между 1736 и 1743 гг.).
- 32 К любовной лирике относятся и "Элегия I" и "Элегия II", помещенные в 1735 г. в "Новом и кратком способе".
- 33 Как правило, эти стихотворения отсылают к разным "типovým" ситуациям любви. Ср. "Песня на оный благополучный брак" (*Flambeau des cieux...*), "Баллад о том, что любовь без заплаты не бывает от женска пола" (*Tout le beau sexe / et c'est partout constant /...*), "Басенка о непостоянстве девушек" (*Un jour Damon le plus tendre berger...*), "Песенка к красной девушке, которая стыдится и будто не верит, когда ей говорят, что она хороша" (*Vous êtes belle, il faut dire vraiment...*), "Объявление любви французской работы" (*Il est un berger sincere...*), "Ответ на оное моего труда" (*Qu'il soit un berger sincere...*), "Объявление любви одной девице, которая всегда любила черненькую собачку на руках держать" (*Vous avez un petit Cerbere...*), "Желание, учиненное одной девице" (*Que le ciel vous donne un amant...*), "Песня к любовнику и любовнице обручившимся" (*Accourtez plaisirs, ...*), "Песня одной девице, вышедшей замуж" (*Quel hymen! quel fidel amour!...*), "Похвала всякой милой" (*Rien ne peut sur moi l'absence...*), "Прощание при разлучении со всякой милой" (*Divin objet d'un feu pur et celeste...*), "Тоска любовницына в разлучении с любовником" (*Eh! destin cruel...*), "Тоска любовникова в разлучении с любовницею" (*Eh! cruel destin! ...*), "Сон, учинен песнию, наподобие одной французской «La reine si belle», и с ее же рефреном" (*Aimable delire ...*). В итоге эти франкоязычные стихотворения образуют своего рода путеводитель "по царству Любви".
- 34 О терминологичности эпитета *сладкий* (как и *сладость*) см. выше. Стоит напомнить, что, говоря о своем переводе романа Талемана, Тредиаковский подчеркивает: "А сия книга есть СЛАДКИЯ ЛЮБВИ, тогоради всем должна быть вразумителна" ("К Читателю"). О *сладкой*

любви – *сладкая речь*, а *сладкая речь* – "вразумительна", т.е. понятна и общедоступна, как и *сладость любви*.

- 35 Архимандрит Платон Малиновский, у которого с Третьяковским произошло столкновение, когда последний в 1731 г. оказался в Москве, узнав о сочинении поэтом духовных "псалмов", высказал свое мнение – "[...] Вот бы он сочинял девичьи песни" (Пекарский 1873, II, 37).
- 36 О влиянии на Третьяковского русской народной словесности и о Третьяковском как фольклористе см. Яковсон 1966, 613-633; Бомштейн 1962, 249-272 и др.
- 37 Фактически эта известная сказочная формула предельной разъединенности в пространстве.
- 38 Сфера "инвентивности" в творчестве Третьяковского весьма широка. Здесь уместно обозначить лишь две частные области, в этой связи ранее не рассматривавшиеся, – "барочное" этимологизирование (о Третьяковском как этимологе ср. Wytzens 1975, 300-303) и искусство "укрывания" имени или намека на него в поэтическом тексте – от анаграммы до монограммы; пример последней – ода "Вешнее Тепло" (В.Т. = Василий Третьяковский), ср. признание самого автора: "Сочинил я оду, назвав ее Вешнее Тепло и тем утаив мое имя в двух начальных буквах [...] Расхвалена сия ода и в книжках напечатана. Хотя ж мне и посчастливилось в подставе чужого автора, однако сей самый успех низверг меня почтай в отчаяние: ибо увидел подлинно, что презрение стремится токмо на меня, а не на труды мои" (Пекарский 1875, II, 198; Курточкина 1976, 75-79).
- 39 Ср. Серман 1973, 108.
- 40 Ср. соответствующий текст у Талемана:

Là cet Amant, qui scut lui plaire,
Rendant de son bonheur le ciel même jaloux,
D'un transport amoureux embrassoit ses genoux;
Et l'Ingrate le laissoit faire.

L'ardeur de son brûlant desir
D'un incarnat brillant allumoit son visage;
Ses baisers redoublés étoient son seul langage;
Et l'Ingrate y prenoit plaisir.

Enfin, j'en crus perdre le jour;

Je vis à cet Amant mille beautés en proie:
 Et l'ingrate à ses yeux montrait la même joie
 Qu'elle m'avoit fait voir du tems de notre amour.

- 41 Впрочем, в "Новом и кратком способе" (1735) Тредиаковский извлекает уроки из критики "хулителей" и проявляет бóльшую осторожность. Публикуя две элегии (*Не возможно сердцу, ах! не иметь печали...* и *Кто толь бедному подаст помощи мне руку? ...*), он считает нужным объяснить с читателем:

"Подлинно хотя важное, хотя что любовное, пишется в элегии; однако всегда плачевною и печальною речью то чинится [...] Я что пускаю в свет две мои элегии плачевные, то весьма безопасно; но что пускаю их любовные, по примеру многих древних и нынешних стихотворцев, в том у добродетельного российского читателя прощения прошу, объявляю ему, что я описываю в сих двух элегиях не зазорную любовь, но законную, то есть таковую, какова хвалится между благословенно любящимися супругами. В первой плачет у меня вымышленный супруг о том, что разлучился с любезною своею супругою, также мечтательною, Илидарою и что уж ее не уповает видеть за дальностью; а во второй неутешно крушится о том, что уведомился он подлинно о смерти своей Илидары, а однако любить ее и по смерти перестать не может. Слово *Кунидин*, которое употреблено во второй моей элегии, не долженствует к соблазну дать причины жестокой добродетели христианину, понеже оно тут не за поганского Венерина выдуманого сына приемлется, но за пристрастие сердечное, которое в законной любви, и за великую свою горячность хулимо быть никогда нигде еще не заслужило. Неповинная моя в том совесть хотя меня оправляет, не надеюсь, чтоб не нашелся кто угрюмый и меня б за сие всячески не порочил. [...] Никогда б, поистине, сие на меня искушение не могло прийти, чтоб издать в народе оные две элегии, ежели б некоторые мои приятели не нашли в них, не знаю какого, духа Овидиевых элегий [...]". – Видно, много пришлось перенести поэту испытаний за те несколько лет, что прошли после выхода в свет Е. и после январских 1731 г. писем Шумахеру.

- 42 Очевидно, "замысловатость" – иной способ обозначения барочного "остроумия", собств. – остроумие как мысль, отпущенная за пределы усредненного практического рассудка и там находящая новое "острое" решение, благодаря которому мысль совершенным образом замыкает поставленную перед нею задачу. – Понятно, что замысловатость, неразгаданная "острой мыслью" читателя, может легко превратиться в занудность, бессмысленность, "скуку". Так и воспринимали Тредиаковского "Тилемахиды"; над ранними стихами поздние читатели, по крайней мере, не засыпали, а смеялись. Но "скучность" сделали внутренне присущей ему чертой, забывая, сколько задора и темперамента было в этих его стихах и сколько образного "остроумия" рассыпано

даже в его научных сочинениях. Ср.: "А ежели бы сочетавать нам стихи, то бы женский стих у нас падал рифмою на предкончаемом необходимо слоге, а мужеский непременно бы на кончаемом. Таковое сочетание стихов так бы у нас мерзкое и гнусное было, как бы оно, когда бы кто наипоклоняемую, наинежную и самым цветом младости своей сияющую европейскую красавицу выдал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа" ("Новый и краткий способ"); – "Подлинно, почти все звания, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у нашей природной, наидревнейшей оной простых людей поэзии. И так всяк рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться, как только, что я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями. [...]" (Там же) и т.п.

- 43 По-видимому, именно по этой причине в стихах Тредиаковского не раз уже находили ходы, предвосхищающие Хлебникова, Маяковского и даже Пастернака (см. Чертков 1972, 60-61).

Л и т е р а т у р а

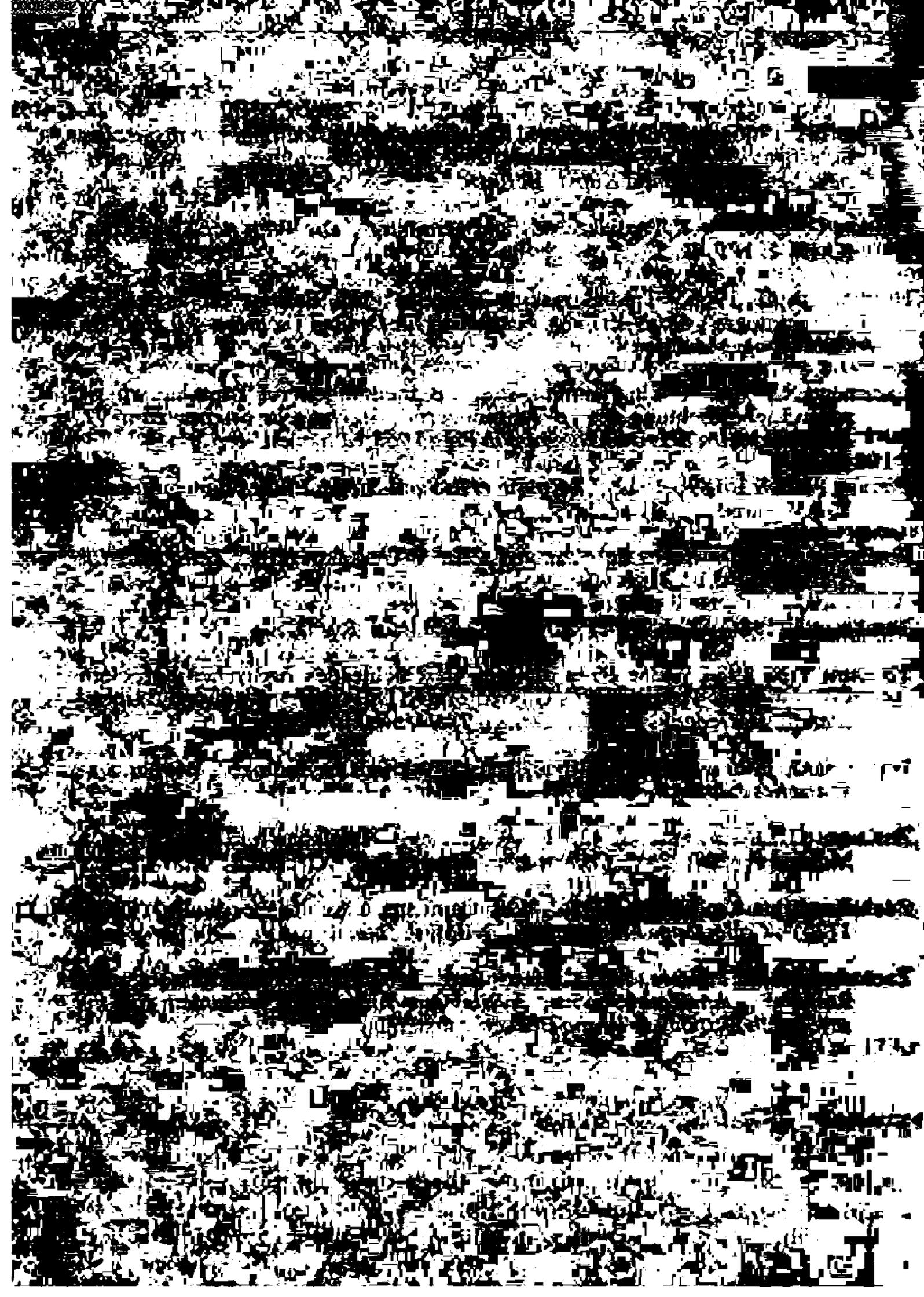
- Библиограф. указ. XVIII в. 1968 - *История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель*. Составили В.П.Степанов и Ю.В.Стенник. Л.
- Бомштейн Г.И. 1962. "Тредиаковский-филолог и фольклор", XVIII век, сб. 5. М.-Л.
- Венок 1976 - *Венок Тредиаковскому*. Волгоград.
- Воскресенский Г.А. 1891. *Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская академия*. М.
- Гибшман Г.Э. 1976. "Город Астрахань в начале XVIII столетия", см. *Венок 1976*.
- Голикова Н.Б. 1982. *Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII в.* М.
- Горфункель А.Х. 1962. "Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII - начала XVIII в.", *ТОДРЛ*, т. XVIII. М.-Л.
- Горфункель А.Х. 1965. ""Пентагеум" Андрея Белобоцкого (из истории польско-русских литературных связей)", *ТОДРЛ*, т. XXI. М.-Л.
- Дерюгин А.А. 1983 . "Тредиаковский – переводчик римских поэтов", *Вопросы романо-германского языкознания*. Саратов.

- Дерюгин А.А. 1985. *В.К.Тредиаковский - переводчик. Становление классицистического перевода в России.* Саратов.
- Заборов П.Р. 1967. "Вольтер в русских переводах XVIII века", *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы.* Л.
- Зубов В.П. 1954. "Ломоносов и Славяно-латинская академия", *Труды Института истории естествознания и техники*, 1. М.
- Кибальник С.А. 1981. "Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского", *XVIII век*, сб. 13. Л.
- Курточкина Г.П. 1976. "Ода "Вешнее Тепло" В.К.Тредиаковского", см. *Венок* 1976.
- Левин П. 1977. "Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века", *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Bd.23, 1977.
- Ливанова Т.Н. 1952. *Русская музыкальная культура XVIII века.* Т. I. М.
- Лотман Ю.М. 1985. ""Езда в остров любви" Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в.", *Проблемы изучения культурного наследия.* М.
- Майков Л.Н. 1897. "Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703-1726)", *Журнал Министерства народного просвещения*, 1897, № 7, ч.312, июль, отд.2.
- Малеин А.С. 1928. "Новые данные для биографии В.К.Тредиаковского", *Сборник Отделения языка и словесности АН*, т. CI, № 3. Л.
- Марков А.С., Попов В.А. 1976. "Астраханские знакомства В.К.Тредиаковского", см. *Венок* 1976.
- Мартынов И.Ф. 1976. "Тредиаковский и его читатели-современники (По материалам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук)", см. *Венок* 1976.
- Нахимов И.И. 1976. "Учебные заведения Астрахани в первой половине XVIII века", см. *Венок* 1976.
- Николаев С.И. 1986. ""Русский Барклай" – первый перевод Тредиаковского", *М.В.Ломоносов и русская культура. Тезисы докладов.* Тарту.

- Николаев С.И. 1987. "Ранний Тредиаковский (первый перевод "Аргениды" Д.Баркляя", *Русская литература*, 1987, № 2.
- Панченко А.М. 1973. *Русская стихотворная культура XVII века*. Л.
- Пекарский П. 1870-1873. *История Императорской Академии наук в Петербурге*. Т. I-II. СПб.
- Петрунина Л.В. 1976. "Тредиаковский как переводчик итальянских комедий", см. *Венок* 1976.
- Письма 1980 - *Письма русских писателей XVIII века*. Л.
- Позднеев А.В. 1958. "Рукописные песенники XVII - XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии)", *Ученые Записки Московского заочного педагогического института.*, Т. I. М.
- Позднеев А.В. 1961. "Никоновская школа песенной поэзии", *ТОРДЛ*, т. XVII. М.-Л.
- Позднеев А.В. 1964. "Произведения В.Тредиаковского в рукописных песенниках", *Проблемы истории литературы*. М.
- Пумпянский Л.В. 1937. "Тредиаковский и немецкая школа разума", *Западный сборник*. I. М.-Л.
- Пумпянский Л.В. 1941. "Тредиаковский", *История русской литературы. Том III. Литература XVIII века. Часть первая*. М.-Л.
- Самаренко В.П. 1962. "В.К.Тредиаковский в Астрахани (Новые материалы к биографии В.К.Тредиаковского)", *XVIII век*, сб.5. М.-Л.
- Серман И.З. 1961. "Неизданная философская поэма В.Тредиаковского", *Русская литература*, 1961, № 1.
- Серман И.З. 1962. "Тредиаковский и просветительство (1730-е годы)", *XVIII век*, сб.5. М.-Л.
- Серман И.З. 1973. *Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира*. Л.
- Силлабич. поэзия 1970 - *Русская силлабическая поэзия XVII - XVIII вв.* Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.М.Панченко. Л.
- Смирнов С. 1855. *История Московской Славяно-греко-латинской академии*. М.

- Соколов М. 1895. "Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискаatora", *Археологические известия и заметки, издаваемые Московским Археологическим обществом*, 1895, № 9-10.
- Сорокин Ю.С. 1975. "Первое поколение филологов в Петербургской Академии наук", *Сборник докладов и сообщений лингвистического общества*. V. Тверь.
- Сорокин Ю.С. 1976. "Стилистическая теория и речевая практика молодого Тредиаковского (Перевод романа П.Тальмана "Езда в остров любви")", см. *Венок* 1986.
- Сорокин Ю.С. 1982. "У истоков литературного языка нового типа (перевод "Разговоров о множестве миров" Фонтенеля)", *Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики*. Л.
- Травушкин Н.С. 1976. "Родина Тредиаковского – одно из культурных гнезд XVIII века", см. *Венок* 1976.
- Успенский Б.А. 1985. *Из истории русского литературного языка XVII - начала XVIII века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. М.
- Успенский Б.А. - Шишкин А.Б. 1990. "Тредиаковский и янсенисты", *Символ* 23, 1990 (издано и отдельной книгой).
- Флоровский А.В. 1962. "Латинские школы в России в эпоху Петра I", *XVIII век*, сб.5. М.-Л.
- Чертков Л. 1972. "К вопросу о литературной генеалогии Пастернака", *Boris Pasternak. 1890-1960. Colloque de Cerissy-La-Salle*. Paris.
- Шишкин А.Б. 1984. "В.К.Тредиаковский: годы ученья", *Studia Slavica*, Т.XXX.
- Якобсон Р.О. 1966. "Влияние народной словесности на Тредиаковского", *Selected Writings*. 4. The Hague-Paris.
- Berkov P.N. 1958. "Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard", *RESI*, t.35.
- Breitschuh W. 1979. *Die Feoptija V.K. Trediakovskijs: Ein physiko-theologisches Lehrgedicht im Rußland des 18. Jahrhunderts*. München.
- Fourcaud L.de. 1904. *Revue de l'Art ancien et moderne*.

- Graßhoff H. 1966. *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst*. Berlin.
- Heithus C. 1978. "V.K.Trediakovskij und Hamburg", *Die Welt der Slaven*, Jg. XXIII, 2, N.F. II, 2.
- Hüttl-Worth G. 1966. "Trediakovskijs "Feoptija". Ein Beitrag zur abstrakten Terminologie", *Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München.
- Lachmann R. 1968. "Pokin', Kupido, strely. Bemerkungen zur Topik der russischen Liebesdichtung des 18. Jahrhunderts", *Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968*. München.
- Pierling Père, S.J. 1896-1912. *La Russie et le Saint-Siège: Etudes diplomatiques. T. I-V*. Paris.
- Pozdneev A. 1970. "Sechs unbekannte Lieder V.Trediakovskijs", *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. VI, Hf.6.
- Tamborra A. 1986. *Studi storici sull'Europa orientale*. Roma.
- Toporov V.N. 1983. "Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus: Petr Buslaevs Umozritel'stvo Duševnoe", *Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij*. München.
- Wytrzens G. 1975. "Vasilij Kirilovič Trediakovskij als Etymologe", *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Bd.21.
- Zacharia d'Haarlem, Père. 1942. "Les Capucins à Astrakhan' (1710-1725) et à Moscou (1720-1725)", *Collectanea Franciscana*, t. XII, fasc. 4. Roma.
- Zacharia d'Haarlem, Père. 1942a. "Les Capucins à Saint-Pétersbourg (1720-1725)", *Collectanea Franciscana*, t. XII, fasc. 2-3. Roma.
- Zacharia d'Haarlem, Père. 1955. "Die Anfänge der Kapuzinerniederlassungen in Rußland", *Analecta Slavica: A Slavonic miscellany presented for his seventieth birthday to Bruno Becker*. Amsterdam.

В.А.Успенский

**СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК СТРУКТУРНОЙ, ПРИКЛАДНОЙ
И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СССР
И В. Ю. РОЗЕНЦВЕЙГ:**

Как это начиналось (заметки очевидца)

И я там был, [...] и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

А.С.Пушкин

"Это" – это структурная, прикладная и математическая лингвистика в Советском Союзе, прежде всего – в Москве. Иногда "это" именуют просто структурной, просто прикладной или просто математической лингвистикой. Будучи осведомлены о сделанных в начале века подсчетах А.А.Маркова старшего, изучавшего вероятностные законы чередования букв в "Евгении Онегине", мы все же относим начало математической лингвистики к середине 50-х годов.

Имеющее быть 28 ноября 1991 г. 80-летие Виктора Юльевича Розенцвейга – прекрасный повод для воспоминаний о "серебряном двадцатилетии" (1956-1976) структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР.

Довольно быстро обнаружилось, что математическая лингвистика не столько область науки (да и что это за область, предмет которой состоит в применении методов одной науки к другой), сколько движение. По существу, это было одно из первых неформальных движений (модный теперь термин) в нашей стране. Скажем, "Объединение по машинному переводу" (о нем ниже) имело отчетливые черты многих современных неформальных организаций: например, наличие изданий при отсутствии членства.

Питательной средой этого движения служила довольно неожиданно наступившая оттепель, когда стало возможным говорить о формальной генетике с риском быть всего лишь уволенным, но не посаженным, а о кибернетике – даже и без риска увольнения. Хотя еще за год до того кибернетика была реакционной лженаукой, используемой американской военщиной в агрессивных целях (радоваться бы, что мощь американской военщины опирается на лженауку и тем самым становится лжемошью – но нет!); в учебниках практической фонетики того или иного языка все еще разоблачалась идеалистическая, субъективистская, бихейвиористская и позитивистская теория фонем зарубежных авторов. Но уже махровый

мракобес американец Карнан постепенно превращался в идеалистического, конечно, но отчасти почтенного австрийского логика Карнапа.

1. Начало "серебряного века" и НПММИвЯ.

Существенным толчком к появлению математической лингвистики явилась задача машинного перевода.

7 января 1954 г. в нью-йоркском офисе фирмы IBM состоялась первая публичная демонстрация машинного перевода. Перевод осуществлялся на машине IBM-701 и происходил с русского на английский. Сообщение об этом появилось во втором номере журнала "Computers and automation" за тот же год [Macdonald 1954]. А реферат об этом сообщении, подписанный Д.Ю.Пановым, появился в сентябрьской тетрадке Реферативного журнала "Математика" (1954, № 10, с.75-76, реф. № 5293: "Перевод с одного языка на другой при помощи машины: Отчет о первом успешном испытании"). С появления этого реферата начинается отсчет истории машинного перевода в СССР. Д.Ю.Панов, бывший тогда директором ВИНТИ (в то время ИНИ – Института научной информации), привлек к деятельности по машинному переводу И.К.Бельскую. К лету 1955 г. был закончен первый пробный вариант англо-русского алгоритма, и к концу 1955 г. получены первые опыты на машине. Через некоторое время после окончания в 1956 г. аспирантуры (кажется, в МГУ), И.К.Бельская поступила на работу в ИНИ, а затем возглавила группу в Институте точной механики и вычислительной техники (ИТМ) АН СССР. Основное внимание было сосредоточено на переводе с английского (и, в меньшей степени, с китайского и японского) на русский [МП 1958]. К сожалению, Д.Ю. Панов сразу взял курс на отказ от структурных методов [Панов 1958, с.50], и направление Панова – Бельской, функционировавшее довольно изолированно, в отрыве от основных лингвистических коллективов, не привело к заметным успехам (несмотря на то, что программирование было обеспечено такими специалистами, как Л.Н.Королев, ныне член-корр. АН СССР, Н.П.Трифонов, ныне заведующий одной из кафедр МГУ, и др.). Другое направление возникло по инициативе и под руководством А.А.Ляпунова. Через несколько дней после выхода 10-й тетрадки Реферативного журнала М.Р.Шура-Бура и А.А.Ляпунов пригласили О.С. Кулагину (с октября 1954 г. – аспирантку Математического института АН СССР) и поручили ей заняться машинным переводом французских математических текстов. Сразу начинаются широкие контакты. Сперва М.В.Келдыш¹, тогда директор Отделения прикладной математики (ОПМ) Математического института, приглашает к себе для разговора А.А.Реформатского и

П.С.Кузнецова. Затем А.А.Ляпунов в сопровождении трех своих учениц и сотрудниц – Т.Д.Вентцель, О.С.Кулагиной, Н.Н.Рикко – едет в Институт языкознания на беседу с большим числом лингвистов (среди них – А.А.Реформатский, П.С.Кузнецов, О.С.Ахманова, В.Н.Сидоров). Примерно в это время к деятельности Ляпунова и Кулагиной подключается и И.А.Мельчук. В конце 1955 г. на работу в ОПМ поступает Т.Н.Молошная; сначала она помогала в работе над франко-русским алгоритмом, а затем приступила к самостоятельной работе над англо-русским алгоритмом.

Если понимать машинный перевод как цель не теоретическую, а практическую и массовую (а именно так, практически, и ставился вопрос в 50-е годы), следует признать, что у нас в стране машинного перевода нет. Чтобы он был, надо одно из двух: или полностью перестроить саму систему организации научных исследований в государстве и их внедрения (обеспечив, в частности, должный уровень компьютеризации), или создать для осуществления машинного перевода что-нибудь вроде Министерства среднего машиностроения с таким же подчинением не его государству, а государства ему, как это было при Сталине и Берии. Первое, к сожалению, не состоялось; хочется надеяться, что не состоится и второе. Так что цель была нереальна с самого начала (хотя в принципе она не так уж неосуществима: "В настоящее время в мире существует множество реализованных на ЭВМ переводческих систем" – [Кулагина 1989]).

Нереальные цели – как и в данном случае – могут быть, тем не менее, весьма полезны. Нереальная, в случае Колумба, цель достичь Индии привела к открытию Вост-Индии, оказавшейся на поверку Америкой. Еще более нереальная цель отыскания философского камня, образующая предмет для алхимии, привела к возникновению химии. Соотношение между алхимией и химией дает (по крайней мере, в применении к СССР) хорошую параллель в соотношении между машинным переводом и современной, основанной на строгих методах лингвистикой.

В случае лингвистики, однако, был и другой стимул помимо машинного перевода. Этот стимул состоял в иррациональной потребности отыскать в языке строгие законы, строгостью своею напоминающие математику. Обращаясь к химической аналогии, нарисуем такую, не претендующую на реальность, картину. Одни пытаются получить философский камень с целью превратить свинец в золото (разумеется, отнюдь не только с целью разбогатеть, само слово "философский" свидетельствует о бескорыстии поисков). Другие пытаются увидеть в строении и чередовании химических веществ отражение законов

астрологии. Впрочем, и те, и другие в полном согласии "сидят в дыму лабораторий над разложением веществ".

К числу "других" принадлежал и автор этих строк, познакомившийся (кажется, весной 1953 г.) с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, тогда Комой (в августе 1954 г. ему исполнилось 25 лет), а ныне народным депутатом СССР, директором Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, председателем секции переводчиков Московской писательской организации, заведующим кафедрой истории мировой культуры Московского университета. Желание одного применить методы чужой науки к своей и желание другого применить методы своей науки к чужой объединили нас. О машинном переводе мы тогда не думали.

Когда мы решили открыть семинар по математической лингвистике, точно не помню. Надо бы спросить у В.В.Иванова, который помнит все. Сейчас мне кажется, что это было на концерте в Музее изобразительных искусств; концерт давал Баршай. В практическую плоскость решение стало воплощаться весной 1956 г. Семинар было решено открыть на филологическом факультете Московского университета. Мы оба были ассистентами этого университета: он – филологического, я – механико-математического факультета. Нам не по чину было тогда открывать первый в стране семинар на такую "скользкую" (тогда) тему, да еще на филологическом факультете, считавшемся "идеологическим". Необходимо было привлечь к руководству семинаром лицо, рукоположенное в профессорское звание. Да и название "математическая лингвистика" казалось слишком опасным. Оно могло подействовать как красная тряпка на столпов университетского языкознания, запятых выяснением того, следует говорить о языке как о системе или же как о структуре. Даже вышедшая в 1961 г. книга О.С.Ахмановой и др. [Ахманова 1961] имела на титуле подзаголовок "(о так называемой "математической лингвистике")". Было выбрано скромное название, к которому было бы трудно придаться: "Некоторые применения математических методов исследования в языкознании", сокращенно НПММИвЯ. Что касается профессора филологического факультета, то наилучшим образом подходила кандидатура Петра Саввича Кузнецова, интересного человека и интересного лингвиста, с молодости не чуждого математике и даже слушавшего математические курсы, друга А.Н.Колмогорова. Мы обратились к нему, и он сразу согласился. Мне приятно вспомнить о всех своих контактах с Петром Саввичем, включая совместное оппонирование (Т.Н.Молошной, Т.М.Николаевой, А.А.Зализняку) и его шестидесятилетний юбилей в Коммунистической аудитории Московского университета, где я приветствовал его от имени Лаборатории электро моделирования АН

СССР (а академик В.В.Виноградов произнес следующие бессмертные слова: "П.С.Кузнецов является одним из выдающихся наших лингвистов, что видно хотя бы из того, что на протяжении последних пятнадцати лет мы регулярно встречаем его имя в списках кандидатов в члены-корреспонденты"). А потом я нес его гроб на Ваганьковском кладбище.

Ранним летом 1956 г., 13 июня, руководители семинара собрались для обсуждения программы. Перед совещанием всех трех мы с В.В.Ивановым встретились в Александровском саду. У меня сохранился вырванный из блокнота лист, на котором рукою Комы написано:

"1. Статистика. 2. Машинный перевод. 3. Математизация языка. Специфичность. Математическое определение грамматических категорий. 4. Математическая логика, и теория информации
 ↓
 Синтаксис. Рейхенбах.
 5. Возможно, и другие разделы."

Первое занятие семинара состоялось 24 сентября 1956 г.² Оно было целиком посвящено выступлениям руководителей семинара. Не помню, о чем говорили П.С.Кузнецов и В.В.Иванов, я делал обзор "Papers" по математической лингвистике Гарвардского (?) университета (точного библиографического описания у меня не сохранилось; помнится, это был довольно увесистый том, но изданный каким-то "домашним" способом вроде ксерокопий с машинописи). Кроме того, участникам были предложены домашние задания на сюжеты, восходящие к А.Н.Колмогорову: найти строгие определения понятиям *ямб* и *падеж*.

К сожалению, на занятиях семинара не велось никакой регистрации участников. Их посещали не только 'математические лингвисты', но, скажем, такие лица как известный ныне физик М.К.Поливанов и известная ныне переводчица Н.Л.Трауберг. Со второго заседания семинар стали регулярно посещать В.Ю.Розенцвейг и И.И.Ревзин, тогда работавшие на кафедре перевода Первого³ Московского Государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ, тогда еще не носившего имя Мориса Тореза) – первый заведующим, а второй старшим преподавателем этой кафедры. Тогда я и познакомился с ними. Впоследствии знакомство переросло в дружбу.

На втором и третьем занятиях семинара 8 и 15 октября 1956 г. И.А.Мельчук излагал работы Якобсона и его школы по фонематическому анализу языка на основе спектрограмм. Помнится, меня поразило тогда, что исследование, не только считавшееся в то время вершиной

лингвистической мысли, но и претендующее на статус логического описания (ср. само название "Towards the logical description of..."), на мой взгляд, этим статусом не обладало, в чем я пытался (впрочем, довольно безуспешно) убедить присутствующих и прежде всего докладчика. Впоследствии заседания семинара происходили еженедельно, с перерывом на январь, до 20 мая 1957 г. включительно. С докладами выступали В.А.Успенский (22.X и 5.XI.1956; 18.II, 25.II, 4.III, 25.III и 1.IV.1957), О.С.Кулагина и Т.Н.Молошная (29.X и 12.XI.1956), Р.Л.Добрушин (19.XI, 26.XI и 3.XII.1956), С.К.Шаумян (10.XII и 17.XII.1956), П.С.Кузнецов (11.II и 15.IV.1957), В.В.Иванов (8.IV, 22.IV, 29.IV и 20.V.1957), И.И.Ревзин (6.V и 13.V.1957). Осенью 1957 г. состоялось пять занятий; с № 26 по № 30, на них выступали В.В.Иванов (16.IX, 23.IX, 14.X, 21.X), В.А.Успенский (7.X), В.А.Пурто (7.X); занятие № 31 состоялось 9.VI.1958. В 1957-58 учебном году происходил также мой факультативный курс математики для филологов (по крайней мере один студент-филолог пожелал получить по этому курсу зачет: мой брат Борис Успенский); этот курс продолжался вплоть до весны 1960 г., а с осени 1960 г. обучение математике сделалось обязательным для части студентов филологического факультета МГУ. Но об этом потом. Последнюю информацию о семинаре мы находим на с.161 пятого выпуска журнала "Вопросы языкознания" за 1958 г. Там сообщалось, что 9 июня 1958 г. состоялось очередное заседание семинара НПММИиЯ, преобразованного в межфакультетский семинар по математической и прикладной лингвистике. Был заслушан доклад В.В.Иванова, сообщение И.И. Ревзина и обсужден план работы на следующий год. Не думаю, чтобы семинар собирався после этой даты.

Полностью программа семинара в 1956-57 учебном году опубликована в "Бюллетене объединения по проблемам машинного перевода", № 5, 1957, с.3-4. Этот бюллетень, издававшийся упоминавшимся уже Первым МГПИИЯ, вообще служит важным источником для воссоздания истории прикладной лингвистики в СССР.

2. Объединение по машинному переводу и его Бюллетень.

Первые семь номеров Бюллетеня Объединения по машинному переводу с тиражом, возросшим от 150 экземпляров у № 1 до 350 у № 7 были изданы в 1957-1958 гг. стеклографическим способом; они давно стали библиографической редкостью, и потому их оглавления воспроизведены в № 8 (с.73-77). Номера 8, 9 и 10 вышли в 1959 г. улучшенным ротапунктурным способом и тиражом уже в 800 экземпляров; в них появляется новое, параллельное название "Машинный пере-

вод и прикладная лингвистика", а также отвечающая этому названию новая, параллельная нумерация выпусков: 1, 2, 3. Далее остается только это новое название и эта новая нумерация, так что в 1960 г. выходит просто сборник "Машинный перевод и прикладная лингвистика", выпуск 4. Последний, 20 выпуск вышел в 1980 году.

Основателем, душой и бессменным ответственным редактором этого издания был Виктор Юльевич Розенцвейг (в явном виде имя ответственного редактора стало указываться начиная с № 5 Бюллетеня). Ему же принадлежит нетривиальная идея создания самого Объединения по машинному переводу, от имени которого и выпускался Бюллетень. Замечательность идеи состояла в том, что статус и границы Объединения были умышленно задуманы совершенно аморфными. Никакого документа, конституирующего это Объединение, никогда не было. Термин "объединение" был выбран чрезвычайно удачно – не "институт", не "лаборатория", не "общество", а неизвестно кого (или что) объединяющее объединение. Было совершенно неясно – и в этом была сила замысла – из кого или чего состоит это Объединение и, вообще, состоит ли оно из чего-нибудь. Это не мешало Объединению собираться на заседания... – нет, не так, а вот как: это не мешало проводить важные заседания, называемые (чтобы не придрались!) заседаниями Объединения по машинному переводу. Они происходили в МГПИИЯ, дававшем Объединению "крышу" и полиграфическую базу. На этих заседаниях не только ставились научные доклады, но и обсуждались научно-организационные вопросы, включая вопросы о присуждении ученых степеней (как вспоминает В.Ю.Розенцвейг, объединение принимало, например, решения о рекомендации к защите докторских диссертаций А.А.Реформатского и С.К.Шаумяна). Первое заседание (24 декабря 1956 г.) открылось вступительным словом руководителя Объединения В.Ю. Розенцвейга ("Бюллетень" № 1, с. 1-3); он же, как правило, председательствовал и на последующих заседаниях. Активным и постоянным участником этих заседаний был и И.И.Ревзин. Плодом совместной деятельности В.Ю.Розенцвейга и И.И.Ревзина на кафедре перевода I МГПИИЯ явилось их учебное пособие "Основы общего и машинного перевода" (М.: Высшая школа, 1964).

Отчеты о заседаниях Объединения помещались в Бюллетене. Поучительно проследить, как с ходом времени убывала полнота и точность этих отчетов. Бюллетень № 1 имеет подзаголовок: "стенограмма заседания объединения от 24 декабря 1956 г.". Стенограмма включает вступительное слово председательствующего, доклад И.И.Ревзина "Некоторые вопросы формализации сиггаксиса" и прения. Подчеркнем, что опубликованный текст доклада представляет собою именно стенограмму –

нередко он прерывается возгласами с места, тщательно застенографированными. Застенографированы и выступления в прениях. Стенограмма следующего заседания составляет Бюллетень № 2. Здесь помещен доклад Т.Н.Молошной "Сообщение о составлении грамматических правил для машинного перевода с английского языка" (стенограмма по-прежнему прерывается вопросами с места) и стенограмма прений – но уже не приводится ни вступительных слов председательствующего, ни даже даты заседания. Бюллетень № 3 включает стенограмму состоявшегося 21 февраля 1957 г. доклада О.С.Кулагиной "Об одном способе определения лингвистических понятий", стенограмма все еще прерывается вопросами, зафиксированы и прения. Бюллетень № 4 посвящен заседанию от 18 апреля 1957 г. Здесь два доклада: И.А. Мельчук "О машинном переводе с венгерского языка на русский" и Г.В.Колшанский "К вопросу о возможностях машинного перевода". Начиная с этого номера в записях докладов исчезают сведения о каких-либо высказываниях публики в течение самих докладов. Бюллетень № 5 содержит иную информацию (об этом ниже), в Бюллетень № 6 – последний из бюллетеней, содержащий протоколы заседаний Объединения (в данном случае, от 25 сентября 1957 г. с докладом В.В.Иванова о Международном лингвистическом конгрессе в Осло и сообщением И.И.Ревзина о тематике работы Объединения). В дальнейшем мы встречаем лишь сравнительно скудную информацию о заседаниях Объединения в разделе "Хроника" Бюллетеня (№ 9, с.76; № 10, с.94-98), причем опубликованное здесь сообщение относится к заседанию от 15 июня 1959 г. Из этой "Хроники" мы узнаем, что в 1959 г. на заседаниях Объединения (а также на занятиях образованного при нем практикума по записи алгоритмов машинного перевода) выступали К.И.Бабицкий, Л.И.Богораз, В.М.Золотарев, В.В.Иванов, О.С.Кулагина, Ю.С.Мартельянов, И.А.Мельчук, Т.Н.Молошная, Т.М.Николаева, Е.В.Падучева, И.И.Ревзин, Б.А.Успенский, А.Л.Шумилина. Мне неизвестны дальнейшие публикации о деятельности Объединения: а когда слово "Бюллетень" окончательно исчезло из названия, такие публикации, по-видимому, полностью прекратились.

А где сейчас еще, кроме как на желтеющих страницах первых Бюллетеней, прочитаешь стенографические записи выступлений в прениях, скажем, А.Б.Долгопольского, В.В.Иванова, И.И.Ревзина?

Вот еще пример неутомимой просветительской деятельности В.Ю. Розенцвейга в стенах МГПИИЯ. В сентябре 1958 г. в Москве проходил IV Международный славистический конгресс. В.Ю.Розенцвейг организовал на кафедре перевода МГПИИЯ встречу участников конгресса, интересующихся теорией перевода. Он произнес вступительное

слово и дирижировал встречей. На встрече выступил Роман Якобсон, который сказал: "Сегодня я присутствовал на одном из самых интересных заседаний Славистического конгресса – на заседании по машинному переводу. Была высказана мысль (проф. Финкель), что одноязычие первично, а перевод вторичен. Для меня же понятия лингвистики и теории перевода сливаются. Необходимые факторы языкового процесса таковы: адресант, адресат, сообщение, общий код и общий контекст, или общая ситуация. Все факты языка можно соотнести с этими факторами. Установка на контекст дает познание, установка на адресанта – эмоцию, на адресат – императив, на сообщение – поэзию. Наконец, установка на код приводит к "языку о языке", этим занимаются логики. Логика различают объектный язык и метаязык. Но логики ошибаются, думая, что метаязык – это специальный инструмент логики, лингвистики, вообще науки. На самом деле метаязык есть существенная часть языка в целом. Более того, без метаязыка, без метаязыковых операций язык не может быть усвоен ребенком. Афазия в ряде случаев – это именно утрата метаязыковых операций. Пример метаязыковой операции – переспрос, при котором идет проверка кода". Якобсон говорил долго и интересно. Он цитировал Екатерину II ("Свобода – право то делать, что законы дозволяют"). Он говорил о теории значений ("Раньше считалось, что лингвист не должен заниматься значениями. Студенты-лингвисты на вопрос "что такое яблоко" обязаны были дать фонетический и грамматический анализ слова, но на вопрос о значении обязаны были отвечать: этим занимаются ботаники"). Он приводил определение значения по Пёрсу ("Значение – это перевод одного знака в другой. Я не хочу говорить, что это так. Я не хочу прослыть семинаристом. Но для лингвиста это достаточно."). Выступление Якобсона проходило не только в форме монолога, но и в форме диалога с аудиторией. В этом диалоге приняли участие М.К.Поливанов и Н.Д.Андреев; после Якобсона с сообщениями выступили И.А.Мельчук и В.К.Финн. Встреча эта стоит в ряду замечательных мероприятий, устраивавшихся В.Ю.Розенцвейгом в МГПИИЯ.

3. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике.

Объединение по машинному переводу было не единственным поручиком Киже, изобретенным В.Ю.Розенцвейгом. Другим таким поручиком была так называемая "Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике". Создание этой группы, объединившей сотрудников различных московских учреждений и функцио-

нировавшей на общественных началах, было рекомендовано постановлением Бюро ОЛЯ АН СССР от 29 апреля 1969 г. (§ 25) по докладу И.А.Мельчука "О развитии экспериментальной и прикладной лингвистики". Со ссылкой на эту рекомендацию группа и была создана приказом по Институту русского языка № 49 от 5 июня 1969 г. В состав группы были включены старшие научные сотрудники И.А.Мельчук (Институт языкознания АН СССР) и О.С.Кулагина (Институт прикладной математики АН СССР), доценты I МГПИИЯ В.Ю.Розенцвейг и Ю.С.Мартемьянов, младшие научные сотрудники Н.Г.Арсентьева (Институт прикладной математики АН СССР), Ю.Д.Апресян, В.З.Санников и Б.В.Сухотин (Институт русского языка АН СССР). Руководителем группы был назначен В.Ю.Розенцвейг, ученым секретарем – В.З.Санников. Эта группа никогда не существовала как организм (например, никогда не собиралась, не имела помещения и оборудования). Однако это абстрактное, трансцендентное существование проблемной группы было более чем плодотворным. Во-первых, она проводила школы по конкретной тематике, связанной прежде всего с формированием толково-комбинаторного словаря и с морфологией русского глагола (в Можинке под Москвой в феврале 1969 г. и в Дилижане в марте 1970 и в апреле 1971 гг.). Во-вторых, под флагом этой группы (и, следовательно, с грифом Института русского языка) выходила блестящая, сделавшая бы честь любому научному центру серия "Предварительные публикации"⁴. Каждое издание этой серии представляло собою небольшую брошюру, печатавшуюся ротاپринтно в типографии МГПИИЯ тиражом, возросшим от 100 до 190 экземпляров. На февраль 1990 г. вышло 182 таких брошюры. Назовем некоторые из них:

Вып. 1, 1970 г. А.В.Гладкий, И.А.Мельчук. Грамматики деревьев. I.

Вып. 2, 1970 г. Ю.Д.Апресян, А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. Восемь словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка. (Дальнейшие словарные статьи тех же авторов помещены в выпусках 4, 29, 42, 62).

Вып. 3, 1970 г. А.К.Жолковский. О глубинном и поверхностном синтаксисе.

Вып. б/н., 1970 г. Р.М.Фрумкина и др. Проблемы вероятностной организации речевого поведения в норме и патологии.

Вып. 7, 1970. Л.Н. Иорданская, Л.П.Крысин. Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка.

Вып. 10, 1970. Т.Д.Корельская, Е.В.Падучева. О формальном аппарате синтаксических преобразований.

Вып. 21, 1971. О.С.Кулагина, И.А.Мельчук, К.О.Эрастов. Об одной возможной системе машинного перевода.

Вып. 22, 1971 и вып.33, 1972. А.К.Жолковский, Ю.К.Щеглов. К описанию смысла связного текста.

Вып. 30, 1972. И.А.Мельчук. I. Уровни представления высказываний и общее строение модели "Смысл \Leftrightarrow Текст"; II. Словообразование и конверсия.

Вып.50, 1974. В.Ю.Розенцвейг. Опыт лингвистического описания лексико-семантических ошибок в речи на неродном языке.

Вып.52, 1974. Т.В.Гамкрелидзе. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе.

Вып. 53, 54, 1974; вып.82, 83 и 84, 1976. В.З.Санников. Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов XI-XVI вв.

Вып.55, 1974. I. Е.В.Падучева. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей; II. И.А.Мельчук, Е.Н.Савина. О формальной модели алюторского языка.

Вып.60, 1974. Ю.М.Лотман. Динамическая модель семиотической системы.

Вып.64, 65, 66, 1975. И.А.Мельчук, Н.В.Перцов. Модель английского поверхностного синтаксиса.

Вып. 67, 1975. И.А.Мельчук. Исследования по автоматическому переводу в 1970-1974 гг.

Вып.94, 95, 96, 1976. С.И.Гиндин. Структура стихотворной речи. Систематический указатель литературы по общему и русскому стиховедению, изданной в СССР с 1958 по 1973 гг. [Продолжение, относящееся к литературе за 1974-1980 гг. и дополнения – в выпусках 146, 147, 148 за 1982 г.].

Вып.115, 1978 г. I. А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов, С.А.Старостин. О просодической структуре слова в дагестанских языках. II. И.А.Муравьева. Корякская гармония гласных в сравнении с чукотской.

Вып.126-130, 1979 г.; 140-141, 1981 г. А.Е.Кибрик. Материалы к типологии эргативности.

Вып.143, 1982 г. Р.М.Фрумкина и др. Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов цветообразования.

Вып.149, 1982 г. В.А.Плунгян. I. Коммуникативная информация и порядок слов. II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных.

Вып.156, 1983 г. И.Ш.Козинский. О категории "подлежащее" в русском языке.

Вып.182, 1988 г. Памяти Алексея Михайловича Сухотина.

Начиная с самого первого выпуска, организатором и бессменным ответственным редактором всех этих предварительных публикаций был В.Ю.Розенцвейг (ответственный редактор стал указываться только начиная с 80-го выпуска).

4. МГПИИЯ: Лаборатория и Конференция.

Уместно отметить, что "эффект Киже" в известном смысле был присущ и самой Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ, руководимой В.Ю.Розенцвейгом и явившейся одним из "центров кристаллизации" работы по структурной и математической лингвистике в СССР. В частности, именно эта Лаборатория обеспечивала издание как сборников "Машинный перевод и прикладная лингвистика" (по-видимому, с выпуска 3), так и упомянутых "Предварительных публикаций" Проблемной группы. Однако в период расцвета этой Лаборатории тщетно было бы искать в ней не только технические устройства, но и каких-либо сотрудников помимо четырех лиц в должности инженеров. Этими инженерами (обслуживавшими несуществующую технику) были: А.К. Жолковский, Н.Н.Леонтьева, Ю.К. Щеглов, Ю.С.Мартемьянов. Читатель оценит юмор судьбы, назначившей этих филологов инженерами. Еще работало до 20 сотрудников по хоздоговорам. Сам руководитель Лаборатории В.Ю.Розенцвейг не занимал в ней никакой ставки.

Первое упоминание о Лаборатории машинного перевода я обнаружил на с.99 третьего выпуска "Машинного перевода и прикладной лингвистики" (1959 г.).

С 15 по 21 мая 1958 г. в I МГПИИЯ состоялась первая Всесоюзная конференция по машинному переводу. Я сейчас не помню, кто формально возглавлял Оргкомитет конференции, но по существу им руководил В.Ю. Розенцвейг. Его правой рукой был ответственный секретарь Оргкомитета Г.В.Чернов. Конференция была превосходно организована, регламент соблюдался с точностью до минуты. Четкость организации сочеталась с богатством содержания: среди 61 доклада, сделанного на конференции, мы находим такие:

М.И.Стеблин-Каменский. Значение машинного перевода для языкознания⁵.

А.А.Ляпунов, О.С.Кулагина. О работах по машинному переводу Математического института АН СССР.

И.К.Бельская. Относительно некоторых общих проблем машинного перевода.

Р.Л.Добрушин. Значение математических методов в лингвистике.

Е.А.Бокарев. Язык-посредник и искусственные международные языки.

И.А.Мельчук. Модель языка-посредника для машинного перевода.

И.И.Ревзин. "Активная" и "пассивная" грамматика Л.В.Щербы и проблемы машинного перевода.

В.Н.Топоров. О некоторых аналогиях проблемам и методам современного теоретического языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков.

О.С.Виноградова, А.Р.Лурия. Объективное исследование смысловых связей.

И.А.Соколянский. Обучение слепоглухонемых языку.

В.В.Шеворошкин. Древние тексты и проблемы машинного перевода.

А.А.Зиновьев. Общая теория определения и возможности ее приложения к теории устройств, осуществляющих перевод.

В.В.Иванов. Теорема Гёделя и лингвистические парадоксы.

Полностью программа конференции опубликована в сборнике "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.1, 1959 г. (он же "Бюллетень объединения по машинному переводу № 8"). Как вспоминает В.Ю. Розенцвейг, опубликованный сборник тезисов конференции попал в США и произвел там большое впечатление. (Вообще, знакомство зарубежных ученых с советской теоретической лингвистикой в значительной степени происходило через коллективы, занимавшиеся структурной проблематикой; именно эти коллективы первыми вышли на международную арену.)

Работа конференции велась на пленарных заседаниях, а также на двух секциях: теоретической и алгоритмов машинного перевода. Итоги работы секций были подведены на заключительном заседании конференции В.Ю.Розенцвейгом [Розенцвейг 1959] и В.А.Успенским [Успенский 1959а].

Из рекомендаций, принятых на заключительном заседании конференции:

"6. Конференция одобряет инициативу филологического факультета Московского государственного университета, организовавшего в 1956-1957 гг. первый в СССР семинар по математической лингвистике и введшего в 1957-1958 гг. факультативный курс математики для студентов-филологов.

7. Конференция приветствует создание экспериментальной лаборатории по машинному переводу при Ленинградском государственном университете и считает целесообразным открытие подобной лаборатории при I МГПИИЯ.

11. Конференция поддерживает ходатайство ректора Ленинградского государственного университета об открытии на филологическом факультете ЛГУ специальности "математическая лингвистика".

Конференция поддерживает ходатайство Горьковского государственного университета об открытии на филологическом факультете ГГУ специализации по машинному переводу.

Конференция призывает Московский государственный университет последовать примеру ЛГУ в деле создания специальности "математическая лингвистика".

13. Конференция полагает, что необходимо значительно расширить сектор прикладного языкознания Института языкознания АН СССР с тем, чтобы обеспечить все разделы его работы".

Как ни удивительно, многие рекомендации оказались выполнены. Хорошо это или плохо – сейчас мне трудно судить; тогда казалось, что хорошо. Но вот одно следствие конференции, которое кажется мне безусловно положительным и сейчас: слепоглухонемой девочке Юле Виноградской была предоставлена отдельная комната. Этот сюжет требует некоторых комментариев. Среди докладов Конференции был упомянут доклад И.А. Соколянского, основоположника тифлосурдопедагогики в нашей стране, руководившего до войны созданной им клиникой для слепоглухонемых в Харькове (клиника была уничтожена войной). Его участие в конференции по машинному переводу было следствием его контактов с представителями структурной и математической лингвистики. Последним не без основания казалось, что развитие языковых возможностей слепоглухонемых, помимо очевидного гуманистического аспекта, представляет научный интерес как с точки зрения структурной, так и прикладной лингвистики: некоторые методы И.А. Соколянского находят аналоги в трансформационной грамматике и в практике работы с машинными языками (см. Иванов 1961). Говоря грубо, при обучении языку машины, возможно, можно заимствовать нечто от обучения языку слепоглухонемых. В те годы И.А. Соколянский, уже доведший свою предыдущую воспитанницу О. Скороходову до кандидатской диссертации, занимался с Ю. Виноградской, которой тогда было, помнится, лет 14-15. Юля Виноградова постоянно находилась в одной из рабочих комнат Института дефектологии АПН РСФСР. Днем она сидела там вместе с проходящими на службу в эту комнату сотрудниками, а ночью она спала на стоявшем в этой комнате диване. Утверждалось, что она может определить количество людей в комнате. В шкафах стояли вылепленные ею кисти рук, сложенные в знаки азбуки для глухонемых. Основное время Юля проводила за

пишущей машинкой для незрячих, на которой писала – простыми предложениями – воспоминания о своей "прежней" жизни – о том, как она в детстве жила в деревне. Казалось естественным желать, чтобы она имела свою комнату, отличную от той, которую в рабочее время занимают служащие Института дефектологии, пусть даже доброжелательно к ней относящиеся. Или, если угодно, казалось естественным желать, чтобы проф.Соколянский имел для своей работы кабинет, отличный от той комнаты, в которой живет Юля Виноградова. Естественно также, что вопрос не находил своего разрешения. В протокол заключительного заседания конференции была внесена поэтому фраза "...просить Академию педагогических наук СССР улучшить условия, в которых работает профессор Соколянский Иван Афанасьевич, и рассмотреть вопрос о восстановлении клиники для слепоглухонемых" (см. "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.1, 1959, с.12). Эта выписка была послана в Академию педнаук. Никто не пророк в своем отечестве, но чужих пророков уважают. Мне говорили, что бумага подействовала, и Юля получила для проживания отдельную комнату в Институте (как представляющая интерес для науки) и тем самым профессор Соколянский с сотрудниками – кабинет для работы (и тоже не потому, что в этом нуждался, а потому, что за него вступилась "высокая наука"). Загорский интернат для слепоглухонемых был создан уже после смерти И.А.Соколянского, в 1964 г.

По итогам конференции 28 ноября 1958 г. был издан приказ № 1228 Министра высшего образования СССР (тогда – В.П.Елютин) "О развитии научных исследований в области машинного перевода". В нем, в частности, ректорам всех университетов предписывалось "оказывать всемерную помощь преподавателям и сотрудникам, ведущим научные исследования по вопросам машинного перевода и математической лингвистики, стремясь к объединению в этой работе преподавателей разных кафедр, факультетов и лабораторий", а ректорам университетов Московского, Ленинградского, Горьковского, Саратовского, Казанского и Томского – "ввести факультативные курсы для студентов математических и филологических специальностей по машинному переводу и математической лингвистике". Независимо от реальности осуществления, сами эти формулировки выглядели в те годы весьма смелыми, почти революционными. В Институте иностранных языков (МГПИИЯ) предписывалось организовать при кафедре перевода лабораторию машинного перевода, а также выделить в 1958-59 учебном году на III курсе переводческого факультета группу студентов до 10 человек для подготовки в порядке опыта лингвистов по машинному переводу. Такая группа была организована. Р.Л.Добрушин, В.В.Иванов, И.И.Ревзин,

В.Ю. Розенцвейг и В.А.Успенский собрались и составили для нее учебный план.

5. Ленинградские совещания и Черновицкая конференция.

А в апреле 1959 г. с 15 по 21 в Ленинграде состоялось I Всесоюзное совещание по математической лингвистике, созванное Ленинградским университетом и комитетом прикладной лингвистики (о том, что это такое, будет сказано ниже). Главным организатором совещания был Н.Д.Андреев. Информация о Совещании была опубликована в журналах "Успехи математических наук" [Ломковская 1959], "Вопросы языкознания" [Андреев 1960], "Вопросы философии" [Зиновьев 1959]. Если в конференции по машинному переводу участвовало 340 человек, то возросший за год интерес увеличил число участников совещания до 486 (все цифры – по официальным отчетам). В Совещании приняли участие ряд видных математиков, в частности, С.Л.Соболев, Л.В.Канторович (впоследствии – Нобелевский лауреат) и А.А.Марков (последние двое выступали в прениях). В.Ю.Розенцвейг выступил в день открытия Совещания с программным докладом "Общая лингвистическая теория перевода и математическая лингвистика". Вспоминается такая деталь: математики, для лучшего уяснения сути, решили собраться в один из дней Совещания отдельно, с тем чтобы заслушать сообщения друг друга. Замысел этой отдельной встречи состоял в возможности говорить на профессиональном языке. Самым замечательным был регламент встречи: пять минут на выступление. Здесь замысел состоял в том, что если докладчику есть что сказать, это может быть изложено за пять минут. Регламент соблюдался чрезвычайно жестко, и все участвующие во встрече признали ее весьма полезной.

Вообще надо сказать, что для математической и прикладной лингвистики в нашей стране роль научных конференций была очень большой, большей, чем стандартная роль подобных мероприятий – так всегда, по очевидным причинам, бывает в случае становящегося научного направления. Из таких конференций запомнилась, и не только мне, Межвузовская конференция по вопросам прикладной лингвистики, состоявшаяся с 22 по 28 сентября 1960 г. в Черновцах под эгидой Черновицкого университета. Приведем, для примера, несколько докладов на этой конференции. Пленарные доклады:

В.В.Иванов. О построении информационного языка для текстов по дескриптивной лингвистике.

Секция структурной и математической лингвистики:

О.С.Широков. Применение лексико-статистического метода при установлении языкового родства.

И.А.Мельчук. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность".

Т.М.Николаева. Типологическое сопоставление русского устного и письменного языков.

Р.М.Фрумкина. Статистические закономерности в языке и речи.

Секция перевода и методики:

В.Ю.Розенцвейг. Машинный перевод и некоторые вопросы преподавания иностранных языков.

А.А.Зализняк. Опыт обучения англо-русскому переводу с помощью алгоритма.

В.А.Успенский. О преподавании математики студентам-языковедам.

К.И.Бабицкий и др. Установление соответствий между языками для машинного перевода.

Е.В.Падучева. Правила порождения сложных предложений в стандартизованном русском языке.

Из околонуучных событий, имевших место во время конференции, запомнилась экскурсия в город Хотин, прославленный не только одою Державина, но и тем, что в нем родился В.Ю.Розенцвейг ("Давайте выпьем все до дна за уроженца Хотина" – В.В.Иванов). Для экскурсии был нанят небольшой самолет; его вместимость и ограничила число экскурсантов, коих, впрочем, оказалось, как вспоминает В.Ю.Розенцвейг, больше, чем мест в самолете, так что пришлось внести стул. Наиболее яркое впечатление экскурсии – прилет того же самолета в Хотин за экскурсантами во второй половине того же дня, в условленный час, с посадкой в чистом поле (а именно, в кукурузном поле, исполнявшем должность аэродрома). Помнится, экскурсия в Хотин состоялась как раз в день двадцатипятилетия Е.В.Падучевой.

И московская Конференция по машинному переводу 1958 г., и ленинградское Сопешание по математической лингвистике 1959 г., и черновицкая Конференция по прикладной лингвистике 1960 г. были довольно многолюдны. Более скромным было Сопешание по статистике речи, организованное с 1 по 4 октября 1957 г. в Ленинграде Секцией по исследованию речи Комиссии по акустике АН СССР и Ленинградским университетом. Зато оно происходило *раньше* указанных собраний, и это безусловно повышает его вес: для новых, революционных направлений всегда велика роль самых первых мероприятий. Из докладов на этом совещании запомнились доклад Л.А.Чистович "Применение статистических методов к определению фонетической принадлежности индивидуального гласного звука" (автор предложила отказаться от поисков

категорического ответа на вопрос о фонетической принадлежности звука и искать этот ответ с той или иной вероятностью); доклад И.А.Мельчука "Применение статистики к вопросу о категории рода во французском и испанском языках" (в докладе было убедительно показано, что категорию рода во французском языке следует, вопреки традиции, признать формально выраженной окончанием существительного: действительно, соответствующие правила охватывают примерно 94% существительных для французского языка – ср. с 98% для испанского, где эта выраженность признается традицией); доклад И.И.Ревзина "Соотношение структурных и статистических методов в языкознании" (было отмечено, что не только статистика позволяет лучше разобраться в структуре языка, но и подсчитываемые единицы нуждаются в точном структурном определении). Здесь же я столкнулся едва ли не впервые с печальными реалиями организации научных исследований. В.А.Гармаш и Д.С.Лебедев в своем докладе "Статистика трехбуквенных сочетаний русского печатного текста" рассказали об интересном эксперименте, проведенном в Лаборатории по разработке научных проблем проводной связи АН СССР с целью выяснения энтропии русского письменного языка. Выяснилось, что подходящим кодированием трехбуквенных сочетаний объем текстов может быть сокращен в 5/3 раза. Однако полученная в результате эксперимента ценнейшая информация о распределении частот трехбуквенных сочетаний была квалифицирована как всего лишь вспомогательная и после обработки уничтожена (остались лишь следы для наиболее частых сочетаний: "#и#" с частотой $82 \cdot 10^{-4}$ и "#не" с частотой $71 \cdot 10^{-4}$; здесь "#" означает пропуск между словами). По свежим следам Совещания я отмечал [Успенский 1959] такие его итоги:

"Совещание в Ленинграде, бесспорно, имело принципиальное значение, не ограниченное кругом вопросов, указанных в его названии. На совещании отчетливо выявились два обстоятельства:

1. Проникновение математических, в частности статистических, методов в языкознание, несомненно, плодотворно. Эти методы могут играть очень важную, но все же подчиненную роль при решении лингвистических проблем. Полностью формализовать реальный язык в виде некой математической системы, по-видимому, никогда не удастся, однако можно ставить вопрос о тех или иных формализованных приближениях к реальному языку, причем расхождение между реальным языком и таким приближением должно оцениваться статистически.

2. Лингвистические исследования начинают приобретать все большее и большее практическое значение, не укладывающееся, как раньше, в рамки составления школьных грамматик и орфографических правил. Это не означает, что языкознание утрачивает свой теоретический профиль.

Наоборот, с развитием техники оказывается, что наиболее тонкие теоретические построения наиболее важны для приложений. Положение дел в лингвистике можно сравнить в этом отношении с положением в математике, теоретические отрасли которой (такие, как математическая логика) приобрели в последнее время особое, прикладное значение.

Большим достоинством совещания явилось разнообразие представленных на нем специальностей, от радиотехники до физиологии. Совещание показало необходимость и дальнейшей координации деятельности представителей разных наук в области прикладной лингвистики".

Под этими словами я готов подписаться и теперь.

В организационном плане следствием Совещания по статистике речи явилось создание, во исполнение его решения, рабочего Комитета по прикладной лингвистике при упоминавшейся уже Секции по исследованию речи. Итак, такая византийская иерархия. Сперва Комиссия по акустике Отделения физико-математических наук АН СССР во главе с академиком-физиком Николаем Николаевичем Андреевым⁶. При ней – Секция под председательством Вячеслава Николаевича Федоровича (Ленинград). При ней – Комитет под председательством Льва Рафаиловича Зиндера, профессора кафедры фонетики Ленинградского университета. В состав Комитета вошли Л.А.Варшавский, Р.Л.Добрушин, Н.И.Жинкин, В.В.Иванов, А.Р. Лурия, А.А.Реформатский, В.А. Успенский и др. Комитет обычно собирался в Ленинграде в помещениях Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ. Первое заседание Комитета состоялось 24 января 1958 г. и было посвящено уточнению проблематики прикладной лингвистики. Информацию об этом см. в [Иванов 1958а]. Следующее заседание состоялось 23-24 июня 1958 г. (см. "Вопросы языкознания", 1958, № 3, с.161). На нем, в частности, в состав Комитета были избраны И.И.Ревзин и В.Ю.Розенцвейг. В эти дни в Ленинграде стояли белые ночи, и мы с Виктором Юльевичем всю ночь бродили по городу, проверяя через каждые 10 минут, действительно ли можно ночью читать газету; обнаружилось, что есть очень короткий период, когда все же нельзя.

Комитет прикладной лингвистики сыграл определенную роль в развитии соответствующих исследований в нашей стране, и можно лишь пожалеть, что деятельность его угасла.

6. Лаборатория электро моделирования и совещание на улице Грицевец.

Думается, что едва ли не первым представительным форумом⁷, на котором в нашей стране прозвучали идеи структурной, математической и

прикладной лингвистики, было "Совещание по комплексу вопросов, связанных с разработкой и построением информационных машин с большой долговременной памятью", созванное в Москве с 28 по 31 мая 1957 г. Лабораторией электро моделирования (ЛЭ АН СССР). Программа совещания была опубликована в виде хроникальной заметки [НТСК 1958]. После окончания Совещания его руководитель (и заведующий Лабораторией) Лев Израилевич Гутенмахер сказал автору этих строк: "Совещание прошло на уровне конференции". Слова эти были и задуманы, и высказаны на полном серьезе, однако в них действительно, по крайней мере в рамках лексики говорившего, заключалась некая истина: в Совещании приняло участие более 500 человек (в их числе В.М.Глушков и А.А.Ляпунов), представлявших свыше 90 научных учреждений и организаций. Это совещание осталось в памяти под именем "совещания на улице Грицевец"⁸. Оно, возможно, было первым в СССР представительным совещанием по кибернетике и семиотике – поэтому и привлекло столько участников. Возможно также, что само слово "семиотика" (в значении 'теория знаковых систем' – не смешивать с семиотикой в медицине!) впервые прозвучало на нем в широкой аудитории, да еще в положительной модальности [Успенский 1959, с.49; Успенский 1960, с.24]. Перечислим некоторые из пленарных докладов:

1. Электрическое моделирование некоторых процессов умственного труда с помощью информационных машин с большой внутренней памятью. Л.И. Гутенмахер (ЛЭ АН СССР);

2. Задачи, которые должна решить химическая информационная машина с большой долговременной памятью, и перспективы ее развития в химическую информационно-логическую машину. В.В.Серпинский, Г.М. Влэдуц (Институт научной информации АН СССР);

3. Логико-математические вопросы создания машинного языка для информационной машины. В.А.Успенский (ЛЭ АН СССР);

4. Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины. В.В.Иванов (ЛЭ АН СССР);

5. Современное состояние и направления развития ферритов с прямоугольной петлей гистерезиса, используемых в коммутационных и запоминающих устройствах. В.В.Косарев (ЛЭ АН СССР);

6. Логическая программа операции линейного шифрования химических названий и структурных формул. А.М.Цуккерман (МГУ, химфакультет), Г.Г.Стецюра (ЛЭ АН СССР).

Доклады Л.И.Гутенмахера, В.В.Иванова и В.А.Успенского были впоследствии опубликованы – см. [Гутенмахер 1957], [Иванов 1958], [Успенский 1960; 1959]. Теоретическая секция открылась докладом

А.А.Ляпунова "Об общих вопросах машинного перевода". Вот еще несколько докладов на этой секции:

Проблематика создания машинного языка для геометрии. Н.М.Ермолаева, Ю.А.Шиханович (ЛЭ АН СССР);

Семантические требования к информационному языку. В.К.Финн (ЛЭ АН СССР);

О системе теоретико-множественных понятий для построения грамматик. О.С.Кулагина (МИ АН СССР);

Формальный анализ синтаксических элементов и синтетических связей в тексте. И.И.Ревзин (МГПИИЯ);

Вопросы различения омонимии при переводе с английского языка на русский. Т.Н.Молошная (МИ АН СССР);

Алгоритм для перевода с венгерского языка на русский. И.А.Мельчук (ИЯ АН СССР).

Совещание на улице Грицевец да и вся деятельность теоретических подразделений Лаборатории электро моделирования служат прекрасной иллюстрацией к высказанной уже мысли, что и неправильные идеи могут порой быть полезными. В данном случае речь идет о принадлежащей Л.И.Гутенмахеру идее ("под которую" и была создана его Лаборатория) построения "информационной машины с большой долговременной памятью". Идея носила чисто технический характер и касалась способов записи информации – способов не семиотических, а электротехнических (с помощью ферритовых сердечников прежде всего). В случае успеха идеи составляющие ее электротехнические способы записи давали бы возможность записывать информацию на гораздо меньшем объеме, чем позволяли другие существовавшие в те годы способы. Выигрыш достигался за счет того, что информация записывалась навечно, без права менять запись. Она могла только считываться. Предполагалось, что система записи позволит организовать информационный поиск. Кажется, идея оказалась порочной прежде всего с электротехнической точки зрения (первым мне сказал об этом имевший электротехническое образование В.М.Глушков прямо на улице Грицевец).

Однако именно эта, оказавшаяся бесплодной идея Л.И.Гутенмахера, стимулировала теоретические разработки в области прикладной семиотики, относящиеся к способам записи информации на логических (информационных) языках и информационному поиску. (Так, именно в Лаборатории электро моделирования были начаты Е.В.Падучевой первые в СССР систематические исследования по логическому анализу естественного языка.) В организационном отношении эта деятельность привела к созданию внутри Лаборатории отдела математической логики и

математической лингвистики. В.В.Иванов заведовал в этом отделе группой математической лингвистики, я – группой математической логики. Ядро отдела составляли Н.М.Ермолаева, А.В.Кузнецов, Д.Г.Лахути, Е.В.Падучева, В.К.Финн, И.Н.Шелимова, Ю.А.Шиханович, А.Л.Шумилина. Впоследствии, после поглощения Лаборатории Институтом научной информации АН СССР (он же – Всесоюзный институт научной и технической информации, короче – ВИНТИ), этот отдел Лаборатории электро моделирования составил ту основу, на которой образовался сперва Сектор теоретических основ информационного дела, а затем Отдел семиотики ВИНТИ (возглавлявшийся при его создании Дмитрием Анатольевичем Бочваром, известным химиком и известным логиком); после ряда переименований этот отдел ВИНТИ называется сейчас "Отдел теоретических основ информатики" (едва ли не единственный отдел с таким названием в СССР) и возглавляется Р.С.Гиляревским.

Члены бывшего Отдела математической логики и математической лингвистики ЛЭ вспоминают, как правило, о своей деятельности в ЛЭ как о насыщенном и романтическом периоде своей биографии. Лаборатория электро моделирования ютилась в одноэтажном бараке, стоявшем в одном из дворов домовладения № 18 по 2-му Бабае-городскому переулку. Сейчас и самого переулку, и всех этих дворов и барачков нет: вместо них – новое здание Третьяковской галереи (превратившейся из галереи во всесоюзное госмузейное объединение). Для целей нового строительства барак все время собирались сносить; Л.И. Гутенмахер упирался как мог. Наконец явился судебный исполнитель опечатывать дверь. Пока Л.И. с необычайной скрупулезностью проверял его документы в своем кабинете, лабораторские молодцы сняли с петель входную дверь и унесли ее. Опечатывать было нечего, и Лаборатория продержалась еще несколько лет. Л.И.Гутенмахер был противоречивой (как сейчас модно говорить, неоднозначной) фигурой. Проекты его были, скорее всего, безумны (например, предполагалось, что информационная машина должна будет сообщать информацию "голосом любимого артиста"). По-видимому, он в них искренне верил (и был рад быть обманутым, скажем, Владимиром Алексеевичем Артемовым из МГПИИЯ, чрезвычайно представительным и вальяжным господином, утверждавшим, что в его фонетической лаборатории научились инструментально опознавать и синтезировать звуки речи). Тем не менее именно ему во многом обязана советская семиотика – она начала развиваться под его "крылом". А я благодарен ему еще за то, что он познакомил меня с А.И. Бергом. В один из последних дней самостоятельного существования Лаборатории я был привезен Л.И.Гутен-

махером на квартиру А.И.Берга... (Как я понимаю, с целью убедить Берга воспрепятствовать лишению Лаборатории ее самостоятельности). Сам Берг утверждал, что может задержать любое постановление.)

7. А.И.Берг и Совет по кибернетике.

"Серебряный век" математической лингвистики в СССР неотделим от личности Акселя Ивановича Берга (10 ноября 1893 г., н.с., – 2 июля 1979 г.). Берг был впечатляющей фигурой. Академик (с 1946 г.) и Герой (Социалистического Труда, 1963 г.), мореплаватель (с лета 1916 г. плавает на подводных лодках, с 1919 г. – в качестве штурмана, с августа 1955 г. – инженер-адмирал, впоследствии – адмирал-инженер) и, если не плотник, то строитель (радиотехники, электроники и кибернетики в СССР: в частности, он – создатель и первый директор Института радиотехники и электроники АН СССР, 1953-1959 гг.; а с апреля 1959 г. – Председатель Научного совета по комплексной проблеме "Кибернетика" при Президиуме АН СССР⁹).

Всегда подтянутый, до конца дней сохранивший не только военноморскую выправку, но и военноморскую точность: назначенная им аудиенция начиналась минута в минуту – в эту самую назначенную минуту из его кабинета выходил предыдущий посетитель. Как ему удавалось окончить предыдущую аудиенцию столь точно? Он был всегда очень демократичен – я бы сказал, аристократически демократичен. (Вспоминается старая уборщица, рассказывавшая после смерти известного автомобилестроителя, академика Е.А.Чудакова: "Евгений Алексеевич были настоящий барин, каждое утро со мною за ручку здоровались"). При всем том, помещение Совета по кибернетике было разделено пополам: одна половина – личный кабинет Берга, в другой половине ютились все остальные (думаю, что это было правильно). С 18 сентября 1953 г. по май 1957 г. Берг – заместитель министра обороны СССР (пребывание в должности было прекращено тяжелой болезнью сердца, случившейся в июне 1956 г.). Он сохранил связи "на самом верху", но всегда использовал свой авторитет только на благо. Он верил в науку, в идеалы, был энтузиастом своего дела. Энтузиаст в кресле начальника – это не могло не произвести впечатление. Производила впечатление и адмиральская форма. Когда надо, он умел ею пользоваться. (Его машинистка Зина пожаловалась ему, что ее призывают в армию. По-видимому, она была военнообязанная. Я присутствовал при его звонке в военкомат: "С Вами говорит академик адмирал Берг. Ко мне обратилась Зинаида Васильевна Кулакова¹⁰... Ах, Вы хотели с ней только побеседовать? В таком случае я сам с ней побеседую. Или Вы полагаете,

майор, что Вы это сделаете лучше меня?" Майор не полагал.) И вот, такой человек появился, припоздав, на заседании Бюро отделения литературы и языка в один из вторников осени 1971 г. ("Я помню вторник – аксельбантом блистал великий адмирал"). Обсуждался какой-то вопрос (не помню точно, какой) "на стыке", как теперь говорят, языкознания и кибернетики (в частности, кажется, вопрос об учреждении Вычислительного центра с целью создания словаря языка В.И.Ленина). Вел заседание академик-секретарь М.Б.Храпченко, человек весьма опытный, в частности, в делах табели о рангах. Он с почтением уступил Бергу свой стул и с почтением слушал его выступление. А говорил Берг примерно следующее. "Столько-то процентов взрослого мужского населения страны – зарегистрированные алкоголики¹¹. На днях мы два часа сидели с Алексеем Николаевичем Косыгиным и обнаружили, что ни одно постановление Совета Министров не выполняется. И поэтому мы пришли к Вам, и как Вы решите, так и будет. А мы заранее согласны с вашим решением"¹². В перерыве ко мне подошел испуганный член-корреспондент Будагов и, взяв меня за пуговицу, сказал: "Мне показалось, что уважаемейший Аксель Иванович не вполне точно представляет наши возможности". Мне было интересно наблюдать, как вывернется М.Б.Храпченко. Он это сделал с блеском. Отметив ценность содержащихся в выступлении А.И.Берга указаний и необходимость принять их к сведению и руководству, он предложил создать для подготовки соответствующего решения комиссию во главе с членом-корреспондентом В.Н.Ярцевой. Как я понимаю, комиссия работает по сию пору.

То заседание Бюро ОЛЯ запомнилось мне также прекрасным выступлением В.Ю.Розенцвейга. ("Но чьим ораторским талантом был покорен притихший зал"¹³). В результате обсуждавшиеся лингвокибернетические вопросы (повторяю, не помню точно, какие) были решены должным образом. До конца "серебряного века"¹⁴ оставалось менее пяти лет...

Надо сказать, что лингвистике с Бергом повезло. "Он владел пятью иностранными языками и активно ими пользовался", часто обращался к вопросам обучения языку [ПВБ, с.189]. Может быть, поэтому все связанное с языкознанием ему было особенно близко. (Впрочем, ему особенно близко было все, чем он только не занимался.) Именно он, откликнувшись на письмо к нему В.Ю.Розенцвейга, добыл ту персональную ставку, на которую был зачислен в Институт языкознания в 1966 г. И.А.Мельчук. Лингвистике повезло и с Сусанной Степановной Масчан, филологом по образованию, в течение многих лет бывшей ученым секретарем Совета по кибернетике; она удивительным образом

сочетала в себе крайнюю деликатность в обращении с деловитостью. Мое поколение питает к ней благодарность.

При создании Совета по кибернетике в его состав было включено 6 лингвистов [ПВБ, с.167]. При образовании секций Совета была создана и лингвистическая секция во главе с В.В.Ивановым. Впоследствии этой секцией руководил В.Ю.Розенцвейг¹⁵; затем (с 1980 г.) А.П.Ершов и, после его кончины в декабре 1988 г., – Ю.Н.Караулов. Сейчас секция называется секцией лингвистических проблем обработки информации. Согласно ПВБ, с.144, при А.П.Ершове она называлась "Кибернетическая лингвистика и семиотика", но это название вызывает у меня сомнения. Впрочем, в разных документах секция называлась по-разному. Помнится, одно время существовала секция семиотики во главе с А.А.Марковым (существовала ли она отдельно от секции лингвистики – сейчас не помню, но секция семиотики определенно существовала, например, 7 мая 1964 г.). Подробно и информативно о роли Совета по кибернетике и А.И.Берга в развитии лингвистики и семиотики в СССР вспоминает В.В.Иванов [Иванов 1988].

8. Симпозиум по семиотике.

В своих воспоминаниях В.В.Иванов останавливается и на роли В.Ю.Розенцвейга, отмечая, в частности, совместный доклад А.И.Берга, В.В.Иванова и В.Ю.Розенцвейга "Лингвистика, семиотика и кибернетика", представленный в 1974 г. на конференцию по теоретическому языкознанию. Вспоминает он и знаменитый Симпозиум по семиотике ("Симпозиум по структурному изучению знаковых систем", Москва, 19-26 декабря 1961 г.), организованный совместно Институтом славяноведения АН СССР и Советом по кибернетике, а также негативную реакцию на отдельные моменты симпозиума¹⁶. Критика симпозиума должна была содержаться, в частности, в докладе "Методологические проблемы естествознания и общественных наук", с которым предполагал выступить на сессии Академии Наук Л.Ф.Ильичев – тогда уже академик и еще секретарь ЦК КПСС. Весной 1963 г. брошюра с предварительным текстом доклада была распространена, хотя и не слишком широко, для ознакомления и как бы для обсуждения¹⁷. На с.75 указанной брошюры говорилось:

"В декабре прошлого года в Москве проходил симпозиум по структурному изучению знаковых систем. [...] Выхолащивая идейное содержание искусства, забывая его отражательную функцию, они [докладчики] сводили все к чисто формальным приемам исследования. В докладе "О семиотике искусства", например, утверждается: "Произведе-

ние искусства можно рассматривать как текст, состоящий из символов, в которые каждый подставляет собственное содержание (в этом отношении искусство аналогично гаданию, религиозной проповеди и т.д.)". В программу симпозиума были включены и такие доклады, как "Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников – знаки рекламы", "Гадание на игральных картах как семиотическая система", "К описанию этикета как семиотической системы", "К семиотическому анализу 'тайных языков'" (автор последнего ратует за необходимость заняться изучением современного воровского жаргона [...])."

(Как тут не вспомнить поношение, которому в свое время подверглась в прессе диссертация "Температура как фактор жизни человеческой вши" – только за название! Иначе как "вшивой" газетчики ее не называли. Правда, потом пришлось извиняться – говорили, после вмешательства военного ведомства).

Я сумел попасть на прием к вице-президенту АН СССР П.Н.Федосееву (что оказалось сложнее, чем попасть к Президенту АН Несмеянову в годы его президенства, т.е. до 1961 г.) и вручить ему в письменном виде свои несогласия с содержащейся в докладе Л.Ф.Ильичева критикой симпозиума. "Ну что ж, я передам Ваши замечания Леониду Федоровичу", – сказал мне Федосеев. Возможно, что это было чистое совпадение, но в окончательном тексте критика была значительно смягчена. Хочу также привести полный состав комиссии "для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики", о которой вспоминает В.В.Иванов на с.178 в [ПВБ].

Эта комиссия была создана подписанным Президентом М.В.Келдышем распоряжением Президиума АН СССР № 20-364 от 26 марта 1963 г. Вот текст распоряжения:

"Для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики, проводимой секцией математической и структурной лингвистики Научного совета при АН СССР по комплексной проблеме "Кибернетика", образовать комиссию в составе: 1. А.И.Берг – академик, председатель; 2. В.В.Виноградов – академик; 3. Н.Д.Андреев; 4. В.А. Успенский; 5. Ю.А. Шрейдер; 6. И.М.Шегтунов; 7. И.А.Горский; 8. В.В.Иванов; 9. Б.Н.Топорнин; 10. В.А.¹⁸Панфилов – ученый секретарь. Доклад и предложения комиссии представить в Президиум Академии Наук к 15 апреля с.г."

Комиссия провела четыре заседания – 10, 18, 28 апреля 1963 г., также 7 мая 1963 г. (правда, на этом последнем заседании из членов комиссии было только пятеро, но зато присутствовали А.А.Марков, С.С.Масчан, В.Ю.Розенцвейг). Заседания проходили очень напряженно. Для иллюстрации приведу высказывание В.В.Виноградова, выступи-

вшего первым (после Берга) 10 апреля (цитирую по стенограмме): "В настоящее время секторы структурной лингвистики абсолютно ничего не делают для улучшения и расширения методов, например, славянского языкознания". В.З.Панфилов в начале того же заседания: "Можно ли рассматривать произведение литературы и искусства как определенную знаковую систему? Нет, потому что это ведет к абстракционизму". В.Ю.Розенцвейг активно участвовал во втором, третьем и четвертом заседаниях комиссии, а на первом – как бы заочно (из стенограммы выступления В.В.Иванова 10 апреля: "Здесь очень важное предложение было сделано давно еще Розенцвейгом. Это сочетание высшего образования с научной работой").

Открывая работу комиссии, А.И.Берг сразу же предложил создать подкомиссию для выработки доклада в Президиум АН СССР и проекта постановления Президиума. Он предложил и персональный состав подкомиссии – Н.Д.Андреев (председатель), В.З.Панфилов, В.А.Успенский. Я не стал отказываться, хотя и понимал, что работать в таком составе будет более чем непросто. В результате подкомиссия создала документы, датированные 24 апреля 1963 г., где в трех местах текст был предложен в двух вариантах – варианте большинства (Андреев, Панфилов) и варианте меньшинства (Успенский). Первое из этих мест относилось к оценке "работы по собственно семиотическим проблемам, ведущейся в секторах и группах структурной и математической лингвистики языковедческих институтов АН СССР". В варианте большинства говорилось, что она "не соответствует основным задачам этих институтов", а в варианте меньшинства "часто перерастает рамки этих институтов". На заседании Комиссии 28 апреля была принята формула "выходит за рамки основных задач". Второе место косвенно касалось оценки недавно состоявшегося Симпозиума. В варианте большинства говорилось, что "за последнее время в некоторых работах по семиотике были допущены ошибки методологического характера, выразившиеся в преувеличении роли семиотики"; в варианте меньшинства этот текст отсутствовал. Комиссия, увы, приняла вариант большинства, хотя и в смягченной форме: "...в процессе работы в области семиотики были допущены отдельные методологические ошибки, требующие исправления". (Надо сказать, что на заседании 28 апреля, фактически заключительном, предложения подкомиссии подверглись в отдельных случаях значительному редактированию). Наконец, большинство подкомиссии предлагало создать в системе АН СССР Институт кибернетической лингвистики и семиотики, меньшинство – Институт семиотики. Комиссия 28 апреля приняла предложение меньшинства. В принятом

Комиссией проекте постановления Президиума АН СССР был также пункт об издании, с 1964 г., журнала по проблемам семиотики.

Какие окончательные документы (и когда) ушли из комиссии в Президиум АН СССР, мне не известно. Еще осенью 1964 (!) года ко мне поступали какие-то варианты этих документов. Никакого постановления Президиума АН СССР по результатам работы комиссии, насколько мне известно, принято не было.

9. Институт семиотики Академии Наук СССР.

Однако организация Института семиотики АН СССР была предусмотрена еще постановлением Президиума АН СССР от 6 мая 1960 г. № 452 "О развитии структурных и математических методов исследования языка", подписанным вице-президентом А.В.Топчиевым. Пункт 7 этого Постановления гласит: "Считать целесообразным создание в 1961-1962 гг. в системе Академии наук СССР Института семиотики, в котором должны вестись исследования по структурной лингвистике и всему комплексу теоретических и прикладных семиотических дисциплин. Поручить Научному совету по кибернетике (акад. А.И.Берг) в двухмесячный срок представить в Президиум АН СССР предложения по организации этого Института".

История неудачных попыток создать Институт семиотики заслуживает специальных изысканий. Хочу надеяться, что таковые будут проделаны свидетелями этих попыток. Я вижу едва ли не главную причину провала в "эффекте золотой рыбки". В качестве директора Института в 1960 г. предполагался Андрей Андреевич Марков. Его кандидатура возникла при обстоятельствах совершенно нереальных, свидетелями которых были Г.Э. (он же Г.М.) Влэдуц, Д.Г. Лахути и я; здесь не место об этом говорить. Практически всеми и мною прежде всего А.А.Марков считался едва ли не единственным достойным кандидатом на этот пост. Согласие его было получено. Была получена поддержка А.А.Ляпунова и А.И.Берга. Никто не возражал. Дело было на мази.

А далее произошло вот что. Возникла довольно стандартная интрига: захватить уже функционирующий или рождающийся организм и, паразитируя на уже дарованном ему праве на существование, переделать его в угоду себе – а фактически, наполнить совершенно новым содержанием. Так, сравнительно недавно была сделана попытка захвата многолетнего издания ВИНТИ "Семиотика и информатика" одним из научных советов при Академии наук, а тогда, в 1960 г., нашлись силы, которые захотели воспользоваться уже состоявшимся решением о создании Института семиотики и создать Институт, но не семиотики, а

кибернетики! Что же касается семиотики, то предлагалось трактовать ее как часть кибернетики и предусмотреть в составе будущего Института кибернетики достаточно мощный отдел (или даже отделение) семиотики. Указанным силам не составило большого труда уговорить А.А.Маркова. Быть директором Института кибернетики показалось ему более престижным, нежели директором Института семиотики. Должен ли А.А.Марков был считать связанным себя моральными обязательствами перед теми семиотиками, которые единодушно признали его своим лидером и, так сказать, на блюдечке преподнесли ему директорский пост? Не знаю. Но, с прагматической точки зрения, его линия поведения не привела к успеху (а прежде всего просчитались его советчики).

Оказалось, что не только он считает пост директора Института кибернетики престижным. Оказалось, что различные научные, академические, околонучные и околоакадемические группировки имеют весьма различные взгляды на то, как должен быть устроен Институт кибернетики. Оказалось, короче говоря, и это неудивительно, что обширная популяция советских кибернетиков гораздо менее однородна и единодушна, чем сравнительно небольшая популяция советских семиотиков. В результате не получилось ни Института кибернетики¹⁹, ни Института семиотики.

10. "Комиссия по структурализму" и создание структуралистических секторов.

Не у всех пунктов Постановления от 6 мая 1960 г. оказалась такая плачевная судьба. Например, первый пункт этого Постановления в основном был выполнен. Этот пункт предписывал Отделению литературы и языка реорганизовать сектор прикладного языкознания в Институте языкознания (этот сектор был создан в апреле 1958 г.²⁰ во главе с А.А.Реформатским) в сектор структурной и прикладной лингвистики с группой машинного перевода; создать сектор структурной лингвистики в Институте русского языка (и в сентябре 1960 г. "Вечерняя Москва" объявила конкурс на должность заведующего этим сектором – кандидата филологических наук; имелся в виду С.К.Шаумян, который и возглавил сектор; впоследствии заведующим был В.П.Григорьев); в составе Ленинградского отделения Института языкознания организовать группу изучения языка математическими методами (не упомяну, чтобы она была организована) и группу структурно-типологического изучения языков (как я понимаю, эта группа была создана во главе с А.А. Холдовичем, ныне ее возглавляет В.С.Храковский).

Отделению исторических наук предписывалось создать Сектор структурной типологии славянских языков в Институте славяноведения (первым заведующим был В.Н.Топоров, затем В.В.Иванов, а с 8 января 1990 г. – Т.М.Николаева), организовать группу структурной типологии восточных языков в Институте востоковедения и др.

Я не помню сейчас, как возникла идея постановления "О развитии структурных и математических методов исследования языка" от 6 мая 1960 г. Могу только сказать, что эта идея появилась никак не позже 4 февраля 1960 г. Этим днем помечено Распоряжение Президиума АН СССР № 3-194, подписанное Президентом А.Н.Несмеяновым. В распоряжении говорилось:

"...для советского языкознания серьезное значение имеет применение метода структурного анализа в лингвистических исследованиях [...]. Для подготовки к рассмотрению на Президиуме АН СССР вопроса о развитии данного научного направления образовать Комиссию в составе: академик В.В.Виноградов (председатель комиссии); академик А.И.Берг; чл.-корр. АН СССР Б.А.Серебрянников; чл.-корр. АН СССР В.И.Борковский; чл.-корр. АН СССР П.С.Новиков; д-р филол. наук М.М.Гухман (Ин-т языкознания); д-р филол. наук С.Б.Бернштейн (Ин-т славяноведения); профессор А.А.Ляпунов²¹; канд. филол. наук В.В.Иванов (Ин-т точной механики и вычислительной техники); канд. ф.-м. наук В.А.Успенский (Лаборатория электро моделирования, ВИНТИ); канд. филол. наук В.Н.Топоров (Ин-т славяноведения); канд. филол. наук С.К.Шаумян (Ин-т славяноведения); канд. филол. наук Н.Д. Андреев (ЛГУ); канд. филол. наук В.П.Григорьев (Ин-т русского языка, секретарь комиссии). Поручить комиссии в двухнедельный срок представить в Президиум АН СССР проект постановления по данному вопросу".

Заседания этой "Комиссии по структурализму" проходили с меньшей напряженностью, чем заседания последующей комиссии по улучшению работы в области семиотики, но все же порою достаточно остро. Я помню два заседания комиссии – 8 и 22 марта 1960 г. Берг и Новиков не были ни разу, Серебрянников только на втором заседании. В первом заседании участвовал также Л.Р.Зиндер, в обоих заседаниях – А.А.Реформатский.

Председатель комиссии, человек весьма неординарный, оказывал заметное сопротивление структурным методам (выше приводилось его высказывание в качестве члена комиссии А.И.Берга). Дело дошло до того, что один из членов комиссии сказал ему на заседании примерно следующее: "В задачу данной комиссии не входит конкретное указание лиц, ответственных за задержку развития структурной лингвистики в СССР". Это подействовало, Виноградов перестал сопротивляться и

подписал проект постановления. Он же был и докладчиком на заседании Президиума Академии в мае 1960 г. В обсуждении приняли участие А.В.Топчиев, В.И.Борковский, А.А.Ляпунов, А.И.Берг.

Быть может, самым существенным был 8-й пункт Постановления:

"Считать необходимым резко улучшить подготовку специалистов-лингвистов в вузах, в связи с чем просить Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР:

а) об организации в университетах Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и Еревана специальных лингвистических отделений²² с постановкой на них соответствующих математических курсов;

б) о предоставлении Ленинградскому государственному университету и I Московскому государственному педагогического институту иностранных языков права принимать контингент на отделение математической лингвистики и машинного перевода без производственного стажа, с обязательным экзаменом по математике".

11. ОТИПЛ / ОСИПЛ.

Как бы во исполнение этого постановления с 1 сентября 1960 г. начало функционировать Отделение теоретической и прикладной лингвистики (впоследствии – Отделение структурной и прикладной лингвистики) Филологического факультета МГУ. На самом же деле деятельность по созданию этого Отделения началась раньше, в начале 1959 г.

Сигналом к началу такой деятельности послужил, надо думать, упоминавшийся уже приказ Министра высшего образования СССР от 28 ноября 1958 г., изданный по итогам организованной В.Ю.Розенцвейгом Всесоюзной конференции по машинному переводу (Москва, май 1958 г.). Из первого пункта этого приказа филологический факультет МГУ узнал, что работа в области машинного перевода и математической лингвистики, ведущаяся в МГПИИЯ, ЛГУ и МГУ одобряется. В этом перечне МГУ был назван последним, что, конечно, для первенствующего университета было обидно. Да еще к тому же доценту филологического факультета В.В. Иванову и ассистенту механико-математического факультета В.А. Успенскому тем же приказом была объявлена благодарность – а остальные 9 человек, отмеченные министерской благодарностью, к МГУ отношения не имели. Но, главное, Министр своею подписью скрепил не вполне очевидное для московских университетских филологов утверждение, что математическая лингвистика не есть буржуазная лженаука, а есть полезное дело. Над филологическим факультетом нависла угроза оказаться в стороне от одобренных начальством устремлений. Оказалось, что вся деятельность в

области математической лингвистики на филологическом факультете МГУ осуществляется на чистом энтузиазме, вне каких-либо организационных структур. (Кстати, работа из чистого энтузиазма – характерная черта "серебряного века". Все делалось по внутренней потребности, а не в силу навязанного ("спущенного") кем-то плана – и именно поэтому приносило плоды. Скажем, занятия И.А.Мельчука и Ю.Д.Апресяна толково-комбинаторным словарем не были предусмотрены никакими планами. Никто не заставлял П.С.Кузнецова, В.В.Иванова, В.А.Успенского открывать семинар по математической лингвистике. Или А.А.Зализняка – заниматься со студентами санскритом. И т.д.)

Впрочем, все эти рассуждения о возможной причине внезапной вспышки активности филологического факультета остаются спекулятивными. Документально подтверждается лишь следующее. 4 февраля 1959 г. я получил по почте подписанное тогдашним деканом Р.М.Самариным приглашение "принять участие в совещании об организации Отделения прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ". Приглашение было написано под копирку, с вписанным от руки именем и отчеством после машинописного "Глубокоуважаемый". Кто еще получил такие приглашения – не помню. Знаю, что среди приглашенных был А.А.Ляпунов. Совещание, помнится, организовывал Т.П.Ломтев, который тогда был каким-то образом главой университетских лингвистов (кажется, занимал какое-то формальное положение что-то вроде заведующего несуществующим отделением языкознания филологического факультета²³). 5 февраля А.А.Ляпунов, Т.П.Ломтев и я были в Институте языкознания на докладе Н.Д.Андреева. Там Ляпунов сообщил мне и Ломтеву, что он не пойдет на это совещание (что-то его не устраивало, не помню, что). Тогда я сказал Ломтеву, что без Ляпунова совещание делается бессмысленным и что потому я на него не пойду. Состоялось ли совещание, не знаю.

Следующая дата – 19 мая 1959 г., вторник. Кабинет ректора МГУ Ивана Георгиевича Петровского на 9-м этаже главного здания МГУ на Ленинских горах. То есть помещение, называемое кабинетом ректора в инвентаре помещений МГУ, фактически же – зал для совещаний (работал и принимал посетителей И.Г. в небольшой скромной комнате неподалеку). Происходит совещание, посвященное открытию на филологическом факультете МГУ отделения прикладной лингвистики. Я был вызван на это совещание телефонным звонком. Присутствуют начальники: ректор И.Г.Петровский, декан филологического факультета Р.М.Самарин со свитой заместителей и других факультетских чиновников; лингвисты во главе с Т.П.Ломтевым, в том числе: О.С.Ахманова (имевшая на ректора большое влияние), С.Б.Бернштейн, Р.А.Будагов

Е.М.Галкина-Федорук, В.А.Звегинцев, П.С. Кузнецов, В.Н.Ярцева; математики: А.Н.Колмогоров, А.А.Марков, Р.Л.Добрушин, В.А.Успенский; физики: С.Н.Ржевкин (зав. кафедрой акустики), В.А.Красильников (профессор той же кафедры), В.И.Шестаков (пионер применения математической логики к электрическим схемам). Первым выступил Т.П.Ломтев, изложивший план создания отделения и его программу. А.Н.Колмогоров предложил создать специализацию, начиная со старших курсов двух факультетов: механико-математического и филологического, – для чего учредить смешанные группы студентов при филологическом факультете и дать им 6 лет обучения. В.А.Успенский, то есть я, предложил создать не отделение прикладного языкознания, а отделение языкознания, с обязательным курсом математики для всех студентов-лингвистов. Последняя идея (об обязательном курсе) была энергично поддержана А.Н.Колмогоровым. Надо сказать, что не только для Колмогорова, но и для Петровского было откровением, что на филологическом отделении нет отделения языкознания. Они наивно полагали, что как механико-математический факультет делится прежде всего на отделение математики и отделение механики, так и филологический делится прежде всего на отделение языкознания и отделение литературоведения. То, что это не так, что деление происходит по языку (и лингвисты, и литературоведы получают одинаковый диплом: "специалист по такому-то языку и литературе"), показалось им странным. (Я эту странность, продолжающуюся и поныне, знал давно; но тогда еще не понимал, что языкознание, по-видимому, просто не доросло до отделения от литературоведения и не следует его к этому принуждать). Самарин успокоил академиков, заявив, что создание отделения языкознания предполагается. Разумеется, он знал, что это неправда.

Твердо поддержал идею о создании отделения языкознания и обучении лингвистов математике П.С.Кузнецов. А.А.Марков выступил против выпадов в адрес математической лингвистики со стороны В.А.Звегинцева. Эти выпады были сделаны не на том совещании, а раньше, в феврале или марте 1959 г., в докладе, который Звегинцев сделал на филологическом факультете и на который он пригласил Маркова и меня. Тогда Звегинцев говорил о цинковке, которую математики якобы собираются выгнать из-под лингвистики (что прежде всего было бы аморальным, так как каждый должен сидеть на своей цинковке). Марков никогда не мог простить Звегинцеву этой цинковки, а в прениях по докладу выступил столь резко и смело, что Н.С.Чемоданов заявил: "Мы пойдем не за Марковым, а за Марксом". Вот и 19 мая Марков высказался по поводу Звегинцева – и тут же ушел с совещания читать лекции.

Р.Л.Добрушин объяснял, что нельзя отделение открывать на пустом месте, что научная работа должна предшествовать учебной, а специальные курсы – обязательным. Таким образом, филологический факультет был как бы обвинен в том, что не занимается обсуждаемой проблематикой. На это О.С.Ахманова возразила так: "Как же можно говорить, что факультет занимается не тем, когда из него вышли Молошная, Николаева, Падучева и сам Вячеслав Всеволодович Иванов". Это заявление было тем более пикантно, что упомянутый В.В.Иванов незадолго до того был уволен с факультета за открытую поддержку травимого тогда Пастернака. Заметим в скобках, что ни Молошная, ни Николаева, ни Падучева не были оставлены на факультете. Эта печальная традиция – неоставление на филологическом факультете наиболее способных его студентов – продолжалась и в последующие годы.

Меж тем совещание приближалось к концу. Ярцева ратовала за обучение иностранному языку, предложив (довольно разумно, на мой взгляд), если уж добавлять год обучения, то добавлять его снизу, перед первым курсом, и потратить его на обучение языку. Физики настаивали на проведении экспериментов. Пора было принимать решение. Как известно, самое бюрократически мудрое решение – создать комиссию. Такую комиссию и предложил создать Самарин, причем создать ее при лингвистической секции Ученого совета филологического факультета (была такая секция, и ею-то и руководил Т.П.Ломтев). Было неясно, что есть предмет рассмотрения комиссии: Отделение языкознания или специализация по прикладной лингвистике. На мой тут же заданный вопрос Самарин ответил: "Комиссия по специализации". "Нет уж, пусть будет по отделению языкознания", – категорически заявил Петровский. Р.М.Самарин не возражал, более того, дал мне личное обещание, что комиссия будет рассматривать все вопросы Отделения языкознания – в том числе вопросы об отделении, начиная с 1-го курса, этого Отделения от литературоведов.

Было решено, что в комиссию войдет произвольное число лингвистов; от математиков – Марков, Добрушин и я (Колмогоров отказался); от физиков – Ржевкин, Красильников и неназванный радиофизик, для которого была оставлена вакансия.

Я запомнил данное мне Самариним обещание. Поэтому когда я получил (по почте) извещение (подписанное ученым секретарем Филологического факультета А.Д.Калининым), что в субботу 9 июня 1959 г. в 17 ч. в кабинете декана Факультета состоится "Совещание по вопросам прикладного (!) языкознания", я счел себя вправе на это совещание не пойти. Известно, что на нем были только лингвисты и С.Н.Ржевкин. Следующее извещение было доставлено мне на дом уже с курьером.

Текст извещения, подписанного тем же А.Д.Калининым, гласил: "В субботу, т.е. 4/VII - 59 г. в кабинете декана Филологического факультета состоится заседание комиссии по отделению языкознания". Этот текст меня удовлетворил, и я был на этом заседании. Присутствовали: Р.М.Самарин, А.Д.Калинин, Т.П.Ломтев, П.С.Кузнецов, А.А.Марков, В.А.Успенский.

Я уже не помню, что и кто говорил на этом и на последующих заседаниях, если таковые были. Да это и не так важно. Я хорошо помню общую схему развернувшихся дискуссий.

Она такова. Довольно быстро выяснилось, что делить филологический факультет на две части, лингвистическую и литературоведческую, в обозримом будущем нереально. С точки зрения факультета (которую я не вполне понимал тогда и не вполне понимаю сейчас) раздел потребовал бы (якобы) слишком больших организационных потрясений, которых не хотели ни лингвисты, ни литературоведы. Я не понимал и не понимаю этого странного симбиоза литературы и языка. На мой взгляд, если уж объединять, то литературу с историей (включая историю культуры), а язык с математикой. (Разве что классическая и другая "древняя" филология могла бы оставаться единой, поскольку там мы извлекаем язык из литературных памятников.) Менее всего мне понятно стремление к указанному симбиозу, отчетливо наблюдаемое у многих лингвистов (О.С.Ахманова, например, как-то и весьма публично сказала: "Я всегда не знала, когда мне уходить на пенсию. Теперь знаю – когда будет реализовано предложение В.А.Успенского о разделении языкознания и литературоведения".)

Однако могла идти речь о создании отделения языкознания в параллель действующим структурам. То есть оставить все и всех (всех литературоведов и языковедов факультета) как есть, но прибавить еще особое отделение языкознания. Для такого отделения не годилось ни название "отделение прикладной лингвистики", не настойчиво предлагавшееся Ломтевым, ни название "отделение структурной и прикладной лингвистики", очень настойчиво предлагавшееся Звегинцевым. Только потом я понял причину настойчивости моего двойного тезки, Владимира Андреевича Звегинцева. Он, будучи в то время заведующим кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, организовывал новую кафедру структурной и прикладной лингвистики, на заведование которой и собирался перейти. Ясно, что одноименность отделения и кафедры обеспечивала более высокий уровень власти – практически, подчинение отделения кафедре. Я предложил и отстаивал название "отделение теоретической и прикладной лингвистики", полагая, что никакой другой лингвистики и не бывает и что, таким образом,

формируемое отделение и будет по существу отделением просто лингвистики, сиречь языкознания. Как ни удивительно, мне удалось тогда победить (хотя моя победа и оказалась временной). Меня формально поддерживало решение ректорского совещания от 19 мая 1959 г.

И вот летом 1960 г. были проведены первые экзамены (в том числе по математике) и зачислены первые 9 студентов на Отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ). Газета "Правда" 28 августа 1960 г. в статье, посвященной новому пополнению вузов, приводила слова проректора МГУ по кадрам Кузьмы Иванова: "В нынешнем году в университете открываются новые специальности. На филологическом факультете будут готовиться специалисты в области машинного перевода литературы с иностранных языков. На экономическом факультете создано отделение математических методов в экономических расчетах". Не знаю как на факультете экономическом, но при приеме на новую специальность филологического факультета первоначально было объявлено об ограничении приема для женщин – что свидетельствовало о серьезном отношении властей (все же среди 9 зачисленных оказались 2 студентки). Газета "Московский университет" поместила в номере от 30 сентября 1960 г. статью "Отделение теоретической и прикладной лингвистики и его задачи", подписанную В.А.Звегинцевым, тогда еще заведующим кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания.

К девяти зачисленным с 1 сентября 1960 г. прибавилось еще четверо, отобранных экзаменом по математике из шести желающих перейти на 1-й курс ОТИПЛа с других курсов и специальностей филологического факультета (трое из этих четырех переходили на первый курс со второго курса, а один – даже с третьего!). Таким образом, на 1-м курсе оказалось 13 человек. Уместно упомянуть, что весной 1965 г. только пятеро из них оканчивало это же отделение: одна отстала, двое перешли на другие отделения того же факультета (в том числе Г.Анджапаридзе, нынешний директор издательства "Художественная литература"), пятеро были отчислены. Столь большой отсев объяснялся прежде всего наличием математических предметов. Если не по объему, то по уровню преподавание приближалось к мехматскому. Отвечал за математику я, кроме меня преподавали Ю.А.Шиханович и А.Д.Вентцель. Экзамены проходили очень жестко. Это резко выделяло ОТИПЛ из всего факультета – настолько резко, что студентов этого отделения, в отличие от студентов всех других отделений, не посылали на картошку (впоследствии, по мере постепенной деградации отделения, стали посылать). Не все поступившие были готовы к такому суровому обучению. Отмечу еще, что весь пятилетний курс математики, по шесть часов в неделю, прослушал А.Е.Кибрик, тогда работавший на кафедре классической филологии.

Математико-лингвистические специализации появились и в других университетах, а также в МГПИИЯ.

Впоследствии приказом по Министерству Высшего и среднего специального образования СССР № 213 от 30 мая 1962 г. при секции языкознания и секции математики, механики и астрономии Научно-технического совета Министерства была организована Координационная комиссия по математической лингвистике. Состав комиссии: А.А.Марков (председатель), В.Ю.Розенцвейг (зам.председателя), Ю.С.Мартемьянов (ученый секретарь), Н.Д.Андреев, Р.Л.Добрушин, Л.Р.Зиндер, В.В.Иванов, Л.А.Калужнин, А.Н.Колмогоров, П.С.Кузнецов, О.С.Кулагина, А.А.Ляпунов, И.И.Ревзин, В.А.Успенский, А.А.Холодович, И.М.Яглом. Фактически комиссией управлял В.Ю.Розенцвейг. Он руководил проводимым под эгидой комиссии отчетно-координационным совещанием по автоматическому переводу, проходившему в стенах МГПИИЯ 23-24 января 1963 г. Ему я докладывал письмом от 17 февраля 1963 г. о состоявшемся 25 января под моим председательством Совещании по преподаванию математики лингвистам. В совещании приняли участие математики, преподающие математику лингвистам в следующих вузах: в Московском университете – В.А.Успенский, Ю.А.Шиханович, А.Д.Вентцель; в Ленинградском университете – Г.С.Цейтин, С.Я.Фитиалов; в Киевском университете – Л.А.Калужнин; в Новосибирском университете – А.В.Гладкий; в Горьковском университете – М.М.Шульц; в Харьковском университете – Л.Я.Гиршфельд; в I МГПИИЯ – О.С.Кулагина, Г.В.Дорофеев, Е.С.Голод. Совещание приняло решение, которое начиналось так:

"1. Обучение лингвистов математике должно быть направлено на то, чтобы обучающиеся овладели:

- 1) точными методами исследования;
- 2) языком основных математических понятий;
- 3) минимумом математических сведений, необходимых для самостоятельного:
 - а) применения этих сведений к исследованию языка;
 - б) чтения литературы по математической лингвистике;
 - в) повышения своей математической квалификации".

В апреле 1962 г. была создана кафедра структурной и прикладной лингвистики. Ее заведующим стал В.А.Звегинцев, который легко добился переименования отделения. 1 сентября 1962 г. студенты пришли уже не на ОТИПЛ, а на ОСИПЛ – Отделение структурной и прикладной лингвистики. (Строго говоря, никакого отделения не было и нет, а была специальность "Структурная и прикладная лингвистика". Точно так же,

все говорили о романо-германском отделении, когда следовало бы говорить о специальности.)

Но дело, конечно, не в названии. Деградация отделения была пред-
решена отношением его руководителя В.А.Звегинцева к математике. Он
ее не любил и был уверен, что она "тянет циновку" (см. выше). В первые
годы было два вступительных экзамена по математике – устный и
письменный. Затем устный был отменен. Затем последовало резкое и
внезапное сокращение часов на математику. Уверен, что если бы Звегин-
цев вместо борьбы с математикой заключил с нею союз, это только
укрепило бы его позиции и помешало бы темным силам столкнуть его в
апреле 1982 г. с должности заведующего кафедрой структурной и
прикладной лингвистики. А в июле 1982 г. была ликвидирована и сама
кафедра, точнее, слита с кафедрой общего и сравнительно-исторического
языкознания, которой заведовал в ту пору профессор Ю.В.Рождествен-
ский; ему и было поручено заведовать объединенной кафедрой. Эта
кафедра получила название "кафедра общего, сравнительно-историче-
ского и прикладного языкознания". Первой акцией нового заведую-
щего было отстранение от преподавания лингвиста номер один совре-
менности, гениального А.А.Зализняка, до того в течение многих лет
числившегося профессором кафедры структурной и прикладной
лингвистики по совместительству (по основной работе – в Институте
славяноведения АН СССР). С сентября 1982 г. контракт с ним был
расторгнут. Думаю, что лето 1982 г. – слияние кафедр и отстранение
Зализняка – и следует считать фактическим концом Отделения структур-
ной и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ.
Выделение в 1988 г. (из объединенной кафедры) кафедры прикладного
языкознания (как видим, слово "структурный" утрачено безвозвратно)
не смогло излечить отделение от нанесенного ему в 1982 г. удара.

12. Заключение.

Так что, все усилия оказались тщетными? Может быть, да, а может
быть, и нет. Ведь мы не можем правильно оценить последствия наших
усилий, даже когда видим эти последствия своими глазами. Я с
благодарностью вспоминаю все, что было – в частности, потому, что мне
довелось встретиться со многими замечательными людьми, среди кото-
рых был и Виктор Юльевич Розенцвейг. Он работал не в Академии наук
и не в Университете, а в сравнительно скромном МГПИИЯ. Именно эта
позиция как бы в стороне от основных структур помещала его в центр
движения. С естественным для юбилейной статьи преувеличением
можно сказать, что он выполнял функцию, в некотором роде аналогич-

ную функции главы государства, а именно, функцию независимого арбитра и гаранта единства.

Март и август 1990 г.

П р и м е ч а н и я

- ¹ Имя М.В.Келдыша еще по меньшей мере раз встречается в истории машинного перевода. В 1960 или 1961 году Президент Академии наук академик А.Н.Несмеянов собрал в своем кабинете небольшое совещание с целью выяснить, что такое машинный перевод, нужен ли он, возможен ли он. Приглашены были и мы с В.Ю.Розенцвейгом. Келдыш, тогда вице-президент, сильно запаздывал. Несмеянов спросил: "А где же Мстислав Всеволодович?" В.Ю.Розенцвейг, для которого не могло быть других Всеволодовичей, кроме Иванова, и имея его в виду, ответствовал: "Он в командировке". Помню, как Несмеянов с беспокойством звонил в ОПМ, выехал ли Келдыш с Миусской площади. Наконец, Келдыш приехал, и, послушав происходящее, сказал несколько брезгливо: "Ну что ж, Александр Николаевич, я готов лично разобраться в этом деле и потратить на это полный свой день. Для этого мне надо как-нибудь не приехать на это Ваше заседание Президиума, все равно ведь там будет какая-нибудь чепуха". Мне неизвестно, чтобы Келдыш когда-либо тратил свой день на машинный перевод. В 1961 г. Несмеянов был смещен, Келдыш стал Президентом и уже сам стал проводить заседания Президиума АН СССР.
- ² Этот день я считаю началом "серебряного века".
- ³ О втором МГПИИЯ автору ничего не известно.
- ⁴ В 60-х годах выпускались "Предварительные публикации" сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР; так печатались Л.Н.Иорданская, И.А.Мельчук, Р.М.Фрумкина; однако в конце концов Институт языкознания отказался издавать эти выпуски.
- ⁵ Этот замечательный доклад, открывший собою конференцию, был опубликован в кратком изложении [Стеблин-Каменский 1958].
- ⁶ Читатель не должен путать его с ленинградским лингвистом Николаем Дмитриевичем Андреевым, каковой и имеется в виду при всех других упоминаниях фамилии *Андреев* в данном тексте.

- 7 И семинар по математической лингвистике в МГУ, и Объединение по машинному переводу в МГПИИЯ собирали на свои заседания ограниченный контингент участников.
- 8 Оно происходило в каком-то клубе или доме культуры на этой улице. Странность названия этой улицы, видимо, в том, что в 1939 г. никто не готов был взять на себя ответственность за выбор между формами 'улица Грицевца' или 'улица Грицевца'. Это лишний раз показывает, сколь противоречит духу русского языка сам топоним 'улица (переулок, площадь и пр.) такого-то' (а не 'такая-то улица (переулок, площадь)'). Интересно бы получить ответ, когда впервые появился этот безграмотный родительный падеж после слов *улица, переулок, площадь* и т. д.
- 9 Последующие председатели Научного совета по кибернетике – академики Б.Н.Петров, О.М.Белоцерковский, А.П.Ершов, Е.П.Велихов.
- 10 Зинаиде Васильевне – 19 лет.
- 11 Надо сказать, что Берг был страстным противником пьянства. Временами его охватывало подозрение, что сотрудники Академии наук выпивают в рабочее или предрабочее время. Рассказывали следующую историю, отчасти даже трогательную. В те годы уличные будки, из которых кружками продавали пиво, еще составляли заметную часть московского пейзажа, и с утра около них толпились любители. Один из таких пивных ларьков действовал в районе улицы Вавилова, где находился и находится ряд академических институтов, в том числе и Совет по кибернетике. Бергу, проезжавшему мимо этого ларька, померещились в его дующих на пену завсегдатаях научные сотрудники. Он выскочил из машины и ураганом налетел на мирно пришедшую опохмелиться толпу. Он стал хватать за рукав одного, другого, требовательно задавая один и тот же вопрос: "Вы из какого института?" Можно предположить, что сочетание этого дикого, с точки зрения спрашиваемых, вопроса, длинного черного лимузина и черной же непривычной шинели с тремя звездами на погонах произвело на выпивох ошеломляющее впечатление, и они разбежались.
- 12 Сохранились воспоминания и о других аспектах этого выступления А.И.Берга [Иванов, 1988, с.180-181].
- 13 Эта цитата – из моего посвященного В.Ю.Розенцвейгу стихотворения, написанного по свежим следам указанного заседания. Приведу его начало: "Когда, всклокочив рыжий волос, вскричит неистовый

Мельчук; когда его взорвется голос как эпатазирующий звук; когда, негодованья полн, десницу занесет Федот [Филин], – кто по грядам враждебных волн умело масло разольет? [...] Владеет кто, хотел бы знать я, искусством мудрой дипломатки?" Ответ был очевиден: В.Ю.Розенцвейг.

Впрочем, следует признать, что Ф.Филин, как никто, умел создать у своего собеседника или противника комфортную иллюзию успеха – на самом же деле переиграть этого умнейшего злодея было невозможно. Помнится, в начале семидесятых годов В.Ю.Розенцвейг и я посетили Филина в его директорском кабинете в Институте русского языка с целью организовать докторскую защиту Ю.Д.Апресяна, в то время сотрудника названного Института и уже выдвинувшегося на одно из первых мест в отечественной лингвистике. Филин был само радушие. Для пользы дела он предложил повысить компетентность ученого совета Института, добавив в этот совет на одно, посвященное защите заседание авторитетных математиков и кибернетиков. Мы ушли почти окрыленные, недооценив театральных (и актерских, и режиссерских) талантов Филина. Весною 1972 г. Апресян не прошел аттестацию на занимаемую им должность младшего (sic!) научного сотрудника и должен был из Института уйти. Разумеется, во время нашей беседы Филин уже имел готовый план развития событий. Зловещая роль Федота Филина в истории советского языкознания еще ждет своего летописца. В нем было что-то дьявольское. Он и умер, как подобает злему колдуну, в день похорон Р.И.Аванесова, с которым он тайно, но упорно боролся, – весть о смерти Филина поступила на моих глазах к распорядителям похорон на Армянском кладбище Москвы. Филин умер, но дело его живет: совсем недавно Ю.Д.Апресян, уже не только выдающийся лингвист (эту истину к делу не подошьешь) и даже не только доктор наук (что, хотя и менее значимо, но может быть подшито), но и состоящий в должности главного научного сотрудника (а это высшая научная должность в СССР) – то есть, казалось бы, *persona grata* – был отвергнут филологическими властями ВАКа в качестве предполагаемого члена специализированного совета, наделенного полномочиями присуждать ученую степень доктора филологических наук по специальности *теоретические основы информатики*. И даже вмешательство академиков от информатики не помогло. Сообщаю это для истории. Я не вижу в нашей стране человека, более компетентного в лингвистических аспектах информатики или же информатических аспектах лингвистики, чем Ю.Д.Апресян.

- 14 Сигналом этого конца было изгнание И.А.Мельчука из Института языкознания в марте 1976 г. Какие бы то ни было ссылки на его работы сделались запрещенными – особенно после его эмиграции в Канаду в мае 1977 г. Запрет на упоминание имени Мельчука в печати делал невозможным использование его идей в научных публикациях. Тем самым по существу было закрыто (или, по крайней мере, серьезно

подорвано) перспективное научное направление, связанное с соотношением языка и действительности. (Заметим, что именно это направление в 50-60-е годы обвинялось в позитивизме и других идеалистических измах – ср. положение в генетике, где в идеализме обвинялись именно те, кто признавал ген как материальный носитель наследственности).

- 15 С 1964 г., согласно ПВБ, с.180; однако на той же странице указано, что председателем секции одно время была О.С.Кулагина, чего я не помню, а О.С.Кулагина отрицает. Что я помню точно, так это то, что в 1980 г. В.Ю.Розенцвейга сменил А.П.Ершов, а В.Ю. сделался его заместителем.
- 16 Так, некий влиятельный в те времена профессор Г.П.Сердюченко писал в своих замечаниях по поводу симпозиума по семиотике "Хорошо известно и неоспоримо, что общая теория языкознания может с успехом разрабатываться на основе марксистско-ленинской методологии. [...] Отечественные структуралисты в качестве "методологов науки" называют в своих работах Р.Карнапа, К.Хемпла, А.Папа и других представителей современных субъективно-идеалистических направлений неопозитивизма, неокантианства и подобных течений".
- 17 Доклад Л.Ф.Ильичева обсуждался на расширенном заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г.
- 18 Опечатка. Надо "З".
- 19 Тогда не получилось. С 1983 г., как известно, существует Институт проблем кибернетики АН СССР во главе с В.А.Мельниковым (а еще раньше, в 1962 г., был создан Институт кибернетики АН УССР во главе с В.М.Глушковым).
- 20 При утверждении новой структуры Института языкознания в связи с выделением из него Института русского языка.
- 21 Место работы не указано; по-видимому, он работал в то время в Артиллерийской Академии.
- 22 Хотелось бы подчеркнуть, что речь шла именно о лингвистических отделениях, а не об отделениях структурной и математической лингвистики.
- 23 По состоянию на 18.04.1964 Ломтев был заместителем декана.

Л и т е р а т у р а

- Андреев Н.Д. 1960. "Совещание по математической лингвистике", *Вопросы языкознания*, 1960, № 1, с.131-137.
- Ахманова О.С., И.А.Мельчук, Е.В.Падучева, Р.М.Фрумкина. 1961. *О точных методах исследования языка*. М.: МГУ.
- Гутенмахер Л.И. 1957. "Электрическое моделирование некоторых процессов умственного труда", *Вестник АН СССР*, 1957, № 10, с.88-95.
- Зиновьев А.А. 1959. "О математической лингвистике", *Вопросы философии*, 1959, № 9, с.132-140.
- Иванов В.В. 1958. "Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины", *Материалы по машинному переводу*. Сб.1. Л.: Изд-во ЛГУ, с.10-39.
- Иванов В.В. 1958а. "Комитет по прикладной лингвистике", *Вопросы языкознания*, 1958, № 3, с.136-137.
- Иванов В.В. 1961. "Памяти И.А.Соколянского", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып.5. М.: МГПИИЯ, с.90-92.
- Иванов В.В. 1988. "Академик А.И.Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР", [ПВБ], с.164-186.
- Кулагина О.С. 1989. "Машинный перевод: современное состояние", *Семиотика и информатика. Сб. научных статей*. Вып. 29. М.: ВИНТИ, с.5-33.
- Ломковская М.В. 1959. "I Всесоюзное совещание по математической лингвистике", *Успехи математических наук*, 1959, т. 14, вып. 6, с.213-222.
- [МП] 1958: *Машинный перевод: Сборник статей по машинному переводу*. М.
- [НТСК] 1958: "Научно-техническое совещание по кибернетике", *Проблемы кибернетики*. Под ред. А.А.Ляпунова. Вып. 1. М.:Физматгиз.
- Панов Д.Ю. 1958. *Автоматический перевод*. Изд. 2-е. М.:Изд-во АН СССР. [1-е изд. - 1956 г.]
- [ПВБ]1988: *Путь в большую науку: академик Аксель Берг*. М.: Наука.

- Розенцвейг В.Ю. 1959. "Итоги работы теоретической секции", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 1. М., с.27-30.
- Стеблин-Каменский М.И. 1958. "Значение машинного перевода для языкознания", *Материалы по машинному переводу*. Сб.1. Л.: Изд-во ЛГУ, с.3-9.
- Успенский В.А. 1958. "Совещание по статистике речи", *Вопросы языкознания*, 1958, № 1, с.170-173.
- Успенский В.А. 1959. "К проблеме построения машинного языка для информационной машины", *Проблемы кибернетики*. Под ред. А.А. Ляпунова. Вып. 2. М.: Физматгиз, с.39-50.
- Успенский В.А. 1959а. "Итоги работы секции алгоритмов машинного перевода", *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 1. М., с.31-62.
- Успенский В.А. 1960. "Логико-математические проблемы создания машинного языка для информационной машины", *Сообщения лаборатории электро моделирования*. Вып. 1. М.: Ин-т научной информации, с.3-28.
- Macdonald N. 1954. "Language translation by machine - a report of the first successful trial", *Computers and automation*, 1954, v.3, № 2, p.6-10.

Е. Эткинд

О ПЕРЕВОДЕ В КВАДРАТЕ

Лет пять назад западно-германское издательство "Neue Kritik" (иногда я помогал ему консультациями) прислало мне сборник песен Владимира Высоцкого; он был на двух языках – слева русский оригинал, справа немецкий перевод – под заглавием "Wolfsjagd" – так называется одна из известнейших песен Высоцкого. Издательство просило сообщить мнение о переводах; да мне и самому было интересно поглядеть, как по-немецки выглядят трудные для воссоздания на другом языке, насыщенные современным городским жаргоном тексты. Ну, может ли переводчик совладать с таким призывом:

– Что ж, шофер, давай, крути-верти свою баранку ...

А как передать иностранцу высказывания больного, которого положили в больницу, и он заявляет: "Мне приятель – Склифософский, / Основатель института, / Или вот товарищ Боткин – / Он желтуху изобрел"? Когда ему угрожают объявить психом и упрятать "в желтый дом", он размышляет: "Правда, в этом доме сонном / Нет дурного ничего – / Хочешь – можешь стать Буденным, / Хочешь – лошадью его." Пересадить из оригинала в немецкий язык эти имена собственные ничего не стоит, но что они говорят немецкому уху? "Du kannst hier Budjonnyj werden /und, wenn du willst, eins seiner Pferde", – уныло сообщает переводчик. Такие стихи Высоцкого – наглядное подтверждение того, что не все переводимо.

Это, однако, присказка. Сказка впереди.

Листая книжку, дохожу до песенки, озаглавленной:

Власть исходит от народа

В названии почудилось что-то знакомое. Странно ли это? Многие песни Высоцкого у нас на слуху. Но первая строфа насторожила еще больше:

Власть исходит от народа,
Но куда она приходит?
И откуда происходит?
До чего ж она доходит?

Вдруг осеняет: Да ведь это стихотворение Бертольта Брехта! Листаю однотомник русского Брехта в серии "Библиотека Всемирной литературы" (1972) и обнаруживаю искомое четверостишие – это начало стихотворения из цикла "Три параграфа Веймарской Консти-

туции". "Власть исходит от народа" – это первый параграф. Поглядев в оглавление, вдруг понимаю: так вот почему русский текст, приписанный Высоцкому, меня поразил! В оглавлении значится:

Три параграфа Веймарской Конституции.

Первод Е. Эткинда.

Выходит, песня, приписанная Высоцкому, сочинена мною. Вернее, переведена мною из Брехта.

А в издании, о котором идет речь, мой перевод с немецкого переведен на немецкий – Мартином Ремане. Итак, перед нами – два немецких текста, отдаленно родственных друг другу: оригинал Брехта и перевод Ремане с перевода Эткинда. Начнем с того, что сопоставим первую строфу, уже приведенную выше (в моем переводе):

Bertolt Brecht

Die Staatsgewalt geht vom Volke aus.

– Aber wo geht sie hin?

Ja, wo geht sie wohl hin?

Irgendwo geht sie doch hin!

Der Polizist geht aus dem Haus.

– Aber wo geht er hin?

usw.

Martin Remané

Alle Macht geht aus vom Volke.

Ja? Doch woher kam sie? Leute,

sagt mir: Fiel sie aus den Wolken?

Und wohin? Wer hat sie heute?

Стихотворение Брехта – каламбурная разработка юридической формулы, ставшей началом конституции Веймарской республики. Формула гласит: "Die Staatsgewalt geht vom Volke aus." Брехт использует многосмысленность глагола *ausgehen*: *исходить* – (напр., *der Befehl ging am Montag aus* – приказ был отдан в понедельник) и *выходить* (*er ging aus dem Haus* – он вышел из дому). Поэтому он строит первую строфу на ряде абсурдных вопросов, возникающих у нас, когда мы *ausgehen* поймем не в первом, а во втором значении: – Aber wo geht sie hin? ... и т.д. Потом нам предлагается как бы аналогичная фраза – в ней, однако *ausgehen* действительно в смысле *выходить*: "Der Polizist geht aus dem Haus ...". Перевести эту каламбурную игру на русский трудно – я попытался сыграть на разнообразии русских форм *исходить*, *приходить*, *происходить*, *доходить*, и такая игра дает отдаленно похожий результат; тем более, что следует продолжение строфы:

Полицейский выходит из дома.

– Но куда же он приходит?

и т.д.

Немецкий эффект построен на том, что четырежды повторен один и тот же глагол: *hingehen* (... wo geht sie hin? ... wo geht er hin?). Русский

эффект – на приеме противоположном: глаголы похожие, но разные. Решение не совершенное, однако, решение.

У Ремане все это исчезло – он придумал другой смысл, извлеченный не столько из данного текста, сколько из общего представления о Высоцком. В русском переводе с немецкого перевода, сделанного с русского перевода, новый текст выглядит так:

Вся власть исходит от народа.

В самом деле? Но откуда она взялась? Люди,

Скажите мне, она с неба упала, что ли?

И куда? Кому она сегодня принадлежит?

(Если перевести строфу Ремане стихами, она может послужить новым оригиналом – такую цепочку можно растянуть до бесконечности).

Главное, чего не знал и о чем не догадался (увы!) Мартин Ремане, это, что первый стих – не строка стихотворения, а параграф конституции (в Брехтовском оригинале он даже набран курсивом). Не разобравшись в начальном куплете, он и дальше пошел по ложному пути.

Теперь обратимся к стихотворению Б.Брехта и посмотрим, как оно развивается. В нем пять куплетов; второй:

Seht, jetzt marschierst das große Trumm.

– Aber wo marschierst es hin?

Ja, wo marschierst es wohl hin?

Irgendwo marschierst es doch hin!

Jetzt schwenkt es um das Haus herum.

– Aber wo schwenkt es hin?

usw.

В центре – арготическое слово *Trumm*, означающее нечто вроде *машины*. Брехт использует его неясность и, конечно, средний род, придающий ему еще более комически-пугающую загадочность (*es* повторено пять раз!). *Das große Trumm* – это и сюжетное развитие упомянутого выше полицейского (он был один, потом превратился в целый отряд). В переводе арготическое *Trumm* уступило место нейтральному “отряд”, но сохранены повторы, объединяющие вторую строфу с первой:

Вон отряд шагает важный.

– А куда же он шагает?

Да, куда же он шагает?

Ведь куда-то он шагает!

Дом обходит трехэтажный ...

– Но куда же он шагает? –

и т.д.

В сборнике Высоцкого этой строфы просто нет; она выпала. Вероятно, Высоцкий пел эту песню (может быть, в спектакле "Добрый человек из Сезуана"?) и выбрал для исполнения только то, что ему было нужно. У Брехта же разворачивается каламбур, созданный на основе двузначности глагола *ausgehen*; теперь в центре не глагол, а существительное *Staatsgewalt* – "государственная власть", которая, как мы видели, "исходит (или – выходит) от народа":

*Die Staatsgewalt macht plötzlich halt.
Da sieht sie etwas stehn.
– Was sieht sie denn da stehn?
Da sieht sie etwas stehn.
Und plötzlich schreit die Staatsgewalt,
Sie schreit: "Außenandergehn!"
– Warum außenandergehn?
Sie schreit: Außenandergehn!*

Здесь два непереводаемых элемента. Первый – слово *Gewalt*, в котором соединены значения: *власть* и *насилие* (напр., *Gewalt ausüben* – применить насилие, и даже глагол *vergewaltigen* – изнасиловать); таким образом, юридический термин *Staatsgewalt*, "государственная власть", приобретает иной смысл – его можно прочесть как "государственное насилие". Второй элемент – персонификация отвлеченного *Staatsgewalt*, которое – прежде всего благодаря артиклю – становится фантастическим персонажем. По-русски – иначе; переводчик решил извлечь комизм из множественного числа – "власти" (тем более, что это позволяет сыграть на внутренней рифме первой строки):

*Эти власти – вот напасти –
Вдруг застыли на дороге.
– Это что там на дороге?
Что-то есть там на дороге!
– Живо уносите ноги!
– Разойтись? Уйти с дороги?
Почему ж уйти с дороги?*

Дальше речь Брехта усложняется: "государственной власти" противостоит не что неназываемое – столь же фантастический "коллективный персонаж", как первый:

*Da steht so etwas zusammengeballt
Und etwas fragt: Warum?
Warum fragt es denn: Warum?
Da fragt so was: Warum?
Da schießt natürlich die Staatsgewalt
Und da fällt so etwas um.*

Was fällt denn da so um?

Warum fällt es denn gleich um?

Этот новый персонаж называется *so etwas, etwas, es, so was*, опять *so etwas*, опять *es* (ничто). Позднее окажется, что это – народ; здесь, однако, речь ведется как бы от имени ничего не понимающей, просто глупой Staatsgewalt. В этой строфе Брехт-драматург выступает отчетливо. В каждой строке – новая интонация. Повествовательная – *etwas fragt: Warum?* Наивная – *Warum fragt es denn: Warum?* Презрительная: *Da fragt so was: Warum?* (Что-то вроде “Всякая шваль еще спрашивает! ...”) Иронически-наивно-удивленная: – *Was fällt denn da so um? ...* Все это по-русски передать трудно, – особенно потому, что нет слова Gewalt. В переводе строфа ослаблена, из нее ушло интонационное многообразие Брехта:

Что за митинг? Живо! Слазьте!
 Кто-то спрашивает что-то?
 Задаёт вопросы кто-то?
 Почему-то, отчего-то!
 Дали тут, конечно власти
 Очередь из пулемета.
 И тогда свалился кто-то,
 Как-то сразу отчего-то
 Повалился наземь кто-то.

И все же переводчик стремился воспроизвести именно *разные голоса* – пусть в упрощенной форме; чередуются интонации: угрожающего вопроса, резкого приказа, презрительной угрозы, начальственной иронии, наивной повествовательности. В исполнении Высоцкого вся строфа сохранилась неизменной, только в первый стих вкрались изменения; вместо “Что за митинг?” – “Что томитесь?” и далее – одно предложение: “Живо слазьте!” Оба изменения свидетельствуют о том, что текст записан с записи, со слуха – только так “митинг” мог превратиться в бессмысленное “томитесь”.

В переводе на немецкий получается:

Machtinhaber, ihr da oben!
 Nicht gleich brüllen, nicht gleich toben,
 nicht gleich wild dazwischen schlagen!
 Darf man denn nicht einmal fragen?
 Schnauze halten, ihr Halunken!
 Straße frei! Dawai! Wir schießen!
 Schon ist einer hingesenken.
 Doch warum? Sie wollen nichts wissen!
 Schießen, schießen, weil sie müssen.

Опять же Мартин Романе передает в большей степени свое представление вообще о Высоцком, нежели конкретный текст. Как видим, он все дальше уходит от Брехтова оригинала; вся игра интонаций и повторов, которую русский переводчик силился воспроизвести, пропала; ее заменили окрики, перебранка, странные вопросы. Иногда решения Романе изумляют: почему первые четыре стиха он воспринял как обращение народа к начальству? почему второе четырехстишие – ответ начальства народу? откуда немец взял русское обращение “давай” – не вводит ли оно новую тему: начальство – не советские ли оккупационные власти?

У Брехта последняя, пятая, строфа развивает предшествующую игру: каламбурную двусмысленность слова *Staatsgewalt*, трагический комизм вопросительных или утвердительных словечек *was* (в смысле *etwas*), *irgendwas* (то же: *irgendetwas*), *etwas*, чередование интонаций – повествовательной, восклицательной, простодушно-удивленной, вопрошающей и, наконец, серьезного, почти торжественного авторского ответа:

Die Staatsgewalt sieht: da liegt was im Kot.
 Irgendetwas liegt im Kot!
 Was liegt denn da im Kot?
 Irgendetwas liegt doch im Kot.
 Da liegt etwas, das ist mausetot.
 Aber das ist ja das Volk!
 Ist denn das wirklich das Volk?
 Ja, das ist wirklich das Volk.

Характерно для Брехта, что строфа построена на повторениях односложного *Kot* (грязь – 4 раза), рифмующего с фамильярным, убийственно-драматическим *mausetot* (мертвехонький), или другого односложного *Volk* (народ – 3 раза), объединенного с *Kot* гласным *O* (правда, в первом случае оно закрытое, во втором открытое). В русском переводе строфа звучит так:

Власти ходят по дороге.
 – Кто лежит там на дороге?
 Кто-то протянул тут ноги,
 Труп какой-то на дороге.
 Э, да ведь это народ!
 Как, в самом деле народ?
 Да, в самом деле народ.

Не передано повторение – *Kot*. Однако, важнейшее сохранено – интонационное многообразие, движение от нелепых вопросов и

догадок, содержащих *кто, кто-то, какой-то, э...*, к серьезным заключительным строкам – вопросу и ответу.

В песне Высоцкого текст кончается на стихе "Э, да ведь это народ". (Последние две строки не поются – они, естественно, выпали); в остальном он в точности повторяет перевод из Брехта. Однако, тут уже Мартин Ремане ушел на такое расстояние, что первоисточник узнать нельзя совсем, он теряется в тумане:

Ist der blutige Spuk zerstoben.
 Inspizieren schwarze Roben
 das Gelände ... seht nur einen
 Leichnam, von dem manche meinen,
 daß von ihm die Macht ausgeht.

Эти строки необходимо перевести, чтобы отдать себе отчет в том, как они непохожи на Брехта: "Когда кровавое наваждение окончилось, /Черные робы (халаты? сутаны? мундиры?) производят инспекцию /Территории ... Поглядите-ка на этот /Труп, о котором некоторые полагают, /Что от него исходит власть."

Кое-что М. Ремане добавил в угоду рифме: zerstoben вызвало загадочное Roben, meinen (полагают) повлекло за собой ненужное einen. Дело, однако, не в этих неловкостях, а в решительном расхождении текстов.

Мы рассказали редкий, почти уникальный случай обратного движения: "возвращения" текста в исходный язык. Широко известны некоторые комические примеры: так, К.И. Чуковский прославил чей-то пере-перевод "Полтавы": "Был Кочубей богат и горд. /Его поля обширны были, /И очень много конских морд, /Мехов, сатина первый сорт /Его потребностям служили." Скорее всего Чуковский этот пример придумал, как придумал свой пример автор этих строк, цитирующий мнимый пере-перевод: "У моря висится осина, /На ней серебряная цепь, /И дрессированная псина /Все норовит умчаться в степь." Все это шутки. В случае Высоцкий – Ремане мы сталкиваемся не с шуткой, а со стихотворным переводом неузнанного произведения, со своеобразным невольным экспериментом. Из него следуют некоторые – вполне серьезные – выводы.

Поэтический перевод рождается в результате компромисса: некоторые элементы текста могут быть перевыражены на другом языке и сохранены ценой утраты других элементов или их преобразования. Поэт-переводчик не может не знать, какие элементы какого обращения требуют. Переводя Брехта на русский, переводчик старался воспроизвести, главным образом, смыслоносные повторы; цепь намеренно-

наивных, даже дурацких вопросов; соединение разных интонаций – сохраняя в неприкосновенности вполне очевидный сюжет стихотворения, который, хоть и построен на исходном каламбуре (глагол *ausgehen*), но приобретает характер повествования, приближающего стихотворение к балладе. Мартин Ремане, пере-переводя стихотворение (точнее: часть его), не знал сюжета (опирающегося на Веймарскую конституцию) и, не сумев восстановить его, придумал свой – совсем другой. Не поняв сюжета, он не смог понять и стиль стихотворения; здесь он тоже создал совсем новое образование – некий вольный вариант. Отступления от буквы оригинала в стихотворном переводе могут при особых обстоятельствах приобрести карикатурный характер.

Перевод поэтического произведения требует концепции: переводчик не может воссоздать стихотворение на другом языке, не поняв его так или иначе. Иногда понимание очень уж субъективно: бывает, что поэт-переводчик прочитает пародийное стихотворение как драматическое, или наоборот; это, однако, случай редкий. Данный пример говорит о том, что у переводчика Брехта была концепция, опиравшаяся на знание широкого контекста его творчества (он написал книгу о Брехте, 1971); у пере-переводчика тоже была концепция – он опирался на знание Высоцкого, и это знание он внес в свой (нео)-немецкий текст. Однако, поскольку Высоцкий это стихотворение только исполнял как певец (да и то – фрагмент) и не имел к нему касательства как автор, внесение в текст “высоцких” добавлений оказалось вредным.

J.-C. Gardin

**LINGUISTIQUE ET COMPÉHENSION DES ÉNONCÉS EN
INFORMATION SCIENTIFIQUE ET DANS LES SCIENCES DE
L'HOMME: UN SURVOL FRANCO-SOVIÉTIQUE DE 30 ANS
(1960-1990)**

La linguistique n'est pas mon métier; aussi pourrait-on s'étonner que les initiateurs de ce volume m'aient invité à y contribuer et plus encore que j'ai accepté leur offre. L'amitié que je porte à Viktor Julevich Rosenzweig depuis trente ans est une raison; une autre est que nous avons eu l'un avec l'autre, dès nos premières rencontres, de longues conversations sur des sujets qui nous intéressent toujours aujourd'hui, touchant les apports de la linguistique à ce qu'on appelait en ces temps-là le traitement automatique de l'information scientifique, en particulier dans les sciences humaines. L'occasion m'a paru bonne de confronter nos positions d'alors avec l'état présent des travaux qui relèvent du même domaine, sous d'autres noms.

Il me faut d'abord retracer le chemin qui me conduisit à V. Ju. Rosenzweig, en 1960. Mes premiers travaux d'archéologie, au début des années 50, m'avaient donné l'idée qu'il pouvait être utile de faire appel aux méthodes de la mécanographie - le terme "informatique" n'était pas encore né - pour faciliter les recherches comparatives qui tiennent une si grande place dans les disciplines d'érudition. Le C.N.R.S. avait accepté de financer ce que l'on appellerait aujourd'hui une étude de faisabilité, destinée à montrer sur pièces l'intérêt de ces méthodes en archéologie. Nous avons constitué à cette fin plusieurs fichiers de démonstration relatifs à différentes catégories de matériaux - objets, monuments figurés, textes. S'agissant des textes, le corpus utilisé pour la première expérience se composait de documents d'archives datant des 3e et 2e millénaires av. J.-C. recueillis dans les fouilles du Proche-Orient. Ce sont là des sources d'information irremplaçables sur les sociétés anciennes, que les historiens et les archéologues interrogent constamment sur toute espèce de sujets - événements, institutions, affaires économiques et politiques, etc. Le projet de M. René Labat, Professeur d'assyriologie au Collège de France, était de constituer un fichier sur cartes perforées où seraient enregistrées des expressions codées du contenu de ces textes, selon le principe de la mécanographie. La difficulté résidait bien évidemment dans la définition du système de représentation: le lexique des descripteurs ou concepts primitifs, leur organisation sémantique, les procédés d'enchaînement syntaxiques. L'élaboration du "code" ne se réduisait donc pas à une affaire de notation, contrairement à ce que l'usage de ce terme pouvait suggérer.

Le "Code pour l'analyse des textes orientaux" dont R. Labat voulut bien me confier la conception, en 1958, fut ainsi ma première rencontre avec les problèmes de formalisation liés à l'analyse de documents écrits (Salomé 1978). Nous désignons sous le nom d'analyse documentaire à la fois le processus et le produit d'une reformulation des textes (ou autres documents: objets, images, etc.) destinés au "traitement automatique" dans les perspectives de la recherche rétrospective d'information. Les travaux du Centre d'Analyse Documentaire pour l'Archéologie, créé par le C.N.R.S. en 1958, débordèrent vite les cadres de cette discipline: nous étions bientôt devenus aux yeux d'autrui, par la force ou la faiblesse des choses, "experts" en traitement automatique de l'information scientifique, apparemment sans restriction quant aux domaines d'application.

C'est à ce titre que je fus invité en 1960 à une table ronde organisée à Moscou par le VINITI (l'Institut Fédéral d'Information Scientifique et Technique en URSS), avec le concours de l'Unesco, sur les problèmes linguistiques du traitement de l'information scientifique. Je découvrais alors que nos interlocuteurs soviétiques abordaient le sujet dans des termes qui ressemblaient singulièrement aux nôtres, à l'inverse de ce que j'avais observé les années précédentes au cours de rencontres analogues aux Etats-Unis. La plupart d'entre eux se déclaraient dans la mouvance d'un certain V. Ju. Rosenzweig, professeur à l'Institut Maurice Thorez, qu'ils m'incitaient à rencontrer. Bien m'en prit: je fus aussitôt conquis par ce qu'il me faut bien appeler le personnage, au-delà du linguiste, par quoi j'entends un ensemble de qualités intellectuelles et sensibles rarement réunies ailleurs que dans les êtres de fiction.

Je dois hélas m'en tenir ici à la part intellectuelle des choses: d'où venait donc cette communauté d'esprit entre nos équipes respectives, ou nos personnes ? Je la réduirais volontiers à quatre traits, que je décrirais rétrospectivement comme suit:

(a) une vision sans doute trop large de notre domaine de recherche - l'analyse formelle de la signification - qui entraînait aux frontières un certain flou, artistique pour les uns, philosophique pour d'autres, dont nous nous accommodions dans l'ensemble assez bien;

(b) un scepticisme avoué à l'égard des approches statistiques du sujet, dont la popularité commençait à gagner l'Europe, après les Etats-Unis, mais qui nous paraissaient éluder les questions de fond relatives à la compréhension des énoncés;

(c) s'agissant des approches linguistiques, à nos yeux plus prometteuses, une tendance à garder la tête froide face à la montée des méthodes génératives-transformationnelles auxquelles la plupart des linguistes "appliqués" semblaient alors acquis;

(d) enfin, quant à la place de la machine dans nos affaires, une propension commune à l'envisager dans le sens formel, avec ou sans référence à Turing, et

sans qu'il fût toujours nécessaire de la concrétiser par une application sur ordinateur.

Curieusement, en résumant dans ces termes mes affinités professionnelles d'antan avec V. Ju. Rosenzweig et ses disciples - pour ne parler que de celles-là - je m'aperçois que, pour ainsi dire, rien n'a changé: l'analyse formelle de la signification est aujourd'hui encore le lieu de débats où se manifestent le même contraste entre deux façons d'aborder le sujet, plus complémentaires que franchement opposées, sur chacun des quatre plans précédents. C'est ce que je voudrais ici montrer.

1. Les années 60

Voyons d'abord plus précisément ce que recouvrent les quatre traits ci-dessus:

(A) J'ai rappelé plus haut comment, parti de l'archéologie et des bénéfices qu'elle pouvait tirer de l'informatique, j'en étais arrivé à passer pour expert ès-traitement automatique de l'information scientifique en tous genres, au moins dans les domaines dont la littérature spécialisée m'était accessible - c'est-à-dire, essentiellement, les sciences de l'homme. Le résultat fut une accumulation de travaux collectifs d'allure assez hétéroclite entrepris sous ma direction, tout au long des années 60. Certains relevaient encore de l'analyse documentaire telle que nous l'avions conçue en archéologie, à savoir une extraction de traits tenus pour (plus) distinctifs ou significatifs (que d'autres), dans un corpus de documents donnés (objets, images, textes), pour les recherches que ceux-ci pourraient être appelés ultérieurement à nourrir. La représentation du contenu des textes scientifiques était à l'évidence une variante du genre, dans le contexte des recherches bibliographiques automatisées dont nous débattions alors au VINITI et à l'Institut Maurice Thorez, il y a trente ans. Il n'était donc pas déraisonnable que nous "traitions" à peu près dans les mêmes termes les tablettes cunéiformes des Archives Royales de Mari-sur-Euphrate et les résumés bibliographiques du *Bulletin Signalétique* de Paris-sur-Seine. C'est aussi ce que faisaient à la même époque, *mutatis mutandis*, les disciples de V. Ju. Rosenzweig à Moscou: les uns travaillaient en liaison avec les bibliographes du VINITI ou les lexicographes du Ministère de l'Industrie, tandis que d'autres restaient attachés à des projets d'analyse documentaire plus étroitement anthropologiques - par exemple, en URSS, l'étude de la structure des contes somalis (travaux de A.K. Zholkovskij), par des voies assez semblables à celles que je proposais à la même époque pour l'analyse des récits mythologiques recueillis en Amérique du Nord auprès des Indiens Zuni (Lévi-Strauss 1984: 15), etc. Les destinataires de l'entreprise, dans ce cas, ne sont plus les "usagers" futurs d'un système d'information scientifique

comme précédemment ; ce sont les auteurs mêmes de l'analyse, résolus à trouver en elle la matière de théories qui la justifient.

Les deux catégories de projets co-existaient pareillement à Moscou dans l'entourage de V. Ju. Rosenzweig; l'analyse documentaire s'appelait là plutôt analyse sémantique, mais on en trouvait des applications aussi bien dans la revue *Nauchno-tekhnicheskaja informacija* du VINITI que dans des revues de littérature ou d'anthropologie. Comme toute convergence, celle-ci nous rapprocha; il n'en fallut pas moins nous résoudre par la suite à séparer les deux voies, celle de la recherche documentaire et celle de la recherche scientifique, en attendant le jour lointain où nous serions capables, intelligence artificielle aidant, d'établir entre l'une et l'autre des ponts carrossables au lieu de nos projets de passerelles (*infra* paragraphe 2).

(B) L'apparition de l'ordinateur devait favoriser le progrès des méthodes quantitatives dans nos affaires, par une pente assez naturelle: le propre d'un calculateur étant de calculer, et le calcul le plus aisément formulable étant le calcul numérique, il semblait raisonnable d'orienter dans ce sens les applications de l'informatique à l'analyse du sens, à des fins pratiques (information scientifique) ou théoriques (recherche scientifique). Les projets de cet ordre, au début des années 60, ne manquaient pas: qu'on se rappelle par exemple les expériences de H.-P. Luhn en matière de résumé automatique, pour la documentation, ou encore les multiples essais de l'analyse textuelle par des voies statistiques dans les sciences de l'homme (anthropologie, littérature, narratologie, etc.). Les limites de ces méthodes ne m'apparaissaient pas alors aussi fortement qu'aujourd'hui, en particulier dans les programmes de recherche scientifique; mais nous savions du moins que les algorithmes de calcul mis en oeuvre n'éclairaient guère les mécanismes de la condensation ou de l'interprétation des textes par des cerveaux humains. Or, c'étaient ces mécanismes qui déjà nous intéressaient au premier chef, et non pas tel ou tel algorithme de substitution: l'efficacité apparente de celui-ci dans une application-pilote particulière ne pouvait masquer notre inaptitude à modéliser plus généralement ceux-là.

Je ne crois pas forcer les choses en posant que nous avons adopté sur ce plan, à Moscou et à Paris, la même stratégie. Elle consistait à explorer les voies quantitatives pour mieux asseoir les réserves qu'elles nous inspiraient, tout en poursuivant nos recherches sur l'analyse dite qualitative par symétrie, plus apte selon nous à éclairer les processus de compréhension des énoncés. Le double engagement d'Igor Mel'chuk, dans ces années-là, était un exemple à cet égard éloquent: linguistique mathématique d'un côté (avec Gladkij, 1971, 1974), et élaboration du modèle d'analyse Sens <---> Texte de l'autre (avec Zholkovskij, 1969), lequel ne doit rien aux mathématiques. Nos travaux de la même époque manifestaient, si j'ose dire, la même duplicité: essais statistiques d'une main,

recherches sémiologiques de l'autre, entreprises à plus long terme et, pour ma part du moins, avec plus de conviction (Gardin 1970).

(C) Cette référence à la sémiologie m'amène au troisième terrain de rencontre que j'évoquais plus haut, touchant la place que nous réservions aux approches linguistiques tenues pour "standard" aux Etats-Unis, après les travaux novateurs de Z. Harris et de N. Chomsky à la fin des années 50. Les qualités formelles de la grammaire générative-transformationnelle, pour l'appeler par son nom, avaient assez généralement accredité l'idée que toute procédure d'extraction automatique du sens, à partir de textes quelconques, devait nécessairement commencer par une analyse de cet ordre. Cette conviction ou cette mode, comme on voudra, avait rapidement gagné la France, tant du côté de la documentation automatique que dans nombre d'entreprises plus spéculatives relevant des sciences humaines (ex.: Pécheux 1969; Adam 1976; Robin 1973, etc.). Nous avons pour notre part résisté à la vogue, non par principe, mais parce que nos propres recherches sur une éventuelle formalisation de l'analyse sémantique, d'un côté comme de l'autre, nous avaient conduit à une stratégie différente. En un mot, il nous paraissait raisonnable de faire porter l'effort d'abord sur la définition du métalangage qu'implique le passage d'un texte en langage naturel à telle ou telle représentation de son contenu jugée utile pour les besoins de la recherche, documentaire ou scientifique. "Métalangage" à deux titres: (i) d'une part, parce qu'il se détermine sur un registre autre que celui du langage naturel, comme on le voit bien dans le cas de l'indexation automatique en documentation, lorsqu'on passe des versions multilingues d'un même article scientifique à une représentation unique de son contenu (il va de soi que le phénomène est le même si l'on considère isolément chacune de ces versions); (ii) métalangage encore, en second lieu, dans la mesure où s'y trouvent aussi définies des opérations praticables sur ces représentations lors des procédures de recherche, pour élargir ou rétrécir les correspondances questions - réponses, établir ou affaiblir des analogies, fonder ou ébranler des classifications, etc.

Nos travaux les plus poussés dans cette voie eurent pour objet le traitement automatique de l'information bibliographique dans les sciences humaines, au moyen d'un système général intitulé SYNTOL (Syntagmatic Organization Language) où l'on vit plus tard une préfiguration parmi d'autres du modèle relationnel (Courrier 1980). L'automatisation toucha d'abord les seules procédures de recherche documentaire (Cros, Gardin, Lévy 1964), mais elle s'étendit bientôt à l'analyse documentaire elle-même: l'application-pilote qui nous retint le plus longtemps avait pour but la traduction automatique de résumés scientifiques publiés en français vers le métalangage SYNTOL, avec son lexique et sa syntaxe propres - le domaine de référence étant la psycho-physiologie (Bely et al. 1970).

J'examinerai plus loin les leçons que nous tirâmes de ces travaux et leur écho dans l'état présent de la documentation automatique. La stratégie de recherche qui les inspirait était un élément de plus dans le rapprochement de nos deux "familles", à Moscou et à Paris. En effet, les linguistes du VINITI comme ceux de l'Institut Maurice Thorez ne paraissaient pas plus convaincus que nous de la nécessité d'un passage par l'analyse linguistique "standard" pour la résolution des problèmes qui leur étaient confiés, sur les mêmes terrains - traduction ou indexation automatiques, approches formelles de la compréhension d'énoncés en langage naturel, etc. La démarche qu'élaboraient à cette époque I. Mel'chuk et A. Zholkovskij, en particulier, mettait plutôt l'accent sur les systèmes de représentation du sens auxquels il fallait selon eux inévitablement recourir, dans chacune de ces situations, pour émuler les performances d'interprètes humains. Tel était bien le parti auquel nous nous étions nous-mêmes arrêtés. Nos deux amis allaient cependant plus loin que nous dans cette voie, jusqu'à tenter de constituer, sous des noms variés (langage intermédiaire, modèle "sens <---> texte", dictionnaire combinatoire raisonné), tout l'outillage conceptuel mobilisé dans l'accomplissement de l'une ou l'autre des tâches évoquées plus haut, par l'homme ou par la machine. Nous nous séparions, tout bien pesé, sur ce seul point, touchant le degré de généralité auquel on pouvait prétendre dans cette voie. I. Mel'chuk et A. Zholkovskij semblaient penser que les traits logico-sémantiques du "langage intermédiaire" élaboré pour la traduction automatique d'une langue naturelle vers d'autres, par exemple, devaient se retrouver dans l'analyse des mécanismes de la compréhension de toute espèce d'énoncés appartenant à cette langue - y compris les textes littéraires (Zholkovskij et Shcheglov 1971) - d'où d'ailleurs l'idée de dictionnaires où chaque entrée serait décrite pour une large part au moyen de ces traits-là, en plus des indicateurs grammaticaux ou lexicologiques habituels (Zholkovskij et Mel'chuk 1966; Apresjan, Mel'chuk et Zholkovskij 1969). Nous étions quant à nous moins hardis, pour avoir éprouvé à maintes reprises le caractère désespérément 'local' des organisations logico-sémantiques aptes à rendre compte des processus interprétatifs que nous tentions de formaliser. A cette différence près, qui n'était peut-être que de degré dans nos aptitudes ou nos ambitions, la stratégie générale était la même dans les deux groupes, à Moscou comme à Paris, et pareillement hétérodoxe par rapport à celle de la plupart de nos émules américains d'alors, fidèles aux stratégies génératives et transformationnelles.

(D) Le dernier point commun que je tiens à rappeler peut paraître plus accessible: il concerne la place de la machine dans nos affaires. A première vue, les différences l'emportaient: nous avions, à Paris, volontiers recours à l'ordinateur pour des expériences relevant de la documentation automatique en général ou de la formalisation des raisonnements dans les sciences humaines. Nos collègues

moscovites n'avaient pas les mêmes facilités; et leurs applications s'arrêtaient souvent à des parcours d'organigrammes où le rôle de la machine était encore tenu par le cerveau humain. Au risque de surprendre, je dirais que cette circonstance favorisait à mes yeux nos échanges d'idées, en les limitant aux problèmes théoriques qui seuls ou presque nous agitaient, indépendamment de leur prise en charge par l'informatique. A quoi d'excellents esprits objectaient déjà que cette indépendance était illusoire et que le progrès des technologies de l'information devait conduire non seulement à traiter mais aussi bien à concevoir ces problèmes différemment. Ce point de vue est aujourd'hui plus vivace que jamais, consolidé chez certains par des innovations récentes comme l'intelligence artificielle répartie. J'aborderai maintenant les raisons de ma fidélité à nos positions inverses d'antan, sur ce point comme sur la plupart des précédents; ces raisons, cependant, n'engagent désormais que moi, qui n'ai pu recueillir à leur sujet l'avis de V. Ju. Rosenzweig ou de ses amis.

2. Vingt ans après (et plus)

Commençons par le premier trait commun évoqué plus haut: qu'en est-il aujourd'hui des rapports entre les diverses catégories d'analyse sémantique, et plus particulièrement les deux grands domaines d'applications que nous avons d'abord eu tendance à considérer du même oeil, l'information scientifique d'une part, tournée vers les recherches documentaires, et les sciences humaines d'autre part, orientées vers les constructions théoriques? Il reste vrai, bien évidemment, que l'analyse de la signification tient une place centrale dans les deux cas; et il n'est pas mauvais que de gros et beaux livres interdisciplinaires viennent rappeler périodiquement cette évidence de principe (par exemple Machlup et Mansfield 1983). Mais les raisons que j'apercevais il y a vingt-cinq ans de séparer l'analyse documentaire et l'analyse du sens dans les sciences de l'homme (structurale ou autre: Gardin 1965) me paraissent désormais bien établies. Nul n'oserait plus aujourd'hui annoncer la mise au point d'un système général d'analyse automatique de la signification applicable avec un égal bonheur à l'indexation des résumés du *Referativnyj zhurnal* (VINITI) ou du *Bulletin Signalétique* (C.N.R.S.), comme à l'interprétation des contes somalis ou des mythes amérindiens. Sans doute peut-on encore tomber de temps à autre (car c'est bien d'une chute ou rechute qu'il s'agit) sur des projets d'analyseur universel de cet ordre, sous la plume de linguistes ou de sémiologues planétaires; j'ai montré ailleurs pourquoi nous n'avons rien à espérer de tels projets (Gardin 1974, 1979) - et aussi bien n'avons-nous, en ce sens, jamais été déçus.

En tout état de cause, nous pouvons au moins nous féliciter qu'aucun de nous "à Moscou comme à Paris" (voir plus haut) ne se soit jamais rendu coupable de ces débordements. Il est intéressant dès lors de se poser une question corollaire:

quelles furent les directions de recherche prises par ou dans chacun des deux groupes, une fois les visions unitaires dépassées ? Curieusement, tous les cas de figure possibles ou presque me semblent attestés: (i) un retour à la linguistique proprement dite, entendue certes dans des sens différents mais qui tous se détachent des objectifs appliqués de l'analyse de contenu, dans quelque contexte que ce soit, documentaire ou scientifique; (ii) alternativement, un approfondissement de l'aspect formel des systèmes de traitement automatisé du langage, dans les perspectives de l'informatique théorique ou de l'intelligence artificielle, sans référence à aucun domaine particulier; (iii) ou bien encore, à l'inverse des deux cas précédents, un arrêt délibéré sur un champ d'application et un seul, l'objectif principal étant alors d'aboutir à des résultats jugés utiles selon les critères de validité propres à ce champ, sans trop se soucier des vertus formelles du traitement du point de vue linguistique ou informatique. Une option supplémentaire reste ouverte dans ce dernier cas, selon que la perspective est celle de l'information scientifique (analyse et recherche documentaires) ou celle de la recherche scientifique elle-même (analyse et interprétation des phénomènes humains). J'ai pour ma part choisi cette seconde voie, au début des années 70, tandis que d'autres se sentaient plus attirés vers l'une ou l'autre des directions précédentes. Face à un tel éclatement, il est difficile de poursuivre les comparaisons par lesquelles j'ai commencé cette note, entre deux programmes de recherche originellement plus ramassés, sinon véritablement homogènes. Mais on peut du moins s'interroger sur le devenir de nos traits communs d'alors dans l'état présent de l'art, *toutes options confondues*.

Rappelons d'abord de quel art et de quels traits il s'agit: l'art de la compréhension des énoncés, d'une part, ou mieux l'art de la formalisation des mécanismes sous-jacents; quant aux traits, d'autre part, nous pouvons les ramener à une préférence commune pour les modèles pragmatiques, où les méthodes d'analyse linguistique dites classiques ont certes leur place - voire même, le cas échéant, certaines procédures statistiques - mais selon des dosages ou des combinaisons dictées par le contexte considéré, *lato sensu* : univers de discours, niveau de compréhension, étendue des connaissances mobilisées ou mobilisables, etc. Cette approche relativiste des processus de compréhension allait, dans les années 60, à l'encontre des stratégies ou des ambitions généralistes apparues dans le même temps aux Etats-Unis, sous la bannière de la linguistique formelle ou de l'intelligence artificielle. C'est pourtant l'approche relativiste qui s'est imposée, me semble-t-il, dans toutes les applications présentes de l'analyse du sens, en information scientifique comme en sciences humaines. Je ne saurais démontrer pleinement cette proposition dans les quelques lignes qui me restent; mais je puis du moins indiquer le genre de constats sur lesquels je crois pouvoir la fonder.

A. L'analyse documentaire nous était apparue d'abord comme un préalable nécessaire à la mise en oeuvre de procédures de recherches informatisées; la formalisation ne devait alors porter que sur ces procédures, et non sur l'analyse elle-même. La part respective de "l'homme et la machine", comme on disait alors, était ainsi clairement délimitée; et, en vérité, les premiers textes sur lesquels nous exercâmes nos talents d'analystes pouvaient faire douter de l'à-propos d'une formalisation (Piault 1963, Allard et al. 1964). Le temps vint, cependant, de s'attaquer à des textes dont l'interprétation paraissait moins sujette à variations, dans des domaines scientifiques établis. J'ai cité plus haut nos travaux d'analyse documentaire automatique en psycho-physiologie: la démarche proposée préfigurait celle que l'on observe aujourd'hui dans les applications d'indexation automatique les plus avancées - première "toilette" du texte par consultation de tables (ex.: mots vides, expressions idiomatiques, noms propres, etc.), extraction éventuelle de mots ou de phrases répondant à des critères statistiques, analyse morpho-syntaxique, enfin et surtout exploitation d'une base de connaissances couvrant à la fois savoir spécialisé et sens commun, laquelle constitue la part la plus visiblement et la plus légitimement *ad hoc* de tout l'appareil, hors de portée d'aucune analyse linguistique au sens strict. Il apparaît ainsi que l'automatisation de l'analyse documentaire passe inévitablement par une formalisation des connaissances propres au domaine de discours considéré, laquelle incombe aux praticiens de ce domaine et non pas aux chercheurs en linguistique, sauf à faire de celle-ci une science des sciences à la manière d'une certaine sémiologie, plus proche de la philosophie que de l'ingénierie. Car c'est bien d'une ingénierie qu'il s'agit dans ces applications, en tout bien tout honneur, de quelque façon qu'on la qualifie - documentaire, cognitive, "linguistique" même, puisque ce patronage paraît si prisé, à condition de le cantonner à l'adjectif. En d'autres termes, les procédures d'analyse sémantique que nous expérimentions les uns et les autres dans les années 60 ne pouvaient avoir de prolongements véritablement appliqués que si les praticiens de tel ou tel champ documentaire les prenaient eux-mêmes en charge, en les adaptant à leurs connaissances et à leurs objectifs propres. C'est très exactement ce que démontre l'évolution récente de l'information scientifique et technique.

B. Le cas des applications de l'analyse sémantique en sciences humaines illustre la même évolution. Qu'est-il advenu, en effet, des ambitions généralistes d'antan, où l'usage de méthodes formelles applicables en droit à toute espèce de textes devait livrer des aperçus nouveaux sur la signification de ceux-ci, différemment comprise (structures, thèmes, filiations, etc.)? Je ne crois pas forcer le tableau en écrivant que la foi s'est perdue. Les lumières attendues des méthodes quantitatives (linguistique statistique) ont rarement eu l'éclat que le pari heuristique laissait espérer; et la contestation des vertus de la mesure dans les études

textuelles est aujourd'hui à la mode, avec autant de force que naguère leur apologie. Quant aux méthodes qualitatives, leur ancrage dans telle ou telle école d'analyse linguistique (transformations, sémantique générative, grammaire de textes, etc.) les condamne à en partager le destin : les "lectures" plus ou moins formalisées de nos textes, en sciences humaines (histoire, littérature, sociologie, etc.), ne paraissent pas s'imposer plus durablement que d'autres, une fois passé l'intérêt pour la démarche linguistique qui est censée les fonder.

Est-ce à dire que nos pratiques interprétatives, dans les disciplines en question, sont irrémédiablement rebelles à toute formalisation ? Aucunement, à condition que l'on comprenne sous ce dernier terme, au lieu ou en plus des outils d'analyse linguistique, un appareil logique ou logiciste du genre de ceux qui servent à schématiser l'argumentation en général (ex.: Grize 1982), ou plus particulièrement les raisonnements que l'on observe dans la littérature des sciences de l'homme (Gardin et al. 1981). Ces deux manières d'aborder la compréhension des énoncés sont assurément différentes (Gardin 1987); mais elles ont en commun d'éluder l'analyse *linguistique* du discours. En effet, le passage d'un texte naturel à sa schématisation, dans un cas comme dans l'autre, est présenté de la même manière que nos traductions ou nos résumés habituels, c'est-à-dire sans le support d'aucune procédure formelle du genre de celles que vise la linguistique computationnelle. Il reste que l'on peut partir de ces schématisations, lorsqu'on les juge recevables, pour ébaucher une formalisation de nos pratiques discursives en langage naturel, dans la vie ordinaire comme dans l'activité d'un chercheur en sciences humaines (l'apparement des deux genres est de nos jours couramment affirmé - Grize 1983; Van Holthoon et Olson 1988, etc. - et j'y souscrirai pour les besoins de cette note, alors même que je vois là une source d'embarras pour défendre une différence de statut à laquelle, je suppose, nous tenons, entre l'homme-de-science [humaine] et l'homme-de-la-rue: Gardin 1990).

La rupture est ainsi manifeste, aujourd'hui, entre les deux voies de recherche: d'un côté, des analyses de plus en plus poussées des processus interprétatifs dans les sciences de l'homme, qui font appel à des outils cognitifs que l'on ne saurait sans abus qualifier de "linguistiques"; et de l'autre, l'analyse linguistique elle-même, entraînée elle aussi vers l'étude des mécanismes de compréhension du discours, mais qui doit bien se résoudre à contenir ses ambitions fort en-deçà de l'exégèse ou de l'explication de textes telle qu'on la pratique dans les humanités (Charolles 1990). C'est très exactement cette dualité qui formait la substance principale de nos débats, entre les deux groupes dits plus haut de Moscou et de Paris, il y a vingt ans (ou plus): je dois pour ma part beaucoup à ces confrontations d'idées et d'expériences différentes, où j'ai puisé la conviction - fondée ou non - qu'il (me) fallait sans plus attendre choisir une voie de recherche ou l'autre, la symbiose des deux paraissant hors de (ma) portée.

La prudence commande que j'ajoute ici une "note en bas de page", mais qui peut aussi bien figurer dans le texte, en guise de conclusion. Les termes entre parenthèses, ci-dessus, sont en effet destinés à prévenir les objections possibles à la dualité postulée, qui m'ont souvent été faites. L'une d'elles est que les applications documentaires dont je viens de faire état (*supra*, paragraphe A) constituent des exemples de cette synthèse que je viens de déclarer hors d'atteinte. Je ne partage pas ce point de vue: la combinaison de deux ordres de compétence n'est pas à mon sens une symbiose. En effet, les linguistes et les physiciens qui coopèrent à la conception d'un système automatique d'information en physique et en chinois (par exemple) n'en restent pas moins *in fine* cantonnés à leurs domaines d'expertise respectifs; et les informaticiens qui conjuguent ces deux ordres de connaissances ne (me) semblent pas promus ou promis à une grande renommée en qualité de linguistes *et* (ni même *ou*) de physiciens. Une seconde objection à la dualité est que les recherches sur l'apprentissage automatique tendent à jeter un pont entre ces deux pôles. Imaginons par exemple que l'on parvienne à bâtir un programme capable d'engendrer une base de connaissances en physique, de quelque façon qu'on la formule, à partir d'une analyse linguistique des textes de cette discipline publiés en chinois: l'auteur de ce programme n'est-il pas habilité à revendiquer la double, voire la triple compétence - physicien, linguiste et de surcroît, à coup sûr, informaticien ou "cognitiviste" de la plus haute volée ? Je reconnais la valeur de l'argument, et me réfugie à nouveau derrière les pronoms personnels entre parenthèses: il ne (me) semble pas que de tels programmes soient concevables par les voies de l'analyse linguistique seule, même sous ses formes les plus "avancées" ("pragmatics and beyond", selon le titre d'une collection inaugurée naguère par Herman Parret pour accueillir toutes les avancées dans la compréhension des énoncés, présentes et à venir). Certes, des démarches toutes différentes sont un peu partout à l'étude, sous le signe du connexionisme ou de l'intelligence artificielle distribuée, qui sont censées rejoindre les mêmes objectifs par d'autres voies. Je ne suis pas sûr que les connaissances dégagées par l'apprentissage automatique, dans ce dernier cas, soient réellement "les mêmes" que celles auxquelles on aspire en linguistique ou dans ses avancées post-pragmatiques. En tout état de cause, nous n'avons toujours aucun exemple d'application ni d'une sorte ni de l'autre pour asseoir la foi tenace de quelques-uns en une fusion prochaine de l'analyse de discours, telle que l'entendent les théoriciens du langage, avec l'interprétation des textes que pratiquent les experts de tel ou tel univers de discours, à des fins documentaires ou scientifiques. Dans cette mesure au moins, nos positions dualistes forgées sur le terrain au cours des années 60, "à Moscou comme à Paris", ressortent aujourd'hui plus fortes que jamais.

R é f é r e n c e s

Adam, J.-M.

1976 *Linguistique et discours littéraire*. Larousse, Paris.

Allard, M., Elzière, M., Gardin, J.-C., Hours, F.

1964 *Analyse conceptuelle du Coran, sur cartes perforées*, 2 vol. + 1 fichier. Mouton, Paris-La Haye.

Apresjan, Ju., Mel'chuk, I.A., Zholkovskij, A.K.

1969 "Semantics and lexicography: towards a new type of unilingual dictionary", *Studies in Syntax and Semantics*, ed. F. Kiefer, pp. 1-33. Reidel, Dordrecht.

Bely, N., Borillo, A., Siot-Decauville, N., Virbel, J.

1970 *Procédures d'analyse sémantique appliquées à la documentation scientifique*. Gauthier-Villars, Paris.

Charolles, M.

1990 "Analyse logiciste et analyse du discours", in R. Ennals et J.-C. Gardin 1990, pp. 230-264.

Courrier, Y.

1980 SYNTOL, in A. Kent et al., eds., *Encyclopedia of Library and Information Science*, pp. 357-381. Marcel Dekker, New York & Basel.

Cros, R.-C., Gardin, J.-C., Lévy, F.

1964 *L'automatisation des recherches documentaires: un modèle général le SYNTOL*. Gauthier-Villars, Paris (2e éd. 1968).

Ennals, R., Gardin, J.-C. (eds.)

1990 *Interpretation in the Humanities: perspectives from artificial intelligence*. The British Library, London.

Gardin, J.-C.

1965 "Analyse documentaire et analyse structurale", *L'Arc*, n° 26 (sur Claude Lévi-Strauss), pp. 64-68.

1970 (éd.) *Archéologie et calculateurs: problèmes sémiologiques et mathématiques*, Actes du colloque international du CNRS sur l'emploi des calculateurs en archéologie, Marseille, 7-12 avril 1969. Editions du C.N.R.S., Paris.

1974 "Des sciences du discours au discours de la science", in *Les analyses de discours*, pp. 10-60. Delachaux et Niestlé, Neuchâtel. Reproduit dans Gardin 1991, pp. 95-126.

- 1979 "A propos de 200 projets de recherche en informatique et sciences humaines", *Informatique et Sciences humaines*, n° 40-41, pp. 393-406. Version amplifiée dans Gardin 1991, pp. 127-145.
- 1981 (avec M.-S. Lagrange, J.-M. Martin, J. Molino, J. Natali)
La logique du plausible: Essais d'épistémologie pratique en sciences humaines. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, Paris (2e éd. revue et augmentée, 1987).
- 1987 "La logique, naturelle ou autre, dans les constructions de sciences humaines", *Revue Européenne des Sciences Sociales*, t. XXV, n° 77 (numéro spécial en hommage à Jean-Blaise Grize, édité par M.-J. Borel), pp. 179-193. Reproduit dans Gardin 1991, pp. 167-179.
- 1990 "L'interprétation dans les humanités: réflexions sur la Troisième voie", in R. Ennals & J.-C. Gardin 1990, pp. 22-59. Reproduit dans Gardin 1991, pp. 237-254.
- 1991 *Le calcul et la raison: essais sur la formalisation du discours savant*. Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris.

Gladkij, A.V., Mel'chuk, I.A.

1971, 1974

"Grammatiki derev'ev. I. Opyt formalizacii preobrazovanija sintaksicheskikh struktur estestvennogo jazyka", *Informacionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda* (VINITI, Moscou), n° 1 (1971), pp. 16-41; II. K postroeniju grammatik dlja russkogo jazyka, *même revue*, n° 4 (1974), pp.4-29.

Grize, J.-B. (éd.)

1982 *Logique naturelle du raisonnement*. Travaux du Centre de Recherches Sémiotiques, n° 41, Université de Neuchâtel.

1983 (éd.) *Raisonnements et raisons*. Même collection, n° 44.

Lévi-Strauss, Cl.

1984 *Paroles données*. Plon, Paris.

Machlup, F., Mansfield, U. (eds.)

1983 *The Study of Information: interdisciplinary messages*. John Wiley, New York.

Mel'chuk, I.A., Zholkovskij, A.

1969 "K postroeniju dejstvujushchej modeli jazyka "Smysl-Tekst"", *Mashinnyj Perevod i Prekladnaja Lingvistika*, n° 11, pp. 5-35, Moscou.

Pécheux, M.

1969 *Analyse automatique du discours*. Dunod, Paris.

Piault, C.

1963 "Enquête psycho-sociologique au Ghana", *Bull Informations*, n° 9, pp. 136-144.

Robin, R.

1973 *Histoire et linguistique*. Armand Colin, Paris.

Salomé, M.-R.

1978 *Code pour l'analyse des textes orientaux*. Editions du C.N.R.S., Paris.

van Holthoon, F., Olson, D.R. (eds.)

1988 *Common Sense: The Foundations for Social Science*. University Press of America, Lanham and London.

Zholkovskij, A.K., Mel'chuk, I.A.

1966, 1967

"O sisteme semanticheskogo sinteza. I. Stroenie slovarja", *Nauchno-tekhničeskaja informacija*, 11, pp. 48-55. La 2e partie de cette étude illustre le fonctionnement du dictionnaire: "II. Pravila perifrazirovanija", *même revue*, série 2, n° 2, pp. 17-27, 1967.

Zholkovskij, A.K., Shcheglov, Ju. A.

1971 *K opisaniju smysla svjaznogo teksta*, vol. I. Institut de Langue Russe, Publication provisoire n° 22, Moscou.

E. Hajičová

FOCUS ON FOCUS - TOWARDS A DYNAMIC ACCOUNT OF DISCOURSE

1. In his pioneering studies on machine translation, V. Ju. Rozencvejk has always emphasized the necessity to take into account a broader context in order to be able to find an appropriate equivalent sentence in the target language. Since then, the study of discourse became one of the central domains of research both in theoretical and in computational linguistics and there are even projects of machine translation the ambitions of which are to produce an on-line translation of spoken dialogues. In the present paper I would like to concentrate on some aspects of discourse structure, namely those which rely heavily on topic-focus articulation of sentences.

2. To illustrate my starting points, I have chosen three short discourses (1)(a) through (c), sometimes called by American speakers 'focussing jokes' (the jokes were selected from J. Rosenbloom, *Biggest Riddle Book in the World*, New York, 1976).

(1)(a) Why do firemen wear red suspenders?

To keep their pants up.

(b) Why do we buy clothes?

Because we can't get them free.

(c) Why do we dress baby girls in pinks and baby boys in blue?

Because they can't dress themselves.

What is the source of the humorous effect of these pairs of questions and answers? An attempt to provide an explanation can be found as long back as with S. Freud, who analyzes the joke quoted here as (2) (cf. S. Freud, *Jokes and their relation to the unconscious*, 1905; J. Strachey, trans. 1960).

(2) The first Jew asks: "Have you taken a bath?" The second replies asking the other in return: "Why? Is there one missing?"

Freud looked for the explanation in the shift of contrastive stress: if this stress is on 'bath', then the verb and its object are interpreted in the meaning of the collocation 'to take a bath', i.e. to wash in a bath; if the stress is on 'taken', then the verb 'to take' is interpreted as 'to steal'.

Looking back at our examples in (1) from the perspective of stress assignment, we see that the humorous effect stems from a shift in the intonation center (IC):

the addressees of the jokes expect the IC's to be placed in an unmarked position, i.e. at the end of the first sentence (question) of the piece of discourse. However, the second sentence answers a different question, namely a question with the IC shifted to some other position in the sentence. In all the quoted examples, this shift can result in the IC placed on the wh-word 'why'; for (b) and (c), there are also the possibilities to place the IC on 'buy' and 'we', respectively. Thus, e.g., if the first sentence in (1) (a) is pronounced with the IC on 'red' or 'suspenders', the addressee of the joke expects the answer to explain why the colour of the suspenders is exactly red and he is surprised to get an explanation as if the IC were on 'why', i.e. what is the reason of having suspenders at all. A similar explanation holds for (1)(b): with an unmarked IC on 'clothes', the addressee expects to learn, e.g., that people buy them to protect themselves from cold, while the answer actually given answers a question why we buy the clothes rather than, e.g., make them for ourselves (or get them free). In (c), the expected situation is as if the IC were placed on 'in pink' and 'in blue'; however, the second sentence indicates that the answerer understood the question as questioning the fact why it is us who dresses the children.

An interesting observation concerning different positions of IC was made by D. Wilson in her book *Relevance* (Oxford 1986). She gives the following examples quoted here as (3) and (4), where the IC is denoted by capitals.

(3) I'm sorry I'm late. My CAR broke down.

(4) I'm sorry I'm late. My car was BOOBY-trapped.

The two sentences following the apology are formulated with different relations between the recoverable and the irrecoverable information: In (3), the speaker assumes that the hearer anticipates some break-down to be the reason of the speaker's late arrival and he specifies that it was the car what broke down. In (4), the expectations of the speaker are different; here the recoverable information concerns the fact that the speaker came by car, and the specification of the reason concerns the fact what happened with the car.

3. The common denominator of the distinctions in meaning illustrated up to now is a different topic-focus articulation of the utterances which are component parts of the pieces of discourses discussed. In our examples, the distinction in the topic-focus articulation was expressed in the surface shape of the sentences by means of different positions of IC; in languages with so-called free word order, the same (semantic) distinction can be expressed by shifts in the word order; in some languages these distinctions can be expressed by specific morphological forms or syntactic structures. In the functional generative description (proposed by Sgall in the early sixties and elaborated since then by him and his collaborators

into an integrated dependency based theoretical description of language) topic-focus articulation is considered to be one of the dimensions of the representation of the (literal) meaning of the sentence, namely the one which constitutes the horizontal scale of the 'deep word order'. Topic-focus articulation is thus viewed as belonging to the language system rather than to some extra-linguistic (or pragmatic) layer and there were developed operational criteria for distinguishing not only between topic and focus, but also establishing the degrees of communicative dynamism (for a more recent presentation of the theory, see the book by P. Sgall, E. Hajičová and J. Panevová, *The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects*, Reidel, Dordrecht and Academia, Prague, 1986).

Having the grammatical character of topic-focus articulation in mind, we still may ask for the psychological background of that distinction. At the initial point of discourse, the speaker assumes he shares a certain stock of knowledge with the hearer (the stock of shared knowledge, SSK). He also assumes that a certain part of this stock is more activated (made salient) by the situational context. In the course of a discourse, the SSK changes in accordance with what is in the center of attention at the given time point of discourse. These changes of activation depend to a great extent on the topic-focus articulation of the sentence uttered. The following regularities can be observed:

(1) If a item of the SSK is mentioned in the focus part of the sentence, it achieves the highest degree of activation after the sentence has been uttered. (It should be noted that if we speak about items of knowledge we mean mental images of objects of the outer world).

(2) If an item is mentioned in the topic part of the sentence, then a pronominal reference strengthens the activation of the item referred to to a lesser degree than a reference with a full (definite) noun group.

(3) If an item of the SSK is not referred to in the given utterance, then its activation lowers down. The decrease of activation is slower with the items referred to before in the topic part of the sentence than if the reference was made in the focus part of the sentence.

At least two thresholds can be established in the SSK. One threshold delimits that part of the SSK the items of which can be referred to by weak means (pronouns, or elision such as in the case of null subjects). Another threshold draws a border line between items that can be mentioned in topic of the utterance and those that are salient to such a small degree that they must be introduced in the focus part. An item lacking a high degree of activation can be mentioned in the topic also in those cases where natural language inferencing makes it possible without much effort on the hearer's side to identify the item mentioned (on the basis of various types of associative links).

An account of anaphoric relations along the lines outlined above makes it possible to contribute to the solution of reference ambiguities. If the difference in

the degrees of activation of two competing items is big, then a pronoun refers to the item the activation of which is higher. If the difference of activation of two items is very small, the reference by a pronoun (in case of agreement of morphological categories) is ambiguous or, more precisely, indistinct.

4. An application of the above-mentioned approach to discourse structure for the purpose of machine translation presupposes that a procedure can be formulated that automatically identifies topic and focus. Such a procedure was proposed for Czech and English by the present author and Petr Sgall in their joint paper at the 1985 meeting of the European Chapter of the ACL in Geneva; it is based on the hypothesis that it is possible to determine for each language an unmarked deep order of the complementations of the verb in the focus part of the sentence (the so-called systemic ordering) and on several heuristics. The outcome of a parser including such a procedure is a dependency-based representation of the meaning of the sentence that may serve as an intermediate structure of a machine translation system. Complex symbols used as labels of the nodes of such a representation include as their parts also markers of contextual boundness. The SSK with the hierarchy of activation can be represented by a structured register with the mentioned thresholds. In the procedure of synthesis, this register can be "consulted" when selecting an appropriate form of the particular referring expression: a pronoun for a highly activated item, a definite noun or noun group for an item activated enough for the hearer/reader to identify the referent easily. Such a device, of course, represents only one aspect of the choice of referring expressions; it should be complemented by procedures which would, e.g., exclude a use of pronoun in cases resulting in unnecessary indistinctness (e.g., if two items of SSK are activated to such a degree that allows the use of a pronoun for both of them and it cannot be distinguished by the form of the pronoun which item is referred to).

5. The above considerations may look like fantasies if compared with the state-of-the-art in the domain of machine translation. However, if theoretical investigations do not look ahead, then practical applications will never reach the aims set out and expected to be met.

L. Kopelew

"UNSER NATÜRLICHSTER VERBÜNDETER" **Friedrich der Große über Rußland**

Urteile des Königs über Völker und Staaten

Friedrich II. von Preußen (1712-1786; König seit 1740) befaßte sich mit Rußland und russischen Problemen viel häufiger und viel intensiver als die meisten europäischen Politiker seiner Zeit. Er, dem auch seine Gegner die Bezeichnung "der Große" gönnten, war nicht nur ein hervorragender Feldherr und Staatsmann, sondern auch der "Philosoph von Sanssouci" - ein gebildeter und musisch veranlagter Freund von Voltaire und d'Alembert. Dieser preußische König vertrat den Geist der europäischen Aufklärung. Seine Vorstellungen von Rußland sind exemplarisch für die Entwicklung des Rußlandbildes vieler seiner aufgeklärten Zeitgenossen. Friedrich selbst hat dieses Bild mitgestaltet. Dabei hat er solche Begriffe wie "Nation" und "Patriotismus" ganz anders aufgefaßt, als sie heutzutage verstanden und empfunden werden.

In den fünfziger Jahren dichtete er eine "Ode an die Preußen":

Alles dankt ihr eurem eignen Werte,
 Ihr, des Schlachtengottes Lieblingskinder,
 Lorbeerstolze Völkerüberwinder,
 Alles, alles eurem Heldenschwerte;
 Laßt nicht rosten eure Waffen,
 Nicht in Selbstzufriedenheit
 Euren Mannessinn erschlaffen,
 Bleibt, ihr Preußen, die ihr seid!¹

[Aus dem Französischen von Eberhard König]

Seinen Preußen sang er das ungetrübte höchste Lob. Aber am 29. März 1760, in den schwersten Tagen des Siebenjährigen Krieges, schrieb er eine "Ode an die Deutschen":

Niederträchtige, ihr bangt wohl, daß von euren blut'gen Klingen,
 Rot von Bürgerblut, ein Tropfen könnt' auf rechten Boden springen,
 [...]
 Darum, euch in Schuld und Frevel selber noch zu überbieten,
 Ruft ihr lieber in die Waffen fremde Söldner und Banditen!
 Nun, sie sind schon bei der Hand,
 Eure Helfer und Genossen,

Jeden festen Rechtsbestand
 Uns im deutschen Reich und Land
 Blindlings wütend umzustoßen!

[...]

Ist's was andres, wenn ihr heute, nur um das verhaßte Preußen
 Zu erdrücken, hier den Franzmann, dort den Schweden, da den
 Reußen,

Den unbänd'gen Steppenwildling, in das Land gerufen habt
 Und den Boden, ihr Unsel'gen, drauf ihr steht, selbst untergrabt?

[...]

Nachbarn sind's, die ständig drohen, die nach Händeln mit euch
 dürsten,

Ew'ge Feinde eurer Freiheit, eurer Rechte, eurer Fürsten;

[...]

Fort von hinnen, meine Preußen! Laßt den Wanderstab uns fassen!

Bleib' denn allen Kriegesnöten, allem Elend überlassen

Dieses Land, wo alle Hirne eine böse Krankheit lähmt

In der ganzen Blutsverwandschaft, wo der Deutsche sich nicht
 schämt,

Seine Schützer schnöd zu ächten, den Tyrannen zu gefallen,

Seine Freiheit zu verraten, sich zu fühlen als Vasallen.

[...] (W X, 171-175)

Wohlgemerkt, die beiden Oden sind auf Französisch gedichtet.

Der König von Preußen hat sich auch einen Deutschen genannt, aber dennoch schrieb und sprach er von Preußen und dem Deutschen Reich als von verschiedenen, ja sogar antagonistischen Staatsmächten.

Christian Graf von Krockow schreibt in seinem Buch "Warnung vor Preußen" über Friedrich: "Der große Geist sah in der Aufklärung nur etwas für die wenigen, was keinesfalls auf die vielen ausgebreitet werden sollte." Er führt dabei den Brief an, den Friedrich 1770 an d'Alembert geschrieben hatte:

"Denken wir uns eine beliebige Monarchie mit zehn Millionen Einwohnern [...]. Davon ziehen wir zunächst die Bauern, Fabrikarbeiter, Handwerker und Soldaten ab. Bleiben etwa 50 000 Männer und Frauen. Davon ziehen wir 25 000 Frauen ab; der Rest bildet den Adel und den höheren Bürgerstand. Prüfen wir nun, wie viele davon geistig träge, stumpf und schwachherzig oder ausschweifend sind, so wir die Rechnung ungefähr ergeben, daß von einem sogenannten zivilisierten Volke kaum 1000 Personen gebildet sind - und auch da welche Unterschiede der Begabung! [...] Man muß sich damit begnügen, selber weise zu sein, wenn man es vermag, aber den Pöbel dem Irrtum überlassen und nur danach trachten, ihn von Verbrechen abzubringen, die die Gesellschaftsordnung stören."²

Mit dieser Vorstellung von einem "sogenannten zivilisierten Volke" in einer "beliebigen Monarchie" stand der aufgeklärte König nicht allein. Der Historiker Isaak Iselin (1728-1782) schrieb in seiner "Geschichte der Menschheit":

"Das gemeine Volk ist in den meisten europäischen Staaten beynahe noch so barbarisch, so abergläubisch, so roh, so unwissend, so ungerecht, als es immer in den mittlern Zeiten gewesen seyn mag.

Der Landmann lebt fast aller Orten in der vollkommensten Sklaverey und in der entschiedensten Dummheit, welche untrennbare Gefährtinnen sind: In den Städten kriechet der Pöbel noch in einer viel schändlichern Erniedrigung; und weit auch die meisten von denjenigen, derer Berufe einige Erleuchtung und einigen Unterricht erheischen, scheinen ihre Fähigkeiten nur erhöht zu haben, um ihre Gelüste mit mehr Kunst und in einem größeren Umfange zu befriedigen. Sinnlichkeit und Einbildung beherrschen da noch fast alle Herzen. Selten mässiget oder adelt ein schwacher Schimmer von Vernunft die Begierden und die Leidenschaften, und nur die äusserste Wachsamkeit des obrigkeitlichen Ansehens behauptet den Schein der Ordnung, der Anständigkeit und der Gerechtigkeit."³

Friedrich war noch Kronprinz, als er 1739/40 seinen Essay "Der Anti-machiavell" verfaßte.

Er zerpflückte und kritisierte die zynisch-pragmatischen Betrachtungen und Konsequenzen des scharfsinnigen Fürstenlehrers; Machiavelli empfahl allen Monarchen schonungslose Unterdrückung ihrer Untertanen, rücksichtslose Beseitigung ihrer Rivalen, zweckbewußte Lügen, Demagogie, Betrug und ähnliche taktische Kunstgriffe als notwendige Mittel für erfolgreiche Staatspolitik.

Friedrich verurteilte ihn streng und ausnahmslos:

"[...] Machiavell pflanzte den Keim des Verderbens in das staatliche Leben und unternahm es, die Vorschriften gesunder Sittlichkeit zu zerstören. [...]

Von jeher sah ich im 'Fürsten' Machiavells eins der gefährlichsten unter allen Büchern von Weltverbreitung." (W VII, 3)

Acht Jahre später schrieb der nunmehr durch Erfahrung belehrte König "Die Generalprinzipien des Krieges [...]" (1748). Im Abschnitt "Die Talente des Heerführers" heißt es unter anderem:

"Die Kunst, seine Gedanken zu verbergen, oder die Verstellungskunst ist für jeden, der große Geschäfte zu leiten hat, unentbehrlich. [...] Darum muß der Heerführer wie ein Schauspieler sein und die

Miene aufsetzen, die ihm die Rolle, die er spielen will, vorschreibt. [...] Er verachtet den Feind öffentlich und respektiert ihn im geheimen." (W VI, 32 f.)

Friedrich war bedeutend intelligenter und gebildeter als seine Vorgänger und die meisten seiner "Standesgenossen", doch er glich ihnen darin, daß auch seine rhetorischen Bekenntnisse zu Tugend, Freiheit, Wahrheit, Gerechtigkeit mit seiner staatspolitischen, diplomatischen Tätigkeit kaum übereinstimmten.

Stets versicherte er, er wolle nur das Beste für seinen Staat und sein Volk; und tatsächlich war es nicht nur "Verstellungskunst", wenn er auf jeglichen Pomp, sogar auf die Krönung verzichtete, sich den "ersten Diener des Staates" nannte. Darin glich er sowohl dem Soldatenkönig, seinem Vater, wie auch Peter dem Großen. Doch eben weil er viel gebildeter, aufgeklärter war als sein grobschlächtiger Vater und der russische Kaiser, darum blieb Friedrich auch zeitlebens viel weiter von seinen Untertanen entfernt. Trotz all der vordergründigen Schlichtheit war er seinen preußischen Landeskindern fremd, um so fremder dem "gemeinen Volk" in anderen deutschen Ländern, fremd in allem - in der Sprache und in der Weltempfindung, in Idealen und im Alltagsleben.

In seinem Buch "Geschichte meiner Zeit" (1775) schrieb er über die Entwicklung der europäischen Nationen um das Jahr 1740:

"Damals genoß Frankreich den Vorrang in allem, was zu den schönen Wissenschaften und zu den Dingen des guten Geschmacks gehört, die Engländer in der Mathematik und Metaphysik, die Deutschen in der Chemie, der Experimentalphysik und Gelehrsamkeit, die Italiener begannen zu sinken, aber Polen, Rußland, Schweden und Dänemark waren im Vergleich zu den kultiviertesten Völkern noch um hundert Jahre zurück." (W II, 50)

Friedrich glaubte, daß in jeder Nation nur die wenigsten Menschen wirklich aufgeklärt sein können, und zeit seines Lebens war er überzeugt, daß die Franzosen die fortschrittlichsten von allen Völkern der Erde seien. Dagegen äußerte er sich über Russen und manche andere Nationen, auch über Deutsche, oft pauschal ungerecht, je nach seinen politischen Interessen oder augenblicklichen Stimmungen:

"Polen ist beständig in Anarchie. Die großen Familien sind sämtlich durch Interessengegensätze zersplittert; sie ziehen ihren Privatvorteil dem öffentlichen Wohle vor und sind nur einig in der harten Bedrückung ihrer Leibeigenen, die sie mehr als Lasttiere denn als Menschen behandeln. Die Polen sind eitel, hochfahrend im Glück, kriechen im Unglück, der größten Niedertracht fähig, um Geld sammenzuscharren, das sie aber, sobald sie es haben, auf die Straße

werfen; leichtfertig, urteilslos, stets bereit, ohne Grund eine Partei zu ergreifen und sie wieder zu verlassen und sich durch ihr planloses Betragen in die schlimmsten Händel zu verstricken. Sie haben Gesetze, aber niemand befolgt sie, da keiner sie dazu zwingt."

(W II, 36)

"Die türkische Nation ist von Natur begabt, aber durch Unwissenheit verdimmt. Sie ist tapfer, aber ungeschult, versteht nichts von Verwaltung, und von Staatskunst noch weniger. Das Dogma des Fatalismus, woran die Türken hängen, heißt sie, die Ursache alles Unglücks auf Gott schieben, und so bleiben sie stets bei den alten Fehlern." (W II, 43)

"Die Spanier sind in Europa nicht so reich, wie sie sein könnten, weil sie arbeitsscheu sind. [...] der Aberglaube drückt dieses von Natur reichbegabte Volk auf die Stufe halbbarbarischer Nationen herab." (W II, 26)

"Am erstaunlichsten [...] muß für einen Philosophen die Erniedrigung sein, in die das königliche Volk, die weltbeherrschenden Römer herabgesunken sind. Statt daß Konsuln, wie zu Zeiten der Republik, gefangene Könige im Triumph aufführten, erniedrigen sich in unseren Tagen die Nachkommen eines Cato [...] bis zur Entmannung für die Ehre, auf den Schaubühnen von Fürsten zu singen, auf welche die Zeit der Scipionen mit der gleichen Verachtung herabsah wie wir auf die Irokesen. O Tempora! o mores!" (W II, 47)

In diesen Äußerungen bleibt Friedrich die Inkarnation des Zeitgeistes, der ja stets "der Herren eigener Geist" ist. Wie die meisten Aufklärer war er fest davon überzeugt, daß selbst aus wenigen konkreten Erfahrungen weitgreifende, generalisierende Schlußfolgerungen gezogen werden dürfen. Im Zeitalter der werdenden Nationen galten auch für ihn die Kriterien, die zur Einschätzung einzelner Staaten und Stämme seit Jahrhunderten bestanden und überliefert wurden. So wie sich Athener über Lakedämonier, die vom Stamme Levi über die vom Stamme Manasse, die Alemannen über die Franken verächtlich oder gehässig geäußert hatten, wurden nun auch rationalistisch, ja wissenschaftlich begründete Pauschalurteile über große, nahe und ferne Nationen und Völker gefällt.

So war es auch bei Friedrich: Seine persönlichen Erfahrungen mit polnischen Würdenträgern und italienischen Komödianten und die Berichte, die er über türkische und spanische Heere zu hören und zu lesen bekam, schienen ihm ausreichend für solche verallgemeinernden Wertungen.

Auch über seine deutschen Landsleute urteilt der "Philosoph von Sanssouci" nicht selten ebenso verallgemeinernd und abschätzend:

"In Deutschland wurden die Fortschritte in Kunst und Wissenschaft gehemmt durch die Kriege [...]. Das Volk war elend, die Fürsten

arm. Man mußte zuerst daran denken, das Land wiederanzubauen, um sich den unentbehrlichsten Lebensunterhalt zu sichern. [...] Diese Aufgabe nahm die Nation fast ganz in Anspruch und hinderte sie, sich aus der Barbarei, die ihr noch anhaftete, vollständig zu erheben. [...] An den Universitäten saßen zwar gelehrte, aber pedantische und schulmeisterische Professoren; kein Mensch konnte mit diesen ungehobelten Leuten verkehren." (W II, 46)

Er nannte als Ausnahmefälle Leibniz und Thomasius; doch für die anderen gab es keine Gnade:

"Die meisten deutschen Gelehrten waren Handwerker, die französischen waren Künstler. [...] Der Adel studierte nur das öffentliche Recht, besaß aber keinen Sinn für die schöne Literatur und brachte von den Universitäten nur die Pedanterie seiner Lehrer heim. Kandidaten oder Theologen, die Schusters- oder Schneidersöhne waren, spielten den Mentor dieser Telemache [...]." (W II, 46 f.)

Am 8. September 1775 schrieb er an Voltaire:

"Sie haben Recht: unsre biedren Germanen stehen erst im Morgenrot der Bildung. Deutschland ist heute auf der gleichen Stufe, auf der sich die Künste zur Zeit Franz' I. [d. h. im 16. Jahrhundert] befanden." (W VIII, 310)

Und fünf Jahre nach diesem Brief (1780) erschien sein Essay "Über die deutsche Literatur". Über das deutsche Geistesleben schrieb er verächtlich und verständnislos.

Die deutsche Sprache nannte er "eine halbbarbarische Sprache, die in ebenso viele Mundarten zerfällt, als Deutschland Provinzen hat". In solchem "Kauderwelsch" fühlte er sich nicht heimisch; auch fand er seine "Mühe umsonst", bei einer Ausschau nach deutschen Dichtern

"unseren Homer, unseren Virgil, Anakreon und Horaz, unseren Demosthenes, Cicero, Thukydides und Livius auszugraben. [...] Seien wir also aufrichtig und gestehen wir uns ehrlich: die schönen Künste sind auf unserem Boden bisher nicht gediehen." (W VIII, 75)

Das schrieb er in der Zeit, als bereits die Werke von Lessing, Klopstock, Wieland, Herder, Bürger u.a.m. vielen Tausenden von Deutschen bekannt waren, als die "Leiden des jungen Werther" und "Götz von Berlichingen" viele begeisterte Leser nicht nur in deutschsprachigen Ländern gefunden hatten. Doch

nicht einen dieser seiner großen Zeitgenossen hat er genannt, erwähnte nur die "Götz"-Aufführung:

"[...] eine scheußliche Nachahmung der schlechten englischen Stücke, und das Publikum klatscht Beifall und verlangt mit Begeisterung die Wiederholung dieser abgeschmackten Platitude."
(W VIII, 88)

Das finstere Deutschenbild des aufgeklärten Preußenkönigs war durch seine rationalistische, "verstandesmäßige" Weltanschauung bedingt.

Seine philosophischen Ansichten bestimmten auch seine Vorstellungen von Rußland und Russen, doch entscheidend wirkten dabei vor allem seine politischen Interessen und politischen Leidenschaften.

Von Rußland wußte er, was er aus den Schriften seiner Zeitgenossen, vor allem Voltaires und Vockerodts⁴, und aus den Berichten der preußischen Diplomaten und Spione erfahren konnte. Es war ziemlich viel im Vergleich zu dem, was andere westeuropäische Potentaten und Staatsmänner wußten, aber dennoch war es oft lückenhaft und manchmal phantastisch.

Im "Antimachiavell" schreibt er über seinen Urgroßvater, den Großen Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg:

"Seine Minister rieten ihm auf die Kunde von dem überraschenden Einbruch [der Schweden im Norden Brandenburgs], den russischen Zaren zu Hilfe zu rufen. Der Fürst jedoch, scharfsichtiger als sie, erwiderte, die Moskowiter seien wie die Bären: wehe dem, der sie loskette; einmal freigelassen, seien sie schwer wieder an die Kette zu legen! Hochgemut nahm er das schwere Werk der Vergeltung auf seine eigenen Schultern, und er brauchte es nicht zu bereuen."
(W VII, 88)

Diese frühe Erwähnung Rußlands war so unfreundlich wie unwahr; der Herausgeber der "Werke Friedrichs des Großen" mußte dazu bemerken, daß in Wirklichkeit "Friedrich Wilhelm der Große Kurfürst, Rußland, wiewohl erfolglos, um Unterstützung bat".

Nach dem Zweiten Schlesischen Krieg bestätigte die Wiener Regierung zum zweitenmal den Verzicht auf Schlesien, und Friedrich versuchte im Krieg zwischen Österreich und Frankreich neutral zu bleiben. Es bestand die Gefahr, daß nach dem österreichisch-russischen Bündnis (geschlossen 1746) auch russische Truppen durch deutsche Gebiete marschieren würden.

Um diese Zeit schrieb Friedrich seine pazifistische Ode "Der Krieg im Jahr 1747" ("Bellone, jusqu'à quand ta rage frénétique..."). Darin brachte er in pathe-

tischen französischen Versen auch seine Vorstellungen von den russischen Heeren zum Ausdruck:

"La Sibérie enfante un essaim de barbares,
 Les froids glaçons du Nord mille fiers assassins;
 Je les vois runis, Caspiens & Tartares,
 Marcher sous les drapeaux Bataves & Germains.
 Quel démon excita votre farouche audace?
 Oui, l'Europe pour vous n'a plus assez de place,
 La fureur des combats vous guide sur les mers,
 Pour troubler un autre Univers."⁵

Die zeitgenössische Übersetzung lautet:

"Sibirien gebietet einen Schwarm von Barbaren und das kalte Eis der Mitternacht speiet tausend wilde Mörder aus. Ich sehe die Bewohner des caspischen Meeres und die Tartaren versamlet unter batavischen und teutschen Fanen einherziehen. Welcher Dämon empörete eure wilde Kühnheit? Ja, Europa wird für euch zu enge, die Wuth der Schlachten leitet euch über die Meere, noch eine andere Welt zu verwüsten."⁶

Der Feldherr über seine Gegner

Friedrich war als Politiker und Feldherr, als Philosoph und Kunstkritiker stets ein konsequenter Rationalist, ein Mann der nüchternen und skeptischen Vernunft. Wohl plagten ihn auch Leidenschaften, Sieges- und Leistungsdrang, Ruhmsucht und Zorn. Doch nie ließ er sich von seinen Emotionen verleiten. Den spontanen schönen Gefühlen huldigte er in Gedichten und Briefen, mißtraute ihnen aber im praktischen Leben. Er beanspruchte für seine Politik ideale Motive: Verteidigung, Sorge um die Ehre und das Wohl des Staates; er geißelte seine Gegner für Eigensucht, Raubgier und barbarische Dummheit. Aber dennoch wollte er auch objektiv und rational die Ursachen und Beweggründe politischer Ereignisse erkennen. Er analysierte scharfsinnig die Beziehungen zwischen Staaten, ihre inneren sozialpolitischen Probleme. Auch über seine eigene Politik äußerte er sich oft mit ungehemmter Aufrichtigkeit.

Im ersten Jahr des Siebenjährigen Krieges schrieb er über die Ursachen seiner Niederlagen und Mißerfolge eine "Rechtfertigung meines politischen Verhaltens" (1757):

"Wie konnte ich ahnen, daß Frankreich 150 000 Mann ins Reich schicken würde? Wie konnte ich ahnen, daß das Deutsche Reich sich gegen mich erklären, daß sich auch Schweden hineinmischen,

daß Frankreich Subsidien an Rußland zahlen [...] und Dänemark das Vorgehen der Russen und Schweden gleichgültig mitansehen würde [...]?" (W III, 213)

Am 7. Juni 1757 schrieb Friedrich an den Generalfeldmarschall von Lehwaldt, der in Insterburg auf einen Vormarsch der russischen Truppen warten mußte:

"So viel Ich noch bis dato höre, so wird Apraxin sich eben nicht sehr übereilen, seinen Marsch zum Einfall in Preussen vorzunehmen, wofern es sonst überall richtig ist, was Mir gemeldet werden wollen, dass nämlich die Sachen in Russland sehr embroulliret [...]. Der Zustand der Truppen sei schlecht; man habe dem Apraxin auf Andringen des wienerischen und des sächsischen Hofes eine positive Ordre über die andere geschicket, in Preussen einzubrechen; er habe darauf geantwortet, dass man solches leichter auf dem Papier befehlen als executiren könne, da es ihm noch an so vielen Sachen, als Magazins, Gewehr, Mundierung, Lafetten zu Canons und dergleichen mehr fehle [...]."7

Im Unterschied zu diesem sachlich-nüchternen Bericht äußerte Friedrich während des Siebenjährigen Krieges in zahlreichen Briefen an seine Brüder, an Generäle, Diplomaten und Politiker seine offene Verbitterung und geheime Angst vor den Russen. Seine Feinde wollte der schreibgewandte König offenbar möglichst schlecht und verächtlich schildern. In vielen Briefen und in besonderen Erklärungen berichtete er zornig über die Greuelthaten der Russen, vor allem der "leichten Reitertruppen" der Kosaken und Kalmücken.

An den Geheimrat von der Hellen in Den Haag schrieb er am 6. Oktober 1757:

"Übrigens dürfen Sie nicht übersehen, was wir, und mit uns die ganze Welt, über den plötzlichen, ja sogar äußerst übereilten Rückzug der russischen Armee vor der preußischen gelernt haben, wenn sie auch aber das Schlimmste anrichteten und sogar unerhörte Grausamkeiten gegenüber den armen unschuldigen Untertanen dieses Landes begingen." (B XV, 401)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn;
vgl. Hinweis am Beginn der Anmerkungen]

Am 20. Juli 1758 unterrichtete er den Infanteriegeneral Prinz Ferdinand von Braunschweig:

"[...] ich habe Sie schon gewarnt, daß die Russen meine Provinzen Pommern, die Neumark oder Schlesien mit Invasionen bedroht haben [...], indem sie mit einer großen Schar Kosaken und irregulären Truppen in die Grenzgebiete von Pommern und der Neumark einfielen und mit einer anderen in Schlesien von Guhrau aus. Sie haben diese Gebiete verwüstet, indem sie anrichteten, was die barbarischste und beinahe unerhörteste Grausamkeit nur wildesten und gefühllosesten Menschen eingeben kann [...]." (B XVII, 118 f.)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Kurz nach dem Sieg über die Russen bei Zorndorf berichtet er seinem Bruder Prinz Heinrich am 1. September 1758 Einzelheiten:

"[...], kurz, die Österreicher sind von allen unseren Feinden diejenigen, die vom Krieg mehr verstehen als die wildesten Russen und die leichtfertigsten Franzosen. Ich kann Euch kaum eine Vorstellung von all den Grausamkeiten geben, die diese Unmenschen hier begehen. Die Haare stehen mir zu Berge: Sie erwürgen Frauen und Kinder, verstümmeln den Unglücklichen, derer sie habhaft werden, die Glieder; sie plündern und brennen. Kurz, das sind Greuel, die ein empfindsames Herz nur mit der schmerzlichsten Bitterkeit erträgt. Wenn das Gelände in dieser Gegend nicht so schwierig wäre, dann hätte ich einem solchen Elend schon viel eher ein Ende bereiten können. Aber die Erwägungen, die mich davon abhalten, sind triftig. Ich rechne damit, daß unser Unglück dem Ende zugeht."

(B XVII, 203 f.) [Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

An seinen Minister Graf Finckenstein schrieb er am selben Tag:

"Die Russen haben die Flucht ergriffen, [...] und ich hoffe, daß diese wilden und niederträchtigen Räuber in wenigen Tagen aus diesen armen Provinzen vertrieben sein werden." (B XVII, 205 f.)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Und im Brief vom 10. September an seine Schwester Wilhelmine, die Markgräfin von Bayreuth, teilt er in einer Mischung aus Verachtung und Anerkennung für die Russen mit:

"Ihr fragt mich nach Nachrichten über die Russen. Wir haben sie vernichtend geschlagen und grausam behandelt. Unsere Leute haben fast keine Gnade walten lassen. [...] Die Russen haben die im Kriegshandwerk unkundigsten Offiziere, die es auf der ganzen Welt gibt. Ihre Generäle begehen nur die größten Fehler, der gemeine Soldat hingegen hat Wert. Seit 50 Jahren ist diese Armee unaufhör-

lich siegreich, aber wenn sie noch einige Male eine Tracht Prügel bekommt wie die letzte, dann wird sie die verachtungswürdigste Truppe auf der ganzen Welt sein." (B XVII, 224)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Während der Pechsträhne, die Preußen nach der Niederlage bei Kunersdorf verfolgte, ließ Friedrich Prinz Ferdinand von Braunschweig am 13. Februar 1760 wissen:

"Die Russen lassen 20 000 Mann gegen Fraustadt vorrücken, ihre große Armee wird sich wohl im Sommer gegen Colberg wenden [...]. Gott steh uns bei gegen diese Räuber, die einen so schändlichen Krieg führen [...]!" (B XIX, 95)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Doch alles, was Friedrich den Russen als schreckenerregende Verbrechen vorwarf, glaubte er den eigenen Truppen als gerechte Repressalien befehlen zu müssen. Bereits am 22. Februar 1757 hat er dem Generalfeldmarschall von Lehwaldt gegenüber geäußert:

"[...] nachdem Ich bisher alle Moderation gegen feindliche Lande exerciret, Ich auf den Fall, dass man einige Barbarei gegen Meine dortige Lande dort verüben würde, anstatt eines Dorfes, so man in Preussen verbrennen werde, zehn bis zwanzig Dörfer in Sachsen und in Böhmen zu rechtmässigen Represaille anstecken und abbrennen lassen würde." (B XIV, 302)

Am 9. November 1757 hatte es in einem "Operationsplan für Feldmarschall Lehwaldt" eindeutig geheißen:

"In Schwedisch-Pommern muß so gehauset werden, wie die Russen es in Preußen gemacht haben, und das Mecklenburgsche muß *vivres* und Winterquartiere hergeben, 2 Millionen Contribution, 6000 Wispel Mehl und Haber etc." (W III, 223)

Am 8. Februar 1758 schrieb er dem Feldmarschall von Keith, es sei ihm bekannt geworden, daß die russische Kaiserin die Einwohner von Königsberg zu ihren Untertanen erklärt habe und ihnen den Treueid abverlange. Deswegen:

"Weil das Kriegsrecht mich ermächtigt, darauf berechnete Repressalien anzuwenden, ist es mein ausdrücklicher Wille, daß Sie mir, unter Repressalien, von den Ratsherren der Städte in Sachsen

oder wo sich augenblicklich Garnisonen von Truppen unter Ihrem Befehl befinden, den gleichen Treueid leisten lassen [...].

Ich habe gerade auch dem Staatsminister von Borcke meine Befehle erteilt, damit mir die gleiche Ehrerbietung die Ratsherren der Städte Dresden, Leipzig, Torgau, Wittenberg, Merseburg etc. bekunden." (B XVI, 232) [Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Am 6. November 1758 befahl er dem Generalmajor von Wobersnow:

"In der Lausnitz müsset Ihr, wie Ihr es von den Russen gelernt, wirtschaften, enorme Contributions einziehen, auch Fourage, Hornvieh und Pferde, welche der Neumark zu Statten kommen könnten, zusammenbringen lassen." (B XVII, 358 f.)

Diese Art "Vergeltung" an unschuldigen Zivilisten war in dieser Zeit auch bei anderen Feldherren in anderen Ländern üblich. Doch charakteristisch ist, daß Friedrich die schlimmsten Taten der Russen an sächsischen, pommerschen und mecklenburgischen Bauern und Städtern rächen ließ. Sie gehörten eben nicht zu seinem Königreich, waren für ihn Ausländer.

Eine sachliche Beurteilung russischer Truppen formulierte Friedrich unter Berufung auf seine Informanten im Brief an Generalleutnant Graf Dohna am 4. April 1758:

"Die Grenadierregimenter bestünden aus guter Mannschaft, die andern Regimenter aber aus schlechten Leuten, und was die Handgriffe mit dem Gewehr anlange, so ginge solches noch so ziemlich nach denen Tempos; sobald aber einige Schwenkungen gemacht werden sollten, so ginge es sehr schlecht und wäre alles unter einander. Die Mannschaft von der Cavallerie wäre an sich gut und robuste, ihre Pferde hergegen sehr klein und abgehungert [...]. Was die Officiers, als Capitäns, Subalternen und dergleichen anlange, so wären solches fast durchgängig Russen, die hohen Officiers aber mehrentheils Deutschen." (B XVI, 353)

Das war eine eher objektive Charakteristik, aber Friedrich konnte nicht umhin, wie er ja selbst seinen Feldherren empfohlen hatte, "den Feind öffentlich zu verachten" und nur im geheimen zu respektieren. Die Vorteile der russischen Truppen wollte er durch die ausländische Herkunft ihrer Generäle erklären.

1759 schrieb er seine "Betrachtungen über die militärischen Talente und den Charakter Karls XII."

Dieses Thema war für ihn gegenwärtig und besonders wichtig. Er zog seine Lehren aus den Erfahrungen des kriegslustigen Schwedenkönigs, den die

Russen besiegt hatten. In dem Abschnitt, der dem Beginn des Nordischen Krieges (1700) gewidmet ist, schildert Friedrich die Russen noch verächtlich:

"Ihr zahlreiches Heer war nur eine Horde schlecht bewaffneter und undisziplinierter Barbaren ohne gute Führer. Die Schweden durften sich also den Moskowitern für ebenso überlegen halten wie die Spanier den wilden Völkerschaften Amerikas." (W VI, 370)

Die Zahl der geschlagenen Russen beziffert er mit 80 000; in Wirklichkeit waren es kaum 40 000.

Die Katastrophe, die Karl XII. 1709 vor Poltawa erlitt, wo er sein ganzes Heer verlor, erklärt Friedrich, indem er unvorhersehbare Schicksalsschläge und Karls taktische Fehler ausführlich erörtert; über das russische Heer schreibt er dagegen kurz, aber in anderem Ton als zuvor:

"[...] das war nicht mehr eine Barbarenhorde wie die bei Narwa zersprengte, sondern wohlbewaffnete, gut postierte Soldaten, von geschickten ausländischen Generalen geführt, durch starke Schanzen gedeckt und durch verheerendes Artilleriefeuer geschützt."
(W VI, 378)

In beiden Fällen - im Brief an Dohna wie in der historischen Abhandlung - widerspricht er den Tatsachen. In den Armeen Peters des Großen war die Zahl der russischen Generäle etwa ebensogroß wie die der angeheuerten Ausländer; die Schlacht bei Poltawa befehligten der Zar selbst und sein nächster Gefolgsmann Alexander Menschikow. Und im Siebenjährigen Krieg waren es hauptsächlich russischstämmige Befehlshaber: Stepan Apraxin, Pjotr Rumjanzew, Pjotr Saltykow, Sachar Tschemyschew, Pjotr Schuwalow u.a.m; Ausländer waren nur Graf William (Wilhelm) Fermor und Graf Gottlob Kurt Heinrich Tottleben; das alles mußte Friedrich genau wissen.

Doch selbst in den schwersten Tagen des Siebenjährigen Krieges waren die Russen nicht die meistgehaßten Feinde. Wenn er über Schand- und Greuelthaten klagte, beurteilt er die Österreicher ebenso scharf.

In einer "Relation de l'armée prussienne", herausgegeben im Herbst 1760, nachdem die verbündeten Russen und Österreicher Berlin nach kurzer Besetzung wieder verlassen hatten, heißt es:

"Wir werden in dieser Relation nicht im einzelnen auf die Plünderungen, Grausamkeiten und Barbareien der Russen und Österreicher eingehen; wir begnügen uns damit festzusetzen, daß der Vormarsch der preußischen Armee Berlin am 12. Oktober befreien wird." (B XX, 54) [Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Wenige Tage danach, am 24. Oktober, schrieb im Auftrag des Königs sein Sekretär Eichel an den Grafen Finckenstein, er solle

"sogleich auf ein recht wohl ausgearbeitetes Mémoire arbeiten, und darin ganz umständlich und auf eine dem Publico und insonderheit denen Auswärtigen Impression machende Art alle diejenigen Gewaltthätigkeiten, so die Russen sowohl als die Oesterreicher bei ihrer letzteren Invasion sowohl zu Berlin als zu Charlottenburg und zu Potsdam, insonderheit die Abscheulichkeiten, so die Kosacken und österreichischen Husaren mit Plündern, ohnmenschlichem Prügeln derer Leute, Schändung derer Frauenspersonen von allerhand Alter und aller dergleichen horriblen Barbarien [...] begangen haben, klar beschrieben und dem Publico ganz en détail vor Augen gelegt werden sollten [...]." (B XX, 28 f.)

Demzufolge wurde eine Broschüre herausgegeben: "Kurze Anzeige derer von denen österreichischen, russischen und sächsischen Truppen bei Gelegenheit der im October 1760 auf die Stadt Berlin unternommenen Expedition in der Mark Brandenburg ausgeübten Grausamkeiten und angerichteten Verheerungen. 1760".

Am 12. Februar 1761 schrieb Friedrich an den britischen Botschafter Mitchell in Leipzig. Diesem Vertreter der verbündeten Staatsmacht gegenüber konnte er sich auch Objektivität leisten:

"[...] was die Ausschreitungen in Berlin und in der Umgebung anlässlich der letzten Invasion feindlicher Truppen betrifft, [...] so waren es keineswegs die regulären Truppen von Rußland, die man deswegen beschuldigte, und von denen man - im Gegenteil - Grund hat, mit ihrer guten Ordnung, die sie eingehalten haben, zufrieden zu sein. Es waren nämlich einige leichte Truppen von Kosaken, die mit ihren Ausschweifungen so sehr vordrangen [...]." (B XX, 219)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Mehrere Jahre darauf schrieb er in der "Geschichte des Siebenjährigen Krieges":

"9. Oktober [1760]. [...] Noch am selben Tage marschierten die Russen in Berlin ein. Es wurde vereinbart, daß die Bürgerschaft durch Kriegssteuer zwei Millionen aufbringen und sich dadurch von einer Plünderung loskaufen sollte. Trotzdem hatten Lacy und Tschernyschew nicht übel Lust, einen Teil der Stadt anzuzünden. Ohne die nachhaltigen Vorstellungen des holländischen Gesandten Verelst wäre es vielleicht zu einer Katastrophe gekommen." (W IV, 65)

Friedrich der Große kannte keinen Nationalhaß, dafür war er zu tief vom Geist der kosmopolitischen Aufklärung durchdrungen. Seine Sympathien für Frankreich verleugnete er nie, gab sie auch nach seinen Niederlagen und seinen Siegen nie auf.

Aber eben dieser kosmopolitisch-übernationale und zugleich aristokratisch-elitäre Geist des kriegerischen Preußenkönigs verleitete ihn dazu, die Missetaten der russischen Truppen in Preußen an deutschen Bürgern und Bauern, in Sachsen, Böhmen und Pommern zu rächen.

Der Siebenjährige Krieg war die erste militärische Konfrontation Preußens mit Rußland. Friedrich schrieb mehrere Jahre später:

"Hält man alles zusammen, so sieht man Preußen am Ende des letzten Feldzuges dem Untergang nahe. Nach der Meinung aller Staatsmänner ist es bereits verloren, erhebt sich aber wieder durch den Tod einer Frau und behauptet sich durch den Beistand der Macht, die am eifrigsten an seinem Sturze gearbeitet hatte."
(W IV, 131)

Das bedeutet nichts anderes, als daß allein der plötzliche Tod der Zarin Elisabeth 1761 und die Unterstützung durch die Regierung des neuen Zaren, Peters III., Preußen vor dem Untergang gerettet hatten.

Das zwiespältige, dramatisch gespannte Verhältnis zwischen Friedrich und Rußland schildert differenziert Theodor Schieder in seinem Buch "Friedrich der Große. Ein Königtum der Widersprüche". Darin heißt es:

"Friedrichs Rußland-Bild in den ersten anderthalb Jahrzehnten seiner Herrschaft unterschied sich in seinen negativen Zügen kaum von der späteren Phase seiner Regierungszeit, als er im Siebenjährigen Krieg in militärische Gegnerschaft und in den darauffolgenden Jahren in engere diplomatische Berührungen mit Rußland gekommen war. [...]

Friedrichs Sorge, ja Angst vor Rußland war kein Ergebnis eigener Erfahrungen, sondern eine Vision, eine der 'Chimären', denen seine Phantasie oft nachhing, sicher nicht ohne Wirklichkeitsgehalt, aber im Augenblick, da er sie niederschrieb, noch nicht Gegenwart, sondern Zukunft. Es mag sich darin auch der Neid des in kleine Räume und in enge Verhältnisse gebannten Herrschers auf die gewaltigen Dimensionen des Nachbarreiches verbergen, das unerreichbar und unangreifbar vor ihm lag."⁸

Diese Angst vor dem Riesenreich und das Mißtrauen gegen die russischen Politiker und die Kaiserin verging nicht mit der Zeit. Als eine Art Gegengewicht und auch als Motivation für diese Angst und das Mißtrauen dienten seine verächtlichen Äußerungen über die Russen, über das Volk, dem alles zuzutrauen war.

In der "Geschichte meiner Zeit" (1775) schrieb Friedrich:

"Der Geist der Nation ist ein Gemisch von Mißtrauen und Unredlichkeit. Die Russen sind faul, aber eigennützig, geschickt im Nachahmen, aber ohne Erfindungsgeist. Die Großen sind rebellisch, die Garde ist für die Herrscher eine stete Gefahr, das Volk dumm, trunksüchtig, abergläubisch und unglücklich. Die geschilderten Zustände sind ohne Zweifel schuld daran, daß die Petersburger Akademie der Wissenschaften bisher noch keine Erfolge in Rußland erzielt hat." (W II, 35)

In einer anderen historischen Abhandlung, "Denkwürdigkeiten vom Hubertusburger Frieden bis zum Ende der polnischen Teilung", die Ende der siebziger Jahre entstand, erwähnte er beiläufig die "gewohnte Langsamkeit und Trägheit der Russen" (W V, 29) wie eine selbstverständliche Binsenweisheit.

Der Staatsmann braucht Verbündete

Die Überheblichkeit des "Philosophen von Sanssouci" hinderte den Staatsmann nicht, möglichst gute Beziehungen und eine dauerhafte Freundschaft mit Rußland hartnäckig anzustreben. Kaum, daß er König geworden war, erkannte er das als Notwendigkeit. Als er den ersten Krieg gegen Österreich führte und Schlesien eroberte, befahl er seinem Minister Graf Podewils (30. Januar 1742):

"An den von Mardefeld [preußischer Botschafter in Rußland] habt Ihr zu schreiben, dass er die russische Kaiserin von Meinetwegen äusserst flatiren und derselben von Meiner beständigen Freundschaft alle Versicherung geben soll." (B II, 24)

Nach dem Frieden von Breslau (1742), der Friedrichs Oberherrschaft über Schlesien bestätigte, schloß der Preußenkönig ein Bündnis mit Frankreich, das immer noch mit Österreich im Krieg lag, und strebte gleichzeitig freundschaftliche Beziehungen zu Rußland an, das er auch gegen Österreich ausspielen wollte. Denn schon 1744 begann er den Zweiten Schlesischen Krieg.

Seinem Botschafter in Petersburg, Baron von Mardefeld, gab er schon im Laufe des Jahres 1743 folgende Richtlinie:

6. Januar 1743.

"[...] ich und meine Vorfahren hatten immer überzeugende Zeichen unserer Freundschaft für Rußland gegeben und daß es niemals eine natürlichere, nützlichere und dauerhaftere Allianz geben kann als zwischen mir und Rußland [...]." (B II, 307)

1. Juni 1743.

"Es ist nicht so, daß es mir niemals in den Sinn gekommen wäre, mich aus freien Stücken mit Rußland einzulassen; im Gegenteil, ich

werde alles auf der Welt tun, um immer ein gutes Einvernehmen mit diesem Kaiserreich zu unterhalten, aber ich möchte es nicht mehr so zu fürchten haben, wie in der Vergangenheit [...]." (B II, 370)

20. August 1743.

"Es ist jetzt oder nie an der Zeit, unsere Interessen mit denen Rußlands so fest wie möglich zu verbinden. Tun Sie Ihr Möglichstes, damit ich Erfolg habe, und seien Sie gewiß, daß ich sie nicht ohne Beistand lasse. Kurz gesagt: Unsere Interessen und die der Kaiserin müssen völlig übereinstimmen." (B II, 407)

21. August 1743.

"Sie werden versuchen, durch Ihre Freunde der Kaiserin zu zeigen, daß von allen europäischen Mächten ich es bin, auf dessen aufrichtige Freundschaft sie am meisten zählen soll. Und ich bin an ihrer Erhaltung interessiert, daß sie nicht durch den kleinen Iwan* vom Thron gestoßen wird, der ja immer ein Geschöpf des Wiener Hofes sein würde; und über dessen schlimme Absichten hat die Kaiserin ja Beweise genug in der Hand [...]." (B II, 407)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

[* Gemeint ist Iwan VI. (1740-1764), Großneffe und offizieller Nachfolger der Zarin Anna Iwanowna. Als Säugling wurde er 1740/41 zum Zaren ernannt, von Elisabeth entthront; unter Katharina II. in einer Festung ermordet.]

Graf Podewils gegenüber begründete Friedrich am 25. August 1743 seine außenpolitische Strategie:

"Die Revolution von Rußland - denn so nenne ich ein Ereignis, das die Form dieses Hofes verändern muß - die Revolution von Rußland, sage ich, ist einer der glücklichsten Umstände, die gegenwärtig für Preußen eintreten können [...]." (B II, 409)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

An Baron von Mardefeld in Petersburg ergehen weitere Anweisungen:

30. August 1743.

"Niemand kann bessere Vorstellungen über die natürliche gegenseitige Übereinstimmung der Interessen zwischen Rußland und mir haben als Sie. [...] Gehen Sie so vor, daß Sie den jetzigen Zeitpunkt nutzen, der so günstig für meine Interessen ist, um mit allen Ihren Kräften daran zu arbeiten, die Verbindung zwischen mir und dem russischen Hof zu vervollkommen, daß ich allein, ohne die anderen, der Begünstigste bin [...]." (B II, 411 f.)

7. September 1743.

"Deshalb muß man sowohl der Kaiserin wie den Herren Woronzow und Lestocq geschickt zu verstehen geben, daß nach meinem Dafürhalten das Interesse der Kaiserin unbedingt verlangt, will sie die Oberhand über den Prinzen, Ihren Neffen, behalten, daß sie ihn niemals an eine Fürstin eines großen und mächtigen Hauses verheiratet, sondern im Gegenteil an die Tochter eines mittelmäßigen deutschen Fürsten. Diese wäre dann nämlich wegen ihres Glücks der Kaiserin allein völlig verpflichtet und könnte ihr niemals Ärger bereiten oder Partei gegen sie ergreifen." (B II, 417)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Diese Bemühungen Friedrichs führten zur Vermählung des russischen Kronprinzen Peter von Holstein-Gottorp (mütterlicherseits ein Enkel Peters des Großen) mit der Tochter eines "prince médiocre", Sophie von Anhalt-Zerbst, die zwanzig Jahre später die russische Kaiserin Katharina II. wurde.

Friedrich interessierte sich lebhaft für alles, was in Rußland vorging; er ließ sich genau über das höfische Leben in Petersburg unterrichten, über Intrigen, Liebschaften und Skandale in der nächsten Umgebung der Zarinne Elisabeth und Katharina. Er schickte seinen Botschaftern größere Geldsummen und Ordenszeichen, um Würdenträger und Beamte zu bestechen oder Spione anzuheuern.

Walther Mediger, der im allgemeinen die Ansichten Schieders teilt, stellt in seiner Arbeit "Friedrich der Große und Rußland" fest: "Das Bündnis mit Rußland war nach dem Siebenjährigen Kriege zum Angelpunkt der Politik Friedrichs geworden."⁹

Hartnäckig strebte der Preußenkönig einen dauerhaften Beistand Rußlands an. Er war dieser Macht nie richtig zugeneigt, war oft schlecht unterrichtet über die Verhältnisse im fernen Land, urteilte manchmal ungerecht sarkastisch über russische Menschen, blieb aber stets überzeugt, was er schon als Kronprinz wußte: "Rußland ist Preußens natürlichster Verbündeter".

Am 25. März 1766 schrieb er an seinen Botschafter Graf Victor Friedrich von Solms im Zusammenhang mit den Plänen einer "nordischen Ligue", die Katharina damals zu billigen schien:

"Wenn ich mit Rußland verbunden bleibe, werden mich alle unversehrt lassen, und so bewahre ich den Frieden."¹⁰

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Katharina II., die er einst als Braut für den russischen Kronprinzen Peter empfohlen hatte, wurde zu einer Selbstherrscherin. Ebenso wie Friedrich war sie ein Kind der kosmopolitischen Aufklärung und hatte nichts übrig für Bluts-

verwandtschaft und nationale Verbindungen. Die kleine deutsche Prinzessin wurde eine von Größenwahn besessene, eroberungslustige russische Zarin und identifizierte sich restlos mit der Macht und dem Ruhm ihres Riesenreichs.

Friedrich warb beharrlich und unermüdlich um ihre Gunst. Ebenso wie er sie einst als Braut für den russischen Kronprinzen empfohlen hatte, besorgte er auch für ihren Sohn Paul eine deutsche Prinzessin, eine Tochter des Landgrafen von Hessen-Darmstadt. Deren Mutter, der Landgräfin Karoline, schrieb er pathetische Briefe nach Petersburg, genau wissend, daß der Zarin darüber sowohl die Briefempfängerin als auch die geheime Postzensur ausführlich berichten würden.

7. September 1773:

"Andere barbarische Völker haben sich im Laufe der Jahrhunderte allmählich verfeinert, aber wir haben kein Beispiel einer Umgestaltung, die mit solcher Schnelligkeit sich vollzogen hätte wie die in Rußland. Das große Genie, das jetzt das Land regiert, vervollkommt das, was ihre Vorgänger entworfen haben, aber wenn das Schicksal diese Reihenfolge von Herrschern nicht angeordnet hätte, und ich wage es zu sagen, wenn drei Frauen nicht die Zügel des Reiches mit Festigkeit geführt hätten, niemals hätten die Sitten sich so gesänftigt, und nie wäre dieser Hof zu dem Grade von Schliff gelangt, den er zu erreichen gewußt hat."

5. Oktober 1773:

"Wenn ich eine Frau sehe, die sich herbeiläßt, sich mit mir zu verbünden, nach einem Krieg und Scherereien, die mir ihre Vorgängerin bereitet hat, so liebe ich sie. Wenn ich diese Frau ihren Untertanen weise Gesetze geben sehe, so bewundere und segne ich sie. [...] Wenn ich soviel bewundernswerte Einrichtungen für die Erziehung des künftigen Rußland sehe, so begrüße ich es, daß diese Fürstin die Aufgaben der Herrscher so gut erfüllt, worunter meiner Ansicht nach die Erziehung eine der hauptsächlichen ist. Wenn bei so großen Taten eine große Fürstin auch noch liebenswürdig ist, so könnte ich fürs Leben nicht anders als ihr Beifall spenden."¹¹

Über den Kronprinzen Paul urteilte er:

"Er zeigte sich stolz, hochmütig und heftig, und so fürchteten alle, die die russischen Verhältnisse kennen, er werde Mühe haben, sich auf dem Thron zu behaupten, oder als Herrscher eines harten und halbwilden Volkes, das durch die milde Regierung mehrerer Kaiserinnen verwöhnt war, ein ähnliches Schicksal erleiden wie sein Vater." (W V, 90)

Diese Vermutung war prophetisch: Paul wurde 1801 nach kaum fünfjähriger Regierungszeit von Verschwörern ebenso umgebracht wie vierzig Jahre zuvor sein Vater.

Friedrich urteilte scharfsinnig über den Kronprinzen, aber ungerecht und historisch falsch beurteilte er das Volk: Nichts weniger als "verwöhnt" waren die russischen Bauern - die große Mehrheit des Volkes; so durfte man vielleicht nur von den Offizieren der Garde sprechen.

Diese Verbindung von eigenständiger Urteilskraft mit überlieferten stereotypen Vorurteilen war charakteristisch für den großen Preußenkönig wie auch für manche seiner aufgeklärten Zeit- und Standesgenossen.

Doch seine Rußlandpolitik ließ er davon nicht beeinflussen. 1775 schrieb er in der "Geschichte meiner Zeit":

"Rußland war Preußens einziger Bundesgenosse. [...] Der König von Preußen durfte sich also damals Frankreich nicht zu sehr nähern, wenn er seine einzige Bundesgenossin behalten wollte." (W V, 96)

Im Frühjahr 1776 sandte er seinen Bruder Heinrich als Sonderbotschafter nach Petersburg mit dem einzigen Ziel, die Freundschaft mit Rußland zu festigen. Er verlangte von ihm ausführliche Berichte über Verhandlungen und Begegnungen mit Politikern und Würdenträgern und sandte ihm wiederholt ausdrückliche Instruktionen. Die vom 14. April 1776 lautete:

"Ich werde Euch sagen, daß ich es für die Hauptaufgabe unseres Hauses halte, die gute Übereinstimmung mit Rußland zu bewahren und zu festigen. Wir brauchen sie, und für unsere Nachwelt kann sie noch viel nötiger sein als für uns. [...] Das übrige überlasse ich Euch, mein lieber Bruder, in der Überzeugung, daß Ihr die Interessen Eures Vaterlandes nicht vergessen werdet und daß Ihr nur dem nachgeben werdet, was notwendig ist in Übereinstimmung mit dem großen Bestreben, mit Rußland innig verbunden zu sein."
(B XXXVIII, 27) [Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Diese Forderung, dieses Gebot erging im darauffolgenden Monat in chiffrierten Briefen an den Bruder immer wieder - in verschiedenen Formulierungen, aber mit unablässigem Nachdruck. Dabei blieb er mißtrauisch gegen russische Staatsmänner und das russische Volk. Am 3. Dezember 1776 belehrte er den Bruder:

"[...] Ich verlasse mich nicht sehr auf die russische Politik, die aus dem leichtfertigen und wenig konsequenten Geist dieser Nation resultiert. Ihre Monarchie ist so mächtig, daß sie keinen Verbündeten braucht. Und wenn sie in Verbindung mit anderen Völkern treten,

dann tun sie es eher, um sich aufzuspielen, als für ihre Verteidigung. So kommt es, daß sie immer begehrt sind und sich bei niemandem anzubiedern brauchen." (B XXXVIII, 452)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

In seinen letzten Lebensjahren richtete der "alte Fritz" seine größten Mühen auf die Gründung des Deutschen Fürstenbundes. Die Vereinigung vor allem norddeutscher Fürsten sollte seinen gefährlichsten Gegner Österreich endgültig zähmen. Und auch dafür brauchte er Rußlands Hilfe. 1778, als er wieder darauf aus war, "Österreich zu bekriegen", schickte er seinen "Feldzugsplan für 1779" dem russischen Befehlshaber Fürst Repnin und schrieb ihm, da "die Kaiserin von Russland bereit ist, die deutsche Freiheit aufrecht zu erhalten" (W V, 136), so rechne er mit einem russischen Hilfscorps. Freilich wartete er vergebens, denn auch für Katharina war der deutsche Fürstenbund eine gefährliche Verstärkung des seit der Teilung Polens unmittelbaren Nachbarn Preußen.

Am 1. Juli 1780 schrieb Friedrich seinem damaligen Botschafter in Petersburg, dem Grafen Goertz:

"Das Beste und Sicherste für mich wird immer sein, daß mein Bündnis mit Rußland unversehrt bleibt und daß unser gutes Einvernehmen und unsere gute Freundschaft so weiterbestehen, wie sie jetzt sind." (B XLIV, 333)

[Aus dem Französischen von Karl-Heinz Korn]

Nachdem der österreichische Kaiser Joseph II. (1740-1790; Kaiser seit 1765) Rußland im Sommer 1780 besucht und dort sowohl mit der Zarin wie mit manchen ihrer Minister freundschaftliche Beziehungen angeknüpft hatte, war Friedrich sehr besorgt. In seinem "Kabinettserslaß" vom 21. Februar 1784 schrieb er: "Auf Rußland [...] rechne ich für die nächsten Zeiten nicht [...]." Er glaubte, daß die Zarin und ihre Minister "österreichisch bis in die Fingerspitzen" seien und behauptete:

"Das Beste [...] ist, uns nicht zu rühren und ruhig abzuwarten, bis sich in Europa dies oder jenes ereignet, woraus wir sofort Nutzen ziehen müssen." (W V, 156)

Doch jetzt hoffte er auf den Thronfolger, der ihm früher so mißfallen hatte. Und im November 1784, in einer Notiz "Über die Politik", warnte er seine Minister und seine Nachfolger vor einer Annäherung an Frankreich auf Kosten der Beziehungen zu Rußland:

"Es hieße [...] sehr übereilt handeln, wenn man ein nützliches Bündnis bräche, um ein anderes mit einer so heruntergekommenen Macht wie Frankreich anzuknüpfen." (W V, 155)

Friedrichs Verhältnis zu dem Staat der Zaren wechselte manchmal recht schroff, es war bestimmt von zeitpolitischen Umständen, von diplomatischen Ansprüchen und Interessen Preußens.

In den vierziger Jahren war Rußland der "natürlichste Verbündete" für den jungen König, der seinen mächtigsten Rivalen Österreich bekämpfte, ihm Schlesien entriß und andere Gebiete streitig machte.

In den fünfziger Jahren, als Ostpreußen zu einer russischen Provinz wurde und russische Truppen Berlin bedrohten, wurde Rußland zu seinem gefährlichsten Feind.

1762 rettete der preußenfreundliche Zar Peter III. das schwerbedrängte, beinahe zusammenbrechende preußische Königreich.

In den nachfolgenden Jahrzehnten gewann das russische Imperium immer neue Kräfte, breitete sich immer weiter im Süden, im Osten und auch im Westen aus. Friedrich sah in dem übermächtigen Nachbarstaat bald einen Verbündeten - sogar den "einzigen Bundesgenossen" und Beschützer -, bald einen bedrohlichen Gegenspieler.

Was bleibt von Friedrichs Rußlandbildern?

Auch in seinen letzten Lebensjahren äußerte sich Friedrich der Große oft verächtlich über "die Russen" - über die Minister und das Volk. Doch urteilte er über sie weder schlimmer noch besser als über andere Nationen.

Seine Urteile über die Russen, über die Nation und über einzelnen Menschen, waren vor allem von der außenpolitischen Situation und von seinen propagandistischen Zielen bestimmt; sie erscheinen bald als beiläufige, kurz ausgedrückte Bemerkungen, bald als ruhig überlegte, bald als emotional überspitzte Äußerungen.

Manchmal unterscheiden sie sich grundsätzlich voneinander, aber immer lassen sie Urteile oder auch Vorurteile eines Mannes erkennen, dessen Weltbild von den Ideen Leibniz', Montesquieus und Voltaires geprägt wurde. Dementsprechend glaubte auch er, daß Unterschiede zwischen Völkern und Nationen hauptsächlich davon abhängen, wieweit sie sich von der "Barbarei" entfernt haben, wie erfolgreich sie in ihrer Aufklärung fortgeschritten sind.

Der aufgeklärte "erste Diener seines Staates", der Autor französischer Gedichte und Poeme, der scharfsinnige Freund und Briefpartner von Voltaire und d'Alembert blieb eben ein Autokrat, blieb seiner monarchischen Weltempfindung, seinen Standesvorurteilen verhaftet. Deswegen glaubte er, daß nur große Potentaten - Kaiser, Päpste und Fürsten - die wichtigsten Voraussetzungen für

Erfolge der Kunst und der Wissenschaft sichern könnten. Für ihn waren Lorenzo Medici, Richelieu und Ludwig XIV. beispielhaft:

"Wenn wir erst Medizäer haben, werden wir auch Genies erblühen sehen. Ein Augustus wird einen Virgil hervorbringen. Wir werden unsre Klassiker haben. [...] Unsre Nachbarn werden Deutsch lernen." (W VIII, 99)

Die deutschen "Klassiker" waren aber bereits seit Jahrzehnten auch in anderen Ländern bekannt und geachtet.

Er verkündete als Zukunftsvision das, was schon da war. Einen tragischen oder vielleicht tragikomischen Sinn erhalten die letzten Zeilen dieser Schrift: "Ich bin wie Moses: ich sehe das gelobte Land von Ferne, aber ich werde es nicht betreten." Doch er lebte bereits in dem "gelobten Land" der deutschen Klassik; fruchtbare Gefilde lagen um ihn; auch sein eigenes Werk war ein Teil ihrer Erträge, aber eben nur ein Teil. Er war kein "Moses" - nicht er führte die friedlichen Heere der deutschen Kultur.

Friedrich der Große wurde bereits zu Lebzeiten zu einem nationalen Mythos. "Friedrich der Einzige" erschien den Nachkommen umwoben von Heldensagen, von romantischen und realistischen Geschichten, Anekdoten, historiosophischen Spekulationen, Witzen und Oden...

Um so bemerkenswerter ist das Schicksal seines geistigen Erbes. In den zweihundert Jahren nach seinem Tod wurden seine Schriften und Briefe - die französischen Originale und die deutschen Übersetzungen - mehrmals veröffentlicht, ausgiebig wissenschaftlich kommentiert.

Dennoch konnte seine so oft, so eindeutig betonte Liebe zu Frankreich und den Franzosen es nicht verhindern, daß immer schlimmere Feindbilder der "dekadenten", "boshaften", "genußsüchtigen", "leichtfertigen", "raubgierigen" "Erbfeinde" in Schulen und Kasernen, durch Tagespresse und Belletristik geprägt und eingetrichtert, zu massenhaften Vorstellungen wurden.

Seine kritischen und abwertenden Äußerungen über deutsche Kultur, Sprache und Literatur blieben ebenso kaum beachtet. Goethe, der in Friedrich die Verkörperung des "Dämonischen" und des Genialen erkannte, stellte ihn darin mit Peter dem Großen und Napoleon gleich¹² und schrieb über die königliche Literaturkritik mit ironischer Nachsicht: "Daß Friedrich der Große aber gar nichts von ihnen wissen wollte, das verdroß die Deutschen doch, und sie taten das möglichste, als Etwas vor ihm zu erscheinen."¹³ In einem literaturhistorischen Standardwerk der Gründerzeit aber wurde dieses Problem naiv pathetisch wegdekamiert: Da erscheint Friedrich als "der große Philosoph und Dichter auf dem Königsthron, der nur in *französischer* Sprache seinem reichen Gedankenleben und seinen ernstesten Studien einen Ausdruck gab, der aber doch in der Faust

ein *deutsches* Schwert führte, und dem auch in der Brust ein *deutsches* Herz schlug".¹⁴

Die neuen imperialen nationalistischen und chauvinistischen Doktrinen, Vorurteile und Parolen verdrängten die menschenfreundlichen, so patriotischen wie kosmopolitischen Ideen der Aufklärer, die Ideen von Lessing, Kant, Goethe und Schiller, die Vorstellungen, zu denen sich auch Friedrich der Große bekannte. Die Ideologen des Zweiten und des Dritten Reichs schöpften aus seinem Nachlaß weniger die Lehren des Feldherrn und Staatsmanns als die Erfahrungen seiner skrupellos machiavellistischen Machtpolitik. Dazu gehören auch die Feindbilder, die in anderen Zeiten, in anderen Kriegen verwendet werden konnten. So erscheinen seine Äußerungen über Rußland und Russen manchmal wie "Kettenglieder" zwischen den barocken "wilden Moskowiten" und den neuzeitlichen Schreckensbildern der "Untermenschen", des "bolschewistischen Auswurfs der Steppe".

Es ist ein exemplarisches Zeugnis für eine schlimme historische Gesetzmäßigkeit: Freundliche oder nur objektive, wirklichkeitsnahe Fremdenbilder werden durch zeitweilige Ereignisse verdrängt, verwischt. Dagegen bleiben die Zerrbilder, die aus alten Vorurteilen, aus bitteren Reminiszenzen, aus Überheblichkeit oder aus Angst und Minderwertigkeitskomplexen entstanden sind, jahrhundertlang zählebig und können immer wieder als Feindbilder neu belebt werden. Im Zeitalter der Nuklearwaffen und der weltweit umfassenden Informationsfluten werden sie besonders gefährlich.

Die "Frankfurter Allgemeine Zeitung" brachte am 12. März 1986 einen Bericht vom "Berliner Symposium über Friedrich den Großen".¹⁵ Darin heißt es: "Es war von beklemmender Aktualität, als Professor Mediger [...], der über das Thema 'Friedrich der Große und Rußland' sprach, Äußerungen des Königs über die künftige politische Rolle der Russen und die tödliche Gefährdung Mitteleuropas durch Rußland zitierte. Die Parallelen zum 20. Jahrhundert waren bei diesem Vortrag bis in die Einzelheiten hinein mit Händen zu greifen."

Es bleibt unklar, welche Parallelen dem Berichterstatter der Zeitung "greifbar" erscheinen. Gut, wenn es die Schlußfolgerung Walther Medigers ist, die er aus seinen Betrachtungen über Friedrichs Beziehungen zu Rußland zieht: "Der Rückhalt an dem russischen Bündnis [...] war ihm nun einmal unentbehrlich als die Voraussetzung für die Sicherheit seines Staates und die Erhaltung des Friedens."¹⁶

A n m e r k u n g e n

Hinweis des Herausgebers:

Dieser Artikel ist zuvor als Originalbeitrag erschienen in: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*. Herausgegeben von Mechthild Keller, München: Fink, 1987, S. 275-297 (= West-östliche Spiegelungen, Reihe A, Bd. 2). Für die vorliegende Fassung wurden die Zitate - soweit nicht anders angegeben - in der deutschen Übersetzung von Karl-Heinz Korn in den Haupttext übernommen und die französischen Originale an den Schluß der Anmerkungen verlegt.

- 1 Zitiert nach: *Die Werke Friedrichs des Großen*. In deutscher Übersetzung. Zehn Bände. Hrsg. von Gustav Berthold Volz. Berlin 1913 und 1914. Hier: Bd. 9: Dichtungen. Erster Teil. Berlin 1914, S. 21. Im folgenden zitiert als W mit Band- und Seitenzahl.
- 2 Berlin 1981, S. 156 f.
- 3 *Isaak Iselin über die Geschichte der Menschheit*. Zweyter Theil. Karlsruhe 1784, S. 427 ff.
- 4 François Marie Arouët de Voltaire: *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. Tome premier. o. O. [Genève] 1761. Tome second . o. O. [Genève] 1763. - Johann Gotthilf Vockerodt: *Russland unter Peter dem Grossen*. In: *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands*. Hrsg. von Ernst Herrmann. Leipzig 1872, S. 1-507.
- 5 Aus der sechsten Ode "La guerre de 1747". Zitiert nach: Friedrich II. *Poésies Diverses*. Berlin 1760, S. 33.
- 6 Zitiert nach: Friedrich II. *Poetische Werke des Weltweisen zu Sans-Souci*. Erster Theil. Aus dem Französischen nach der Lioner Ausgabe übersetzt, mit beigefügten Abweichungen der Berliner Ausgabe. Zweite verbesserte Aufl., o. O. 1760, S. 21. Die letzten Zeilen der angeführten Strophe beziehen sich wohl auf die Gerüchte, daß russische Truppen in die englisch-französischen Kämpfe in Nordamerika eingreifen würden.
- 7 Zitiert nach: *Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*. Bd. 1 ff. Berlin 1879 ff. Hier: Bd. 15, Berlin 1887, S. 141. Im folgenden sind die Briefe zitiert als B mit Band- und Seitenzahl.

- 8 Frankfurt/M. 1983, S. 228 und S. 237.
- 9 Unveröffentlichtes Manuskript, S. 14. Hier sei dem Autor herzlich gedankt für die Erlaubnis, seine Arbeit zu lesen und auszuwerten, sowie für die kritische Durchsicht meines Beitrags.
- 10 Zitiert nach: Kurd Schlözer: *Friedrich der Große und Katharina II.* Berlin 1859, S. 186.
- 11 Zitiert nach: *Um eine deutsche Prinzessin.* Ein Briefwechsel Friedrichs des Großen, der Landgräfin Karoline von Hessen-Darmstadt und Katharina II. von Rußland (1772-1774). Übersetzt und herausgegeben von Gräfin Alexandrine Keyserling. Hamburg 1935, S. 120 und 135.
- 12 Vgl. die Eintragungen zum 8. März 1831 und zum 11. März 1828 bei: Johann Peter Eckermann: *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens.* Bd. 24 der Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche. Hrsg. von Ernst Beutler. Zürich 1948, S. 472 und 674.
- 13 Maximen und Reflexionen. In: Johann Wolfgang Goethe. *Sämtliche Werke in 18 Bänden.* Hrsg. von Ernst Beutler. Bd. 9, Zürich und München 1977, S. 603.
- 14 Robert Koenig: *Deutsche Literaturgeschichte.* 21. Aufl. [1. Aufl. 1878], Bielefeld und Leipzig 1890, S. 332.
- 15 Ulrich March: Am König scheiden sich die Geister. Ein Berliner Symposium über Friedrich den Großen und seine Zeit. Ansätze einer Läuterung.
- 16 Walther Mediger: *Friedrich der Große und Rußland.* Unveröffentlichtes Manuskript, S. 19.

Originalzitate in französischer Sprache:

"Vous ne sauriez, d'ailleurs, ignorer ce que nous avons, et tout le monde avec nous, appris de la retraite soudaine et même fort précipitée de l'armée de Russie de la Prusse, quoiqu'en commettant tout le mal possible et même des cruautés inouïes contre de pauvres sujets innocents de ce pays-là."
(B XV, 401)

"[...] je vous ai déjà averti comme quoi les Russiens menaçaient de quelque invasion mes provinces de la Poméranie, de la Nouvelle-Marche ou de la Silésie, [...] en tombant avec un gros partie de cosaques et de troupes

irrégulières sur des lieux limitrophes de la Poméranie et de la Nouvelle-Marche, et avec un autre sur la Silésie du côté de Guhrau, qu'ils ont ravagés, en commettant tout ce que la cruauté la plus barbare et presque inouïe a pu inspirer à des gens les plus féroces et insensés [...]." (B XVII, 118 f.)

"[...] bref, les Autrichiens sont de tous nos ennemis ceux qui entendent mieux la guerre que les Russes les plus féroces et les Français les plus légers. Je ne saurais vous faire une idée de toutes les barbaries que ces infâmes commettent ici, les cheveux m'en dressent à la tête: ils égorgent des femmes et des enfants, ils mutilent les membres des malheureux qu'ils attrapent, ils pillent, ils brûlent; enfin, ce sont des horreurs qu'un cœur sensible ne supporte qu'avec la plus cruelle amertume. Si le terrain n'était pas aussi difficile dans ces contrées, j'aurais pu mettre une fin plus prompte à tant de calamités; mais les considérations qui m'arrêtent, sont valables, et je me flatte que nos malheurs tirent à leur fin." (B XVII, 203 f.)

"Les Russes viennent de s'enfuir, [...] et j'espère que, dans peu de jours, ces brigands féroces et infâmes seront expulsés de ces pauvres provinces." (B XVII, 205 f.)

"Vous me demandez des nouvelles des Russes. Ils ont été bien battus et traités cruellement; nos gens n'ont fait presque quartier à personne. [...] Les Russes ont les officiers les plus ignorants qu'il y ait dans l'univers dans le métier de la guerre; leurs généraux ne font que des fautes grossières; le commun soldat a de la valeur. Depuis 50 ans, cette armée est sans cesse victorieuse; mais si elle recevait une couple de corrections comme la dernière, cela deviendrait la plus méprisable troupe de l'univers." (B XVII, 224)

"Les Russes font avancer 20 000 hommes vers Fraustadt, leur grande armée doit agir cet été vers Colberg [...]. Dieu nous assiste contre ces brigands qui font une guerre bien honteuse [...]!" (B XIX, 95)

"[...] comme le droit de guerre m'autorise d'user de justes représailles là-dessus, ma volonté expresse est que vous devez, par représaille, faire prêter le même serment de fidélité à moi par tous les magistrats des villes en Saxe où se trouvent actuellement garnisons de troupes sous vos ordres [...]. Je viens aussi de donner mes ordres au ministre d'Etat de Borcke, afin que le même hommage me soit prêté des magistrats des villes de Dresde, de Leipzig, de Torgau, de Wittenberg, de Merseburg, etc. " (B XVI, 232)

"On n'entre point, dans cette relation, dans le détail des déprédations, des cruautés et des barbaries commises par les Russes et par les Autrichiens; on se contente de dire que l'approche de l'armée prussienne délivra Berlin, le 12 d'octobre." (B XX, 54)

"[...] au sujet des excès commis à Berlin et alentour à l'occasion de la dernière invasion des troupes ennemies, [...] ce n'étaient nullement les troupes régulières de Russie qu'on en accusait et dont, au contraire, on avait lieu de se louer du bon ordre qu'elles avaient observé, mais bien quelques troupes légères des cosaques qui avaient poussé leurs désordres à ce point [...]." (B XX, 219)

"[...] moi et mes ancêtres avons donné toujours des marques assez convaincantes de notre amitié pour la Russie, et qu'il ne pourra jamais être une alliance plus naturelle, plus utile et plus solide qu'entre moi et la Russie [...]. (B II, 307)

"Ce n'est pas qu'il me viendra jamais dans l'esprit de vouloir me frotter de gaieté de cœur à la Russie; au contraire, je ferai tout au monde pour entretenir toujours une bonne harmonie avec cet empire, mais je ne veux plus l'avoir tant à craindre que du temps passé [...]." (B II, 370)

"C'est à présent le temps, ou ce ne le sera jamais, de lier nos intérêts avec la Russie aussi fortement que possible; faites tous vos efforts pour que je réussisse, et comptez que je ne vous laisserai point sans assistance; en un mot, il faut que nos intérêts et ceux de l'Impératrice soient absolument les mêmes." (B II, 407)

"Vous tâcherez de faire voir par vos amis à l'Impératrice que de toutes les puissances de l'Europe, c'est moi sur l'amitié sincère de qui elle doit compter le plus, intéressé comme je suis, pour sa conversation, qu'elle ne soit pas renversée du trône par le petit Iwan*, qui serait toujours une créature de la cour de Vienne, dont l'Impératrice a maintenant des preuves en main de ses mauvaises intentions [...]." (B II, 407)

"La révolution de Russie – car j'appelle ainsi un événement qui doit faire changer le système de cette cour – la révolution de Russie, dis-je, est une des conjonctures les plus heureuses qui puissent arriver pour la Prusse dans les conjonctures présentes [...]." (B II, 409)

"On ne saurait mieux penser que vous le faites sur la conformité naturelle d'intérêts mutuels entre la Russie et moi, [...] mon intention est que vous devez profiter du moment présent, si favorable pour mes intérêts, pour travailler de toutes vos forces afin de rendre les liaisons entre moi et la cour de Russie si parfaites que moi seul, à l'exclusion des autres, sois le plus favorisé [...]." (B II, 411 f.)

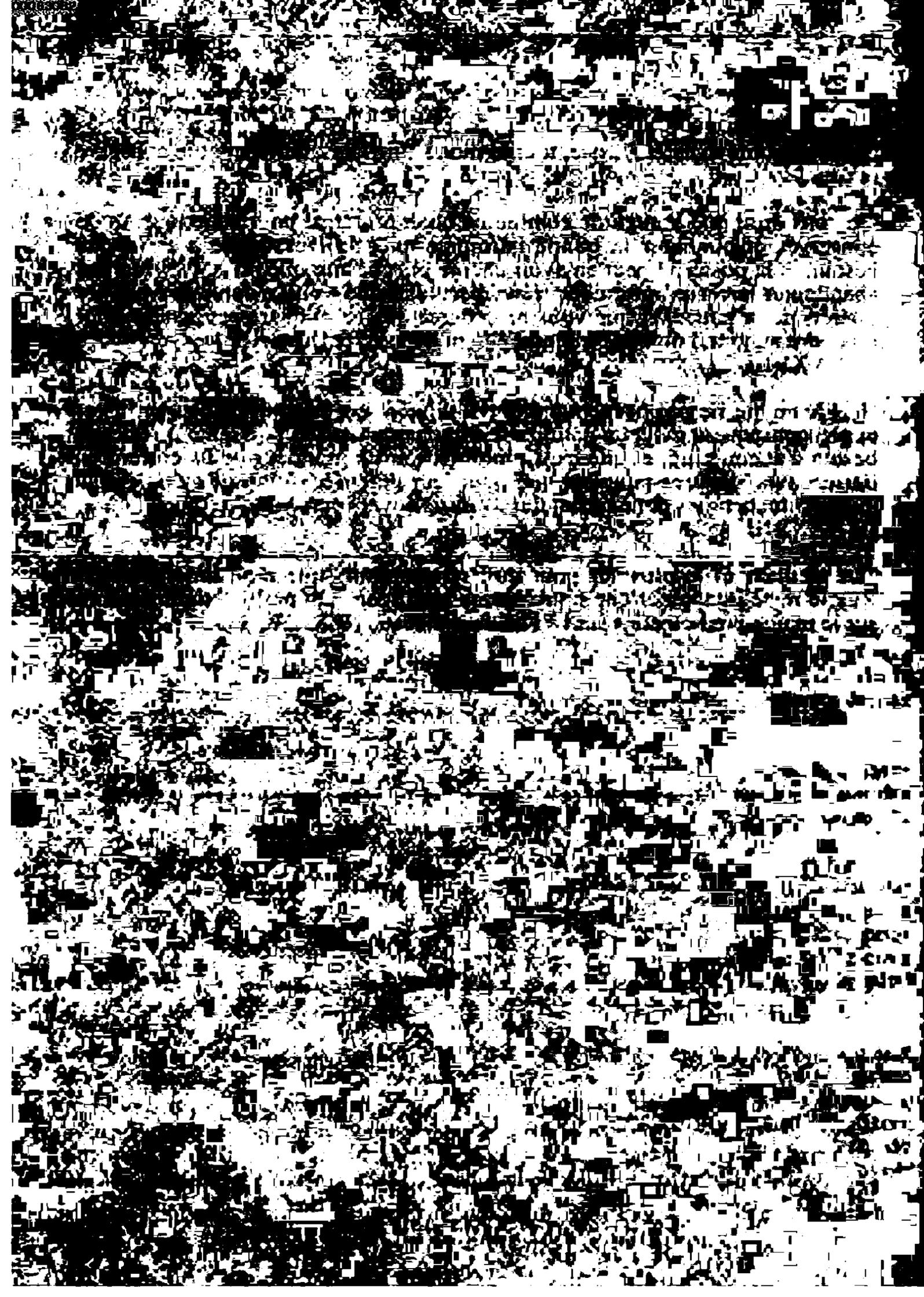
"C'est pour cela qu'il faut insinuer adroitement tant à l'Impératrice qu'aux sieurs Woronzow et Lestocq, que, selon moi, l'intérêt de l'Impératrice demande absolument, si elle veut rester la maîtresse du Prince son neveu, qu'elle ne le marie jamais à une princesse d'une grande et puissante maison, mais au contraire à une princesse d'un des princes médiocres de l'Allemagne, qui aurait alors toute l'obligation à l'Impératrice seule d'avoir fait sa fortune, et qui ne lui pourrait jamais causer de l'ombrage ni former un parti contre elle." (B II, 417)

"Si je reste uni avec la Russie, tout le monde me laissera intact et je conserve la paix."

"Je vous dirai que je regarde comme un objet principal pour cette maison de conserver et cimenter la bonne harmonie avec la Russie; nous en avons besoin, et la postérité peut en avoir encore plus besoin que nous. [...] Je vous abandonne le reste, mon cher frère, persuadé que vous n'oublierez pas les intérêts de la patrie, et que vous ne céderez que ce qui sera nécessaire pour répondre au grand objet d'être intimement lié avec la Russie."
(B XXXVIII, 27)

"[...] je ne me fie pas beaucoup à la politique russe, assujettie à l'esprit léger et peu conséquent de cette nation. Leur monarchie est si puissante qu'elle n'a besoin d'aucun allié, et que c'est plutôt par air de grandeur qu'ils entrent en liaison avec d'autres peuples, que pour leur défense. Cela fait qu'ils seront toujours recherchés et ne feront des avances envers personne."
(B XXXVIII, 452)

"Le meilleur et le plus sûr pour moi sera toujours que mon union avec la Russie reste intacte, et que notre bonne intelligence et amitié soit continuée sur le même pied où elles sont à l'heure qu'il est." (B XLIV, 333)

I. Mel'čuk

CHANGER ET CHANGEMENT EN FRANÇAIS CONTEMPORAIN
(étude sémantico-lexicographique)*

À Viktor Jul'evič, qui changeait, a changé et change, mais qui reste toujours lui-même — avec plus de respect, de gratitude et d'affection que je ne pourrais en exprimer.

Plus ça change, plus c'est la même chose
[A. Karr]

Le verbe CHANGER et son dérivé CHANGEMENT sont intéressants du point de vue lexicographique pour au moins deux raisons.

• La première est que le sens de base du verbe CHANGER — celui de CHANGER intransitif, qui est grosso modo 'devenir différent', — est, pour ainsi dire, sous-jacent aux signifiés des nombreuses lexies françaises, telles que *(se) modifier, varier, (se) transformer, (se) convertir, ...*, et à tous leurs parents sémantiques. De plus, ce sens est lié, d'une façon ou d'une autre, aux signifiés de toutes les lexies françaises désignant des changements spécifiques : 'changer de dimension' (*grossir, grandir, diminuer, augmenter, (se) gonfler, (se) réduire, ...*), 'changer de couleur' (*pâlir, rougir, (se) ternir, ...*), 'changer de température' (*(se) chauffer, (se) refroidir, (se) rafraîchir, ...*), 'changer de direction' (*virer, (se) retourner, (se) rabattre, rebrousser chemin, ...*), et ainsi de suite. On doit donc accepter la proposition de B.Pottier (1987: 148) : "Le concept de /CHANGER/ est essentiel dans une théorie sémantique".

• La deuxième est que ces deux vocables comportent beaucoup d'acceptions entremêlées, appartenant à des champs sémantiques différents; cf. :

(1) *La situation change* [MODIFICATION];

Tu changes à l'Etoile [TRANSPORT];

Il faut changer le bébé [VÊTEMENT];

Jean a changé le lit de place [DÉPLACEMENT PHYSIQUE];

Jean a changé son fils d'école [DÉPLACEMENT ABSTRAIT];

J'aimerais changer un billet de mille francs [ARGENT]; etc.

Par conséquent, ces vocables présentent beaucoup de phénomènes intéressants du point de vue de deux problèmes centraux de la lexicographie : la DISTINCTION des sens (d'un mot polysème), c'est-à-dire l'isolement des lexies à définir; et la FORMULATION DES DÉFINITIONS des sens ainsi isolés.

Nous disposons déjà d'une analyse sémantique détaillée de CHANGER faite par B.Pottier (1978, 1987: 147-154), qui a établi les principales démarcations

entre les acceptions de ce verbe. Dans une large mesure, nous fondons notre propre description sur ces résultats. Notre but, dans cette recherche, est double :

- Élaborer les articles de dictionnaire du type prévu par le "Dictionnaire Explicatif et Combinatoire du français contemporain" [= DEC] pour les deux vocables indiqués plus deux autres vocables apparentés: SE CHANGER [*en*] et CHANGÉ (tâche pratique). Nous continuons ainsi la série de publications du même type sur le français, l'anglais, le russe et l'espagnol; mentionnons ici Dostie *et al.* 1991, Mel'čuk et Robitaille 1988, Mel'čuk et St-Germain 1987, Dagenais 1987, Mantha 1984, Mantha et Mel'čuk 1984 (pour le français), Mackenzie and Mel'čuk 1988, Ilson and Mel'čuk 1989 (pour l'anglais), Iordanskaja and Mel'čuk 1990 (pour le russe), Lépinette 1988 et 1989 (pour le français et l'espagnol).

- Justifier nos décisions et les choix faits, pour illustrer du même coup la procédure du travail lexicographique dans le cadre du DEC (tâche théorique). Sur ce plan, nous utiliserons les recommandations contenues dans Dostie *et al.* 1991.

Notre exposé est présenté en trois sections:

I. Bref résumé de l'analyse de CHANGER par Pottier.

II. Articles de dictionnaire pour CHANGER, SE CHANGER, CHANGEMENT et CHANGÉ.

III. Commentaires linguistiques.

La section III comprend les justifications et les explications de notre démarche, ainsi qu'une discussion de certains points soulevés par les descriptions lexicographiques proposées. Les renvois aux commentaires sont indiqués par des chiffres arabes encadrés.

Dans ce qui suit, nous présupposons que le lecteur connaît le "Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain" et ne fournissons aucune explication au sujet des concepts pertinents, des formalismes d'écriture utilisés, etc. Nous renvoyons le lecteur intéressé aux publications suivantes: Mel'čuk 1988, Mel'čuk *et al.* 1984, 1988, 1992.

Il nous faut ici faire une mise en garde importante: pour être certain de la description des vocables CHANGER, CHANGEMENT, etc., on doit disposer des descriptions des autres vocables du même champ sémantique: VARIER, TRANSFORMER, MODIFIER, CONVERTIR, etc. Étant donné que nous n'avons pas élaboré la description de ces derniers vocables, nous courons le risque de commettre des erreurs et des omissions dans notre traitement de CHANGER et de CHANGEMENT. Malheureusement, nous n'avons pas le choix: LE TRAVAIL SÉMANTICO-LEXICOGRAPHIQUE NE PEUT S'EFFECTUER QUE PAR APPROXIMATIONS SUCCESSIVES. Nos résultats préliminaires obtenus pour les vocables CHANGER, SE CHANGER, CHANGEMENT et CHANGÉ aideront à développer les descriptions des vocables apparentés, qui seront, à leur tour, réutilisées pour améliorer les descriptions initiales; ce cycle pourra être au besoin répété.

I

CHANGER dans l'analyse de B. Pottier

B.Pottier a établi quatre oppositions sémantiques qui structurent le vocable CHANGER (nous les présentons en gardant les exemples et les notations de Pottier, que nous adaptons légèrement).

1. Opposition 1: "modification d'une caractéristique d'une entité VS remplacement d'une entité par une autre". Conformément à cette opposition, il faut distinguer deux types de sens de CHANGER ("une polysémie de base", selon les termes de B. Pottier):

Le type I : $x_1 \text{ change} = \alpha_1(A(x_1)) \rightarrow \alpha_2(A(x_1))$,

c'est-à-dire qu'une caractéristique α_1 d'une entité x_1 du type A devient α_2 , x_1 restant la même.

Le type II : $x_1 \text{ change} = A(x_1) \rightarrow A(x_2)$,

c'est-à-dire qu'une entité x_1 du type A est remplacée par une autre entité x_2 du même type.

Comparons les exemples suivants de B.Pottier (acceptions intransitives):

(2) a. *Depuis hier, la fille a changé* [= une de ses caractéristiques s'est modifiée].

vs

b. *Depuis hier, le rideau a changé* [= il a été remplacé par un autre rideau].

Pottier souligne la possibilité d'ambiguïté des phrases comme (2b), cette dernière pouvant signifier également 'une des caractéristiques du rideau s'est modifiée'. Cf. la phrase franchement ambiguë (3) :

(3) *Le gouvernement a changé,*

qui peut être comprise de deux façons différentes :

a. 'Une des caractéristique du même gouvernement s'est modifiée; par exemple, il est devenu plus tolérant envers les étudiants'.

vs

b. 'C'est un nouveau gouvernement; par exemple, des ministres ont été remplacés par d'autres'.

Cette distinction ("modification de caractéristique \sim remplacement d'objet") apparaît également dans les acceptions transitives :

(4) *On me l'a changé, mon fils :*

a. '... en ce qui concerne son caractère, à l'armée'.

vs

b. '... substitution à la clinique d'accouchement'

[certains locuteurs refusent cette deuxième interprétation, signalée par Pottier].

L'opposition 1 de Pottier est dûment reflétée dans notre système d'acceptions de CHANGER : C.I.1a vs C.I.3a; C.I.1b vs C.I.3b.

2. Opposition 2 : "expression complète de changement VS expression réduite". Il s'agit ici d'une "ellipse de langue" (Pottier 1978: 344), ce qu'on appelle aussi "emploi absolu" :

(5) a. *Pierre a changé de caractère.*

vs

b. *Pierre a changé* [probablement aussi de caractère, bien que cela puisse être autre chose, par exemple, de coiffure].

Cette opposition est aussi reflétée dans notre description : C.II.2 vs C.I.1a. On notera qu'elle n'est pas valable pour C.II.1a (≡ 'changer de place / se déplacer'), ni pour C.II.3 (≡ 'changer de chemise / de mari'), c'est-à-dire que C.II.1a et C.II.3 n'admettent pas l'expression "réduite" parallèle à celle admise par C.II.2 : *Pierre a changé* ne peut pas signifier ni 'Pierre a changé de place', ni 'Pierre a changé de chemise'.

3. Opposition 3 : "changement VS causation de changement":

(6) a. *Pierre a changé de lycée.*

vs

b. *Jean a changé Pierre de lycée.*

Cette opposition est également utilisée dans notre traitement lexicographique des acceptions de CHANGER : C.I.1a vs C.I.1b et C.II.1a vs C.II.1b. Cependant, les relations sémantiques entre les membres de ces deux paires de lexèmes ne sont pas parallèles (voir les définitions correspondantes).

4. Opposition 4 : "causation directe (= immédiate) VS causation indirecte (= par l'intermédiaire de qqn.) de changement" [d'après Pottier, causativité vs factitivité] :

(7) a. *Pierre a changé le réverbère* [causativité].

vs

b. *Le Président de la République a changé tous les réverbères de l'Élysée* [en fait, ... *a fait changer* ; factitivité].

Pottier reproche aux dictionnaires de "passer sous silence cette valeur factitive" (1978: 348). Nous pensons, cependant, que la nuance notée entre CHANGER dans (7a) et dans (7b) ne relève pas de la description lexicographique : c'est une DIFFÉRENCE D'INTERPRÉTATION "PRAGMATIQUE", le sens linguistique du verbe CHANGER étant le même dans (7a) et (7b), à savoir 'causer que... [en agissant lui-même ou par l'intermédiaire d'autres personnes]'. Autrement dit, nous croyons avoir ici une indétermination (= caractère vague) plutôt qu'une ambiguïté. Une telle affirmation implique que TOUS les verbes français dont le sens inclut,

en tant que composante centrale, la composante 'causer [que ...]' manifestent la même indétermination : les phrases du type *Le Président de la République a bâti <communiqué, distribué, sauvé, remplacé, ...> quelque chose* sont toujours vagues quant à la différence 'en agissant lui-même' vs 'par l'intermédiaire de quelqu'un'. Si l'on parvient à trouver en français des verbes qui ont le sens 'causer [que ...]' mais qui n'admettent pas cette indétermination,¹ cela prouvera que nous avons eu tort et il faudra ajouter, dans le vocable CHANGER, les lexèmes correspondant aux acceptions factitives de Pottier. Mais pour le moment, nous excluons de notre description l'opposition "causation de changement directe ~ causation de changement indirecte" (au sens de Pottier).

En se fondant sur les quatre oppositions formulées, Pottier construit le système suivant des acceptions de CHANGER (I vs II reflète l'opposition "modification ~ remplacement"; [A, C, F] vs [a, c, f] correspond à l'opposition "expression complète ~ expression réduite", et [A, a] vs [C, c / F, f], à l'opposition "changement ~ causation de changement"; enfin, [C, c] vs [F, f] représente l'opposition "causation directe [causativité] ~ causation indirecte [factivité]"):

I-A. X	<i>change</i>		<i>de</i>	Z	I-a. X	<i>change</i>	
I-C. Y	<i>change</i>	X	<i>de</i>	Z	I-c. Y	<i>change</i>	X
I-F. Y	<i>change</i>	X	<i>de</i>	Z	I-f. Y	<i>change</i>	X
II-A. X	<i>se change</i>		<i>en</i>	Z	II-a. X	<i>change</i>	
II-C. Y	<i>change</i>	X	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{en} \\ \textit{pour} \\ \textit{contre} \end{array} \right\}$	Z	II-c. Y	<i>change</i>	X
II-F. Y	<i>change</i>	X	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{en} \\ \textit{pour} \\ \textit{contre} \end{array} \right\}$	Z	II-f. Y	<i>change</i>	X

B.Pottier propose de distribuer tous les emplois observés de CHANGER entre ces douze cas, hiérarchisés de la façon présentée ci-dessus (Pottier 1978: 365). Mais, comme nous venons de le signaler, nous ne retenons pas la distinction C(ausativité) vs F(activité), en croyant qu'elle n'est pas pertinente pour le dictionnaire. Toutes les autres distinctions de Pottier sont prises en charge, et de nouvelles distinctions y sont ajoutées, de sorte que nous avons dans notre vocable CHANGER 17 lexèmes; CHANGEMENT contient, lui, 16 lexèmes [1]. À part le système sémantique pour les acceptions de CHANGER, Pottier 1978 offre un riche panorama des emplois fort variés de ce verbe, accompagné d'analyses intéressantes. Nous essayerons de prendre en compte tous les exemples de Pottier. De plus, nous utiliserons certaines propositions et remarques de J.Picoche, faites dans sa présentation du verbe CHANGER (Picoche 1986 : 51-56), ainsi que nombre d'exemples intéressants qu'elle nous a

communiqués.

II

Les articles de dictionnaire pour les vocables CHANGER, SE CHANGER [*en*], CHANGEMENT et CHANGÉ

CHANGER, verbe. [2]

I. Devenir différent / causer devenir différent [*Y change / X change Y*]:

- I.1a.** intrans. (α) Y devient différent₂ ((β) en ce qui concerne une caractéristique assez générale Z de Y, qui est ni une propriété physique ni un paramètre) [*Pierre a changé (dans son attitude)*]
- 1b.** trans. X cause que Y change_{1.1a}(α) [*La vie a changé Pierre*]
- 2a.** intrans. Élément ou caractéristique Y de Z change_{1.1a}(α) [*Quelque chose a changé dans le texte*]
- 2b.** trans. X cause que Y change_{1.2a} dans Z [*Ça a changé quelque chose dans le texte*]
- 3a.** intrans. L'exemplaire ϵ'' de Y a remplacé [intrans] l'exemplaire ϵ' de Y différent₁ de ϵ'' [*Le rideau a changé*]
- 3b.** trans. X cause que l'exemplaire ϵ' de Y soit remplacé [trans] par Z, qui est un exemplaire ϵ'' de Y différent₁ de ϵ' [*Pierre a changé le rideau pour un rideau plus long*]
- 4.** trans. X change_{1.3} les vêtements ou le linge ϵ' de Y que Y porte pour des vêtements ou le linge ϵ'' [*Pierre a changé le malade*]

II. Se déplacer ou avoir / utiliser qqch. de différent / causer être ailleurs ou causer être dans un état différent [*Y change de Z / X change Y de Z*]:

- II.1a.** intrans. Y se-trouvant dans / sur un exemplaire ϵ' de Z, // Y (α) commence ou (β) se-cause de commencer à se-trouver dans / sur un exemplaire ϵ'' de Z différent₁ de ϵ' [*Pierre change de fauteuil*]
- 1b.** trans. Y se-trouvant dans / sur un exemplaire ϵ' de Z, // X cause que Y commence à se-trouver dans / sur un exemplaire ϵ'' de Z différent₁ de ϵ' [*Jean change Pierre de fauteuil / le kiosque de trottoir*]

2. intrans. Y ayant [= Oper₁] la valeur θ' de Z — une caractéristique, un attribut ou une propriété, || Y commence à avoir la valeur θ'' de Z différente¹ de θ' [*Pierre change d'attitude*]
3. intrans. Y possédant ou utilisant [= Real₁] un exemplaire ε' de Z, || Y se-cause de commencer à posséder ou à utiliser un exemplaire ε'' de Z différent¹ de ε' [*Pierre change de coiffure / de gants*]
4. intrans. Y possédant ou utilisant [= Real₁] un exemplaire ε' de Z et W possédant ou utilisant un exemplaire ε'' de Z différent¹ de ε' , || Y se-cause de commencer à posséder ou à utiliser l'exemplaire ε'' de Z, W se-causant en même temps de commencer à posséder ou à utiliser l'exemplaire ε' de Z [*Pierre change d'appartement avec Michel*]
5. intrans. Y voyageant dans un moyen de transport public θ , || Y change^{II.3} de θ à la station W [= passe de l'exemplaire ε' de θ dans l'exemplaire ε'' de θ], tel que ε' et ε'' vont dans des directions différentes¹ [*Pierre a changé aux Halles*]
6. trans. X cause qu'un être Y cesse de subir une conversation (au sujet) de Z, de penser à Z ou d'être exposé à Z, ce qui cause que l'état psychologique de Y change^{I.1a}(α) en devenant plus positif [*Y aller changera Pierre de ses emmerdements*]

III. Échanger [X change Y contre Z avec W]:

- III.1. trans. X possédant Y et W possédant Z, || X transmet à W en possession permanente Y 'en échange' de Z, que W transmet à X en possession permanente [*Jean a changé son dico avec Pierre contre un manuel de philosophie*]
2. trans. X change^{III.1} une somme d'argent en devises Y' ou sous la forme Y'' contre une somme d'argent en devises Z' ou sous la forme Z'' différentes¹ de Y' et/ou de Y'' avec une personne ou une institution [*Pierre a changé des francs en roubles*]

IV. Transformer en [X change Y en Z]:

- IV. trans. X cause que Y se-change en Z [*Le magicien changea le lapin en moineau*]

I.1a. intrans. *Y change (dans son Z) = (α)Y devient différent2 ((β)en ce qui concerne une caractéristique assez générale Z de Y, qui est ni une propriété physique ni un paramètre). [3], [4]*

NB : **Les feuilles ont changé dans leur couleur* [puisque la couleur est une propriété physique; l'expression correcte : *La couleur des feuilles a changé* — ou bien *Les feuilles ont changé de couleur*, avec un autre lexème : C.II.2]

Régime

Y = 1	(Z = 2)
1. N	1. rare dans N

1) C_2 : N est obligatoirement accompagné d'un $\text{Adj}_{\text{poss}}(Y)$

C_1 : *Mon travail <Marie > change*

$C_1 + C_2$: *Marie a changé (dans ses habitudes);*

La vie a changé (dans ses aspects les plus importants)

Impossible : **Marie a changé dans l'attitude envers les employés* (1)
[L'expression correcte : *Marie a changé dans son attitude envers les employés*]

Fonctions lexicales

Syn_c : se modifier, se transformer, se métamorphoser,

s'altérer; varier; évoluer; s'améliorer; empirer,

s'aggraver; se déformer; augmenter; diminuer

Syn_n : se changer [en]

MagnNon : ne ... en rien // rien ne change I.2a [chez / dans / en N = Y]

S_{0c} : changement I.1a; changement I.1b

Able_{1c} : changeant; variable; instable I

AntiAble_{1c} : invariable; immuable; inaltérable; stable I; durable, constant; fixe

Qual_1 : mobile; versatile

Magn : bien, beaucoup; considérablement < grandement < énormément; profondément, sérieusement < drastiquement < radicalement < complètement, totalement; 'du tout au tout', 'de fond en comble'; de façon importante, de façon révolutionnaire ; 'de A à Z' [5]

de façon inattendue et brusque + Magn	: abruptement, brusquement, subitement
de façon inattendue et brusque, en une période comprenant au moins une journée + Magn	: 'du jour au lendemain'
$F_1 = \text{Adv}_1 (\overset{\text{ATTR}}{\text{Magn}} \longleftrightarrow) \text{vi-tesseI.2b}$: (très) vite
de façon continue et manifeste, F_1	: 'de jour en jour' C. n'est pas à un temps composé (sauf conditionnel)
de façon très manifeste, F_1 et Magn	: 'à vue d'œil' [<i>Ces derniers mois, Jean a changé à vue d'œil</i>]
AntiMagn	: un peu; légèrement; à peine; superficiellement; partiellement // quelque chose <peu de choses> change<nt>I.2a [dans N = Y]
Anti F_1 ou AntiMagn	: imperceptiblement
Bon	: en bien, en mieux <'pour le mieux' ['état extrême'] : <i>La situation a changé en mieux, mais elle peut s'améliorer davantage</i> vs <i>La situation a changé pour le mieux, *mais elle peut s'améliorer davantage</i>
AntiBon	: en mal, en pire <'pour le pire' ['état extrême']
Fin _c	: // se stabiliser [<i>La situation se stabilise</i> \equiv '... cesse de changerI.1a']
Caus	: // changerI.1b
Liqu _c	: // stabiliser
Perf	: ne plus être le même
A_1 Perf	: changéI
Anti A_1 Perf	: inchangé
A_1 Result	: différent2; (tout) autre
Anti A_1 Result	: le même (qu'avant)

Exemples

"Ce n'est pas moi qui ai changé, ce sont les circonstances", — dit Talleyrand après trente-cinq ans d'étonnants avatars. Leurs habitudes n'ont pas changé depuis des siècles. La situation dans le Golfe a grandement changé depuis hier.

La France a beaucoup changé économiquement et politiquement [6]. La situation a changé pour le mieux < en bien = en mieux >. — Mon Dieu, ce que Marie a changé! — En bien ou en mal? — En bien, évidemment. La vie politique a considérablement changé aux États-Unis depuis trente ans.

I.1b. trans. *X change Y* = X cause que Y change I.1a(α).

Propriétés morphologiques

1) Le verbe C.I.1b possède un passif pronominal. [7]

Régime [8]

X = 1	Y = 2
1. N	1. N obligatoire

$C_1 + C_2$: *Cette circonstance a changé mon travail* <Marie >

Fonctions lexicales

Syn_c

: transformer, modifier, métamorphoser, altérer, déformer, dénaturer, aggraver, révolutionner, améliorer, augmenter, diminuer, amender

MagnNon

: ne ... en rien // ne rien changer I.2b [à N = Y]

S₀

: changement I.1b

S_{0c} ou S_{resc}

: changement I.2b

Magn

: bien, beaucoup < énormément; radicalement < complètement

AntiMagn

: peu, légèrement // changer I.2b quelque chose < peu de chose > [à N = Y]

(dans le but de C. la vitesse I.1 de la voiture que X conduit,) faire jouer les vitesses II.a

de cette voiture : ~ les vitesses II.a <= C.II.3 de vitesse II.a > [= Real₁(vitesses II.a)]

dans le but de C. le caractère routinier de la

situation en cause : 'pour changer' I

Exemples

Je ne veux pas changer notre définition <la position de ce mot>. — Change donc ta manière de travailler! — Un ordre comme ça ne se change pas trois minutes plus tard! La clause 165 de la loi a été changée depuis. Croire qu'un raisonnement de père puisse changer les idées d'un fils est le comble de la folie raisonnante [A. Maurois]. Cette décision réaliste a beaucoup changé l'histoire de la famille. Odette a (radicalement) changé ses plans. La vie dans cette île change les gens énormément. Cette coiffure la change (beaucoup <complètement>). Le fait que j'aie été au courant <L'arrivée d'Odette> a (radicalement) changé leurs plans. — Attention, cette virgule change complètement le sens de votre phrase! Il a changé sa destination.

◇

Changer le monde

Changer les idées [Cl_{dat}] 9

Changer une équipe gagnante <qui gagne>

「Pour changer」² [≡ 'comme toujours'; antiphrase ironique]

I.2a. intrans. *Y change dans X* = Élément ou caractéristique Y de X
change I.1a(α). 10

Régime

Y = 1	X = 2
1. N	1. <i>chez</i> N 2. <i>dans</i> N 3. <i>en</i> N

- 1) C₁ : N = *rien* [= 'aucun élément'],
quelque chose [= 'un certain élément'],
peu de choses [= 'peu d'éléments'],
beaucoup de choses [= 'beaucoup d'éléments'],
qu'est-ce qui [= 'quel élément']
- 2) C_{2.1} : N désigne un humain
- 3) C_{2.2} : N désigne une propriété ou une attitude et n'est pas un pronom
- 4) C_{2.3} : N est un pronom personnel ou *mon âme*, ...²

$C_1 + C_2$: *Peu de choses ont changé (dans son animosité envers les philosophes) ; Rien ne change (dans ma vie) ; Quelque chose d'imperceptible a changé (chez Marie < dans le comportement de Marie >)*

Impossible : **Qu'est-ce qui a changé chez <en > mon chien? (2, 4)*
 [Il n'y a pas d'expression correcte]
 **Qu'est-ce qui a changé chez <en > la mode? (2, 4)*
 [L'expression correcte : ...*dans la mode*]
 **Qu'est-ce qui a changé dans <en > Marie? (3, 4)*
 [L'expression correcte : ...*chez Marie*]

Fonctions lexicales

Caus₅ : changerI.2b

Exemples

Je vois que quelque chose a changé dans tes habitudes. Rien n'a changé chez Marie .

I.2b. trans. *Z change Y à X = Z cause que Y changeI.2a dans X.*

Régime

Z = 1	Y = 2	X = 3
1. N	1. N	1. à N 2. chez N 3. dans N 4. en N
	obligatoire	obligatoire

1) C_2 : N = *rien* [= 'aucun élément'] et ses synonymes
 (*pas un iota, pas une once, pas un grain, ...*
pas la moindre chose)

quelque chose [= 'un certain élément'] ,

peu de choses [= 'peu d'éléments'] ;

qu'est-ce que [= 'quel élément'] ;

grand-chose [= 'beaucoup d'éléments'] |

avec la négation

2) $C_{3.1, 3.3}$: N ne désigne pas un être

3) $C_{3.2}$: N désigne un humain

- 4) $C_{3.3}$: N \neq AFFAIRE, PROBLÈME, ... et N n'est pas un pronom
 5) $C_{3.4}$: N est un pronom personnel ou *mon âme*, ...

$C_1 + C_2 + C_3$: *Ça ne change rien au problème ; Qu'est-ce que ça peut changer à notre décision?*

- Impossible** : * *Ça ne change rien à <chez, en> mon chien* (2, 5)
 [Il n'y a pas d'expression correcte]
 * *Ça ne change rien chez <dans, en> cette affaire* (3, 4, 5)
 [L'expression correcte : ... *à cette affaire*]
 * *Ça ne change rien dans ce problème* (4)
 [L'expression correcte : ... *à ce problème*]
 * *Ça ne change rien dans <en> Marie* (2, 5)
 [L'expression correcte : ... *chez Marie*]

Exemples

Je vois que tu as changé quelque chose à tes habitudes. Cet événement n'a pas changé grand'chose à \leq dans \geq son attitude envers Odette. Mais la visée structuraliste ne change rien au travail \leq dans le travail \geq de Jean. — Ton intervention ne change rien au problème \leq à son état de santé \geq . Ils s'excuseraient en souriant, ne serait-ce qu'un mot ou deux, pour changer quelque chose à ce passage stéréotypé. Ça n'a pas changé grand-chose dans \leq à \geq ma vie \leq dans mes projets \geq .

◇

Cela ne change rien à l'affaire

I.3a. intrans, surtout au passé; la forme progressive [= *être en train de ...*] est impossible. *Y a changé* = L'exemplaire ε'' de Y a remplacé [intrans] l'exemplaire ε' de Y différent¹ de ε'' . [11]

NB : L'emploi de ce lexème est fort restreint.

Régime

Y = 1
1. N

C_1 : *La serrure a changé*

Fonctions lexicales

S_0	: changementI.2
Caus	: // changerI.3b
Perf	: ne plus être le même
AntiA ₁ Perf	: inchangé
A ₁ Result	: différentI; (tout) autre
AntiA ₁ Result	: le même

Exemples

Aussitôt que je suis entré, j'ai remarqué que les rideaux que j'aimais tant avaient changé. Depuis hier, les livres sur ces deux rayons ont changé. Les livres sur ce rayon changeaient tous les deux jours. — Enfin, le contremaître a changé!

I.3b. trans. *X change Y pour Z* = X cause que l'exemplaire ϵ' de Y soit remplacé [trans] par Z, qui est un exemplaire ϵ'' de Y différentI de ϵ' . [12]

Régime		
X = 1	Y = 2	Z = 3
1. N	1. N obligatoire	1. <i>pour</i> N

$C_1 + C_2 + C_3$: *Jean a changé la porte de sa maison*
(pour une porte plus épaisse)

Fonctions lexicales

Syn ₃	: remplacer
S_0	: changementI.3b
Able ₃	: de rechange

Exemples

Après les hors-d'œuvres, il faut changer les assiettes. Les nations ne changent ou ne modifient leur gouvernement que quand l'excès de l'oppression les y contraint [G. Danton]. — On vient de changer notre chef de service. — Songez qu'elle m'a fait changer six fois une lampe électrique! Dans une pièce voisine, une volumineuse nourrice changeait les couches d'un bébé. Après l'accident, Jean a fait changer le différentiel de son véhicule. Le consul d'Espagne a été changé, sans que M. Malaquais en fût avisé. Les rameurs changèrent les rames courtes qui leur avaient servi sur le canal pour des rames plus longues [H. Troyat].

I.4. trans. *X change Y* = X change I.3b les vêtements ou le linge ϵ' de Y que Y porte pour des vêtements ou le linge ϵ'' différents¹ de ϵ' .

NB : Le verbe C.I.4 s'utilise la plupart des temps soit dans la forme de réfléchi, soit en parlant d'un bébé et implique alors que X change I.3b la couche du bébé salie ou mouillée par les excréments en nettoyant le bébé; cet usage se rapproche d'un "sous-sens", qui peut-être devrait être présenté comme un lexème à part.

Propriétés morphologiques

1) Le verbe C.I.4 possède un réfléchi / réciproque et un passif pronominal.

Régime	
X = 1	Y = 2
1. N	1. N obligatoire

$C_1 + C_2$: *Marie a changé le bébé*

Fonctions lexicales

Syn_c

: nettoyer

Magn

: complètement, entièrement; 'des pieds à la tête'

couches destinées à
être utilisées pour C.
un bébé

: changes

Exemples

— Ne bougez pas, cher monsieur, je vais vous changer moi-même. L'enfant fut changé immédiatement, et ses cris cessèrent. — Claire, les invités sont déjà là! Va te changer, je vais les occuper quelques minutes. — Attendez-moi un instant, le temps de me changer.

II.1a. intrans. *Y change de Z* = Y se-trouvant dans / sur un exemplaire ϵ' de Z, II Y (α) commence ou (β) se-cause de commencer à se-trouver dans / sur un exemplaire ϵ'' de Z différent¹ de ϵ' . 13

NB : Si Y désigne un être doué de volonté et de capacité de locomotion, alors, surtout au présent ou à l'imparfait, C.II.1a = C.II.1a (β) : la phrase *Colette change de sofa* ne peut pas être utilisée pour

décrire l'événement "Jean transporte Colette d'un sofa à un autre" (cependant, *Colette a changé de sofa* ne présuppose pas qu'elle a effectué le déplacement elle-même).

Régime	
Y = 1	Z = 2
1. N	1. <i>de</i> N obligatoire

$C_1 + C_2$: *Le complément d'objet change de position dans la phrase ; Marie a changé de place <de wagon >*

Fonctions lexicales

Syn_n : se déplacer; bougerI; déménager; émigrer
 S₀ : changementII.1a
 Magn : complètement | Z désigne
 AntiMagn : légèrement | une position

Caus_n : // changerII.1b

en conduisant une automobile sur l'autoroute,
 C. de file de façon à
 se trouver dans la voie
 voulue : //se rabattre

Exemples

Il n'est pas facile de changer de pays : on ne te laisse pas travailler avant que tu n'aies reçu le statut d'immigrant. — Je vois : ton lit a changé de côté! Il suffit que le disque change légèrement de position pour qu'il bloque la sortie. Jean change de voie et accélère [cf. le commentaire 14]. Les Picasso ont changé de salle; ils se trouvent maintenant dans l'aile sud du musée.

◇

Changer de main(s)

II.1b. trans. *X change Y de Z* = X cause que Y changeII.1a(α) ou changeII.3 de Z.

Régime

X = 1	Y = 2	Z = 3
1. N	1. N obligatoire	1. de N obligatoire

$C_1 + C_2 + C_3$: *Jean a changé le sofa de place*

Fonctions lexicales

Syn_n
S₀ : déplacer; bouger²; déménager
: changement II.Ib

Exemples

— Il faut changer l'enfant de lit pour qu'il se trouve plus près de la fenêtre. Toutes ces expressions ont été changées de place. Il espère depuis longtemps qu'on le change de garnison. — Je veux changer André d'école : il ne se sent pas bien au Lycée Henri IV. — Si vous voulez, on va vous changer de chambre.

◇

Changer son fusil d'épaule

II.2. intrans. *Y change de Z* = Y ayant [= Oper₁] la valeur θ' de Z — une caractéristique, un attribut ou une propriété de Y, || Y commence à avoir la valeur θ'' de Z différente de θ'. [14]

Régime

Y = 1	Z = 2
1. N	1. de N obligatoire

$C_1 + C_2$: *Marie a changé d'avis <d'attitude>;*
La voiture a changé de vitesse

Fonctions lexicales

Syn_n
S₀ : remplacer; tourner, virer
: changement II.Ib
de façon inattendue et brusque + Magn : brusquement, subitement
Magn : complètement

AntiMagn

: légèrement | Y est une caractéristique ou propriété qui admet des degrés

Exemples

— Cher ami, quand tu changes d'opinion, il faut que tu en expliques les raisons. Il n'est qu'une façon de se reposer : et c'est de changer de travail [G.Duhamel]. Le cyclone s'approchait, et le navire a dû changer de cap [cf. le commentaire 14]. C'est fin octobre; les feuilles commencent à changer de couleur. La vie est devenue trop instable; tout vacille et se transforme, et les gens changent de sexe comme on changeait, il y a encore vingt ans, d'adresse. Le bibliothécaire observe non sans émoi le développement d'un nouveau matriarcat, comme si le socialisme changeait peu à peu de sexe, glissant vers une domination des femmes. — Vous avez changé d'adresse? de n° de téléphone? d'employeur? [publicité bancaire]. Il la considéra sans changer d'expression. Je le fis changer de destination < \equiv Je lui fis changer sa destination, avec C.I.Ib >.

◇

Changer d'air

Changer d'allure

Changer d'avis comme de chemise

Changer de cap

Changer d'idée [à propos de N]

Changer de ton

Changer de visage

Changer de vitesse(s)

II.3. intrans. *Y change de Z* = Y possédant ou utilisant [= Real₁] un exemplaire ε' de Z, || Y se-cause de commencer à posséder ou à utiliser un exemplaire ε'' de Z différent1 de ε' . 15

Régime

Régime	
Y = 1	Z = 2
1. N	1. de \widehat{N} obligatoire

$C_1 + C_2$: Marie a changé d'appartement <de machine à écrire, d'amant >

Fonctions lexicalesSyn_c

: échanger

Syn_n

: remplacer

S₀

: changementII.3

Caus

: changerII.1b | Real₁(Z) \supset SE TROUVER

Exemples

Elle a encore une fois changé de robe. J'ai changé de public. Une fois à Bologne, Mantegna changea d'école et de méthode. Sa veste était trempée; il en changea, et puis se déchaussa. — Arrête donc; on ne change pas de mari tous les deux mois! Les étudiants sont relativement reposés, ne serait-ce que par le fait d'avoir changé de professeur. Je n'arrête pas de changer de bottes, tellement on les use.

◇

Changer d'attelage <de chevaux> au milieu d'un <du> gué	
Changer de bord	Changer de drapeau
Changer de crèmerie	Changer de gamme
Changer de disque	Changer de musique

II.4. intrans. *Y change de Z avec W* = Y possédant ou utilisant [= Real_1] un exemplaire ε' de Z et W possédant ou utilisant un exemplaire ε'' de Z, || Y se-cause de commencer à posséder ou à utiliser l'exemplaire ε'' de Z, W se-causant en même temps de commencer à posséder ou à utiliser l'exemplaire ε' de Z.

Régime

Y = 1	Z = 2	W = 3
1. N	1. <i>de</i> \bar{N} obligatoire	1. <i>avec</i> N obligatoire

1) C_2 : si Z = 'siège', alors possible $C_2 = \Lambda$
[*Puis-je changer avec vous, Monsieur?* veut dire 'changer de chaise' ou 'de place sur un banc', etc.]

$C_1 + C_2 + C_3$: *Marie a changé de chambre <de chapeau, d'amant > avec Colette*

Fonctions lexicales

Syn_n

: changer III.1; échanger

Exemples

Elle a encore une fois changé de robe avec son amie. — *Puis-je changer de chaise avec vous, Monsieur?*

◇

Changer de place [avec N]

II.5. intrans. *Y change à W* = Y voyageant dans un moyen de transport public θ , il Y change^{II.3} de θ à la station W [= passe de l'exemplaire ε' de θ à l'exemplaire ε'' de θ différent^I de ε'], tel que ε' et ε'' vont dans des directions différentes¹.

Régime

Y = 1	W = 2
1. N	1. à N

$C_1 + C_2$: *Marie a changé (à Réaumur)*

Fonctions lexicales

S_0 : changement^{II.2}

$S_{0\supset}$: correspondance

[moyen de transport public θ] tel que X

n'a pas à C. : [N = θ] direct

Exemples

— Non, il n'y a pas de métro direct; pour aller d'ici à Championnet, tu devras changer deux fois.

II.6. trans. *X change Y de Z* = X cause qu'un être Y cesse de subir une conversation (au sujet) de Z, de penser à Z ou d'être exposé à Z, ce qui cause que l'état psychologique de Y change^{I.1a}, en devenant plus positif.

Régime

X = 1	Y = 2	Z = 3
1. N 2. (de) V_{inf}	1. N	1. de N
	obligatoire	obligatoire

$C_1 + C_2 + C_3$: *Ça <(De) voir ce film> va le changer de ses préoccupations*

Fonctions lexicales

Syn_n : débarrasser

Epit : un <quelque> peu

S_0 : changement^{III}

Exemples

Je guettais l'occasion d'un incident qui nous changerait un peu des bronches et des cœurs [A. Soubiran; il s'agit d'un cours en médecine]. Ce qui nous change heureusement de son bavardage. — Je donne ce morceau de jambon à ton chien? Ça le changera quelque peu de sa nourriture habituelle. L'ordinateur nous donne une éducation différente], qui change du professeur, même si celui-ci est à la base du choix du programme [J.-L. Descamps].

III.1. trans. *X change Y contre Z avec W* = X possédant Y et W possédant Z, || X transmet à W Y en possession permanente 'en échange' de Z, que W transmet en possession permanente à X. 16

Régime			
X = 1	Y = 2	Z = 3	W = 4
1. N	1. N	1. <i>contre</i> N 2. <i>pour</i> N	1. <i>avec</i> N
	obligatoire	obligatoire	

$C_1 + C_2 + C_3 + C_4$: *Jean a changé sa voiture contre un bateau à moteur (avec Pierre)*

Fonctions lexicales

Syn_c : troquer; échanger
 Syn_n : changer II.4
 S₀ : changement III

Exemples

Après deux ans, Colette a changé son amant contre <= pour > un plus riche. C'est un bon moment pour changer des bijoux contre <= pour > des lingots. Jean a changé, avec son meilleur ami, sa vieille 2-CV contre <= pour > une Toyota automatique.

◇

Changer son cheval borgne contre un (cheval) aveugle

III.2. trans. *X change Y en Z* = X change III.1 une somme d'argent en devises Y' ou sous la forme Y'' contre une somme d'argent en devises Z' ou sous la

forme Z" avec une personne ou une institution.

Régime		
X = 1	Y = 2	Z = 3
1. N	1. N obligatoire	1. <i>contre</i> N 2. <i>en</i> N 3. <i>relâché pour</i> N

$C_1 + C_2 + C_3$: *Jean a changé des dollars (en <= contre, pour des> roupies) <un gros billet en monnaie, en coupures plus petites, pour <= contre> de la monnaie>*

Fonctions lexicales

Syn	: spéc convertir
Syn _c	: 'faire de la monnaie'
S ₀	: change1
professionnel-S ₁	: vieilli ou hist changeur
institution-S _{loc}	: bureau de change1 // change2

Exemples

— Monsieur, où est-ce que je pourrais changer de l'argent portugais? — Pouvez-vous me changer ce billet de cinq cents francs (en billets plus petits <en monnaie>)? — Change-moi, s'il te plaît, 100 \$ en coupures de cinq! Hier Jean a changé vingt dollars [signifie soit 'contre autres devises', soit en billets plus petits, soit en monnaie].

IV. trans. *X change Y en Z = X cause que Y se-change en Z.*

Régime		
X = 1	Y = 2	Z = 3
1. N	1. N obligatoire	1. <i>en</i> N obligatoire

$C_1 + C_2 + C_3$: *Jean a changé mon doute en certitude*

Fonctions lexicales

Syn_n : transformer, muer, transmuier, commuer, transfigurer,
 S₀ : métamorphoser
 : changementV.2

Exemples

Aux noces de Cana, Jésus changea l'eau en vin. La pluie torrentielle qui s'est abattue sur la région a changé les chemins ruraux en bourbiers. Ses corrections ont <Jean a> changé mon texte, qui laissait à désirer, en quelque chose de présentable. L'atome de Bohr était changé, avec la mécanique ondulatoire, en une distribution continue de probabilités de présence des électrons autour du noyau. La méchante fée l'a menacé de le changer en grenouille. La bonne humeur du Napolitain changea cette triste soirée en une soirée fort gaie [Stendhal]. La fureur de Godwin avait été changée en excessive amabilité par la cérémonie du matin [A.Maurois].

[SE] CHANGER, verbe pronominal.

X se change en Y = X devient un Y, différent1 de X.

Régime

X = 1	Y = 2
1. N	1. <i>en</i> N obligatoire

C₁ + C₂ : *L'eau se change en vapeur*

Fonctions lexicales

Syn : se transformer, se faire [*L'eau se fait glace*]
 Syn_n : changerI.1a; se métamorphoser
 S₀ : changementV.1
 Caus : changerIV
 A₁Perf : changé2 [*en*]

Exemples

Quand je les ai vus ensemble, mes soupçons se changèrent en certitude. Sa pitié s'est changée soudainement en désir. Marie, hier encore une enfant, s'est changée en une jeune fille très jolie. Cela me fait mal de voir comment les couvents de mon diocèse se changent en écoles ménagères.

CHANGEMENT, nom, masc.

I. Devenir différent / causer devenir différent [*Y change / X change Y*]:

- I.1 a. S_0 (Y change I.1a (α)) [*le changement de climat*]
 I b. S_0 (X change I.1b Y) [*le changement du texte par l'auteur lui-même*]
 2 a. S_0 ou S_{res} (un élément de Y change I.1a(α)) [*un changement dans son caractère*]
 2 b. S_0 ou S_{res} (X change I.1b certains éléments de Y) [*un changement dans le texte (par l'auteur)*]
 3 a. S_0 (X change I.3a) [*le changement de film au cinéma du quartier*]
 3 b. S_0 (X change I.3b Y pour Z) [*le changement du pantalon pour un pantalon plus long*]

II. Se déplacer ou avoir / utiliser qqch. de différent / causer être ailleurs ou causer être dans un état différent [*Y change de Z / X change Y de Z*]:

- II.1 a. S_0 (Y change II.1a de Z) [*son changement de wagon*]
 I b. S_0 (X change II.1b Y de Z) [*son changement de poste*]
 2. S_0 (Y change II.2 de Z) [*son changement d'attitude*]
 3. S_0 (Y change II.3 de Z) [*son changement d'appartement*]
 4. S_0 (Y change II.5 à W) [*son changement à la Gare du Nord*]
 5. S_0 (X change II.6 Y de Z) [*Ça lui fera un changement!*]

III. Échanger [*X change Y contre Z avec W*]:

- III. S_0 (X change III.I Y contre Z avec W) [*le changement du vélo avec Michel contre une moto*]

IV. Transformer en [*X se change en Y*]:

- IV.1. S_0 (X se-change en Y) [*le changement de ma haine en intérêt bienveillant*]
 2. S_0 (Z change IV X en Y) [*le changement de ma haine en intérêt bienveillant par ses paroles*]

I.1a. Changement de Y = S₀(Y changeI.1a(α)). 17

Régime

Y = 1
1. de N
2. A _{POSS}

1) C₁ : N ne désigne pas un objet physique

C₁ : *le changement de la mode <du relief, de la population >, son changement*

Impossible : *le changement de *Marie < *de notre chien, *de ma voiture > (1) [L'expression correcte : Marie <Ma voiture> a changé; ce changement ...]*

Fonctions lexicales

Syn _c	: modification; transformationI.I; variation; évolution; amélioration; aggravation, altération, déformation; augmentation; diminution
V ₀	: changerI.1a
Pred	: constituer, représenter [ART ~]
Magn	: grand prépos < énorme; important, profond, sérieux < drastique < radical2; complet, total prépos et postpos; révolutionnaire // bouleversement
AntiBon + Magn	: grave prépos et postpos
AntiMagn	: petit prépos; délicat, léger < imperceptible prépos et postpos; superficiel
Oper ₁	: connaître, subir [ART ~]
Func _{0/1}	: avoir lieu, s'effectuer, intervenir, s'opérer, se produire, survenir, 'y avoir' [ART / Ø ~ (dans N)] [<i>Il y a eu changement</i>]
IncepFunc ₀	: venir
LiquIncepFunc ₀	: 'barrer la voie' [à ART ~]
CausFunc _{0/1}	: amener, entraîner, provoquer [ART ~]

Exemples

Avide de changement, elle donna sa démission. Le procès se développe, en entraînant ainsi un changement profond <≡ un grave changement, un changement bouleversant> de personnalité. Des changements de salure (qui surviennent) dans les océans aboutissent à des résultats meurtriers. Cette évolution des

modèles comme celle des théories ne peut pas toujours se produire par petits changements successifs : il faut de temps en temps faire intervenir une mutation importante. Il reste à déterminer quels types de changement se produisent entre les niveaux. — Te souviens-tu de la discussion qu'on a eue à propos d'une perspective de changement politique en U.R.S.S.? Je disais que le changement ne pouvait venir que de l'intérieur. Cela constitue <= représente > un changement radical de son attitude. On observe dans ce secteur plusieurs changements d'ampleur exceptionnelle. Le panorama sur le développement économique publié il y a deux semaines ne montre <= ne laisse entrevoir > aucun changement de rendement dans ce secteur. La compagnie ne va pas barrer la voie aux grands changements qu'elle estime indispensables. La mort ou les exigences de la vie sont la cause des changements intervenus.

I.1b. *Changement de Y par X* = S_0 (X change I.1b Y). 18

Régime	
X = 1	Y = 2
1. par N	1. de N obligatoire

- 1) $C_1 : C_2 \neq \Lambda$
- $C_1 + C_2$: le changement de mes conditions de travail (par le conseil d'administration)
- Impossible** : * les changements par le conseil (1)

Fonctions lexicales

- Syn_c : modification; transformation III.I; variation; métamorphose; évolution; amélioration; altération, déformation, dénatura-tion; aggravation; augmentation; diminution
- V_0 : changer I.1b
- Pred : constituer, représenter [ART ~]
- Magn : grand | prépos; important, profond < drastique, radical, sérieux < total | prépos et postpos; révolutionnaire
// bouleversement; révolution
- AntiBon + Magn : grave | prépos
- AntiMagn : petit | prépos; léger < imperceptible; superficiel
- Oper₁ : opérer [ART ~]
- Func₀ : avoir lieu, 'y avoir' [ART/Ø ~] [// y a eu un changement important]

Func₁ : s'effectuer, se produire [dans N par N =X]
 CausFunc₁ : amener, entraîner [ART ~]

Exemples

Les changements quotidiens des ordres que je reçois sont vraiment insupportables! Le changement de la population indigène au contact des Européens était rapide et irréversible. Nullement déroutée, elle opéra un changement de front ingénieux [A. Maurois]. Il y a eu un changement d'une lettre du code <≡ changement dans le code : C.I.2b>, ce qui a bouleversé le processus du décodage. Dans le code, il y a eu changement. De nos jours, le changement de sexe est devenu une opération chirurgicale courante.

I.2a. *Changement dans Y = S₀ ou S_{res} (un élément de Y change I.1a).* 19

Régime

Y = 1	
1. <i>chez</i>	N
2. <i>dans</i>	N
3. <i>en</i>	N

- 1) C_{1.1} : N désigne un être
- 1) C_{1.2} : N ne désigne pas un être et n'est pas un pronom
- 2) C_{1.3} : N est un pronom personnel ou *mon âme*, ...

C₁ : *des changements dans la loi ; un changement chez Marie <en moi>; un changement chez notre chat*

Impossible : **un changement chez <en> la loi (1, 3)*
 [L'expression correcte : *...dans la loi*]
**un changement dans / en notre chien (2, 3)*
 [L'expression correcte : *...chez notre chien*]

Fonctions lexicales

V_{0>}, Pred, AntiBon + Magn, AntiMagn, Oper₁, Func₀, IncepFunc₀,

CausFunc₁: ↑CHANGEMENTI.1a

Syn_c : modification; transformationI.1; variation

Magn : grand | prépos; important, profond, sérieux < radical2

prépos et postpos; révolutionnaire; amples | prépos, C. au
pl 20
Func₁ : s'effectuer, intervenir, se manifester, s'observer, se
produire, survenir [dans / chez N]

Exemples

Aucun changement dans l'impôt; on va payer cette année autant que l'année dernière. J'ai remarqué des changements dans le texte que je tenais à la main. Nous observons de graves changements dans leur conduite. D'importants changements s'effectuaient <= survenaient, s'observaient> dans (tous les domaines de) la vie publique. On constate au moins trois changements importants (qui se sont effectués) dans la disposition des bureaux. Le programme fait une liste de tous les changements qui sont intervenus dans le corpus. Son discours était axé sur un changement radical survenu <= qui s'est produit> dans la structure de la faculté depuis trois ans. Dans *le petit animal — les petits animaux* s'observe encore un changement dans le substantif. La direction annonce un important changement dans le projet.

I.2b. *Changement* [par X] dans Y = S₀ ou S_{res} (X change I.1b certains éléments de Y).

Régime

X = 1	Y = 2
_____	1. dans N

C₂ : *le changement dans mon travail*

Fonctions lexicales

Syn_c : transformation III.1
Syn_n : modification; variation; métamorphose; altération;
dénaturation; déformation; aggravation; amélioration;
augmentation; diminution; amendement
V_{0>} : changer I.1b
Pred : constituer, représenter [ART ~]
Magn : grand | prépos; important, majeur, profond, sérieux <
radical 2 | prépos et postpos; révolutionnaire; amples
| prépos, C. au pl
.AntiMagn : petit | prépos; délicat, léger < imperceptible | prépos et
postpos; superficiel
Oper₁ : apporter [ART ~ à N] | si Y désigne un texte, *apporter* est
un Oper₁ préféré; effectuer, faire, opérer [ART ~ dans N]

- Func₀ : avoir lieu, 'y avoir' [ART/Ø ~] [*Il y a un changement important*]
- Func₂ : s'effectuer, intervenir, s'observer, se produire, survenir
[dans N]
- CausFunc₂ : amener, entraîner [ART ~ dans N]

Exemples

Pagaïe totale autour du changement dans la loi 27 < ≡ de la loi 27 : ici on a C.I.1b>. Un seul changement dans le programme peut causer la perte du contrôle. La production pâtissait de l'alternance des ordres et des contre-ordres, des changements incessants dans la définition des priorités. Ce groupe réclame une série de changements sérieux dans la constitution. Les changements apportés aux lignes téléphoniques <= effectués, opérés dans les lignes téléphoniques> de la banlieue montréalaise nous permettent d'assurer un meilleur service à la clientèle. Pour être en mesure d'effectuer des changements réels dans le secteur économique, le gouvernement a besoin d'une période de stabilité. En voyant les changements dans les subventions acceptés sans contestation, le C.S.R.S.H. a décidé de continuer sa politique de compressions budgétaires.

I.3a. *Changement de Y* = S₀(Y change I.3a).

Régime	
Y = 1	
1. de	N
obligatoire	

C₁ : *le changement de film [au "Rex"]*

Fonctions lexicales

Oper₁, Func₀, IncepFunc₀, CausFunc₁ : ↑CHANGEMENTI.1

V₀ : changerI.2

Exemples

J'ai remarqué le changement de l'étalage, mais c'était le seul signe d'activité perceptible.

I.3b. *Changement de Y [par X] pour Z = S₀(X change I.3b Y pour Z).*

Régime		
X = 1	Y = 2	Z = 3
—	1. de N obligatoire	1. pour N

$C_2 + C_3$: le changement de cette porte (pour une porte en métal)

Syn₃
V₀
Oper₁

Fonctions lexicales
: remplacement; substitution
: changer I.3b
: spéc effectuer [ART ~]

Exemples

Le changement de son sofa pour un lit majestueux signalait le début d'une nouvelle ère dans sa vie sentimentale. Cela s'obtient par le simple changement de la plaquette. Un des symptôme de la cataracte : une baisse progressive de la vision malgré les changements répétés de verres. — Un changement de pneus, ça va me coûter combien, Monsieur? Les charpentiers ont effectué le changement de toutes les portes du bâtiment.

II.1a. *Changement de Z par Y = S₀(Y change II.1a de Z).*

Régime	
Y = 1	Z = 2
1. A _{poss}	1. de N obligatoire

$C_1 + C_2$: son changement de place <de wagon >;
le changement de wagon

Syn₃
V₀
Oper₁

Fonctions lexicales
: déplacement
: changer II.1a
: effectuer, faire [ART ~]

Exemples

Le changement de pays n'est pas facile : on ne te laisse pas travailler avant que tu n'aies le statut d'immigrant. Le changement de wagon après la gare de Nîmes lui a sauvé la vie.

II.1b. *Changement [par X] de Y de Z* = S_0 (X change II.1b Y de Z).

Régime		
X = 1	Y = 2	Z = 3
— —	1. A _{POSS}	1. de \widehat{N}

$C_1 + C_2$: *ton changement de garnison*

Fonctions lexicales

V_0 : changer II.b
 $Oper_2$: avoir [ART ~]
 $Caus_2 Oper_2$: obtenir [ART ~]

Exemples

J'attendrai que mon changement d'affectation, demandé il y a quatre jours, me revienne [A. Soubiran]. Après trois mois d'attente, Jean a obtenu son changement pour Arles.

II.2. *Changement de Z [par Y]* = S_0 (Y change II.2 de Z).

Régime

↑ CHANGEMENT II.1a

$C_1 + C_2$: *le changement d'attitude <de caractère >*

Fonctions lexicales

V_0 : changer II.1b
 Magn : complet
 AntiMagn : léger
 $Func_1$: s'opérer, 'y avoir' [ART ~ chez N]

Exemples

Son changement de parti a époustouflé ses collègues. Bien qu'un changement de métier soit attendu de sa part, la démarche de Jacques n'a pas pu être approuvée et ne l'a pas été. On constate chez Jacques un léger changement de caractère.

II.3. Changement de Y par X = S₀(X change II.3 de Y).

Régime

↑ CHANGEMENT II.1a

$C_1 + C_2$: son changement d'appartement <de machine à écrire, d'amant >

Fonctions lexicales

V_0 : changer II.1c

Exemples

Son changement d'ordinateur (à présent, il n'utilise qu'un Mac) a bouleversé les habitudes d'Alain.

II.4. Changement de X à Y = S₀(X change II.5 à Y).

Régime

X = 1	Y = 2
1. de N 2. A _{poss}	1. à N

$C_1 + C_2$: le changement de Marie <son changement > (à Réaumur)

Fonctions lexicales

Syn₃ : correspondance

V_0 : changer II.5

Oper₁ : avoir [ART ~] (à faire)

Exemples

Après le changement difficile à Caen, Jacques a pu dormir un peu et se sentait frais et dispos. — Tu n'as qu'un changement (à faire) aux Halles, et après c'est direct.

II.5. pas de pl. Changement [par X] pour Y [de Z] = S₀(X change II.6 Y de Z).

Régime

X = 1	Y = 2	Z = 3
_____	1. pour N	_____

C_2 : un changement pour Jean

Fonctions lexicales

Oper₁

: faire [un \sim à N = Y]

Exemples

Aller skier demain te fera un changement! = Ça te fera un changement d'aller skier demain! Être venu travailler à Lille, quel changement pour moi!

III. *Changement [par X] de Y contre Z avec W* = S_0 (X change III.I Y contre Z avec W).

Régime

X = 1	Y = 2	Z = 3	W = 4
—	1. de N obligatoire	1. contre N	1. avec N

$C_2 + C_3 + C_4$: le changement de la moto (contre le vélo) (avec Jacques)

Fonctions lexicales

Syn
V₀

: échange; troc

: changer III.I

Exemples

Après le changement de sa voiture contre une petite camionnette, Pierre put enfin se lancer dans cette affaire qu'il convoitait tellement.

IV.1. *Changement de X en Y* = S_0 (X se-change en Y).

Régime

X = 1	Y = 2
1. de N 2. A _{poss}	1. en \sim N

$C_1 + C_2$: le changement de l'eau en vapeur

Fonctions lexicales

Syn : transformation
 Syn : métamorphose
 V_0 : se changer

Exemples

On appelle "umlaut" le changement des voyelles postérieures en voyelles antérieures correspondantes, de sorte que /a/ devient /e/, /o/ devient /œ/, etc.

IV.2. *Changement par Z de X en Y = S₀(Z changeIV X en Y).*

Régime		
Z = 1	X = 2	Y = 3
1. <i>par</i> N	1. <i>de</i> N obligatoire	1. <i>en</i> \overline{N} obligatoire

$C_1 + C_2 + C_3$: *le changement de l'eau en vin (par le visiteur)*

Fonctions lexicales

Syn : transformation; métamorphose
 V_0 : changerIV

Exemples

Le fameux miracle, le changement de l'eau en vin par Jésus, reste toujours au cœur de son sermon. Le changement en certitude des doutes de Jean lui a rendu sa bonne humeur.

CHANGÉ, adjectif

1. [X] qui a changéI.1a [*un homme changé*]
2. [X] qui s'est changé en Y [*un homme changé en bête féroce*]

1. [X] *changé* = [X] qui a changéI.1a [= A₁Perf(*changerI.1a*)]

Fonctions lexicales

Anti : inchangé
 Magn : bien, très < complètement

Exemples

On ne voit rien de changé <≡ Rien n'est changé> dans la vie publique à Moscou. Un visage très changé [**beaucoup changé* ; cf., pourtant, *Son visage a beaucoup changé*, avec le verbe CHANGERI.1a].

2. [X] *changé en Y* = [X] qui s'est changé en Y [= A₁Perf(*se changer*)]

Régime	
Y = 1	
1. en N	
obligatoire	

C₁ : *changé en papillon*

Fonctions lexicales

Magn

: complètement

Exemples

Ce rebelle est changé <m'apparaît changé> en agneau. [Cf., cependant, *Il a été changé en cœur docile et doux par les événements récents*, où l'on voit le verbe CHANGERIV au passif.]

III

Commentaires linguistiques

Nous présentons nos commentaires selon leur ordre d'apparition dans l'article.

1 Le décalage entre le nombre de lexèmes de CHANGER et celui de CHANGEMENT s'explique comme suit.

D'une part, sur 17 CHANGER, quatre n'ont pas de nominalisation en CHANGEMENT. Ce sont :

CHANGERI.4 (*changer un bébé*), qui n'a aucune nominalisation;

CHANGERIII.2 (*changer des francs contre des deutsche marks*), qui a la nominalisation CHANGE1;

CHANGERI.2a (*Rien n'a changé dans sa vie*) et CHANGERI.2b (*Cela n'a rien changé dans sa vie*), qui n'ont pas de nominalisations spéciales mais qui sont desservis par les nominalisations de CHANGERI.1a et de CHANGERI.1b,

respectivement. Cf.: *Rien n'a changé dans sa vie = Il n'y a eu aucun changement dans sa vie*, avec CHANGEMENTI.1a, etc. Cela nous laisse avec 13 CHANGEMENT.

D'autre part, CHANGERI.1a et CHANGERI.1b ont chacun deux nominalisations (plus étroites) en CHANGEMENT : CHANGEMENTI.1a / I.2a et CHANGEMENTI.1b / I.2b. De plus, le verbe SE CHANGER [*en N*] a aussi une nominalisation en CHANGEMENT [= CHANGEMENTIV.1]. Cela ajoute donc trois CHANGEMENT et nous donne, en fin de compte, 16 lexèmes pour le vocable CHANGEMENT.

2 Le tableau résumant le super-article de dictionnaire pour le vocable CHANGER doit permettre au lecteur de se faire une idée générale sur l'organisation de ce vocable en lexèmes. Nous aimerions en expliquer les trois aspects suivants : la DISTINCTION des acceptions de CHANGER, leurs POINTS D'INTERSECTION et leur ORDONNANCEMENT. **NB** : Mais avant d'y procéder, signalons que certains formalismes utilisés dans cette "table des matières" du super-article (lettres grecques, barres parallèles verticales, etc.) ne seront expliqués que plus tard, dans les articles particulier correspondants.

• **Distinction des acceptions de CHANGER.** Etant donné la complexité de l'ensemble d'acceptions à présenter, nous les réunissons en quatre rubriques majeures (introduites par des chiffres romains), ce qui reflète d'ailleurs, selon nous, les relations et les distances sémantiques entre les lexies correspondantes :

I. Changement et causation de changement de qqch., soit modification d'une entité : 'Y devient différent²' / 'X rend Y différent²'.

II. Changement de caractéristique et causation de changement de caractéristique de qqch., soit modification d'une caractéristique : 'Y de Z devient différent¹' / 'X rend Y de Z différent¹'.

III. Échange : 'X échange Y contre Z avec W'.

IV. Causation de transformation : 'X transforme Y en Z'.

La différence la plus sérieuse que nous voyons entre cette distribution et la démarche traditionnelle est la suivante. En règle générale, les dictionnaires courants mettent ensemble toutes les acceptions intransitives (du type *Jean a beaucoup changé*), en les opposant aux acceptions transitives (*La vie a beaucoup changé Jean*). Cela s'explique par le fait que le classement des acceptions au sein d'un mot polysème se fait, dans la tradition lexicographique, surtout selon les critères syntaxiques. Le DEC, par contre, n'utilise, à cette fin, que des critères strictement sémantiques; or, d'un point de vue sémantique, le causatif C(V_{intr}) d'un verbe intransitif V_{intr} est beaucoup plus proche de ce V_{intr} que n'importe quel autre verbe intransitif V^1_{intr} : en règle générale, on trouve entre V_{intr} et V^1_{intr} des différences de sens moins systématiques et régulières que celles entre

V_{intr} et $C(V_{intr})$. On sait que la polysémie du type "‘ faire l'action X ’ \sim ‘ causer faire l'action X ’" est très courante en français (*La température augmente \sim On augmente la température, etc.*).³

• **Composante sémantique commune des acceptions de CHANGER.** Presque tous les lexèmes du vocable CHANGER ont une composante sémantique en commun : ‘ différent1 ’. Elle apparaît soit explicitement, soit implicitement — par le biais d'autres composantes sémantiques qui la contiennent, comme, par exemple, ‘ différent2 ’ dans la définition de C.I.1a. Voir ci-dessous, dans le commentaire 3, des clarifications au sujet de l'opposition ‘ différent1 ’ vs ‘ différent2 ’.

• **Ordonnement des acceptions de CHANGER.** Notre super-article pour le vocable CHANGER commence — à la différence de tous les dictionnaires français traditionnels — par le CHANGER intransitif à l'emploi absolu (*Pierre a changé*).⁴ Cela correspond au principe général d'ordonnement des lexèmes à l'intérieur d'un vocable, qui est strictement observé dans le cadre du DEC : "On ordonne en partant des unités sémantiquement plus simples et en allant vers les unités sémantiquement plus complexes" (cf. Mel'čuk *et al.* 1988 : 37, "Critère d'inclusion"). Le fait pertinent ici est que le sens de CHANGER intransitif que nous avons choisi comme le sens de départ (le sens présent dans *Pierre change*) est inclus dans les sens des autres CHANGER, surtout de CHANGER transitif (*Marie change Pierre* = ‘ Marie cause que Pierre change ’), etc.; on peut facilement voir cela dans nos définitions. Par conséquent, CHANGER intransitif, qui est sémantiquement plus simple, doit être le premier dans le super-article : c'est le lexème de base. Soulignons qu'en ce qui concerne CHANGER, Pottier a aussi choisi cet ordre de présentation (Pottier 1978: 365). On trouve, cependant, un ordonnement différent des lexèmes de CHANGER dans Picoche 1986 : 55-56, où le regroupement des acceptions et l'ordre suivants sont proposés :

- CHANGER-‘ modifier ’ (*La vie a changé Jean*)
- CHANGER-‘ remplacer ’ (*Jean a changé la porte*)
- CHANGER-‘ transformer ’ (*L'usine change la bauxite en aluminium*)
- CHANGER-‘ échanger ’ (*Jean a changé sa chemise contre un maillot*)

CHANGER_{I.1a}

[3] La DÉFINITION de C.I.1a appelle les quatre commentaires suivants.

• Les lettres grecques α et β entre parenthèses sont utilisées, ici et plus loin, pour identifier les parties différentes d'une définition qu'on veut manipuler séparément. Ainsi, l'écriture "C.I.1a(α)" désigne la première partie de la définition de C.I.1a, c'est-à-dire sans la partie (β); l'écriture "C.II.1a(α)" veut

dire "la définition de C.II.1a avec seulement le premier membre de la disjonction"; et ainsi de suite.

- La partie de la définition entre parenthèses — la partie (β) — est optionnelle. Même plus : le 2e actant (= *dans son Z*) est assez contraint et ne s'utilise pas souvent; certains locuteurs le refusent ou le trouvent "peu courant", "peu habituel", "peu élégant". Nous avons exprimé son caractère limité par la restriction sémantique dans la définition et par la marque d'usage rare dans le Régime. On notera qu'au causatif (= C.I.1b), la partie de la définition comportant le 2e actant n'est pas retenue.

- Nous proposons de distinguer (au moins) deux lexèmes dans le vocable DIFFÉRENT :

DIFFÉRENT₁, *X est différent de Y* \equiv 'X n'est pas égal [= identique] à Y'
et

DIFFÉRENT₂, *X est différent* \equiv 'certaines caractéristiques de X ont des valeurs différentes¹ des valeurs que ces caractéristiques avaient auparavant'.

Autrement dit, 'différent₂' présuppose que X reste X, alors que 'différent₁' implique une autre chose que X.

- L'expression 'devenir différent₂', utilisée dans la définition, semble renfermer une redondance, car 'devenir' entraîne logiquement 'différent_{1,2}'. (Jean St-Germain a attiré mon attention sur ce point intéressant.) D'une part, il est possible qu'à un niveau aussi profond de décomposition sémantique (presque au niveau des sèmes!) certaines redondances soient inévitables. D'autre part, il est possible que 'X devient A' permet seulement de DÉDUIRE 'X est différent₂' sans le COMMUNIQUER pourtant de façon explicite (Alain Polguère). En tout état de cause, le problème nécessite une étude approfondie.

4 Quant à la CARACTÉRISATION MORPHOLOGIQUE de C.I.1a, dans les dictionnaires courants, on voit souvent l'indication que le verbe CHANGER (dans l'acception de notre CHANGER_{1.1a}) peut se conjuguer avec le verbe auxiliaire ÊTRE; cette affirmation s'illustre par des expressions du type *Rien n'est changé dans sa vie*. Cependant, c'est une confusion: de telles expressions mettent en jeu l'adjectif CHANGÉ avec la copule ÊTRE [cet adjectif est A₁Perf(*changer*_{1.1a}), voir ci-dessous]. Cf. aussi: *Il est /Il m'a paru très <*beaucoup > changé*, où est employé l'adjectif en cause, vs *Il a beaucoup <*très > changé depuis trois semaines*, avec le verbe CHANGER au participe passé: *changé* adjectif et *changé* participe passé déterminent, comme on le voit, des valeurs différentes de la fonction lexicale Magn. (Pour une analyse précise de la distribution de BEAUCOUP vs TRÈS, voir Gaatone 1981.) L'adjectif CHANGÉ constitue un vocable français à part entière, que nous présentons comme tel dans ce travail.

[5] À part les valeurs de la FL Magn pour C.I.1a consacrées par l'usage et présentées dans cet article de dictionnaire, un degré élevé de changement peut être signalé par un nombre pratiquement illimité d'expressions plus ou moins libres, fabriquées par le locuteur à cette fin. Par exemple :

(8) *Les choses ont changé à ne plus s'y reconnaître.*

Le phrasème 'À NE PAS S'Y RECONNAITRE' n'est pas spécialement lié à CHANGERI.1a : il exprime un manque d'ordre habituel, l'absence d'une organisation à laquelle on s'attendrait, de sorte qu'on se sent perdu et désorienté. Cependant, ce phrasème peut être utilisé pour exprimer l'intensité du changement survenu. Dans la même veine, on peut dire :

(9) a. *Les choses ont tellement changé que ça vous fait peur.*

b. *Les choses ont changé à vous donner le vertige.*

Cela est vrai pour tout Magn, quel que soit le lexème clé. Le SENS SERVANT À SIGNALER L'INTENSITÉ du changement (ou d'une autre chose) doit être construit par de règles sémantiques particulières, qui n'ont pas encore été abordées dans le cadre de la théorie Sens-Texte. Ces règles font partie de la composante Réalité \leftrightarrow Sens, qui précède, pour ainsi dire, le modèle Sens-Texte. L'élaboration de telles règles, c'est-à-dire des règles CONSTRUCTRICES DES SENS nécessaires, constitue une tâche intéressante et prometteuse.

Un phénomène semblable, bien que différent, est observé dans les cas où les valeurs de FL peuvent être paraphrasées lexicalement, sans changer le sens et sans avoir à construire des sens nouveaux : voir la discussion au commentaire 20.

[6] Les adverbes du type *économiquement, psychologiquement, esthétiquement*, etc. attachés à C.I.1a n'expriment pas une caractéristique Z de Y et ne sont pas des actants du verbe. Ce sont des modificateurs libres (= des circonstants) exprimant le point de vue ou l'aspect sous lequel on considère le changement :

(10) *La situation a changé politiquement* = 'La situation a changé du 'point de vue' politique' et non *'La politique de la situation a changé'.

De tels adverbes ne doivent donc pas être pris en compte dans le Régime.

De la même façon, nous nous proposons de décrire les adverbiaux *au physique* et *au moral*, comme dans *Marie a changé au physique*; selon nous, ce sont des circonstants.

CHANGERI.1b

[7] Les verbes dits "pronominaux" ne sont pas consignés dans le dictionnaire s'ils sont DES FORMES GRAMMATICALES DU MÊME LEXÈME que le verbe non pronominal correspondant, c'est-à-dire s'ils sont soit de vrais réfléchis ('X se

V-e soi-même'), soit des réciproques ('X et Y se V-ent l'un l'autre'), soit des passifs (entre autres, "potentiels" : 'X est tel qu'il peut être Y-ment V-é'). Il faut cependant indiquer la possibilité de telles formes pour le verbe vedette, ce que nous faisons ici pour le verbe C.1.1b (dans la sous-zone "Propriétés morphologiques").

Les verbes pronominaux qui ne sont pas des formes grammaticales d'un même lexème, par contre, ont leur entrée à part. C'est le cas du verbe SE CHANGER (au sens de 'se transformer en ...'), qui n'est aucunement une forme de CHANGER, mais un lexème bien distinct. Le verbe *se changer* au sens de 'changer ses vêtements' est considéré comme la FORME RÉFLÉCHIE du verbe CHANGER^{1.4} — de sorte qu'il n'a pas d'entrée propre; son existence est pourtant signalée par une indication morphologique sous C.1.4. Signalons en anticipant (le commentaire 13 ci-dessous) que, pour éviter la confusion, nous écrirons les formes du verbe SE CHANGER avec un trait d'union ("L'eau se-change en vapeur"), à la différence des formes des verbes CHANGER ("Il se change^{1.4}", etc.).

8 Si X désigne une partie du corps ou bien si X est le lexème VIE ou EXISTENCE, une construction à deux compléments devient possible : le 1er actant sémantique de X, c'est-à-dire le "possesseur" de X, peut être exprimé, à côté de X (= complément d'objet direct), par un clitique datif auprès du verbe. Par exemple :

- (11) a. *Cette coiffure change complètement son visage* ~
Cette coiffure lui change complètement le visage.
 b. *Le chirurgien a changé son nez* ~
Le chirurgien lui a changé le nez.
 c. *L'arrivée de Marie a changé sa vie* ~
L'arrivée de Marie lui a changé la vie.

(Certains locuteurs n'admettent que difficilement les paraphrases avec VIE, EXISTENCE, etc., c'est-à-dire avec un lexème qui ne désigne pas une partie du corps.) Cependant, cette transformation doit être couverte par une règle générale de la syntaxe française, et nous n'avons pas besoin de la signaler dans le dictionnaire.⁵

9 L'expression 'CHANGER LES IDÉES' [Cl_{dat}] <Il faudrait lui changer les idées> est un phrasème signifiant 'distraindre, amuser'. Cependant, *changer les idées de qqn.* est une expression libre comprenant C.1.1b, qui est parfaitement parallèle à *changer le nom* <la coiffure, les plans, ... > de qqn.

Le renvoi à ce phrasème est placé dans l'article de C.1.1b parce que le sens LITTÉRAL de cette expression présente justement le lexème C.1.1b. Ce principe

(consistant à mettre les renvois aux phrasèmes sous l'entrée du verbe correspondant pris au sens littéral) est appliqué pour tous les phrasèmes.

CHANGERI.2a

10 Les différences sémantiques entre C.I.1a et C.I.2a n'étant pas grandes, on peut être tenté de les réunir sous un même lexème. Cependant, bien que nous ne soyons pas sûr de notre décision de les séparer, nous n'avons pas pu les réunir sans provoquer de complications additionnelles : leur régime et leur cooccurrence lexicale sont quand même très différents (cf. surtout C.I.1a *dans* vs C.I.2a *à* ~ *dans*).

CHANGERI.3a

11 La lettre grecque ε (avec ou sans primes) est utilisée dans les définitions pour préciser les référents de certaines composantes sémantiques (là où il s'agit d'EXEMPLAIRES DIFFÉRENTS d'une même espèce d'entités). Dans la théorie Sens-Texte, la Représentation Sémantique complète présuppose la donnée du STATUT DÉNOTATIONNEL des nœuds des réseaux sémantiques. Comme on peut le voir, dans cette définition (et dans plusieurs autres), il est nécessaire de tenir compte des référents pour bien exprimer le sens du lexème en cause.

CHANGERI.3b

12 Ce verbe appelle les trois commentaires suivants.

- C.I.3b admet aussi ce qu'on appelle "le datif du bénéficiaire" :

(12) a. *Peux-tu lui changer la batterie de sa Renault 5 ?*

b. *Il faut changer ses couches à ton bébé.*

Nous croyons que ce phénomène relève de la syntaxe française et peut être décrit par une règle de transformation similaire (ou même identique) à la règle mentionnée dans le commentaire 9.

- On notera l'ambiguïté suivante signalée par Pottier (1978 : 357) :

(13) *Il a changé le texte de son discours:*

a. ' Il en a modifié le texte (en y ajoutant, par exemple, des mots)'
[= C.I.1b].

vs

b. ' Il en a remplacé le texte par un autre' [= C.I.3b].

- On peut se demander pourquoi nous n'avons pas défini C.I.3b par C.I.3a, c'est-à-dire comme un causatif de C.I.3a. La raison en est simple : le verbe C.I.3a est beaucoup plus contraint que le verbe C.I.3b. Ainsi, C.I.3a ne possède pas l'actant correspondant à Z de C.I.3b (*Y change *pour Z*, tandis qu'on a *X change Y pour Z*). De plus, C.I.3a est soumis à des restrictions d'usage non valables pour C.I.3b; C.I.3a apporterait fatalement ces restrictions dans la définition de

C.I.3b, si nous avons essayé de définir C.I.3b par C.I.3a; etc.

CHANGERII.1a

13 La définition de ce verbe appelle les six commentaires suivants.

- L'écriture "se-causer" et "se-trouver" (avec un trait d'union) est utilisée, par convention, pour distinguer, au sein des définitions, les VERBES AUTONOMES SE CAUSER et SE TROUVER, avec le *se* "lexical", des FORMES PRONOMINALES de divers lexèmes verbaux, qui comportent le *se* "morphologique", marquant le réfléchi, le réciproque ou le passif. Plus loin (dans C.IV), nous utiliserons la même écriture pour distinguer le verbe SE CHANGER [en] de la forme réfléchie du verbe CHANGERI.4, telle qu'on la trouve dans *Il va se changer*, etc.

- Les deux barres verticales "||" séparent (dans cette définition, ainsi que dans quelques définitions suivantes) la partie présuppositionnelle de la définition de sa partie assertive. (Par la *partie présuppositionnelle*, ou le *présupposé*, d'un sens nous entendons la partie de ce sens qui reste affirmée sous la négation de ce sens. Ainsi, quand on dit *Jean n'a pas changé de wagon*, on continue à affirmer 'Jean se trouve dans un wagon particulier'.)

- On ne peut pas utiliser, dans la définition de C.II.1a, la composante 'se-déplace' au lieu de la disjonction '(α) commence à se-trouver ou (β) se-cause de commencer à se-trouver...', car le verbe C.II.1a peut s'utiliser avec des sujets inanimés, qui excluent l'idée de déplacement VOLONTAIRE :

- (14) a. *La voiture a changé de trottoir* <*s'est déplacée vers l'autre trottoir >.
 b. *Ta brosse à dents a changé de place* <*s'est déplacée vers une autre place >.

Cependant, le deuxième membre de cette disjonction ('(β) se-causer de commencer à se-trouver') est aussi nécessaire, parce que, avec les animés dotés de la faculté de locomotion, C.II.1a désigne toujours le déplacement intentionnel:

- c. *Jean a changé de wagon* = *Jean s'est déplacé vers un autre wagon*.

Comme nous le verrons plus loin, seul le premier membre de la disjonction est repris dans le causatif C.II.1b.

- La composante 'se-causer' ne correspond aucunement à la forme réfléchie de 'causer' mais constitue un sens à part, qui exprime une causation "interne" (l'ENDOCAUSATION, selon la terminologie de St-Germain 1988). On trouve la causation "interne" dans les sens correspondant à des actions volontaires des êtres; elle s'oppose à la causation "externe".⁶ Pour la causation interne, le premier actant sémantique est l'être lui-même; pour la causation externe, le premier actant sémantique est un foncteur : un événement, une action, un état, une propriété, etc. Dans *Le malade se lève*, c'est le malade qui cause l'événement; dans *Jean lève le malade*, ce sont les ACTIONS de Jean qui le causent. (On notera qu'à la

différence de *Jean fait se lever le malade*, la phrase *Jean lève le malade* ne veut pas dire 'Jean cause que le malade se lève' !)

Deux remarques supplémentaires importantes s'imposent :

1) Les expressions *causer que* et *se causer de* n'existent pas en français standard; ce sont des expressions de notre métalangage sémantique. Ces dernières peuvent, comme on le sait bien, s'écarter, dans des cas de besoin logique, des normes de l'usage français.

2) Dans nos définitions, nous nous permettons de dire des choses comme 'Pierre <Le directeur, L'acide,...> cause que ...'. En réalité, il s'agit toujours d'une action <d'un état, d'une propriété, ...> de Pierre <du directeur, de l'acide,...>, jamais de Pierre <du directeur, de l'acide,...> lui-même.

• Le lexème C.II.1a mérite une entrée à part parce que, parmi les autres *changer (de)* intransitifs, lui seul possède un causatif synthétique (= C.II.1b) : *Jean change de bureau* ~ *Le directeur change Jean de bureau*, alors que l'on n'a pas **La mère change Jeanne de robe*, **Le directeur change Jean d'attitude*, **Les nouvelles changent Jean d'opinion*, etc. Ceci nous semble une raison valable pour isoler le sens de changement de localisation en tant que lexème séparé. ⁷

• Il est indiqué dans Picoche 1986: 52 que, dans les structures du type *changer de N*, N doit "perdre toute pré- ou post-détermination, c'est-à-dire, en somme, son statut de substantif". C'est vrai pour la pré-détermination (ce que nous avons indiqué par le symbole $\bar{\quad}$ dans le Régime), mais ce n'est pas tout à fait vrai en ce qui a trait à la post-détermination :

(15) a. *Jean a changé d'adresse personnelle, mais son adresse au travail reste la même.*

b. *Jean a changé d'opinions politiques, mais pas du tout de convictions morales.*

Les post-modificateurs de N sont permis dans la structure *changer de N*, mais seulement à titre de distincteurs-identificateurs, dans le cas où il peut s'agir d'ESPÈCES DIFFÉRENTES de N. Il est pourtant vrai que tous les modificateurs qualificatifs sont exclus. (Cette circonsance rappelle la situation rencontrée avec les parties du corps, dont les noms n'admettent pas de modification qualificative tout en acceptant la modification identificatrice dans la construction avec le datif étique sans possessif : *Jean lui a lavé la main *sale* vs *Jean lui a lavé sa main sale*, mais *Jean lui a lavé la main gauche*.)

CHANGERII.2

14 Nous aimerions formuler ici les cinq commentaires suivants.

• Nous utilisons, dans la définition de C.II.2, la composante 'avoir' — sans préciser son (ou ses) numéro(s) lexical(-caux) distinctif(s), puisque nous n'avons

pas encore élaboré les articles correspondants; pourtant nous indiquons explicitement qu'il s'agit de ces 'avoir' qui remplissent le rôle d'un Oper_1 . Le verbe C.II.2 s'applique à ces Z dont $\text{Oper}_1(Z) = \text{avoir}$. (Le lien crucial entre *avoir Z* et *changer de Z* est signalé dans Picoche 1986: 52-53.) Le même procédé est employé dans la définition de C.II.3: 'utiliser' au sens de Real_1 . C'est bien sûr un abus de langage; une écriture rigoureuse serait 'faire avec Z ce qu'on est censé faire avec Z d'après sa nature', c'est-à-dire la description sémantique de la fonction lexicale Real_1 .

- B.Pottier note (1978: 352) que Z ne peut pas être un acte de Y: *Il a changé *de choix <*de décision>*. Ce fait est pris en charge par les composantes restrictives [= contraintes sémantiques] portant sur Z — 'caractéristique', 'attribut' ou 'propriété' — dans la définition de C.II.2.

- Opposons le verbe C.II.2 au verbe C.I.1a. La différence sémantique entre ces deux verbes peut être illustrée par le fait que le second accepte *beaucoup* comme une valeur possible de la fonction lexicale Magn tandis que le premier le refuse:

(16) a. *Le physique de Marie a beaucoup changé* [= C.I.1a].

vs

b. **Marie a beaucoup changé* [= C.II.2] *de physique*.

Cependant, cela n'est pas dû à des facteurs sémantiques puisqu'on a (16c):

c. *Marie a beaucoup changé* [= C.I.1a] *physiquement*,

qui exprime le sens de (16b). Il n'est pas donc question de réunir C.I.1a et C.II.2 dans un même article de dictionnaire.

- Il nous semble aussi utile d'opposer le verbe C.II.2 au verbe C.I.1b: *changer de voix* = 'la voix de X change I.1a de façon incontrôlable, sous l'impact de qqch. d'externe' vs *changer sa voix* = 'X change I.1b sa voix exprès, peut-être pour dissimuler son identité'; *changer d'allure* = 'la manière de se tenir de X change I.1a de façon incontrôlable, sous l'impact de qqch. d'externe' vs *changer l'allure* = 'X change I.1b exprès sa manière de se tenir'; etc.

- Le verbe C.II.2 connaît une série d'emplois qui nécessitent une clarification. Ainsi, on dit:

(17) *Jean change d'altitude < de cap >*.

bien qu'il soit clair que c'est l'avion de Jean, et non pas Jean lui-même, qui commence à avoir une nouvelle altitude (ou bien c'est le bateau de Jean, et non pas Jean lui-même, qui commence à avoir un nouveau cap). Nous croyons voir ici l'effet d'une règle sémantique générale du français (qui semble être valable dans beaucoup d'autres langues):

⌈ Ce qu'on devrait dire au sujet d'un véhicule, on le dit au sujet de son conducteur.

Cf., en effet :

- (18) a. *Je suis mal garé.*
 b. *Pierre est rentré dans un poteau.*
 c. *Pierre a dérapé.*

Nous nous permettons donc de penser que les phrases du type *Le capitaine a changé de cap* sont couvertes par notre définition de C.II.2.

CHANGERII.3

15 La définition de C.II.3 appelle les trois commentaires suivants.

• Elle doit prendre en charge les nombreuses ambiguïtés provenant de l'emploi du verbe C.II.3. Ainsi, la phrase (19)

(19) *Marie a changé de voiture.*

a au moins deux interprétations :

- a. ' Marie possède maintenant une autre voiture' .
 b. ' Marie conduit maintenant une autre voiture' .

Nous croyons avoir décrit cette ambiguïté (et toutes les ambiguïtés semblables) par la disjonction dans la définition de CHANGERII.3. Une troisième interprétation :

- c. ' Marie se trouve maintenant dans une autre voiture' .

est prise en charge par un autre lexème : C.II.1a.

• Illustrons les différences pertinentes entre C.II.3 et trois autres verbes du même vocable — un peu comme on le fait pour les phonèmes d'une langue pour en établir le système : on les compare, ou on les oppose, deux à deux.

1) C.II.3 vs C.I.1b

Cette différence (*changer de projet* et *changer le projet*), signalée par Pottier (1978: 353), nous semble être bien exprimée dans nos définitions. En effet, si l'on prend PROJET au sens de ' projet de recherche' , on a :

(20) *Pierre a changé de projet* [= C.II.3],

qui veut dire ' Pierre a commencé à participer ⁸ à un projet P' différent¹ du projet P auquel Pierre avait participé auparavant' [mais le projet P est toujours le même, sauf que Pierre n'y participe plus];

(21) *Pierre a changé le projet* [= C.I.1b]

veut dire, par contre, ' Pierre a modifié le projet P auquel il participait' [P — tel qu'il était auparavant — n'existe donc plus, mais Pierre n'a pas "bougé"].

Comparez encore *changer de robe* = ' mettre une nouvelle robe' vs *changer la robe* = ' modifier la vieille robe' .

2) C.II.3 vs C.II.2

Pour cette paire, nous pouvons signaler les trois différences suivantes :

— C.II.3 (*changer de voiture*) concerne le remplacement d'un exemplaire de Z par un autre exemplaire de Z, alors que C.II.2 (*changer de coiffure*) désigne la modification d'une caractéristique de Y. C'est l'opposition centrale (= l'opposition i de Pottier) divisant les acceptions de CHANGER.

— C.II.3 présuppose une action plus ou moins volontaire et, par conséquent, ne prend que des sujets humains (en tout cas, animés), alors que C.II.2 n'a pas de telle présupposition et admet tous les sujets.

— C.II.3 ne peut avoir aucune valeur pour la fonction lexicale Magn, alors que C.II.2 en a :

(22) a. *Les cheveux de Marie ont complètement changé de couleur*
[= C.II.2].

vs

b. **Marie a complètement changé [= C.II.3] de voiture.*

L'impossibilité de (22b) s'explique par des raisons sémantiques évidentes.

3) C.II.3 vs C.II.4

Il peut sembler, à première vue, que les verbes C.II.3 et C.II.4 pourraient être réunis sous une même définition (le premier étant considéré comme une "réduction" du second). Cependant, cela s'avère impossible, compte tenu des différences sémantiques. Il est vrai que tous deux expriment une causation VOLONTAIRE; cependant, dans C.II.3, la volonté de X est de se débarrasser d'un exemplaire donné de Y et de s'en procurer un nouveau, alors que dans C.II.4, X veut un exemplaire particulier de Y qui appartient à Z et X est prêt à donner à Z son propre exemplaire de Y.

• C.II.3 n'a pas de causatif synthétique : on ne peut **changer Marie de robe* ou **changer Jean d'ordinateur* [pour exprimer ces sens, il faut utiliser le causatif analytique en FAIRE]. De façon analogue, C.II.2 n'a pas de causatif synthétique non plus : **changer Marie d'attitude*, **changer les feuilles de couleur*, etc. Parmi les *changer (de)* intransitifs, comme nous l'avons signalé dans le commentaire 14, c'est seulement C.II.1a [= 'changer de place'] qui admet un causatif synthétique [C.II.1b] : *changer l'enfant de lit*, *changer son fils d'école*, etc.

CHANGERIII.1

16 Soulignons une différence sémantique intéressante entre C.III.1 et C.II.4 (c'est J. Picoche qui a attiré notre attention là-dessus) :

(23) a. *Jean change de voiture avec Pierre* [= C.II.4]

vs

b. *Jean change sa Toyota avec Pierre contre une Cadillac* [= C.III.1].

La phrase (23a) exprime la réciprocité mais n'implique pas nécessairement que les voitures ont changé de propriétaire et ne dit rien sur l'équivalence des deux voitures : ce qui est décrit par (23a) n'est aucunement une transaction de type

commercial. Par contre, en (23b), il s'agit d'un changement d'appartenance sur la base d'équivalence présupposée : c'est une vraie transaction de type commercial, un cas de troc. Nous avons essayé d'en rendre compte par les composantes 'en échange' et '[possession] permanente' dans la définition de C.III.1.

CHANGEMENT1.1a

17 Parmi les 16 lexèmes de CHANGEMENT, 14 sont des noms d'action (des S_0) et signifient 'le fait que ...'. Deux, pourtant, sont ambigus : chacun est un nom d'action et simultanément un nom de résultat (S_0 ou S_{res}); il signifie donc 'le fait que ... ou le résultat de ...'. Ce sont CHANGEMENT1.2a et CHANGEMENT1.2b. Seuls ces deux noms sont susceptibles d'être employés dans des contextes qui mettent en jeu des choses concrètes, matérielles :

(24) *Il faut éliminer les changements survenus [= C.I.2a] <effectués [= C.I.2b]> dans le code.*

CHANGEMENT1.1b

18 On notera que C.I.1b s'oppose à C.I.2b par sa cooccurrence lexicale: le second, à la différence du premier, a les $Oper_1$ *effectuer* et *faire*, cf. :

(25) *effectuer <faire> des changements importants dans le plan*

vs

**effectuer <faire> des changements importants du plan.*

CHANGEMENT1.2a

19 Tout comme CHANGEMENT1.2b, C.I.2a signifie le fait de changer ou le résultat de ce fait, accentuant en plus que c'est UN ÉLÉMENT de Z (ou bien quelques éléments de Z) qui change(nt), plutôt que Z lui-même en tant que tout. C.I.2a s'oppose à C.I.1a non seulement par son sens mais aussi par sa cooccurrence lexicale. Ainsi, C.I.2a, qui régit la préposition DANS, admet la valeur de la FL *Magn amplex* — à la différence de C.I.1a, régissant la préposition DE :

(26) *d'amples changements dans la vie économique*

vs

**d'amples changements de la vie économique.*

20 À partir des valeurs établies de la FL *Magn*, que nous donnons pour C.I.2a, on peut produire d'autres expressions pour ces valeurs, en les construisant par des règles syntaxiques du français. Ainsi, *de très importants changements* \Rightarrow *des changements d'une grande importance*; *de très amples changements* \Rightarrow *des changements d'une ampleur exceptionnelle*;

et ainsi de suite. Bien entendu, les règles pour de telles transformations ne sont pas du tout spécifiques ni pour les vocables en cause ni pour la FL mentionnée : elles sont tout à fait générales et font partie des règles universelles de paraphrasage (voir Mel'čuk 1988b : 20 *ssq.*). En particulier, la règle en jeu pour des exemples cités est la suivante :

$$(27) \quad X \xrightarrow{\text{ATTR}} \text{Magn}(X) \xrightarrow{\text{ATTR}} \text{Magn}(\text{Magn}(X)) \quad \Leftrightarrow$$

$$X \xrightarrow{\text{ATTR}} S_0(\text{Magn}(X)) \xrightarrow{\text{ATTR}} \text{Magn}(S_0(\text{Magn}(X)))$$

Cependant, on n'a même pas besoin d'écrire cette règle en tant que règle séparée : elle n'est qu'un cas particulier d'une règle très générale de paraphrasage déjà existante, à savoir, "Tout élément X dans une structure syntaxique profonde peut être remplacé par sa nominalisation, c'est-à-dire par $S_0(X)$, pourvu que la position syntaxique de X le permette".

Remerciements

Les données initiales pour cet article ont été discutées et analysées avec Janine Lévy et Alain Polguère; les premières ébauches ont été lues et critiquées par Lidija Iordanskaja, Suzanne Mantha et Jean St-Germain. Ensuite, Nadia Arbatchewsky-Jumarie et Alain Polguère, en bons collègues et amis, ont soumis l'article à un scrupuleux examen. La version finale a été vue par Marga Alonso Ramos, Marie Bourdon, André Clas, Jean-Luc Descamps, David Gaatone, Yves Gentilhomme, Janine Lévy, Nicolas Pertsov, Jacqueline Picoche et — une fois de plus! — par Alain Polguère, dont l'apport et l'appui ont été vraiment cruciaux. J'ai fait de mon mieux pour rendre compte de toutes leurs remarques et propositions.

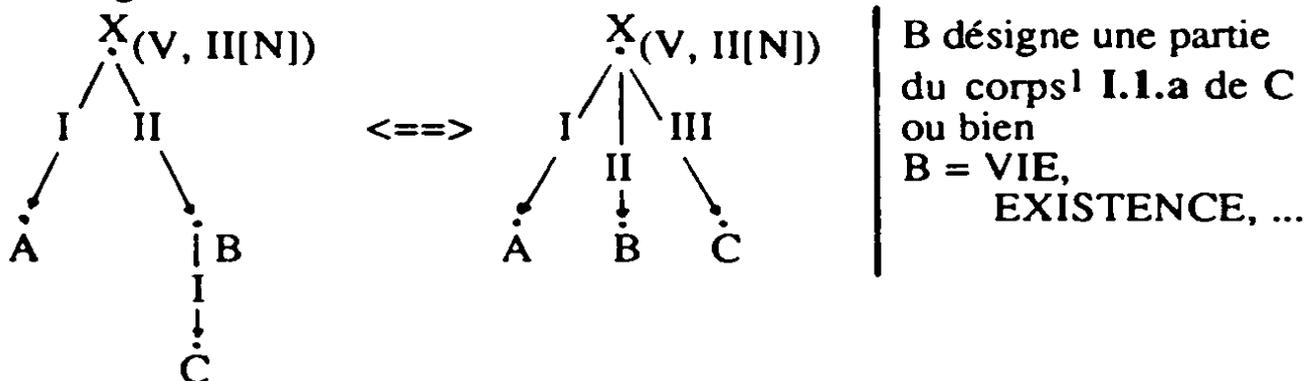
Je suis heureux d'exprimer ici ma gratitude la plus cordiale à toutes ces personnes; sans leur aide désintéressée, je n'aurais pas pu mener à bien ce travail.

N o t e s

* La recherche présentée dans cet article a été menée pendant la période où je bénéficiais de la bourse d'étude Killam (1988-1990); l'article lui-même a été écrit grâce à une bourse d'études John Simon Guggenheim pour l'année 1990. Je saisis cette occasion pour remercier l'administration de la Fondation Killam et celle de la John S. Guggenheim Memorial Foundation de leur appui généreux, qui m'a permis de travailler de façon suivie sur la sémantique des langues naturelles et, plus particulièrement, sur celle de 'changer'.

- ¹ Les verbes qui n'ont pas de composante sémantique 'causer [que ...]' n'admettent pas l'indétermination en question, mais, bien sûr, ils ne sont pas pertinents pour notre discussion. *Le Président de la République a mordu sa femme* <*a battu son chien, ...*> veut toujours dire qu'il l'a fait lui-même; cependant, les verbes MORDRE ou BATTRE ne font pas partie des verbes de causation "externe" qui nous intéressent ici. Soulignons que, pour une raison évidente, la composante de causation "interne" (= 'se-causer [de ...]', qu'on trouve dans *marcher, se lever, se retourner, etc.*) n'implique pas l'indétermination en question : les verbes correspondants désignent toujours la causativité au sens de Pottier, jamais la factivité.
- ² Le régime de C.I.2a donne lieu à des flottements d'usage quant à la distribution des prépositions *chez* et *en*. Sans entrer dans les détails, indiquons que, par exemple, certains locuteurs admettent la phrase *Quelque chose a changé en Marie* en l'opposant à la phrase *Quelque chose a changé chez Marie* : selon eux, la première phrase suppose un changement INTÉRIEUR, la deuxième étant neutre à cet égard; pourtant, d'autres locuteurs trouvent la première phrase incorrecte. Certains acceptent la phrase *Rien n'a changé chez mon chat*, tandis que d'autres la rejettent; etc.
- ³ Le livre Boons *et al.* 1976 signale que le français a à peu près 350 verbes de ce type. — C'est Suzanne Mantha qui a attiré mon attention sur le problème des CHANGER causatifs, ce qui m'a conduit à une révision profonde du regroupement des lexèmes dans le vocable CHANGER.
- ⁴ Une remarque terminologique importante : en conformité avec la tradition grammaticale en usage, nous appelons *intransitifs* les verbes qui ne peuvent avoir de complément d'objet DIRECT — même s'ils possèdent des compléments d'objet obligatoires indirects (= prépositionnels).

⁵ Voici cette règle :

La règle nécessite toute une série de précisions; entre autres :

1. Il faut formuler les conditions sémantiques qui favorisent / empêchent l'emploi de l'une ou l'autre structure. Ainsi, *Jean regardait ses genoux* [= les genoux de Colette] s'oppose à *Jean lui regardait les genoux* : la deuxième phrase implique que Colette est beaucoup plus affectée par l'action de Jean (il s'agit d'un regard passionné ou impudent, d'un examen médical, etc.).
2. Il faut probablement spécifier (par un trait de syntactique) les verbes qui admettent la transformation indiquée: nous ne sommes pas du tout certain que l'on peut utiliser ainsi n'importe quel verbe transitif du français (par exemple, *Beaucoup de poètes ont décrit ses jambes* vs **Beaucoup de poètes lui ont décrit les jambes*).
3. Il faut indiquer que dans la structure de droite le nœud B doit être modifié par l'article défini ou retenir le dépendant C — de façon à apparaître à la surface comme *le B* ou *son B*.

⁶ C'est justement pour cette raison que nous écrivons 'se-causer' (ainsi que 'se-déplacer' et 'se-trouver'); voir le commentaire 13.

⁷ Il y a une différence subtile entre (i) et (ii) :

(i) *Jean a changé Colette de fauteuil.*

vs

(ii) *Jean a fait changer Colette de fauteuil.*

La phrase (i) signifie que Colette est un bébé, ou inconsciente, ou bien ligotée, handicapée, etc., de sorte qu'on doit la transporter d'un fauteuil à l'autre. La phrase (ii) signifie pourtant que Colette s'est déplacée elle-même, peut-être forcée par Jean, mais quand même elle-même. Cette différence est prise en charge par nos définitions : en (i), nous avons C.II.1b, où la "passivité" de Colette est exigée (la définition de C.II.1b inclut la partie (α) de la définition de C.II.1a : 'X COMMENCE à se-trouver...'), tandis que (ii) comporte le verbe C.II.1a; sa définition admet l'"activité" (au moins, partielle) de Colette ('X commence ou SE-CAUSE de commencer à se-trouver ...'). De plus, la construction causative avec FAIRE implique, quant à elle, l'"activité" du sujet de l'action causée. (La phrase (ii) peut encore vouloir dire que Jean, administrateur théâtral, change le numéro du fauteuil assigné à Colette, c'est-à-dire qu'il donne à Colette un autre fauteuil. Cette ambiguïté est reflétée dans la définition de C.II.1b : par la disjonction.)

Notons encore que dans un autre CHANGER, C.II.3 (*changer d'ordinateur, de directeur, de public, ...* — où apparaît $Real_1$, cf. la note 8

ci-dessous), le causatif synthétique est quand même possible, mais à la condition que parmi les valeurs de $\text{Real}_1(\text{Z})$ apparaisse le verbe SE TROUVER. Ainsi, on peut changer Jean *de garnison* ou *de poste*, mais pas **de public* ni **de maîtresse*. Ce fait est reflété dans l'article de C.II.3.

⁸ Le sens de 'participer' correspond ici à la valeur de la fonction lexicale Real_1 , qui figure dans la définition de C.II.3.

Fait à : Montréal — Varsovie — Paris — Los Angeles — Boston — Montréal

R é f é r e n c e s

Boons, Jean-Paul, Alain Guillet, Christian Leclère

1976 *La structure des phrases simples en français : constructions intransitives*. Genève - Paris : Droz.

Dagenais, Louise

1985 Le problème de la description sémantique en lexicographie. Les vocables français : *permettre, défendre, autoriser, interdire*. *Cahiers de lexicologie* 46: 1, 57-107.

Dostie, Gaétane, Igor Mel'čuk, et Alain Polguère

1991 Méthodologie d'élaboration des entrées lexicales du Dictionnaire explicatif et combinatoire (REPROCHER, REPROCHE et IRRÉPROCHABLE). *International Journal of Lexicography*, à paraître.

Gaatone, David

1981 Observations sur l'opposition TRÈS - BEAUCOUP. *Revue de linguistique romane*, 41: 1, 74-95.

Iordanskaja, Lidija, and Igor Mel'čuk

1990 Semantics of Two Emotion Verbs in Russian: BOJAT'SJA 'to be afraid' & NADEJAT'SJA 'to hope'. *Australian Journal of Linguistics*, 10: 2, 307-357.

Ilson, Robert, and Igor Mel'čuk

1989 English BAKE Revisited (BAKE-ing an ECD). *International Journal of Lexicography*, 2: 3, 325-345.

Lépinette, Brigitte

1988 Les définitions des émotions en français et en espagnol. *Revue québécoise de linguistique*, 17: 2, 95-131.

1989 Vers un Dictionnaire Explicatif et Combinatoire bilingue. Bases théoriques et élaboration de quelques articles. *Cahiers de lexicologie*, 54: 1, 105-162.

Mackenzie, Ian, and Igor Mel'čuk

1988 Crossroads of Obstetrics and Lexicography: A Case Study (The Lexicographic Definition of the English Adjective PREGNANT). *International Journal of Lexicography*, 1: 2, 71-83.

Mantha, Suzanne

1984 Phénomènes atmosphériques dans le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain (DEC) : essai de description d'un champ lexical (six vocables du français), *Revue québécoise de linguistique*, 14: 1, 189-213.

Mantha, Suzanne, et Igor Mel'čuk

1984 Phénomènes atmosphériques dans le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain (DEC) : essai de description d'un champ lexical (neuf vocables du français), *Revue québécoise de linguistique*, 13: 2, 271-323.

Mel'čuk, Igor

1988 Paraphrase et lexique dans la théorie linguistique Sens-Texte. Vingt ans après. *Cahiers de lexicologie*, (a) 52: 1, 5-50 et (b) 52: 2, 5-53.

Mel'čuk, Igor, avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Léo Elnitsky, Lidija Iordanskaja et Adèle Lessard

1984 *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Études lexico-sémantiques I*. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal.

Mel'čuk, Igor, avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Louise Dagenais, Léo Elnitsky, Lidija Iordanskaja, Marie-Noëlle Levebvre et Suzanne Mantha

1988 *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Études lexico-sémantiques II*. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal.

Mel'čuk, Igor, avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Lidija Iordanskaja et Suzanne Mantha

1992 *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Études lexico-sémantiques III*. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal.

Mel'čuk, Igor, et Céline Robitaille

1988 Nutrition et lexicographie : Le champ lexical "Nourriture" (Huit vocables dans le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain), *Revue québécoise de linguistique*, 17 : 2, 133-177.

Mel'čuk, Igor, et Jean St-Germain

1986 Le champ lexical "Étendues d'eau" et quelques vocables apparentés dans le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain (12 vocables), *Revue québécoise de linguistique*, 16 : 1, 231-279.

Picoche, Jacqueline

1986 *Structures sémantiques du lexique français*. Paris : Nathan.

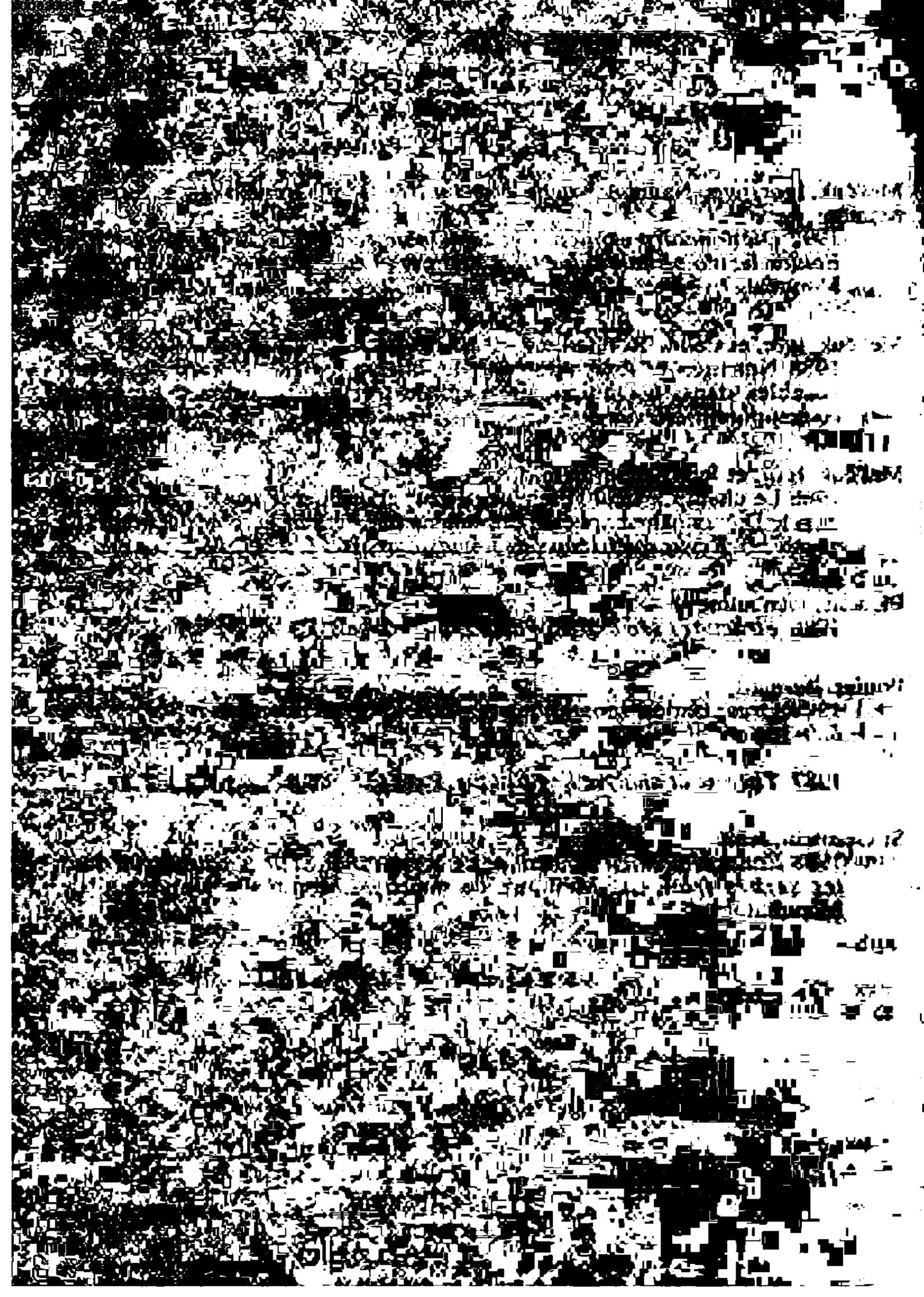
Pottier, Bernard

1978 Organisation sémantique de l'article de dictionnaire. *BSLP*, 73: 1, 339-366.

1987 *Théorie et analyse linguistique*. Paris : Hachette.

St-Germain, Jean

1988 *Étude sémantico-syntaxique de la causation et de la causativité dans les verbes français*. Mémoire de maîtrise. Montréal : Université de Montréal.

P. Sgall

UNDERLYING STRUCTURE OF SENTENCES AND ITS RELATIONS TO SEMANTICS*

As an extremely complex system, natural language has to be described in a modular way, i.e. on the basis of a certain patterning of its structure. Usually this patterning is understood as a set of levels, each of which may be viewed upon as consisting of a class of representations of sentences. It is not advisable to conceive of the structure of natural language as immediately based on the outer appearances of sentences, which include such unreliable points as e.g. orthographic conventions deciding on what is to be considered a word. Instead of such a simplified approach to the object studied, the linguist should prefer to base her/his classification of the units of individual levels, of the relations between them, and the choice and mutual relationships of the levels themselves on the use of operational criteria helping to decide on what may be called functions (including the semantic ones, i.e. meanings); this has always been emphasized by V. Ju. Rozencvejk, an outstanding example being Rozencvejk (1969). In the present paper I would like to point out how some issues of the underlying structure of the sentence may be handled if due attention is paid to this requirement.

1. Constituency, dependency, or a combination of both?

Unfortunately, the development of linguistic thinking is not studied and taken into account to such a degree as would be required for modern theoretical linguistics to avoid certain fallacies which in other quarters have been recognized as such and gave place to more appropriate solutions. One of such issues concerns the notion of (immediate) constituents, or phrase structure, which has been taken over by Chomsky and his followers (as well as by those who develop new approaches taking his theory as their starting point only with a high degree of polemical attitudes) from the descriptivists, whose view of language he has found unsatisfactory perhaps in all other basic points. With the single exception of Fillmore and his case theory, it was not registered in this trend of linguistic thought that European structural linguistics elaborated another view of syntax, viz. that based on valency, or dependency; the development of the latter trend can be traced from the pioneering formulation by Tesnière (1959) to such publications

* I worked on this paper during my stay at the Netherlands Institute for Advanced Studies in the Humanities and Social Sciences, Wassenaar, the stimulative and fruitful atmosphere of which I would like gratefully to acknowledge.

oriented towards formal and computational linguistics as Kunze (1975), Hellwig (1978), Sgall, Hajičová and Panevová (1986), and Mel'čuk (1988).

However, Fillmore's treatment of 'deep cases' at last has found a reflection in Chomsky's theory; theta roles and theta grids represent an ultimate intrusion of valency into the theory of government and binding (or, as more recently called, principles and parameters). Already in the preceding stages of Chomsky's approach, several notions derived from valency or dependency were present: although this had no firm basis in the formal framework of the approach, one has always spoken about heads and modifiers, and the use of such names of phrase categories as NP, AP, etc., disclosed that phrases are understood to have their heads, their governors. Moreover, the X-bar theory can be directly compared with formalisms accounting for dependency syntax, be it that known from Gaifman (1965) or those formulated by the authors quoted above.

Thus we can state that constituency is combined with dependency in Chomsky's theory. We may then ask whether the theta roles cannot be understood as primitive notions, instead of being derived from constituent structures, i.e. whether it is not useful to dispose of constituents and to achieve a more economical description. Other combinations of dependency with constituency are known e.g. from Fitialov (1968), Robinson (1970), cf. Goralčiková (1974), and they were found to be redundant, since an account of dependency, if properly combined with a treatment of coordination and apposition (these two being syntactic relations of another kind, as has always been recognized in European structural linguistics) and of the topic-focus articulation, covers the whole domain of sentence syntax. The development of Tesnièrean inquiries, cited above, amply documents this claim.

Moreover, if the underlying representations of sentences are understood as based on dependency syntax, a methodologically important point can be gained: In Chomsky's approach the P-markers include nonterminal symbols, and thus represent a shortened view of the derivation history of the terminal strings of the generative component of his description; the terminal strings do not play, in fact, any role in the description as a whole. On the other hand, with a dependency-based approach it is possible to include all the relevant information yielded by the derivation in the terminal representations, which then are appropriately used as characterizing the structure of the sentence on the given level; all information necessary for the treatment of the relationships of this representation to those of an adjacent level of the system of language, or, in the case of the level of underlying structure, for semantic interpretation, is contained in the terminal representation.

It is true that the possible combinations of dependency with coordination (and apposition) make it impossible to work just with a tree. However, thanks to such restrictions as that of projectivity, the underlying representation can have the form

of a string of complex symbols with two kinds of parentheses, for the relations of dependency and of coordination together with apposition. Each of the complex symbols consists of (i) a lexical part, the structure of which can only be described adequately if the achievements of Rozencvejš, Mel'čuk, Apresjan and their followers are taken into account, and (ii) of a combination of symbols for values of grammatical categories such as number, tense, modality, etc., including the kind of syntactic dependency (which in an equivalent way can occupy the position of an index of the parenthesis).

The possibility to handle in such a way most different combinations of the two kinds of relations can be illustrated by the following example, where (1)(b) is a simplified underlying representation of the sentence (1)(a), i.e. the representation of one of its readings; the symbols for Appurtenance, Actor, General Relationship, Objective, Directional-1 and -2 as kinds of dependency, for Conjunction (versus Disjunction, etc.) as a kind of coordination, and for Definite, Specifying, Singular, Present, Declarative, etc. as values of morphological categories should be self-explaining; the index *f* marks the verb as standing immediately after the boundary between topic and focus in the underlying word order.

(1)(a) Bill's brother and Jane, who are a nice pair, moved
from the town to a village.

(1)(b) ((*Bill.Appurt*) *brother*.Def.Sing.Actor *Jane*.Actor.
Conj)((Rel.Actor) *be*.Pres.Declar.Gener (*pair*.
Specif.Sing.Obj (*nice*.Gener)))) *move*.f.Pret.
Declar (*town*. Def. Sing. Dir.1) (*village*. Specif .
Sing. Dir.2)

The units of the lexical, syntactic and morphological layers of the level of underlying structure, which can be viewed upon as that of linguistic (literal) meaning, can be delimited on the basis of operational criteria, as has been discussed in detail by Hajičová (1979; 1983), Hajičová and Panevová (1984), Panevová (1980) and Sgall (1980).

Let us note that this approach meets the requirement according to which most of grammatical information is found in the lexicon (in the valency grids); this also reflects the necessity to understand the word as the central unit of language, fundamentally different from the morpheme, see Uhlenbeck (1983, 14). In classical European linguistics these requirements were reflected quite clearly in the works of Tesnière, de Groot, Reichling, Kuryłowicz and others. In our view the valency frames contain a list of possible complementations of the given word (in a certain order, see Section 3 below), each of which is marked as for its subcategorization properties, as for being obligatory or not, possibly reoccurring in a single clause, deletable, available to be chosen as subject, and for being an obliga-

tory or optional controller; it is possible to add further characteristics found relevant, e.g. a certain degree of closeness to the head (e.g. with *put somewhere* or with an 'inner object'), a possibility to precede the verb in the surface word order of some languages, and so on.

It seems to be possible in such an approach to work with a single level of underlying structure in describing the system of language. The notion of meaning has then to be explained by a series of more explicit notions, one of which (linguistic or literal meaning) belongs to this system, while the others are understood as pertaining to the domain of semantic interpretation, including among others natural language inferencing, figurative meanings, cognitive patterning. The notion of linguistic meaning should then correspond to Saussure's 'form of content', to Hjelmslev's and Coseriu's 'meaning' (as opposed to 'sense' and to 'content', respectively), and to Lyons' descriptive meaning; the necessity of such a notion of the linguistically structured meaning was convincingly substantiated by Uhlenbeck (1980). This level can then serve as a starting point both for semantic interpretation (that requires such a starting point at which the ambiguity and synonymy of lexical and grammatical morphemes is already absent) and for a transition to morphemics.

2. The position of function morphemes

As was indicated by our treatment of example (1) above, function morphemes are not treated as lexical elements in our approach (and in several others, based on dependency). Languages widely differ in using affixes, endings or function words as the means of expression of grammatical values and functions. From the viewpoint of a general linguistic theory it is not immediately theoretically relevant whether e.g. cases, tenses, adverbial relations are expressed more by prepositions, auxiliary verbs and subordinating conjunctions (and word order), as is the case in English or French, by inflectional endings (and prepositions), as is the case in most of the Slavonic languages, or by affixes, as in Hungarian, Finnish, and so on. While these differences concern the surface (morphemics) of individual languages, it is relevant for the general theory that function morphemes, whether they have the surface shape of words or not (which in some cases is rather unclear, cf. the French clitics - or prefixes? - e.g. in *je t'en donnerai*), are not syntactically freely combinable, and thus can be adequately described by indices of node labels, or by parts of complex symbols.

This makes it possible for our representations to be much simpler than P-markers; not only they do not contain nonterminal symbols, but they display nodes (or their equivalents in the linearized version) for lexical occurrences only. A higher degree of economy is gained here together with a useful distinction between syntactically more or less free combinable lexical tokens and those values

which can be understood as being attributed to some of them, without a free combinability.

3. Layers of word order

Three layers of ordering of the elements of a sentence should be distinguished:

(i) surface word order (with specific restrictions on the clitics, and often also on the verb and on the parts of a noun group - e.g. adjectival adjuncts before a head noun, genitives and prepositional groups after it in English, versus other options in French, Polish, Lithuanian, etc.);

(ii) underlying word order, or the scale of communicative dynamism (topic proper - intermediate parts of topic - verb, be it a part of the focus or of the topic - intermediate parts of the focus - focus proper); let us remark that in (1) the *from*-group belongs to the focus in some readings (one of which is reflected in our analysis of the example) and to the topic in others; on the other hand, in (2) the *to*-group, which seems to occupy a similar intermediate position, can only belong to the topic, so that the secondary character of (2) (understood here as displaying normal intonation) if compared to (1) should be rendered in the description;

(2) Bill's brother and Jane, who are a nice pair, moved to a village from the town.

(iii) a basic scale of the kinds of complementation (i.e. of the dependency relation), called systemic ordering, which is present in the theta grids or valency frames in the lexical entries of verbs and is generally identical with point (ii), i.e. with communicative dynamism, within the focus, whereas the items included in the topic may be placed more to the left under (ii) than where they belong under (iii): this is illustrated by the difference between (1) and (2) above, cf. also (3), where in (a) the *by*-group can belong either to the focus or to the topic, whereas in (b) the *to*-group can only belong to the topic.

(3) (a) He came by car to a lake.
(b) He came to a lake by car.

Psycholinguistic tests with various contexts are at hand, which made it possible to check our hypotheses for Czech and, partly, for other languages. The systemic ordering of some of the main complementations in English may be assumed to have the following shape:

Actor - Addressee - Objective - Means - Direction.1 - Direction.2

In most of the Slavonic languages (and similarly in German) not only Addressee, but also several adverbials precede the Objective. On the other hand, in French the Objective precedes not only these adverbials, but also Addressee.

4. Is a surface level of syntax necessary?

Together with a level of underlying sentence structure, also a level of surface syntax was used in several approaches to syntactic dependency. Certainly this was useful in the first studies concerning grammatical ambiguity and synonymy in a framework using explicitly characterized levels. However, it is not certain whether strictly synonymous syntactic constructions exist. Such examples as the following were characterized in this way in some of the studies quoted above, including those of the Prague group of formal linguistics:

- (4) (a) After he arrived, we started to discuss the third point.
- (b) After his arrival we started to discuss the third point.
- (5) (a) She allowed them to sing.
- (b) She allowed them that they sing.

However, in (4)(b) the *after*-group does not express tense, so that in (6) it is indistinct; it corresponds semantically either to (7)(a) or to (7)(b).

- (6) After his arrival we will start to discuss it.
- (7) (a) After he arrives, we will start to discuss it.
- (b) After he has arrived, we will start to discuss it.

Thus the synonymy is at least dubious here, and so is the case with (5), where in (a) the coreference between *them* and the deleted subject of the infinitive is grammatical (intrasentential, a case of control in Chomskyan terms), whereas in (b) the coreference is textual, expressed by a pronoun the reference of which in general is indistinct, so that (as for restrictions determined by grammar) the referential identity is not ensured, cf. (8).

- (8) (a) She allowed Mary and Paul that their children smoke.
- (b) (Mary and Paul asked the hostess if they are allowed to let their children sing and walk during the break.) She allowed them that they sing. (As for walking, she. . .)

Also the case of passivization seems not to represent an actually synonymous pair of constructions. In languages other than English, where the active and the corresponding passive sentences can have the same word order (and thus the same topic-focus articulation), it seemed that passivization itself does not change

meaning; however, if the sentence contains such an adverbial as *voluntarily*, *inadvertently*, then again the underlying structures of the two sentences are not identical, since the adverb has a specific relationship to the subject of the clause.

The notion of subject certainly is necessary, since, as we just have seen, the choice of subject is semantically relevant in some cases. This also concerns the just quoted control relation, with which it is the subject of the infinitive (be it in the active or in the passive) that is the controllee. Thus a notion of subject (as different from our Actor, or Actor/Bearer) is needed and should be present in underlying representations, rather than presenting a support for the alleged necessity of a level of surface syntax.

The nature of (surface) word order we briefly discussed in Section 3 above can be so understood that it belongs to the level of morphemics only, where the representation of the sentence has the shape of a string without parentheses, rather than that of a tree (or even a more complex network) or its linearization. To work with an immediate transition from the underlying level to that of morphemics would then also bring a possibility how to handle the difficult issue of projectivity. On the morphemic level the condition of projectivity is absent, and it would now be possible to describe e.g. (9) by a shallow rule bringing the heavy relative clause to the end of the sentence similarly as in (1) the prepositions (corresponding to the indices Dir.1 and Dir.2 of the labels for the nouns) are brought to the beginning of either of their nouns' projections (i.e. to the left of the prepositional groups). The same holds for the conjunction and the verb's projection in (10).

(9) I met a man yesterday who asked me for your address.

(10) Joyce visited Claire, since she wanted to ask her for her advice.

Here the conjunction is derived from the underlying index characterizing the embedded (dependent) verb as occupying the position of (the head of) an adverbial of Cause.

Also word order shifts concerning a marked position of the intonation center of the sentence should be handled by similar shallow rules, cf. e.g. the difference between the primary morphemic shape of (3)(a) and (11), where the *to*-group belongs to the focus in all the readings, similarly as in (3)(b).

(11) He came by CAR to a lake.

5. Relationships to semantics and to discourse

The underlying structure can be described by a perspicuous generative procedure, the core of which consists of a small number of general principles. It is an interface level useful for drawing the boundary line between language and cognition (inferencing, factual knowledge, semantic interpretation) in the theory

and for a modular handling of language and discourse both in a theoretical description and in computer models. It should be realized that only a small part of the information conveyed by a message actually is present in the linguistic patterning of utterances. In interpreting them, the hearers have all their mental abilities at their disposal, so that they understand much more than what they are directly told; e.g. with (12) it is understood only via natural language inferencing based on factual knowledge (general, in this case) that the door Jim closed was that through which he came into the room where Jane was watching the TV (in fact, a context can be imagined where he entered another room, or closed another door).

- (12) While Jane was still watching the TV, John entered the room and closed the door.

The next step in semantic interpretation, which does not belong to the system of language any more, is represented by the specification of reference, based on the degrees of salience of the items of the stock of knowledge (information) shared by the speaker and the hearer(s), see Hajičová and Vrbová (1982), and Hajičová (this volume). Thus, e.g. in the segment of a discourse in (13) the reference of the subject of (b) is indistinct, being identical either with that of *John* or with that of *a boy* from (a), the difference of salience between these two being too small to be decisive; however, the subject of (c) is coreferential with that of (b), since after (b) has been uttered, the salience of the item not mentioned in it is lowered, which makes the difference large enough.

- (13) (a) John entered the room and saw a boy.
 (b) He didn't know how to react.
 (c) He decided not to ask to be excused.

Only an utterance token, rather than a sentence (type) is connected with specified reference and thus has its truth conditions, i.e. determines a proposition in Carnap's sense, a partial function from possible worlds into truth values. If the combination of linguistic meaning with the specification of reference proper to an utterance in the discourse is called the sense of the utterance, then we may state that it is the sense of an utterance which is true, false or undefined for different situations (subsets of possible worlds). It is undefined (more exactly, it determines no defined truth value) in case a presupposition is not met, cf. the following examples.

- (14) The king of France is bald.
 (15) Jim didn't know that two and two is five.

A complete account of semantic interpretation would have to include further factors, some of which were mentioned above (figurative meaning, natural language inferencing based on general knowledge and on context). We still are only at the beginning of bridging both the gaps between the meaning of the sentence and (i) its semantic interpretation, as well as (ii) its appropriateness for a limited set of positions in a discourse.

References

- Fitialov S. Ja. 1968. "Ob èkvivalentnosti grammatik NS i grammatik zavisimostej", *Problemy strukturnoj lingvistiki*, Moscow, 71-102.
- Gaifman H. 1965. "Dependency systems and phrase structure systems", *Information and Control*, 8, 304-337.
- Goralčiková A. 1974. "On one type of dependency grammars", *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, 21, 11-26.
- Hajičová E. 1979. "Agentive or Actor/Bearer?", *Theoretical Linguistics*, 6, 173-190.
- Hajičová E. 1983. "Remarks on the meaning of cases", *Prague Studies in Mathematical Linguistics*, 8, 149-157.
- Hajičová E. and J. Panevová 1984. "Valency (case) frames of verbs", *Contributions to functional syntax, semantics and language comprehension* (ed. by P. Sgall), Amsterdam - Prague, 147-188.
- Hajičová E. and J. Vrbová 1982. "On the role of the hierachy of activation in the process of natural language understanding", *Coling 1982* (ed. by J. Horecký, Amsterdam - Prague, 107-113.
- Hellwig P. 1978. *Formal-desambiguierte Repräsentation*, Stuttgart.
- Kunze J. 1975. *Abhängigkeitsgrammatik*, Studia grammatica XII, Berlin.
- Mel'čuk I. 1988. *Dependency syntax: Theory and practice*, Albany, N. Y.
- Panevová J. 1980. *Formy a funkce ve stavbě české věty* (Forms and functions in the structure of the Czech sentence), Prague.

- Robinson J. J. 1970. "Dependency structures and transformational rules", *Language*, 46, 259-285.
- Rozenčevjg V. Ju. 1969. "Zametki o značenii nekotorych francuzskich slov", *Mašinnyj perevod i prikladnaja lingvistika*, 12, 115-123.
- Sgall P. 1980. "Case and meaning", *Journal of Pragmatics*, 4, 525-536.
- Sgall P., Hajičová E. and J. Panevová 1986. *The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects* (ed. by J. Mey), Dordrecht - Prague.
- Tesnière L. 1959. *Eléments de syntaxe structurale*, Paris.
- Uhlenbeck E. M. 1980. "Observation in semantics is not easy", *Linguistic studies offered to B. Siertsema* (ed. by D.J. van Alkemade), Amsterdam, 127-135.
- Uhlenbeck E. M. 1983. *Javanese linguistics. A retrospect and some prospects*, Dordrecht.

A. Zholkovsky

ZH/Z: NOTES OF AN EX-PRE-POST-STRUCTURALIST

*Tempora mutantur et nos mutamur in eis.
 Coelum non animam mutant qui trans mare currunt.*

I. Introductory

In the 1970s, as many Soviet academics were contemplating emigration, V. Ju. Rosenzweig was one of the few to point out the cultural problems involved. He was able to do so in a manner both gentle and grave – thanks to his own tortuous intercultural experience and his scholarly studies of socio-linguistic contacts and interference. Small wonder that many of his misgivings proved well-founded, although we were slow to realize it. Having emigrated in 1979 and intermittently thought about acculturation ever since, I first tried to formulate my perceptions at the *Retrospective of Soviet Semiotics* (UC Berkeley, March, 1989), inspired, in part, by Boris Gasparov's analysis of the Tartu phenomenon as an embryonic form of emigration. (Gasparov had sketched out his idea as early as 1982; the paper has since appeared in the A. M. Pjatigorskij Festschrift issue of *Wiener Slawistischer Almanach*, v. 23.)

In the updated version of my Berkeley paper that follows – essentially an attempt at rereading our semiotic 1960s, the focus is on the sequel: emigration proper, concomitant change, its problems, and limits. I will mix general observations with a personal perspective, not so much out of narcissism as in order to be novellistic rather than epic (unlike some of the more self-congratulatory revisions of that period). It is these chronotopical and personal issues, as well as a sense of unfinishedness, that my title and epigraphs are intended to convey.

During a talk I gave in Moscow (1988; after a ten-year-long *ostranenie* this cliché does sound refreshing) I was asked why I had changed so much professionally – from heavy-duty generativism to the present eclectic, or, to use the "in" term, post-structuralist mode of writing. I answered with modest brevity, stressing the salutary humbling effects of emigration and the wealth of things to learn offered by the wide wide West, but I have been thinking since of a more comprehensive account of what happened.

At least three types of transition seem to have been simultaneously at play:

- the historical shift from the scientific, structuralist 60s to the post-structuralist 70s and 80s;
 - the geo-cultural transition from the Soviet-Russian to the American scene;
- and

- the personal search for one's discursive identity, i. e. for a sense of what, how, and wherefore one wants to be saying.

(Incidentally, the words "transition" and "discourse," so central to this entire problem, are among those conspicuously absent from the Russian vocabulary. I remember translating, in the early 70s, some of Tzvetan Todorov's work into Russian and later on meeting him in Paris. Along with thanks, he registered a complaint: "discours" is not the same thing as "tip teksta." Without really understanding, I made note of it; it took me another five years to digest the problem. In 1988, talking in Moscow with Marietta Čudakova, I used the word "diskurs," and was promptly accused of speaking fashionable gibberish. Ironically, when so challenged, I succeeded in my attempts to define 'discourse' only after translating it back into Baxtin's semi-mystical "Slovo.")

II. The Dynamics of the 60s' *Sturm und Drang*.

In order not to repeat the obvious, I will concentrate from the start on the discursive aspect of those glorious times. Although the conventional enlightened wisdom (in particular, structuralist) has it that one should not quibble over words, to a great extent what was at issue had to do with discourse and its power politics. Lotman's historic plea for a literary *nauka* (which in Russian is ambiguous but closer to "science" than "scholarship" and certainly much more fundamental than "criticism") ended with a defiant insistence on making *literaturovedčeskij* discourse more difficult, similar to that of the hard sciences. In the same spirit, Ščeglov and I polemicized with the defenders of the "essayistic" tradition, defying them to compete with Pasternak's portrayal of music in his "Chopin" essay and, should they pass the first test, with that in his famous "Ballada" ("Drožat garaži avtobazy..."). The drive was territorial and aimed at replacing impressionistic verbiage with "scientific-technological" diagramming. In the case of such extremists as Ж. and Ш., the proposed ideal metalanguage succeeded in becoming "difficult" indeed, to the point of resembling, in the witty formulation of V. A. Uspenskij, the flow-charts of plumbing that adorn restrooms on Soviet trains. Be as it may, the *ustanovka* toward science, formulas, exhaustive lists, levels, dictionaries etc, did yield some lasting, if not easily readable results, among which Mixail Gasparov's verse studies, Permjakov's index of proverbs, and some others.

In a truly territorial manner (as is often the case in such movements and in accordance with the Formalist theory of literary evolution), this attempt at innovating literary-critical discourse came from outside the traditional academy. Scientific metalanguage *is* alien to *literaturovedenie*, and in many cases the assault was led by representatives of other disciplines – linguists, logicians, mathematicians, physicists. The defenders, in their turn, invoked the time-

hallowed ontological difference of the literary domain and hoped, not without reason, that in time it would shake off or swallow up the arrogant intruders. (An analogy with the Slavophiles' view of Russia suggests itself.) For the would-be conquerors, on the other hand (the Varangian Westernizers), this posed, in case of success, typical problems of bilingualism resulting from the need to master the language of the conquered domain in order to better rule it. The self-educatory aspect was certainly crucial for this particular outsider and was to become even more so in emigration, with its dramatic stress on transition, alienation, and adaptation.

The semiotic movement's pointedly anti-establishment drive was not confined to matters of theory. Its future-oriented "scientific" rhetoric notwithstanding, the movement was part and parcel of the Soviet 60s' grand attempt at reappropriating the past. The overall cultural posture underlying Moscow-Tartu semiotics comprised, along with the theoretical search proper, also such functions as:

- the reintegration of previously banned critical heritage (Formalist and other);
- the rehabilitation of unofficial writers (Cvetaeva, Mandel'stam, etc.);
- and the actual study and interpretation of Russian literature (unofficial or otherwise), a task that had been delayed by the Stalinist climate and could be now resumed with the help of the recycled as well as newly forged theoretical tools.

This cultural enterprise had often to be conducted in an Aesopian manner, but it served an organic and necessary task. Theory found its natural place in this cluster of functions, both spearheading the movement and helping disguise its true nature; and, of course, it thrived on growing from and contributing to the processes in the native literature – Russian. (To be sure, other cultures and literatures were also studied.). A personal example would feature the present writer producing a schematization of the poetic world of Pasternak based on a mixture of Propp's, Jakobson's and Eisenstein's ideas, styling it on the pattern of flow-charts, publishing it as barely readable Working Papers, and yet basking in the glory, albeit imaginary, of a fulfilled cultural mission.

Not only was this a complex socio-cultural movement (rather than purely theoretical research); developing as it did in opposition to the establishment, it shared or mirrored some of its counterpart's features: authoritarian discourse, sectarianism, territoriality, ritualistic formulae, etc. In the case of such extremists and outsiders even within the anti-establishment as Ж. and Ш., this affinity took the form, as I see it now, of an ultra-centralized model of text generation, developed from the theoretical blueprints of Eisenstein, himself a representative of the ideological determinism of the early Soviet era. (I remember a prominent deconstructionist at Cornell, Richard Klein, describing my approach as "somewhat theo- or at least teleo-logical.") But to a significant degree what Saul Morson calls "semiotic totalitarianism" was characteristic of the movement as a whole.

III. *Drang nach Westen?*

Then, for whatever reasons (among them, the natural dynamics of outsider-ship) comes emigration, with its different set of opportunities and challenges. Some differences are quite obvious: freedom of expression, pluralism of approaches, the concentration of the humanities at universities rather than at research institutes. Others are less so, as, for instance, the predominantly written rather than oral culture or the discrepant structure of the paragraph in Russian and English. Some differences have to do with, so to speak, social geography, e. g. the availability of structuralism of all hues, Freudianism, mythological criticism, Soviet studies, etc. Other options are the fruit of the latest historical developments, and can be roughly covered by the umbrella term of Post-Structuralism: theories of intertextuality (Bloom, Riffaterre), reader reception (Iser, Fish), deconstruction (Paul de Man, Culler), discourse strategies (Foucault, Girard), and so on and so forth.

One suddenly discovers that many people can analyse a poem quite professionally but that interpretation as such is, in fact, "out," because the culture as a whole has moved past and beyond a very productive era of New Criticism and Jakobsonian structuralism (while in Russia the corresponding task has yet to be accomplished). As for the study of Soviet "unofficials," it is an integral part of mainstream Slavic research, devoid of Aesopian tactics, political risk, and corresponding premium. Nor is the Slavic field the primary locus of theoretical debate: just as in Russia, theoreticians are bred predominantly in the most numerous and culturally important, native, branch of literary studies, which happens to be English, and in the most theoretically advanced foreign ones, e. g. French. Slavic departments are first and foremost area studies. Also, one realizes fully what one was supposed to know from the start: how profoundly insignificant even its own literature is in a free Anglo-Saxon country, where the word has largely lost its magical function, to say nothing of exotic Russian lit., much less of its criticism, and still less of the theoretical underpinnings thereof.

This presents the new arrival with many advantages and problems, which boil down to the archetypal anxiety of the Soviet emigre, known as *choice*. Choice is necessitated by the different division of labor and grouping of cultural functions in the professional slots open to the Russian semiotician of literature in the American academy. The main difference concerns the divorce of theory and Russian lit., the two components which were so happily paired in the 60s' movement. Skipping details and exceptional cases, one can opt either for working in the Slavic field, teaching and writing about Russian lit., or for doing theory – structuralist, post-structuralist, thematic, semiotic, computational – under the auspices of Comparative Literature departments, Programs of Rhetoric, and Semiotic conferences and summer schools. I have tried both and discovered that I

prefer shedding or at least toning down my theoretical identity in order to continue talking about the texts – Russian – that I treasure, rather than discuss theoretical abstractions with people who are not interested in texts. (Not only in Russian texts, but in specific texts in general: "against interpretation" was a catchword already in structuralism, and post-structuralism has emphatically placed the Critic, the Reader, and the omnipotent impersonal Discourse above Author and Text.)

There are more aspects than one to this kind of choice, among them the various practical difficulties of adaptation in each of the alternative cases. But I think that a pivotal factor is the basic conservatism of Russian culture, Russian humanities, and this particular Russian emigre. Similar perceptions have been voiced in other contexts; in our/my own case it is not merely a matter of nostalgic reluctance to part with things Russian, although that, too, is true. (To quote only two authorities: in 1979, as a farewell exhortation, V. V. Ivanov told me: "You will go to the West and for a long time will behave like a Soviet"; five years later, Peter Steiner observed, over some beers at a AAASS conference: "Russians make bad emigres.") More important perhaps is the strong adherence to the magical value placed on the word and on literature in Russian culture. Confronted with a choice between prestigious but unmagical theorizing and a (pathetically modest) participation in Russian literary magic, even a notoriously extremist Russian theoretician goes for the magic. The magical cultural role proves to be more vital than the purely cognitive theoretical one.

Thus, the *Drang nach Westen* ends up back in the Russian fold, somewhere east of the Tartu Eden; ultra-Westernization produces a sort of Slavophilia, even as theoretical totalitarianism makes room for a more balanced discourse about Russian culture.

IV. Lost vs. Found.

Lost. The transition to Post-Structuralism was part legitimate revolution, part frivolous change of fashion. It left many of structuralism's tasks uncompleted, especially in the Slavic field, which it affected even as it largely bypassed it. Russian literary scholarship hailed the advent of post-structuralism as a long-desired deliverance from the "difficult" grip of structuralism, rather than as a graduation to the new difficulties of deconstruction and the like. In the process, the Russian field never did have the time either to accomplish by itself or to integrate from the outside such important achievements as, for instance:

- the systematic generalization of the legacy of Russian Formalism, in particular, in the theory of narrative and that of intertextuality (for which see Greimas, Hansen-Löve, Bremond, Genette, Chatman, Riffaterre, Peter Steiner);
- the development of the semiotics of cinema (Metz and others);
- the completion of general semiotic theory (see Eco).

Rather solid comprehensive results have been achieved in verse theory, i. e. the traditionally "formal" domain of literary scholarship. In the current post-formal atmosphere, however, I have heard respected scholars refer to such studies as "utterly boring." At my first American conference I remember going to a panel on verse theory (just to see what Walter Vickery looked like) and being appalled when I saw that there were three speakers and two listeners in the room. To be sure, there is not much *plaisir du texte* in verse studies, and literary criticism is supposed to be "fun," after all. (As Claude Bremond told me in 1988, he renounced teaching his own work because he could not stand the way the students massacred the elegant precision of his apparatus.)

It can only be hoped that, since many of the *naučnye* questions of literary theory, among them the analysis of the foundations of literary-critical discourse, remain unanswered, that they will be tackled at the next turn of the dialectical screw in the development of Russian literary studies.

Found. Current Slavist discourse is shaped by post-structuralist as well as traditional humanistic concerns, in particular by the tasks of university teaching (one emigre colleague said our fate was epitomized by the finale of Evelyn Waugh's *A Handful of Dust*, where the protagonist is doomed to read the complete Dickens over and over again to his master in the Amazon jungle) and the publishing market (as your teaching and, to an extent, writing depend on the notion of the scholarly paperback). The discourse is deliberately *narrative*, putting a premium on successful story-telling and persuasion techniques. (How else could it be in a culture pervaded with competing discourses, image-making, simulacra, the media, legalism etc.? Recently an American colleague praised a specimen of my new writing. "So you believed it?" – "Don't you?" she countered. – "The sad point is," I said, "that it is a matter of belief.") To continue with the Slavist discourse, it is *reasonably theoretical*, in that it has recourse to various theories when they help it with its central cultural goals, and *pluralistic*, or *eclectic*, in that it freely uses whatever theoretical tools that best suit it. From the American perspective the major role of Slavic literary and cultural studies is *educational* and *mediational*; from the Russian (or Russian emigre), they form a sort of Laboratory of Russian Literature and Culture, with both the advantages and disadvantages of being safely away from the scene: freedom and non-involvement, on the one hand, marginality and irrelevance, on the other. A lesser magic, so to speak.

On a personal note and resuming the theme of the scientific outsidership vis-à-vis the literary soil, it should be stressed that concentration on the study and teaching of Russian lit. (rather than on theory) is a rewarding auto-didactic experience. There certainly is no harm in rereading "Light Breathing" and "After the Ball" a hundred times and explaining them to American students (who are "ignorant but eager," in Jonathan Culler's felicitous formulation), or in narrating

your findings in a readable way – something I am trying to do in a book of intertextual analyses based on my teaching (*Text Counter Text: Rereadings in Russian Literary History*; forthcoming). In a word, *Docens disco*.

V. Conservatism vs. Change.

Some of the problems stem from conservatism – Soviet, Russian, Slavist, emigre, personal. (Incidentally, the slowness and difficulty with which some of us, and certainly myself, learn, even under the most favorable circumstances, do not augur well for *perestroika*.) It has been claimed that a lag of several decades is a law of Russian literary development (to say nothing of the bigger social picture). For example, it is only recently that the three-decades long effort of bringing Jakobson's major work to the Russian reader has been largely accomplished. Ironically, Jakobson will now belatedly become a cult figure for some, while by others he will be undeservedly ignored as dated (which he in a sense is – in the West, where he has been successfully absorbed and superseded, but hardly so in Russia).

A visceral resistance to innovation (and often to theory) leads many of us to reject out of hand – in a somewhat Soviet way – deconstruction and other radical ways of thinking. Sadly, the most provocative interpretation of Xlebnikov at the centennial symposium in Amsterdam (1985) came from a Western scholar (bearing the emblematic name of Weststeijn), who applied to our poet the latest narratological concepts to portray him as a polyphonic post-modernist lacking a unified lyrical persona.

Speaking of polyphony, our group's role in the introduction of Baxtin the theorist to the West has been rather modest. This role, notwithstanding the example set by V. V. Ivanov's well-known article, fell to American-born Slavists (Holquist, Morson, Emerson, Titunik, to say nothing of people like Todorov and Kristeva). One reason, I believe, is that, although from the Moscow-Tartu perspective Baxtin was, of course, part of the previously suppressed heritage waiting to be rehabilitated, his philosophical, spiritual, dialectical, essentially anti-formalist and post-structuralist message went against the grain of our thinking. Ironically, there are strong followers of Baxtin in Russia, such as Sergej Bočarov, who, however, shun explicit theorizing, read Baxtin from the Russian Orthodox perspective, and would be the last to emigrate. In more general terms, the ex-structuralists' linguistic roots may be what prevents them from embracing post-structuralism, whose foundations are more philosophical.

Another instance of theoretical conservatism can be perceived in our position on intertextuality. Russian literary scholarship rightfully boasts an original and important contribution to this field by Tynjanov, Taranovsky, Ronen, Smirnov and many others. (I believe that compiling a corresponding anthology, both in

Russian and in European languages, is in order.) Significantly, however, what unites this body of work and distinguishes it from most Western theories is a reluctance to graduate from the search for specific textual echoes to a more general and abstract study of interactions of entire discourse strategies, as, for instance, in Riffaterre's theory of hypograms; Saul Morson's (anti)utopian masterplots would be examples to the contrary, as well as Mixail Gasparov's work on the semantic haloes of meters, where the "memory of the genre", rather than a specific predecessor poem, constitutes the intertext for a new text.

In personal terms, conservatism may result from the formidable challenges of adaptation involved in going simultaneously American, Slavist, and Post-Structuralist. The threat the required openness poses to one's identity triggers a desire to cling to old negative stereotypes, among them the very strong defensive complex of the Romantic *nepriznannyj genij*, "a misunderstood genius," still lingering in the Russian mentality and prompting an insistence, stubborn out of insecurity, on one's totalitarian bred discourse. On the other hand, readiness to shed worn-out self-images and accept the new reality may leave one afloat in the open sea of possibilities.

During my first year at Cornell (1980), a youngish but already senior visiting theorist of a Marxist-Baxtinian bent suggested that, instead of giving a paper (at a scholarly meeting), he would sing his ballad about literary theory – and did. Imagine how shocked I was, straight out of my Soviet scientism and argumentation based on the unbeatability of Pasternak's ballad! I still prefer Chopin and Pasternak to that scholar, tolerant as I think I have become in the last dozen years, but the point I want to make concerns the essential and disturbing instability of humanistic discourse, doomed to oscillate between the extremes of science and artistry. The situation is aggravated by the age-old problem of the critic as *l'écrivain manqué*, which has been reinforced by the post-structuralist promotion of the critic over the writer. It is tempting to dismiss such claims as gratuitous, for in terms of pragmatic success, Khomeini-style discourse will always remain very stiff competition. But post-structuralism seems to have perfected the traditional Gogol-Belinskij correlation (where the critic merely reads things into the writer's works). Post-modernist writers like Borges, Michel Tournier, or Prigov have managed to incorporate and thus supersede the critic; they were reciprocated by critics like Barthes who succeeded in becoming writers of sorts in their own right. As a result, there emerged new synthetic genres on the borderline of literature and criticism (creating an atmosphere in which a former theoretician finds himself penning meta-stories by and about *профессор 3*).

And that's where this leaves Slavist literary-critical discourse today: open-ended, heteroglossal, Russian in the West, newly traditional, using freedom to insist on magic, mixing scholarliness with seduction, vying for popularity among the few – ours right or wrong.

March 1988 - May 1990
Santa Monica - Moscow - Santa Monica

St. Louis, Mo., Dec. 10, 1904.

Dear Mr. [Name obscured]

I have your letter of the 7th inst.

and am glad to hear that you

are still in the city.

I am sorry that I cannot

write you more fully at present.

I am, however, very truly

your friend,

Wm. [Name obscured]

Enclosed find [Name obscured]

and [Name obscured]

and [Name obscured]

and [Name obscured]

and [Name obscured]

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH SONDERBÄNDE

HERAUSGEGEBEN VON AAGE A. HANSEN-LÖVE UND
TILMANN REUTHER

Еще в продаже:

14. I.A. MEL'ČUK, A.K. ZHOLKOVSKY, Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka / Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian, 1984, 2. Auflage 1986, 992 S., öS 630.-, DM 90.-.
16. I.A. MEL'ČUK, Poverchnostnyj sintaksis russkich čislovych vyraženij, 1985, 509 S., öS 350.-, DM 50.-.
19. G. NEWEKLOWSKY / K. GAÁL, Totenklage und Erzähkultur in Stinatz, 1986, XLVII+315 S., öS 200.-, DM 28,50.
20. Mythos in der slawischen Moderne. Hamburger Kolloquium. Herausgegeben von W. Schmid, 1987, 421 S., öS 300.-, DM 42.-
21. Zabytyj avangard. Rossija - pervaja tret' XX stoletija. Sbornik teoretičeskich materialov. Hg. von Konstantin Kuz'minskij, Gerald Janeček und Aleksandr Očere-tjanskij, 1988, 335 S., öS 300, DM 42.-
22. J. FARYNO, Poëtika Pasternaka ("Putevye zapiski", "Ochrannaja gramota"), 1989, 316 S., DM 58.-
23. Marina Cvetaeva. Bibliografičeskij ukazatel' literatury o žizni i dejatel'nosti. 1910-1941 gg. i 1942-1962 gg. Sost. L.A.Mnuchin, 1989, 151 S., DM 35.-
24. Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Edited by John E.Malmstad, 1989, 212 S., DM 35.-
25. G. NEWEKLOWSKY, Der kroatische Dialekt von Stinatz. Wörterbuch, 1989, 220 S., DM 42.-
- 26.1. Ju.K. ŠČEGLOV, Romany I.II'fa i E. Petrova. Sputnik čitatel'ja, 2 toma, 1-yj tom, Vvedenie, Dvenadcat' stul'ev, 1990, 377 S., DM 48.-
- 26.2. Ju.K. ŠČEGLOV, Romany I.II'fa i E. Petrova. Sputnik čitatel'ja, 2 toma, 2-oj tom, Zolotoj telenok, 1991, ca 330 S., DM 48.-
27. B.M. GASPAROV, Poëtičeskij jazyk Puškina kak fakt istorii russkogo literaturnogo jazyka, (Anfang 1992), ca. 420 S., DM 65.-
28. I.P. SMIRNOV, O drevnerusskoj kul'ture, russkoj nacional'noj specifikke i logike istorii, 1991, 296 S., DM 42.-
29. V.N. TOPOROV, A.S. Puškin i "Goldsmithiana", 1992, ca. 250 S., DM 58.-
30. S.EL'NICKAJA, Poëtičeskij mir Cvetaevoj, 1991, 396 S., DM 65.-
31. Psychopoetik. Tagungsbeiträge München 1991. Herausgegeben von A. Hansen-Löve, 1992, 575 S., DM 75.-
32. Marina Cvetaeva. Stat'i i teksty. Herausgegeben von L.A. Mnuchin, 1992, 252 S., DM 60.-

Order from: A. Neimanis Buchvertrieb, Hans Sachs-Str. 10,
D-8000 München 5, Germany

